ЯЗЫКИ Китая и Юго-Восточной Азии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЯЗЫКИ КИТАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

4И
Я41

Ответственные редакторы
Н. Ф. АЛИЕВА, Ю. Я. ПЛАМ

Сборник содержит статьи лингвистов-востоковедов, специализирующихся в области изучения синтаксиса китайского языка и ряда языков Юго-Восточной Азии — бирманского, вьетнамского, индонезийского, кхмерского, тагальского, тайского и некоторых других. Сборник состоит из трех разделов («Словосочетания и синтаксические группы», «Простое предложение, его типы и члены предложения», «Сложное предложение»), в которых рассматриваются актуальные вопросы, имеющие принципиальное значение как для исследования синтаксической структуры названных языков, так и для развития типологических и сравнительно-исторических исследований на материале языков Востока.

7-1-4
221-70

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Ю. А. ГОРГОНИЕВ

СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ ЦЕПОЧКИ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

1.0. В настоящей статье будет рассмотрена основная структура глагольной цепочки в кхмерском языке — конституирующая часть глагольной группы. Основной будет считаться статистически наиболее частая структура, представленная последовательностями глаголов, не образующих пассивной или побудительной конструкции.

1.1. Под глагольной группой мы понимаем синтаксическое образование, включающее глагол с зависимыми от него элементами. Глаголы, которые связаны отношениями сочинения и между которыми не обнаруживаются отношения зависимости, приравниваются к одному глаголу (и определяются нами как одно место в цепочке). В этом последнем случае количество единиц, занимающих это место, может быть сокращено до одной без изменения грамматических связей в цепочке элементов, составляющих глагольную группу. Формальным признаком, по которому определяются глаголы, занимающие одно место в цепочке, служит их способность взаимоперемещаться в пределах этого места без изменения грамматических и смысловых связей группы и предложения в целом. Глагольная группа имеет свой ядерный член, который сосредоточивает в себе все общие (связанные с группой, а не ее отдельными членами) цепи зависимости.

1.2. Цепи зависимости могут тянуться от ядерного члена вправо и влево. Функциональные нагрузки членов группы, вводимых препозитивно и постпозитивно относительно ядерного члена, различны.

1.3. Кроме позиции (препозиция, постпозиция) относительно ядерного члена для определения функциональной нагрузки того или иного члена группы имеет значение также место в последовательности препозитивных или постпозитивных элементов. Каждое место имеет свою внутреннюю организацию, которая выражается в определенной общекатегори-

альной принадлежности слов, способных это место занимать, а также в особенностях маркировки (нулевая маркировка, наличие служебного слова конкретного разряда, та или иная форма слова).

1.4. Каждому месту в пределах глагольной группы соответствует определенная функциональная нагрузка. Одно место может быть занято одной единицей (одним словом), а также несколькими единицами. В последнем случае отношения между единицами могут быть как сочинительными, так и подчинительными. Подчинительные отношения формируют своего рода «местную» подгруппу с «местным» ядерным членом и его зависимыми членами. Такого рода подгруппа входит в глагольную группу через свой ядерный член, и «местные» подчинительные отношения, как правило, не влияют на структуру и организацию группы в целом. Некоторые члены глагольной группы имеют нулевую внутреннюю валентность, т. е. не способны образовывать «местных» цепей зависимости (нераспространимые члены), другие имеют ненулевую валентность, так как они способны образовывать «местные» цепи зависимости (распространимые члены).

1.5. Члены глагольной группы, относящиеся по общекатегориальному признаку к классу глаголов, составляют глагольную цепочку из ряда звеньев, эквивалентных соответствующим местам глагольной группы. Глагольная группа в отличие от глагольной цепочки включает неглагольные члены. Термин «место» употребляется здесь применительно к группе, термин «звено» — к цепочке.

1.6. Формальным признаком для выделения каждого звена цепочки служит сочетаемость глаголов между собой. Глаголы, которые между собой не сочетаются принципиально (не по смыслу) или сочетаются, давая сочинительную связь, составляют одно звено цепочки. Общее значение одного звена является отвлеченным значением данного звена.

1.7. Количество мест глагольной группы и звеньев глагольной цепочки ограниченно. Совокупность всех возможных звеньев образует максимальную цепочку. Практически чаще встречаются цепочки с тем или иным количеством пропусков (редуцированные цепочки). Можно считать, что в редуцированных цепочках пропуски соответствуют звеньям, выраженным нулем.

1.8. В наиболее общем виде глагольная группа может быть представлена следующим образом:

$$\text{ПрЗЧ}_n \leftarrow \text{ЯЧ} \rightarrow \text{ПтЗЧ}_n,$$

где ЯЧ — ядерный член, ЗЧ — зависимый член, Пр — препозитивный, Пт — постпозитивный, n — количество членов.

1.9. Структура ядерного члена и глагольных зависимых членов, количество основных звеньев в максимальной цепоч-

ке, функциональные нагрузки и конкретные особенности отдельных звеньев составляют предмет исследования настоящей статьи.

2.0. Ядерный член выделяется в составе глагольной цепочки, поэтому прежде всего необходимо определить состав всей цепочки.

2.1. Для определения глагольной цепочки максимального состава предлагается проделать две операции:

1) выделить из текста, достаточно представительного по материалу, возможные в языке типы бинарных глагольно-глагольных сочетаний;

2) поместить полученные бинарные глагольно-глагольные сочетания в одну сетку, учитывая сочетаемость членов биномов и порядок их расположения; спроецированная в нижний ряд сетки последовательность глагольных членов составит искомую цепочку.

2.2. Для анализа были использованы тексты современных кхмерских романов, учебных пособий для кхмеров, сборников фольклора (общим объемом 3,5 тыс. страниц) и периодики (выборочно за 1958—1966 гг.).

2.3. Анализ текстов позволил выделить следующие основные группы, объединяющие члены бинарных сочетаний: 1) модальные глаголы, например: *а:ть*, 'мочь', *трэу* 'долженствовать'; 2) недостаточные глаголы начала действия, например: *тьап, танг* 'начинать'; 3) глаголы прекращения действия, например: *чуоп* 'переставать', *лэ:нг* 'бросать', 'прекращать'; 4) глаголы намерения, например: *тьанг* 'хотеть', *риеп* 'намереваться', *па:нг* 'задумывать', *пра:тхна:* 'желать'; 5) глаголы конкретизирующего действия, например: *реау* 'искать на ощупь', *самлэнг* 'пристально смотреть'; 6) глаголы общего действия, например: *мэ:ль* 'смотреть', *дам* 'сажать' (растения); 7) глаголы с общим значением направляться (*самдау, дамранг*); 8) глаголы направленности по вертикали (*лаэнг* 'подниматься', *тьох* 'спускаться'); 9) глаголы направленности по горизонтали (*тьо:ль* 'входить', *тьень* 'выходить'); 10) глаголы ориентации (*тэу* 'уходить', *мо:к* 'приходить'); 11) глаголы, выражающие действие и его результат, например: *тьап* 'заканчивать', *кхэн:ь* 'видеть', *тьаоль* 'бросать', *бат* 'исчезать'; 12) глаголы-частицы возможности действия (*ба:н, каэт, руоть*); 13) служебный глагол[1] действия в пользу какого-либо лица (*аой*);

[1] Служебными мы называем глаголы, не имеющие собственного лексического значения и не способные употребляться отдельно без другого глагола; недостаточными называем глаголы, имеющие лексическое значение, но также не способные употребляться отдельно; глаголами-частицами называем глаголы, выполняющие лишь грамматическую функцию, но способные употребляться отдельно (например: *ба:н* 'можно', *мын ба:н* 'нельзя').

14) глаголы со значением попытки совершения действия (*ло:, ло:-мэ:ль*).

2.4. Модальные глаголы характеризуются следующим: не имеют глагольных членов слева (кроме глаголов желания), не употребляются без других глаголов; глаголы, вступающие с ними в бинарные сочетания, располагаются справа, например: *а:ть тхвэ:* 'может сделать'; *трэу тхвэ:* 'должен сделать'. Модальные глаголы сочетаются с полнозначными глаголами любой из перечисленных выше групп, располагающихся справа, а глаголы желаний принимают модальные глаголы и справа, и слева. Таким образом, комбинационные возможности группы 1 можно представить следующим образом:

4—1—3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14

2.5. Глаголы начала действия вступают в бинарные сочетания только с глаголами справа в следующей дистрибуции:

2—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10

Способность вступать в бинарные сочетания исключительно с глаголами справа и определяет недостаточность глаголов этой группы. С глаголами групп 1 и 4 глаголы этой группы могут выступать только в составе бинарных сочетаний, например: *тьанг — тьап — тхвэ:* 'хотеть начать делать'.

2.6. Глаголы прекращения действия в качестве членов бинарного сочетания слева принимают глаголы групп 1, 2, 4, справа — все знаменательные глаголы и глаголы-частицы:

1, 2, 4—3—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14

2.7. Глаголы желания могут вступать в бинарные сочетания с глаголами группы 1, располагаемыми как слева, так и справа, со знаменательными глаголами и глаголами-частицами группы 12, располагаемыми только справа:

1, 3—4—1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10 11, 12, 14

2.8. Глаголы конкретизации действия выступают чаще всего в комбинациях с глаголами общего действия, образуя с ними нестойкие окказиональные слова, например: *реау-ро:к* 'искать на ощупь' (*реау* 'искать на ощупь', *ро:к* 'искать'), *самлэнг-мэ:ль* 'пристально смотреть' (*самлэнг* 'пристально смотреть', *мэ:ль* 'смотреть'). Их дистрибуция такая же, как у глаголов общего действия:

1, 2, 3, 4—5, 6—7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14

2.9. Глаголы общего действия слева принимают глаголы групп 1—5, справа — групп 7—14:

1, 2, 3, 4—5, 6—7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14

2.10. Глаголы направленности образуют две пары: а) глаголы направленности по вертикали: вверх — вниз (*лаэнг* 'подниматься', *тьох* 'спускаться') и б) глаголы направленности по горизонтали: наружу — внутрь (*тьень* 'выходить', *тьо:ль* 'входить'). Глаголы первой пары вступают в бинарные сочетания с глаголами второй пары, например: *тьох тьень* 'спускаться на выход', *лаэнг тьо:ль* 'подниматься внутрь'. Глаголы направленности образуют бинарные сочетания, принимая: слева — глаголы групп 1—7, справа — глаголы групп 10—14:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7—8—9—10, 11, 12, 13, 14

2.11. Глаголы группы 7 практически ограничены в комбинационных валентностях:

1, 2, 3, 4, 6—7—10, 12, 14

2.12. Глаголы ориентации действия образуют сочетания, принимая: слева — глаголы групп 1—9, справа — глаголы групп 11—14:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9—10—11, 12, 13, 14

2.13. Глаголы со значением результата действия образуют бинарные сочетания с глаголами групп 1—10, располагаемых слева, и групп 10, 12—14, располагаемых справа.

2.14. Глаголы трех последних групп располагаются в порядке — 13—14—12 и, как видно, образуют бинарные сочетания с глаголами других групп только слева от себя.

2.15. Описанные выше комбинационные валентности не всегда распространяются на ту или иную группу целиком; зачастую они распространяются только на часть группы. Важную роль в реализации этих валентностей играет смысловая подборка. Так, далеко не любой глагол общего действия сочетается с глаголами направленности, не любой глагол общего действия соединяется с результативными глаголами и т. д.

2.16. Все глаголы описанных выше групп распадаются на три слоя:

1) глаголы, строго ограниченные количественно (группы 8, 9, 10, 12, 13);

2) глаголы, практически ограниченные количественно, хотя количественно их круг не очерчен строго (группы 1, 2, 3, 4, 11, 7, 14);

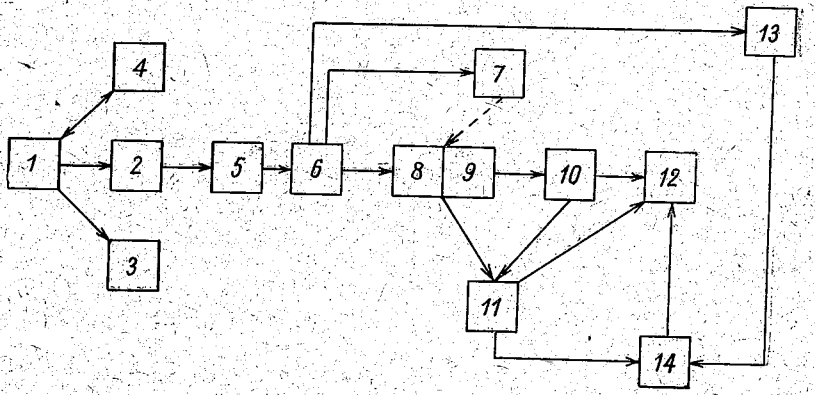
3) глаголы, не имеющие количественной ограниченности (группы 5, 6).

2.17. Общая валентность в пределах выделенных 14 групп сведена в сетку в табл. 1.

Таблица

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—
2	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—
3	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	—	—	+	—	+	+	—	+	+	+	+	+	—	—
5	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+
6	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+
7	—	—	—	+	+	+	—	+	+	+	—	+	+	+
8	+	+	+	+	—	+	—	—	+	+	+	+	+	+
9	+	+	+	+	—	+	—	—	—	+	+	+	+	+
10	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+
11	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	—	+	+	+
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

2.18. Материал показывает, что соединения глаголов в цепочки не составляют одной линейной последовательности, а строятся многоярусно, что можно представить следующим образом:

Примечание. Сплошные стрелки показывают возможные направления цепочки, прерывистая — маловероятное направление.

3.0. Глаголы различных групп неравноценны не только в количественном отношении. Для кхмерского языка очень важен также фактор заполненности — незаполненности определенных звеньев цепочки.

3.1. Для реализации модального значения глаголов первой группы *а:ть* и *трэу* необходима заполненность звена справа. В противном случае *а:ть* 'мочь' не может функционировать, а звуковой комплекс *трэу* будет воспринят не как модальный глагол 'должен', а как прилагательное 'правильный'.

3.2. Глаголы начала действия *тьап* и *танг* также требуют заполнения звена справа. При несоблюдении этого условия звуковой комплекс *тьап* будет воспринят как глагол 'хватать', а *танг* — 'устанавливать'.

3.3. Глаголы прекращения действия без заполнения звена справа неполны по смыслу. То же самое можно сказать и о глаголах намерения.

3.4. Глаголы конкретизации действия чаще всего встречаются в условиях заполненного звена справа. Если в случаях, отмеченных выше, речь шла о требовании бинарного сочетания, то здесь мы имеем дело как бы с «просьбой» о таком сочетании.

Глаголы общего действия не требуют бинарного сочетания.

Четкое деление групп 5 и 6 можно провести не во всех случаях. Так, глагол со значением «ходить» может выступать и как глагол общего действия (*неалека: даэ* 'часы ходят'; *бэхдо:нг даэ* 'сердце бьется'), и как глагол, совмещающий значения общего и конкретизирующего действия (*даэ дамранг тэу пху:м* 'пешком направляться прямо в деревню').

3.5. Явление совмещения функциональных нагрузок нескольких звеньев в условиях их частичной заполненности составляет специфическую особенность глагольной цепочки в кхмерском языке.

Глаголы групп направленности, ориентации и результата являются как раз такими глаголами, которые способны совмещать функциональные нагрузки разных звеньев.

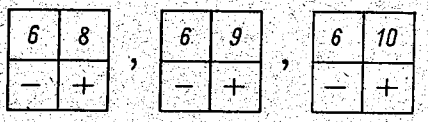
3.6. В сочетаниях глагола общего или конкретизирующего действия с глаголом направленности или ориентации последние частично утрачивают свое глагольное значение, приобретая функции показателей значений направленности и ориентации. Этот факт доказывается, по-первых, количественной ограниченностью глаголов направленности (два плюс два) и ориентации (два) в противовес теоретически неограниченному количеству глаголов общего и конкретизирующего действия, во-вторых, большой частотностью их употребления (количественная ограниченность и большая частотность

употребления характерны, как известно, именно для служебных и полуслужебных элементов языка).

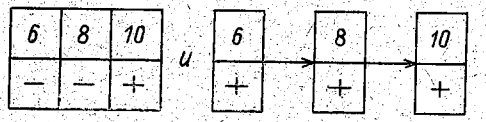
Кроме того, глаголы ориентации настолько утратили знаменательные значения и развили служебные, что постоянно употребляются в контекстах, вообще исключающих представление о пространственном перемещении. Из глаголов направленности *лаэнг* в позиции справа от предикатива приобрел значения показателя начинательности (при глаголах) и интенсификации качества (при прилагательных).

Наконец, оформление принимает левый, а не правый глагол в цепочке. Ср.: *даэ тьень тэу* 'выходить (туда)' — ба:н *даэ тьень тэу* 'вышел (туда)' — кампунг *даэ тьень тэу* 'выходит (туда)' — нынг *даэ тьень тэу* 'выйдет (туда)'.

Однако при отсутствии глагола общего или конкретизирующего действия соответствующий глагол направленности или ориентации совмещает функциональные нагрузки своего звена и звена глагола общего действия, что можно представить следующими фигурами:

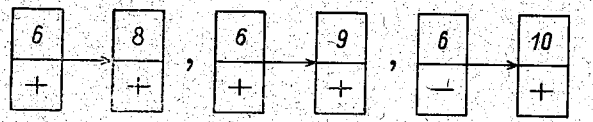
Эти фигуры представляют особые сложные сдвоенные звенья, в отличие от следующих:

В этих фигурах два звена соединены связью, которую можно отнести к типу подчинительных: значение действия выражено в левом звене, а назначение правых звеньев состоит в уточнении характера этого действия.

В сдвоенных звеньях глаголы, выражающие в полной цепочке лишь характер действия, в неполной цепочке выражают и самое действие. Операция приведения к нулю левого звена восстанавливает значение действия в правом звене.

Можно поставить вопрос о существовании более чем сдвоенных звеньев, например строенных, ср.:

Приведение к нулю (или, практически, отсечение) левого звена с восстановлением значения действия правого звена является формальной операцией для выявления одного из специфических для кхмерского языка сложных звеньев глагольной цепочки.

3.7. Глаголы возможности действия реализуются лишь в позиции справа от другого глагола (из них *руоть* и *каэт,* как правило, выступают лишь при отрицании возможности, а *ба:н* встречается и в утвердительных, и в отрицательных конструкциях, ср.: *ба:н* 'получать' и *са:се ба:н* 'могу написать'; *руоть* 'избавляться' и *даэ мын руоть* 'не могу идти'; *каэт* 'рождаться' и *тхвэ: мын каэт* 'не могу сделать').

Точно так же ведет себя и *аой* — показатель действия в пользу какого-либо лица: *аой* 'давать' — *са:се: аой* 'писать вместо кого-либо, за кого-либо, для кого-либо'.

3.8. Рассмотренные данные позволяют разделить все глаголы — элементы цепочки — на три разряда:

1) глаголы, предполагающие обязательную бинарность, с подразрядами: а) позиционно обусловленные (глаголы начала, возможности), б) позиционно связанные (глаголы желания, прекращения действия);

2) глаголы, не предполагающие обязательной бинарности (глаголы общего действия, конкретизирующего действия);

3) глаголы, сохраняющие свои значения, но выполняющие разные синтаксические функции в составе бинарных оппозиций определенных типов и вне их (глаголы направленности, ориентации, результата).

4.0 Для выделения ядерного члена глагольной цепочки представляется необходимым опереться на следующие моменты:

1) ядерный член должен обладать денотативным значением; этим положением из операции исключаются члены цепочки, не имеющие денотативного значения (служебные элементы);

2) ядерный член должен обладать синтаксической самостоятельностью, под которой здесь понимается способность употребляться вне бинарных сочетаний; это положение исключает из операции те члены цепочки, которые употребляются только в бинарных сочетаниях (несамостоятельные и служебные глаголы);

3) ядерный член должен обладать способностью к оформлению. Это положение позволяет выделить среди элементов с денотативным значением (группы 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 14) группы 5 и 6, которые, выступая в качестве крайнего левого звена цепочки, принимают контактное оформление (каждый порознь или вместе как окказиональное слово), а члены других групп в этом случае оформления не принимают (послед-

ние способны оформляться только при нулевом выражении левых звеньев, т. е. в составе сложных, например сдвоенных, звеньев). Если же левее звеньев, заполненных глаголами с денотативным значением, есть глаголы других групп, то глаголы с денотативным значением могут иметь форму инфинитива. Таким путем ядерное звено отграничивается от левого и правого звеньев;

4) ядерный член должен обладать признаком неразрывности, что предполагает и его цельнооформленность. По этому признаку глаголы групп 5, 6, 7 объединяются в комплексы (5+6 и 6+7), представляющие собой единые нечленимые цельнооформленные ядерные члены. Глаголы групп 8, 9, 10, 11, 14 могут отделяться от глаголов групп 5, 6, 7 и по этому признаку не считаются оформленными вместе с глаголами этих трех групп, которые получают те или иные грамматические показатели, непосредственно примыкающие к глаголу [сюда не входят грамматические показатели, способные занимать дистантные позиции — после членов глагольной группы неглагольной принадлежности; к контактным показателям относятся, например, *нынг* (показатель будущего времени), *ба:н* (показатель завершенного вида); к показателям, способным занимать дистантные позиции, относится, например, *лаэнг* (показатель начинательного вида, который может занимать позицию после дополнений)].

5.0 Таковы в общих чертах основные характеристики глагольной цепочки в кхмерском языке. Более углубленное исследование позволит выделить большее количество звеньев цепочки и выявить более сложные взаимоотношения между ними. Следует подчеркнуть, что в настоящей статье сознательно не брались в расчет побудительная и пассивная конструкции и всякого рода сложные структуры с глагольными оборотами типа *йо:к... тэу...* (инструментальный оборот), *ньанг... аой...* (каузативный оборот) и т. д. Глаголы общего действия не разбивались на подгруппы по их способности присоединять после себя имена, соединяться с глаголами направленности и т. д. и т. п. Словом, реальная картина в языке гораздо сложнее картины, нарисованной в данной статье, где анализируется лишь основной механизм образования цепочек: выделение отдельных групп глаголов, соединение их в цепочку, в которой каждое звено имеет свою валентность, свою сферу действия, причем последняя определенным образом меняется в зависимости от заполненности — незаполненности правых и левых звеньев.

Ю. Х. СИРК

СТРУКТУРА ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развернутое предложение в индонезийском языке можно представить в виде некоего построения, составленного из «блоков». Эти блоки состоят из слов, объединенных тесными синтаксическими связями, они не могут разрываться, порядок слов внутри них фиксированный либо допускает лишь некоторое варьирование. В то же время целые блоки могут во многих случаях переставляться в предложении без коренного изменения смысла и, по-видимому, синтаксических связей.

Учитывая эти особенности синтаксиса индонезийского языка, очень важным представляется описание линейно непрерывных единств, которые объединяются определенными синтаксическими связями в составе предложения. Мы предлагаем для них термин «группа».

Группа — это отрезок предложения, который (1) не прерывается элементами[1], имеющими синтаксические связи с какими-нибудь частями данного предложения вне этого отрезка (но может иметь включения типа вводных слов), и (2) в то же время содержит все подчиненные[2] элементы, входящие в данный отрезок.

Группу с подчиненными элементами называем развернутой группой. Вопрос о строении группы может рассматриваться только в применении к развернутым группам, поэтому определение «развернутая» в дальнейшем в ряде случаев будем опускать.

В предложении группы располагаются иерархически: внутри развернутой группы в свою очередь выделяются группы (т. е. подчиненный член группы в свою очередь образует группу). Например, в предложении *Lama aku*

---

[1] Под элементом имеем в виду знаменательное слово (одно или в сочетании с примыкающими к нему служебными словами), или какое-нибудь единство (например, придаточное предложение), которое на данном уровне анализа приравнивается к знаменательному слову.

[2] Понятие подчинения оставляем без строгого определения. Считаем существенными оба обычно учитываемых признака: а) возможность опущения подчиненного элемента и б) сужение последним значения подчиняющего. Может случиться, что этих критериев окажется недостаточно. Однако надо иметь в виду, что вхождение в группу элементов, которые не сужают значения ядра группы, а представляют собой добавочное замечание (при условии, что они не имеют синтаксических связей вне группы), не противоречит единству последней.

memandangi dunia kanak-kanak-itu (ТМ, 242) 'Долго я рассматривал этот детский мирок' можно выделить следующие группы (их границы обозначены вертикальной линией):

Lama | aku | memandangi dunia | dunia kanak-kanak itu | kanak-kanak itu | kanak-kanak | itu

Образовывать группу могут все знаменательные слова. Строение группы в случае ее развертывания зависит в первую очередь от синтаксических свойств слова, находящегося в ее ядре. Этим оправдывается классификация развернутых групп по классной принадлежности ядерного слова: группа существительного, группа глагола (или шире: группа предикатива) и т. д.

Синтаксические свойства слова, однако, не исчерпываются его отнесенностью к той или иной части речи. Поэтому и детальная классификация развернутых групп по структурным признакам сложнее, чем система частей речи.

В частности, не все существительные образуют группы одинакового строения. Различаются группы, образованные нарицательным существительным и образованные собственным именем.

Некоторую аналогию с группами, в которых функцию ядра выполняет существительное, являют группы с субстантивированным прилагательным (например, *beratnja* 'тяжесть'), личным местоимением и просубстантивной группой с *jang* в качестве ядра (подробнее о группе с *jang* см. нашу работу: [2][3]).

Существуют группы, обладающие признаками и группы существительного, и группы глагола. Такой характер носят группы, в которых ядром служит корневое слово, вводящее прямую речь: *kata, udjar* 'сказал' и т. п. Например, в группе *...katanja dengan marah* '...сказал он сердито' один из зависимых элементов — энклитическое местоимение *-nja* — по способу введения уподобляется члену группы существительного, а другой — *dengan marah* 'сердито' — члену группы глагола.

Группа существительного в индонезийском языке отличается от группы глагола бо́льшим постоянством своего состава: элементы, подчиненные существительному, практически

[3] Здесь, как и в других статьях сборника, в квадратных скобках даются ссылки на упоминаемые или цитируемые работы, перечень которых приводится в конце каждой из статей под заголовком «Список литературы». Первая цифра указывает на номер работы в «Списке литературы», следующая цифра, отделенная от первой запятой,— на страницы. Когда дается ссылка одновременно на несколько работ, то их номера (вместе с цифрой, обозначающей страницы, если они указываются) отделяются друг от друга точкой с запятой.

всегда (за исключением очень редких в этом языке дистантных определений [4]) входят в группу, в которой это существительное составляет ядро. (В глагольной группе положение иное: в частности, в нее входят беспредложные дополнения, а предложные дополнения могут располагаться дистантно.)

Настоящая статья посвящена описанию структуры развернутой группы существительного (далее сокращенно — ГС) с нарицательным существительным в качестве ядра.

Виды определений

Подчиненные элементы ГС — будем называть их определениями — очень разнообразны как по реализации, так и по способам введения. Реализовать такой элемент могут полнозначные слова практически всех лексико-грамматических разрядов, а также местоимения, включая энклитические варианты личных местоимений.

Слово, подчиненное существительному, в свою очередь может подчинять другие слова, образуя развернутую группу, которая выполняет функцию определения.

Все эти определения разной реализации могут вводиться без служебных элементов. При этом их синтаксическая функция определяется порядком слов, а в ряде случаев также смысловой сочетаемостью и контекстом (более широким). Но очень часто определения вводятся служебными словами, из которых для строя ГС особое значение имеют относительное служебное слово *jang* и предлоги.

Следует отметить возможность построения параллельных конструкций, в которых тот или иной зависимый элемент ГС может при одной и той же реализации вводиться либо примыканием, либо служебным словом, причем эти две конструкции обнаруживают большую семантическую близость. Например, прилагательное, выражающее качественное определение, либо непосредственно следует за существительным, либо отделяется от него словом *jang: kebun indah* или *kebun jang indah* 'красивый сад'. Семантическое различие между этими конструкциями, если оно вообще проявляется, не препятствует рассмотрению определений, выраженных одним прилагательным или сочетанием «*jang* + прилагательное», как одной единицы описания. Однако данные разновидности определения различаются по своим позиционным возможностям в ГС.

Сочетание «*jang* + прилагательное» может следовать за самыми различными зависимыми элементами этой группы, например за беспредложным относительным (притяжатель-

4 Пример дистантного определения: *Pada siangnja ia memberikan* uang itu (1) *kepada Johan* jang didapatnja dari Lukas (2) (MB, 80) 'Днем он вручил Иохану *те деньги* (1), *которые получил у Лукаса* (2)'.

ным) определением и за указательным местоимением: *kebun ajah jang indah* 'красивый сад отца'; *kebun ini jang indah* 'этот сад, который (к тому же) красив'. Позиционные возможности подчиненного прилагательного без *jang* в ГС гораздо более ограниченны: построение *kebun ajah indah* в значении 'красивый сад отца', по-видимому, в каких-то случаях и возможно, но оно нехарактерно для литературного языка; употребление *kebun ini indah* как ГС несомненно исключено. В то же время в отношении позиционных возможностей сочетание «*jang* + прилагательное» в ГС в основном совпадает с другими группами, вводимыми данным служебным словом (*jang*), которые по структуре очень разнообразны [некоторые примеры: *jang sudah pergi* 'который уже ушел'; *jang disambut oleh tuan rumah* 'который принимается (был принят и т. д.) хозяином'; *jang diluar kota* 'который находится (находился и т. д.) вне города'; *jang pandjang kakinja* 'у которого ноги длинные']. Поэтому при описании структуры ГС нецелесообразно рассматривать прилагательное и сочетание «*jang* + прилагательное» как определения одного типа даже там, где *jang* могло бы быть опущено без значительного изменения смысла и стилистической окраски, без ущерба для литературной правильности речи. Наоборот, целесообразно объединить сочетания «*jang* + прилагательное» с группами иного состава, вводимыми этим служебным словом, в особую единицу описания — группу с *jang*.

Для более точного отражения языковых фактов наша классификация определений основывается на учете комплекса признаков. Исходя из тех же соображений, которые были изложены выше в отношении слова *jang*, будем относить зависимые элементы ГС, которые вводятся различными средствами (примыканием, словом *jang*, предлогами), к разным типам определения независимо от возможной одинаковой реализации их знаменательных частей. Возможность введения тех или иных служебных элементов используем в качестве трансформационного признака, помогающего разбить примыкающие определения на отдельные структурные типы.

Препозитивные определения

Препозитивные определения в индонезийском литературном языке не очень разнообразны. К ним относятся прежде всего зависимые элементы со значением количества.

Позиция перед существительным является нормальной позицией основных (так называемых количественных) числительных (например: *tiga golongan* 'три группы'), объединяющих числительных с префиксом *ke-* (*kelima murid* 'пятеро учеников') и ряда слов, по грамматическим свойствам более или менее сближающихся с объединяющими числительными

(*semua perempuan* 'все женщины'; *seluruh kota* 'целый город'; *banjak ajam* 'много кур'; *tjukup makanan* 'достаточно еды' и т. д.). Правда, некоторые из слов последнего разряда могут образовать и постпозитивные определения.

С большинством существительных основные числительные обычно соединяются посредством счетных слов, которые отчасти сохраняют свойства существительного. К счетным словам основное числительное присоединяется спереди. Сочетание «основное числительное + счетное слово» в современном языке образует препозитивное определение к существительному аналогично одному числительному (*tiga ekor andjing* 'три собаки', ср. *tiga golongan* 'три группы'), хотя такое определение возможно и в постпозиции (*andjing tiga ekor* 'три собаки'; об этих определениях см. далее).

Кроме перечисленных разрядов слов со значением количества имеется еще несколько слов, которые, обозначая признак предмета, стоят перед существительным: *bekas* 'бывший', *bakal* 'будущий', *sesama* 'подобный, со-', *almarhum, mendiang* 'покойный' (например: *bekas pemimpin* 'бывший руководитель', *sesama manusia* 'собрат-человек'). Почти все эти слова употребляются также как обыкновенные существительные, хотя в указанных сочетаниях значение некоторых из них сильно модифицируется (например, *bekas* обычно значит 'след'). Рассмотрение такого слова в позиции перед существительным как подчиненного элемента (т. е. решение о направлении подчинительной связи), по-видимому, более или менее условно.

Препозитивное притяжательное определение с послелогом *punja* встречается в разговорном языке, а в литературном — только как результат влияния просторечия: *kitapunja bedil dan meriam* (MP, 30) 'наши винтовки и орудия'.

Препозитивное употребление указательных местоимений *itu* и *ini* (например: *ini kebun* 'этот сад'), характеризовавшее в особенности так называемый китайско-малайский говор, в литературном языке не имеет места.

Очень редко препозитивное определение образуется группой с *jang*: *jang hebat perkelahian* (MS, 88) 'ожесточенная битва' (вместо «правильного» *perkelahian jang hebat*).

Сочетание нескольких препозитивных определений в одной ГС в наших примерах из литературного языка не засвидетельствовано.

Постпозитивные определения

Постпозитивные определения отличаются от препозитивных в первую очередь своим разнообразием. Они очень часто сочетаются друг с другом, причем число постпозитивных определений, относящихся к одному определяемому, может

доходить до четырех-пяти. Взаимное расположение постпозитивных определений регулируется довольно сложными правилами, которые еще мало изучались и описывались. В числе факторов, влияющих на это расположение, следует назвать: а) структурные типы определений; б) степень распространенности, «развернутости» каждого из них; в) смысловую сочетаемость слов. Нередко важна и вся длина постпозитивной цепочки определений.

По-видимому, следует различать основные (нейтральные) варианты расположения определений и дополнительные варианты.

Дополнительные варианты реализуются в тех случаях, когда семантика слов, входящих в данный отрезок ГС, делает взаимную связь их маловероятной и тем самым становится очевидным, что каждое из этих слов независимо друг от друга связано с ядром группы. Эти обстоятельства затрудняют составление матриц сочетаемости постпозитивных определений.

В данной работе в качестве предварительной и весьма схематичной классификации постпозитивных определений предлагаем выделять два разряда: А и Б. Это деление базируется на некоторых характерных дистрибутивных признаках типов определений. К разряду А относим те определения, которые не могут следовать за предметным именным определением (см. далее) или следуют за ним в литературном языке лишь в редких случаях. К разряду Б относятся определения, для которых позиция после предметного именного определения является вполне нормальной. В целом определения разряда Б могут следовать за определениями разряда А (хотя не любой тип определения из разряда Б может следовать за любым типом определения из разряда А). Схематически это можно изобразить так:

(ядро группы) А — Б

Схема (ядро группы) Б — А почти исключается.

Определения разряда А

Все определения этого разряда вводятся без служебных слов[5].

Одним из важнейших типов определений разряда А является адъективное определение, которое выражается прилагательным. Это определение характеризуется следующими признаками. Если трансформировать атрибутивную

[5] Исключение составляет энклитика *-nja,* которая может следовать после определяемого при притяжательном определении (например: *kebun-nja ajah* 'сад отца'). Встречается эта конструкция преимущественно в разговорном языке.

конструкцию в предложение так, чтобы определение превратилось в сказуемое, а определяемое — в подлежащее, то смысловое соотношение предмета и признака будет сохранено. Например: *kebun indah* 'красивый сад' — *Kebun (ini, itu) indah* '(Этот, тот) сад красив'. Адъективное определение также способно трансформироваться без значительного изменения смысла в атрибутивную группу с *jang*: *kebun indah* ~ *kebun jang indah* 'красивый сад'.

Глагол, один или вместе с подчиненными элементами, образует два различных типа определений. Из них, без всякого сомнения, к разряду А относится один тип — субъектно-отнесенное глагольное определение, которое по своей семантической характеристике и трансформационным возможностям сходно с адъективным определением [6]. Например: *ajam bertjakar-tjakaran* 'дерущиеся петухи' — *Ajam (ini, itu) bertjakar-tjakaran* '(Эти, те) петухи дерутся'; *ajam jang bertjakar-tjakaran* 'дерущиеся петухи'.

К разряду А относится также большинство определений, выраженных существительным или личным местоимением, вводимым без служебного слова, одним примыканием. Рассмотрим сначала существительное в этой роли.

В ряде случаев существительное обозначает (денотирует) какой-то предмет, который находится в том или ином отношении (чаще в отношении обладателя) к предмету, обозначаемому определяемым: *kebun ajah* 'сад отца'; *achir bulan* 'конец месяца'. В других случаях предметность в значении существительного-определения не ощущается, и семантическое содержание его может характеризоваться лишь как обозначение признака: *kebun pisang* 'банановый сад'; *kedaulatan negara* 'государственный суверенитет' [7].

Если субстантивное определение, обозначающее какой-то предмет, ведет себя как полноценное существительное и может принимать всевозможные определения, то при субстантивном определении, лишенном значения предметности, определения второго ранга (т. е. определения к определению), как правило, невозможны [8].

Примыкающее субстантивное определение со значением предметности может сочетаться с примыкающим субстантивным определением, лишенным значения предметности, например: *kebun pisang ajah* 'банановый сад отца'.

---

[6] Эти типы определения не всегда легко разграничить из-за отсутствия четкой грани между прилагательным и глаголом в индонезийском языке.

[7] Кроме того, существительное-определение может обозначать (денотировать) тот же предмет, что и существительное-определяемое. Тогда имеем дело с аппозитивным определением, которое относим к разряду Б.

[8] Существительные, обозначающие широкое родовое понятие, могут иметь при себе определение, уточняющее вид (например: *kebun pisang radja* 'сад бананов сорта «раджа»').

Указанные признаки могут служить для дифференциации двух разновидностей постпозитивных определений, выражаемых примыкающим существительным [9]:

1. Определения, за которыми следует или может быть вставлено относящееся к тому же определяемому примыкающее субстантивное определение со значением предметности или притяжательное определение, выраженное личным местоимением.

2. Определения, не допускающие такого сочетания.

Определения первой разновидности, как правило, не могут быть распространенными. Значение предметности у них отсутствует или слабо выражено.

Определения второй разновидности выражаются существительным, которое полностью сохраняет значение предметности и может иметь при себе любые определения второго ранга.

Чаще всего такое определение обозначает обладателя предмета, выраженного определяемыми; по семантической классификации это притяжательное определение (например: *kebun ajah* 'сад отца'). Однако не всегда притяжательный оттенок явен, например: *achir bulan* 'конец месяца'; *masalah Irian Barat* 'вопрос о Западном Ириане'. При отглагольном существительном в роли определяемого определение может иметь значение объекта или субъекта действия.

Средства выражения определений, близких к двум рассмотренным разновидностям, не ограничиваются существительным.

Для уяснения основных черт структуры группы существительного имеет большое значение следующее обстоятельство. С определениями второй разновидности по позиционным возможностям в целом сходны определения, выраженные личным местоимением (в самостоятельной или энклитической форме), местоимением *siapa* (в значении 'чей') и дериватами последнего [10]. Субстантивные определения второй разновидности и указанные местоименные определения не сочетаются друг с другом при одном определяемом. Это позволяет считать, что они находятся между собой

---

[9] Этим мы не хотим сказать, что всегда можно однозначно определить тип постпозитивного примыкающего субстантивного определения. Наоборот, если при определяемом имеется только одно постпозитивное примыкающее субстантивное определение, то отнести его к какому-нибудь из выделяемых нами типов не всегда легко.

[10] Перечисленный ряд местоимений не вполне гомогенен по комбинаторным возможностям в ГС. В частности, от самостоятельных местоимений отличаются энклитические местоимения *-ku, -mu, -nja* (*-nja* привлекается только в его основной функции — функции выражения принадлежности специально не называемому в данной ГС предмету третьего грамматического лица: «его», «ее», «их»). Но эти различия, очевидно, имеют в данном случае второстепенное значение.

в парадигматическом соотношении, и объединить их в один тип определения — предметное именное определение. Данный тип представлен в группах: *kebun* ajah 'сад *отца*' — *kebun* saja или *kebun*ku '*мой* сад' — *kebun*nja '*его* сад' — *kebun* siapa '*чей* сад'.

Первая разновидность постпозитивного примыкающего субстантивного определения составляет ядро непредметного именного определения. Кроме существительных этот тип определения могут выражать некоторые корневые слова, обладающие свойствами и существительного, и глагола (например: *sjarat*[2] *hidup* 'условия жизни' и 'жизненные условия').

Правила сочетаемости и аранжировки определений разряда А сводятся в основном к следующему:

1. Непредметное именное определение следует за определяемым.

2. Адъективное и субъектно-отнесенное глагольное определение могут следовать за непредметным именным определением, например: *kebun pisang ketjil* 'маленький банановый сад'. При сочетании адъективного и субъектно-отнесенного глагольного определений второе следует за первым, например: *bangku usang diperbuat dari kaju* (MR, 126) 'ветхая скамейка, сделанная из дерева'.

3. Предметные именные определения всех реализаций часто следуют за непредметным именным определением, например: *kebun pisang ajah* 'банановый сад отца'.

4. При сочетании предметного именного определения с адъективным определением (а также с субъектно-отнесенным глагольным определением) оно следует за последним. Предметное именное определение может выражаться местоимением: *bahasa asing mereka* 'их чужой язык', и существительным, например: *perahu*[2] *ketjil nelajan* (TM, 12) 'маленькие лодки рыбаков'. Группа второго типа в современном индонезийском литературном языке малоупотребительна. Вместо нее прибегают к соотносительной конструкции, где прилагательное или глагол входит в группу с *jang*. Например, значение 'красивый сад отца' чаще передается не группой *kebun indah ajah*, а *kebun ajah jang indah* (см. ниже).

5. В нарушение предыдущего правила в литературном языке изредка встречаются группы, в которых адъективное определение следует за предметным именным определением, выраженным личным местоимением, например: *anakku manis* (TM, 46) 'мой милый ребенок'.

Определения разряда Б

К разряду Б, как было сказано выше, относятся определения, которые могут следовать за определениями разряда

А и для которых, притом, эта позиция является преобладающей [11].

Важнейшие типы определений в этом разряде следующие:

(а) определение, выраженное атрибутивной группой с *jang* [12];

(б) определение, выраженное предложным сочетанием, т. е. сочетанием группы существительного или местоимения с предлогом;

(в) определение, выраженное наречным словом (*sekarang* 'теперь', *dahulu* 'раньше' и др.);

(г) определение, выраженное группой глагола или двусоставным придаточным предложением, вводимыми предлогом или союзом;

(д) определение, выраженное местоимением *itu* 'тот', *ini* 'этот';

(е) определения, выраженные неопределенно-количественным словом [*semua(nja)* 'все' и др.], объединяющим числительным [*kedua(nja)* 'оба'] и словом *sendiri* 'сам';

(ж) количественное определение, выраженное сочетанием основного числительного со счетным словом.

Существуют некоторые разновидности определения, отнесенность которых к группе Б не является столь явной. К ним относятся аппозитивное определение и глагольное определение, лишенное субъектной отнесенности.

Под аппозитивным определением имеем в виду не выделенный в отдельную интонационно-ритмическую группу [13] грамматически зависимый (хотя в смысловом отношении иногда наиболее весомый) член ГС, выражаемый существительным, чаще собственным именем. Это зависимое существительное (определение) ограничивает понятие, передаваемое определяемым, являя собой другое название предмета, который обозначен определяемым и, следовательно, имеет тот же денотат, что определяемое (ср. *mahasiswa Amat* 'студент Амат' и *mahasiswa universitas* 'студент университета').

Аппозитивное определение в подавляющем большинстве случаев следует непосредственно за определяемым. Однако возможна и постановка его после определений некоторых других типов, как минимум после предметных именных опре-

[11] В отличие от адъективного определения.

[12] Просубстантивная группа с *jang* в функции определения встречается очень редко; она обладает в этой функции притяжательным значением и относится к разряду А [см. 2, 12].

[13] Рассматриваем здесь только те зависимые субстантивные члены, которые входят в ту же интонационно-ритмическую группу, что и определяемое. Субстантивный член, выделенный в отдельную интонационно-ритмическую группу, может в ряде случаев быть семантически похожим на аппозитивное определение, но может и сильно отличаться от него.

делений, выраженных личным местоимением (например: *kawanku Wirjo* 'мой товарищ Вирьо'; *kota kami Tjirebon* 'наш город Чиребон'). Последним обстоятельством оправдывается рассмотрение аппозитивного определения в разряде Б.

Глагольное определение, лишенное субъективной отнесенности, выражает такое действие или состояние, субъект которого не обозначен определяемым существительным. Поэтому оно не способно к трансформации, характеризующей субъективно-отнесенное глагольное определение. Глагольное определение, лишенное субъектной отнесенности, следует чаще всего непосредственно за определяемым (например: *masa menuai padi* 'время уборки риса'). Оно может следовать за предметным именным определением, выраженным энклитическим местоимением, например: *kemerdekaannja bergerak* (MR, 116) 'свобода его передвижения' букв. 'свобода-его двигаться'. В подобной конструкции энклитическое местоимение (*-nja*) обозначает субъект действия, выраженного глаголом-определением. В той же позиции, которая в приведенном примере занята энклитическим местоимением, могут находиться самостоятельные местоимения и существительные (последние даже со второстепенными определениями). Ср.:

(1) *kemerdekaan* (a) *-nja* (b) *bergerak* (c) 'свобода его передвижения';

(2) *kemerdekaan* (a) *kita* (b) *bergerak* (c) 'свобода нашего передвижения';

(3) *tempat* (a) *manusia itu* (b) *hidup* (c) (AS, 9) 'места, где те люди жили'.

В примерах 2 и 3 последовательность «b — c» и в формальном, и в смысловом отношениях походит на особый тип определительного придаточного предложения — раскрывающее придаточное предложение. Провести четкую грань между конструкциями «определяемое — предметное именное определение — глагольное определение, лишенное субъектной отнесенности» и «определяемое — определительное придаточное предложение» представляется затруднительным.

И аппозитивное определение, и глагольное определение, лишенное субъектной отнесенности, не отделяются от определяемого несколькими определениями и не следуют за определениями разряда Б. Эта же черта характеризует в основном и определения типа «ж».

Перейдем к рассмотрению определений типов «а» — «е». Во взаимном расположении этих определений наблюдается ряд вариантов. Укажем на некоторые важнейшие моменты.

1. Если в одной ГС употреблено определение типа «б» или «в» совместно с определением типа «а» или «г», то, как правило, ближе к определяемому стоит определение «б» или

«в». Например: *perdjandjian persahabatan* antara bapaku dan mamaknja (б) jang sudah lama diadakan (а) (ST, 205) 'соглашение о дружбе *между моим отцом и его дядей, которое уже давно соблюдается*'; *bininja* sekarang (в) jang direbutnja dari tangan seorang Pangeran (а) (MS, 125) 'его *теперешняя* жена, *которую он приобрел у одного пангерана (принца)*'.

Преобладание такой последовательности явно обусловлено тем, что предложное сочетание и наречное слово тяготеют к грамматической связи с предыдущим словом: глаголом или существительным. Так, если в первом примере поменяем местами предложное сочетание и группу с *jang*, то получим распространенную группу с *jang*: *...jang sudah lama diadakan antara bapaku dan mamaknja* '...которое уже давно соблюдается [во взаимоотношениях] между моим отцом и его дядей'.

Если же вхождение предложного сочетания в состав предшествующего им определения несовместимо со смысловой сочетаемостью слов, то возможна и последовательность «группа с *jang* + предложное сочетание». Например, в ГС *djiwa jang tersesat dari orang*^{2} *jang mati bunuhdiri* (TM, 16) вряд ли *tersesat dari orang*^{2} букв. 'заблудиться из людей' [?] представляет собой единое сочетание. Поэтому в данной ГС выделяются группы: *jang tersesat* и *dari orang*^{2} *jang mati bunuhdiri*, а вся ГС переводится: 'заблудшие души людей, покончивших самоубийством'.

2. Определения типов «а», «б» и «г» могут отделяться от предшествующей им части ГС вводными словами, например: *Tidak sedikit orang — banjak anak muda-muda — jang djadi kurban perasaan jang tak ditahan-tahan* (IM, 59) 'Немало было людей — среди них много молодых,— которые стали жертвой своих необузданных чувств'.

При наличии в ГС количественного определения перед упомянутыми типами определения могут вклиниваться частицы *pun, djuga, djua* 'даже', *lagi* 'еще': *satu peraturan Gubernemen lagi jang tidak menjenangkan penduduk* (RP, 165) 'еще одно распоряжение правительства, которое не нравилось жителям'. (В иных условиях указанные частицы следуют за ГС.)

3. Местоимения *itu* и *ini* в большинстве случаев находятся в конце ГС, замыкая ее. При этом они, в особенности *itu*, могут нести ослабленную семантическую нагрузку; роль такого местоимения в основном сводится к обозначению границы ГС [см. 3, 47].

4. После *itu* и *ini* могут следовать определения типов «е» и «а» (редко еще типа «б» и, возможно, также некоторых других типов). Для типа «е» эта позиция является характерной (например: *anak ini sendiri* букв. 'ребенок этот сам';

tjerita itu keduanja букв. 'рассказы те оба'). Группа с *jang* (т. е. тип «а») следует за местоимением *itu* или *ini* в тех случаях, когда местоимение употреблено с целью конкретизировать определяемое, причем группа с *jang* называет лишь дополнительный, хотя и существенный признак, например: *perempuan itu jang mulanja kelihatan takut* (RD, 12) 'та (именно та, та, о которой шла речь) женщина, которая вначале казалась испуганной' (ср. с более обычным построением: *perempuan jang mulanja kelihatan takut itu* '[та] женщина, которая вначале казалась испуганной'); *kubu ini, jang mendjadi kuntji djalan masuk kelembah Sungai Pagu* (RP, 408) 'этот (именно этот, указанный) форт, который запирал вход в долину Сунгай Пагу'.

О подчиняющем элементе

Вопрос о синтаксической связи элемента, входящего в развернутую ГС (подчиняется ли он непосредственно ядру этой ГС или связан с каким-нибудь другим элементом ГС), решается отчасти по формально-грамматическим признакам.

Возьмем, например, такую ГС: *bajangan*^{2} *jang tampak diudjung gang*^{2} (SJ, 120) 'силуэты, которые маячат в конце переулков'. Из изложенных выше основных правил строения ГС следует, что определение, выраженное существительным без предлога, не может следовать за определением, выраженным группой с *jang*. Непосредственное подчинение существительного *gang*^{2} 'переулки' существительному-ядру *bajangan*^{2} 'силуэты' исключается. (В данном случае существительное *gang*^{2} подчинено существительному *udjung* 'конец', которое входит в качестве зависимого члена в группу с *jang*.)

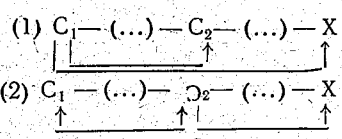
Однако, как уже неоднократно указывалось, во многих случаях синтаксические связи между словами в предложении не выявляются одними формальными признаками.

Если позиция, характерная для некоего постпозитивного[14] определения X, находится правее позиции, характерной для предшествующего ему другого определения, выраженного существительным (или включающего в качестве конечного элемента существительное), то определение X может вступать в связь либо с ядром ГС, либо с последним существительным. Таким образом, последовательность $C_1 — (...) — C_2 — (...) — X$ (C — существительное) может реализовать две различные грамматические структуры[15]:

---

[14] Ограничимся здесь рассмотрением постпозитивных определений.

[15] Стрелки в схемах показывают направление от подчиняющего к подчиняемому. Круглые скобки с многоточием поставлены там, где возможно (но не обязательно) наличие каких-нибудь элементов ГС.

Эту особенность строения ГС называем двойственностью [ср. 1, 30]. Как известно, непредметное именное определение, выражаемое существительным, является ближайшим к ядру постпозитивным определением. Однако для большинства типов постпозитивных определений — для определений разряда Б — характерной является позиция не только правее непредметного определения, но и правее предметного именного определения, которое в большинстве случаев также выражается существительным. Поэтому двойственность в высокой степени присуща строению ГС индонезийского языка.

Эта двойственность обычно нейтрализуется смысловой сочетаемостью слов. Настоящая статья специально не ставит своей целью исследование данного вопроса. Отметим лишь следующее.

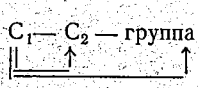
Если семантическое соотношение существительного C_1 и непосредственно следующего за ним определения — существительного C_2 — предопределяет непредметное значение C_2, то следующие за ними элементы обычно не могут составлять определение к C_2 и подчиняются C_1. Например, слово *rakjat* 'народ' в сочетании *laskar rakjat* 'народное ополчение' теряет предметное значение (чего не происходит с ним, например, в сочетании *deritaan rakjat* 'страдания народа'). Поэтому *laskar rakjat, jang makin lama makin tersebar itu* (IM, 169) переводится 'народное ополчение, которое все более рассредоточивалось'.

Если смысловая сочетаемость не препятствует тому, чтобы C_2 в определении к C_1 сохраняло предметное значение, т. е. являлось предметным именным определением, то, согласно основным правилам структуры ГС, следующие за C_2 определения разряда А подчиняются C_2. Например, *penduduk pulau ketjil* переводится как 'житель маленького острова', а не 'маленький житель острова'.

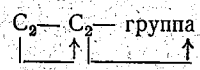
Иначе обстоит дело с определениями разряда Б, которые могут следовать за предметным именным определением. Связь определений разряда Б выявляется в основном его смысловой сочетаемостью с C_1 и C_2, хотя и здесь, вероятно, легче возникает связь с более близким существительным. Например, в ГС *perbuatan tuan-tuan jang tjuma-tjuma itu* (IM, 62) 'Ваши напрасные действия' смысловая сочетаемость входящей в нее группы с *jang* и C_2 (*tuan-tuan* 'Вы', букв. 'господа') отрицательная, поэтому возникает связь с C_1. Напротив, в ГС *pendirian perempuan jang datang kepadaku tadi* (IM, 35) 'мнение женщины, которая только что

пришла ко мне' группа с *jang* свободно сочетается с C_2 (*perempuan* 'женщина'), но явно не сочетается с C_1 (*pendapat* 'мнение').

ГС, которые, подобно приведенным, представлены последовательностью «существительное — существительное — группа *с jang*», встречаются в индонезийском литературном языке очень часто. Именно в таких ГС обычно реализуются сочетания двух определений, одно из которых характеризуется с семантической точки зрения как качественное, а другое — как притяжательное, например: *kebun ajah jang indah* 'красивый сад отца' (ср. с приведенной выше ГС *perbuatan tuan-tuan jang tjuma-tjuma itu*). В данном случае налицо структура:

Очень часто, однако, такая же последовательность слов реализует другую структуру:

Структуру «б» представляет приведенная выше ГС *pendirian perempuan jang datang kepadaku tadi.*

Формально эти две структуры, по крайней мере в письменных текстах, не различаются. Практика показывает, что в большинстве случаев для однозначного решения вопроса о структуре достаточно установить характер семантических соотношений в пределах ГС. Однако встречаются и такие ГС, в которых группа с *jang* может по смыслу быть отнесена и к C_1 и к C_2. Тогда обычно решает контекст. Например, сочетание *kehendak djurumudinja jang baharu* (AL, 93) может вне контекста быть переведено и 'желание их нового рулевого', и 'новое желание их рулевого', но в контексте его значение всегда ясно [16]. Встречаются и такие случаи, когда выбор между структурами «а» и «б» не сопряжен со значительными расхождениями смысла [например, *nasib Pak Tani*

[16] Энклитическое местоимение *-nja* не может принимать определений (за исключением *sendiri* 'сам'), и поэтому вопрос о связи группы с *jang* относится только к двум существительным. Аналогичный пример «двусмысленной» ГС приводит в своем докладе на Конгрессе индонезийского языка (Медан, 1954) Кунчоро Пурбопраното, указывая, что отрезок *peraturan Walikota jang baru* может быть понят и как 'распоряжение, изданное новым (недавно вступившим в должность) мэром', и как 'новое распоряжение, изданное мэром'. Не затрагивая никаких теоретических проблем, докладчик советует избегать в официальных бумагах таких синтаксических построений, которые «могут дать повод к сомнению» («Medan Bahasa», 1954, th. IV, № 7/8, стр. 107).

jang malang (SJ, 123) переводится: 'судьба несчастного крестьянина' или 'несчастная судьба крестьянина'].

Вопрос о подчинении тому или другому существительному часто возникает в связи с употреблением местоимений *itu* и *ini*. Однако указания на их связи далеко не всегда могут быть найдены в смысловой сочетаемости слов. Когда местоимение (прежде всего это относится к *itu*) семантически ослаблено и служит главным образом для маркирования границы синтаксических групп, вопрос о его синтаксических связях вообще беспредметен.

* * *

Подведем некоторые итоги.

1. Структура развернутой группы существительного (ГС), т. е. сочетания существительного с подчиненными ему элементами, не прерываемого элементами, имеющими синтаксические связи вне этого отрезка, составляет характерную черту синтаксического строя индонезийского языка. Подчиненные существительному элементы практически всегда входят в ГС.

2. В качестве зависимых членов в ГС могут выступать знаменательные слова всех частей речи, в ряде случаев вместе с подчиненными им элементами, а также такие синтаксические единицы, как группа с *jang* и придаточные предложения.

3. В зависимости от способов выражения, позиционных возможностей в составе ГС и допустимых трансформаций, обусловленных семантическими различиями, зависимые члены ГС — определения — подразделяются на целый ряд типов (по-видимому, не менее 12).

4. Большинство типов определения располагается постпозитивно по отношению к ядру ГС. Имеется и два-три типа препозитивных определений.

5. Сочетаемость постпозитивных определений и их аранжировка регулируются сложными правилами. Основные из них указаны в данной работе. По позиционным возможностям постпозитивные определения можно подразделить на два разряда: А и Б. Определения разряда Б могут следовать за определениями разряда А (но не все за всеми), в то время как обратный порядок (т. е. А после Б) невозможен или очень редок.

6. Существует ряд вариантов расположения определений, в особенности определений разряда Б. Можно говорить о нейтральном варианте и дополнительном варианте. Последний реализуется, когда слова, выступающие в роли определения, не обнаруживают свободной смысловой сочетаемости.

7. Смысловая сочетаемость слов является важнейшим

средством преодоления «противоречивости», свойственной строению ГС, которая заключается в том, что формально одинаковые последовательности слов могут реализовать разные синтаксические структуры. В частности, таковой является и последовательность «существительное — существительное — группа с *jang*», к которой прибегают при необходимости сочетать в одной цепи качественное и притяжательное определения к одному определяемому.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AL — Sutan Takdir Alisjahbana, Lajar terkembang, — в кн.: R. B. Slametmuljana, Sari pustaka Indonesia, Groningen — Djakarta, 1952.
AS — Sutan Takdir Alisjahbana, Soal kebudajaan Indonesia di-tengah² dunia, Djakarta, 1950.
IM — Nur Sutan Iskandar, Mutiara, Djakarta, 1953.
MB — Motinggo Boesje, Ahim-Ha, Djakarta, 1963.
MP — «Manifesto Politik Republik Indonesia», изд. «Penal», Djakarta, 1960.
MR — Abdoel Moeis, Robert anak Surapati, Djakarta, 1953.
MS — Abdoel Moeis, Surapati, Djakarta, 1952.
RD — Rivai Marlaut, Dokter Haslinda, Djakarta, 1950.
RP — Muhamad Radjab, Perang Paderi di Sumatera Barat (1803—1838), Djakarta, 1954.
SJ — Ruslan Sutiasumarga, Jang terempas dan terkandas, Djakarta, 1951.
ST — Utuy Tatang Sontani, Tambera, tjet. ke-2, Djakarta, 1952.
TM — Pramoedya Ananta Toer, Mereka jang dilumpuhkan, dj. I, Djakarta, 1951.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морев Л. Н., Основы синтаксиса тайского языка, М., 1964.
2. Сирк Ю. Х., Группы, вводимые относительным служебным словом, в синтаксисе современного индонезийского литературного языка, автореф. канд. дисс., М., 1965.
3. Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., Индонезийский язык, М., 1960.

В. Д. МАЗО

ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО С МНОГОЧЛЕННЫМ ЯДРОМ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Реализуя свои активные валентности, имя существительное в сочетании со знаменательными и служебными словами образует в пределах предложения группы, отличающиеся известной самостоятельностью. В таких группах можно выделить: ядро (существительное), знаменательные слова, подчиненные ядру (неядерные члены), служебные слова, относящиеся к данному ядру (приядерные члены). Связь ядра со знаменательными словами будем называть синтаксической, со служебными — конструкционной.

Конструкционной связью с существительным-ядром связаны: модификаторы (служебные слова *кале*[3], *ле*[3], *чжи*[3], *то*[2], которые придают ядру или всему высказыванию эмоциональную субъективную оценку — значение уменьшительности, ласкательности, увеличительности, уважительности, почтения), показатели множественного числа, послелоги и эмфатические частицы.

Так как в дальнейшем нас будет интересовать группа существительного, рассматриваемая вне предложения, группа существительного как результат реализации сочетательных возможностей существительного, в состав группы мы включаем только те служебные слова (связанные с ядром конструкционной связью), которые участвуют в формировании внутренней структуры группы существительного.

Обычно при описании группы существительного не поднимается вопрос о группах с многочленным ядром. Это относится, например, к работам В. Г. Адмони [1], Л. Н. Морева [4]. Вьетнамский лингвист Нгуен Тай Кан предлагает свою трактовку структуры группы существительного. Рассматривая группу как конечный набор позиций, он отмечает возможность наличия в одной позиции нескольких членов [см. 5, 108]. Перечисляя факторы, влияющие на увеличение числа членов группы, Нгуен Тай Кан пишет: «Две или три группы могут сливаться друг с другом, если есть общее для них слово» [5, 103; 6, 44]. Однако упомянутый автор не останавливает своего внимания на том, вносит ли в группу какие-либо структурные изменения, помимо увеличения числа членов, наличие нескольких существительных в позиции

ядра, не рассматривает вопрос об организации членов этой позиции. В отношении бирманского языка этот вопрос, насколько нам известно, пока не рассматривался.

Можно предположить, что одним из случаев образования группы с многочленным ядром является слияние нескольких групп с одночленными ядрами. Такое слияние может произойти, когда два или более существительных имеют общее определение. Тогда это общее определение (общими могут быть и несколько определений) как бы «выносится за скобку» перед или после ядер слившихся групп [1]. Например:

а²ша¹ ньэйн³чхан³йе³ ни²ла²кхан²-хма¹ пьан¹-йин² уин²-йау⁴ ла² чжа¹-до³ у³ ньан², *у³ тэйн³ пхэй² мьин¹-хнин¹ у³ хла¹ чжо²-до¹*... (ТТ, 69) 'Возвращающиеся с мирной конференции стран Азии У Нян, У Тэйн Пхэй Мьин и У Хла Чо...'

Данную группу, имеющую трехчленную ядерную позицию, можно представить как результат слияния следующих трех групп: 1) *а²ша¹ ньэйн³чхан³йе³ ни²ла²кхан²-хма¹ пьан²-йин² уин²йау⁴ла²-до³ у³ ньан²*... 'Возвращающийся с мирной конференции стран Азии У Нян...'; 2) *а²ша¹ ньэйн³чхан³йе³ ни²ла²-кхан²-хма¹ пьан²-йин² уин²йау⁴ла²-до³ у³ тэйн³ пхэй² мьин¹*... 'Возвращающийся с мирной конференции стран Азии У Тэйн Пхэй Мьин...'; 3) *а²ша¹ ньэйн³чхан³йе³ ни²ла²кхан²-хма¹ пьан²-йин² уин²йау⁴ла²-до³ у³ хла¹ чжо²*... 'Возвращающийся с мирной конференции стран Азии У Хла Чо...'

Другим видом группы существительного с многочленной ядерной позицией является группа без неядерных членов. Так, например, в предложении *паган² лан³-тхэ³-дуин²-ка³ схайа² зо² чжи² схайа² мин³ту¹вун²-до¹ не²-чжа¹-ди²* (Ш, 120) 'На улице Паган жили Схая Зоджи и Схая Минтувун' группа существительного состоит из двух ядерных членов (имен собственных: *схайа² зо² чжи²* и *схайа² мин³ту¹вун²*) и показателя множественного числа *-до¹*.

Группа существительного с многочленной ядерной позицией не является просто механической суммой нескольких групп с одночленной ядерной позицией. Эта группа представляет собой новое образование со структурными особенностями, отличными от особенностей каждой из слившихся групп. Так, в обоих приведенных примерах имеется новый член — показатель множественного числа *-до* [1], в обоих случаях завершающий группу и являющийся групповым показателем множественности [в делегации было более одного человека (мн. ч.), хотя в ней был только один У Нян (ед. ч.), один У Тэйн Пхэй Мьин (ед. ч.) и один У Хла Чо (ед. ч.)].

[1] В статьях по бирманскому языку в транскрипции тоны обозначаются цифрами: 1, 2 и 3. Цифра 4 используется для обозначения гортанной смычки. Нейтральный гласный обозначен буквой *а*. Дентальные [д] и [т] и соответствующие им межзубные согласные обозначены одинаково — буквами *д* и *т*. Открытый и закрытый [о] имеют также одно обозначение: *о*.

Важным свойством группы существительного с многочленной ядерной позицией является то, что только в таких группах возможен показатель множественного числа, который неприложим ни к одному ядерному члену в отдельности. Нижеследующие примеры, как нам кажется, наглядно иллюстрируют это свойство:

1) *таун*^{2} *вун*^{2}*йо*^{3}*сун*^{3}*-хнин*^{1} *мьау*^{4} *вун*^{2}*йо*^{3}*сун*^{3}*-мьа*^{3}... *и*^{1} *поун*^{2}*-дуин*^{2} *туе*^{1}*-найн*^{2}*-ле*^{2}*-ди*^{2} (АЮ, 21) 'На этом рисунке [вы] можете увидеть... южный и северный полюсы [магнита]'. В этом предложении содержится группа существительного, состоящая из двух ядерных членов, выраженных одним и тем же словом *вун*^{2}*йо*^{3}*сун*^{3} 'полюс' и приядерного члена — показателя множественного числа — *мьа*^{3}. Каждый ядерный член имеет индивидуальное определение, соответственно: *таун*^{2} 'южный' (букв. 'юг') и *мьау*^{4} 'северный' (букв. 'север');

2) *пхан*^{2}*о*^{3} *та-кху*^{1}*-хнай*^{4} *тхи*^{1}*-тха*^{3}*-ди*^{1} *йе*^{2}*йо*^{3}*-пьи*^{3}*-та*^{3} *сха*^{2}*ла*^{1}*пхьу*^{3}*йи*^{2} *э*^{4}*схи*^{4}*-тхэ*^{3}*-дуин*^{2} *чже*^{3}*ни*^{2} *пьа*^{3} *та-кху*^{1}*-хнин*^{1} *ту*^{4} *пьа*^{3} *та-кху*^{1}*-до*^{1}*-го*^{2} *хни*^{4}*-йуе*^{1}... (АЮ, 74) 'В разбавленную серную кислоту, находящуюся в банке, погружаем медную и цинковую пластинки (букв. одну медную пластинку и одну цинковую пластинку)...' Группа существительного в данном примере содержит два ядерных члена с их индивидуальными определениями и групповой показатель множественного числа *-до*^{1}.

В этих примерах невозможна постановка показателей множественного числа после каждого ядерного члена, так как это противоречило бы здравому смыслу: в первом примере речь идет о полюсах магнита — одном северном и одном южном, но всего полюсов два, и потому имеется показатель множественного числа (*-до*^{1}); во втором примере в тексте подчеркивается, что речь идет об одной медной и об одной цинковой пластинке (*чже*^{3}*ни*^{2} *пьа*^{3} *та-кху*^{1}*-хнин*^{1} *ту*^{4} *пьа*^{3} *та-кху*^{1}), но в целом их более одной (*-до*^{1}).

Важно отметить, что перед нами не случай «вынесения за скобку» служебного слова, общего для нескольких однородных членов; перед нами служебное слово (*-до*^{1}), само наличие которого в группе определяется многочленностью ее ядра.

Рассмотрим другой пример: *и*^{1} *ачхэйн*^{2}*-дуин*^{2} *схо*^{2}*би*^{2}*йэ*^{4} *ко*^{2}*са*^{3}*хлэ*^{2}*-мьа*^{3}*-хнин*^{1} *аме*^{2}*ри*^{1}*кан*^{2} *ко*^{2}*са*^{3}*хлэ*^{2}*-мьа*^{3}*-до*^{1} *ачхэйн*^{2}*-мьа*^{3}*суа*^{2} *туе*^{1}*схоун*^{2} *схуе*^{3}*нуе*^{3}*-пи*^{3}... (ПН, 7) 'В то время советские и американские делегаты часто встречались...' Данный отрывок содержит группу существительного с двучленной ядерной позицией: *схо*^{2}*би*^{2}*йэ*^{4} *ко*^{2}*са*^{3}*хлэ*^{2}*-мьа*^{3}*-хнин*^{1} *аме*^{2}*ри*^{1}*кан*^{2} *ко*^{2}*са*^{3}*хлэ*^{2}*-мьа*^{3}*-до*^{1} 'советские и американские делегаты'. Каждый ядерный член имеет индивидуальный показатель множественного числа (*-мьа*^{3}),

кроме того, группу завершает групповой показатель множественного числа (*-до*[1]).

Наличие таких членов, которые относятся именно к группе в целом и не относятся к каждому ядерному члену в отдельности, на наш взгляд, является убедительным основанием для того, чтобы говорить о группах существительного с многочленным ядром как об особой разновидности группы существительного.

Сочинительная связь между членами ядра группы существительного маркируется синтаксическими частицами или паузами [2], передаваемыми на письме запятыми. Однако орфографическая непоследовательность, наблюдаемая в сфере знаков препинания в бирманских текстах, не позволяет говорить о регулярной передаче на письме запятыми пауз, служащих для выражения сочинительной связи между членами ядерной позиции.

Приведем пример группы с синтаксической частицей — показателем сочинительного отношения между членами ядерной позиции: *йуа*[2]*-кале*[3] *та-йуа*[2]*-хнай*[4] *нуа*[3]*но*[1] *йаун*[3] *атэ*[4]*муе*[3]*не*[2]*тхайн*[2]*-до*[3] *у*[3] *пхо*[3] *ди*[3]*-хнин*[1] *до*[2] *пан*[3] *шуе*[2]*-до*[1]... *ши*[1]*ле*[2]*-и*[1] (ТТ, 89) 'В одной деревушке жили... У Пхоу Ти и До Пан' Швэй, которые зарабатывали себе на жизнь, продавая молоко'. Сочинительная связь между двумя ядерными членами маркирована соединительной частицей *-хнин*[1] (ее разговорный вариант — *-нэ*[1]).

Синтаксическая частица *-хнин*[1], как и другие синтаксические частицы бирманского языка, является энклитикой и примыкает к находящемуся слева от нее ядерному члену [3]. Синтаксическая частица — показатель сочинительной связи между членами ядерной позиции — входит в состав группы существительного не непосредственно, а через конструкцию с ядерным членом, к которому данная частица примыкает.

Сочинительная связь, маркируемая только синтаксическими частицами, характерна для групп с двучленным ядром. Для групп, содержащих более двух ядерных членов, характерно выражение сочинительной связи между ядерными

---

[2] Ср. с замечанием Л. Р. Зиндера о том, что «пауза может быть использована не только для отделения одной синтаксической единицы от другой, но и для выражения характера связи между ними» [2, 289].

[3] Синтаксическая частица *-хнин*[1] может иметь несколько значений, указывая на: причину совершения действия, орудие совершения действия, совместность совершения действия. Об этих значениях частицы *-хнин*[1] см. статью Р. А. Янсона [7]. Во всех перечисленных значениях частица *-хнин*[1] обслуживает связь между именным членом предложения (соответственно: дополнением причины, орудности, вспомогательного объекта) и глаголом-сказуемым. На наш взгляд, эти значения частицы *-хнин*[1] (как послелога) можно противопоставить соединительному ее значению, о котором в статье Р. А. Янсона не упоминается. Имея соединительное значение, частица *-хнин*[1] обслуживает сочинительную связь между двумя именами и, по-видимому, является союзом.

членами (если они выражают незаконченное перечисление) паузами и смешанное выражение сочинительной связи: паузами и синтаксическими частицами (если перечисление законченное). Приведем примеры:

маун^{2} *маун*^{2} *шин*^{1} *са*^{2}*оу*^{4}, *кхэ*^{3}*дан*^{2}, *пхаун*^{2}*тэйн*^{2}, *пе*^{2}*тан*^{2}*-го*^{2} *чжуан*^{3}*-до*^{1} *йу*^{2}*-туа*^{3}*-па*^{2} (И) 'Маун Маун, возьми свою книгу, карандаш, авторучку, линейку и иди в школу'. Сочинительная связь между членами ядерной позиции в этом примере передается только паузами;

уэ^{4}*та*^{3}, *а*^{2}*лу*^{3}*-хнин*^{1} *хин*^{3}*ди*^{3}*хин*^{3}*йуэ*^{4}*-мьа*^{3}*-го*^{2} *ту*^{2}*-до*^{1} *тоун*^{3}*-суэ*^{3}*-найн*^{2}*-ди*^{2}... (М, 122) 'Они могли употреблять (в пищу) свинину, картофель и овощи...' Этот пример содержит группу существительного, в которой сочинительная связь между ядерными членами выражена паузами и синтаксической частицей. Частица помещается перед последним из ядерных членов.

Ранее уже отмечалось, что ядерные члены могут иметь индивидуальные определения. В этих случаях можно говорить о подгруппах ядерных членов в составе осложненной группы существительного с многочленным ядром.

Структуру такой осложненной группы существительного с многочленным ядром удобно представить в виде структуры непосредственно составляющих (НС). Известно, однако, что структура НС не учитывает направления связей в предложении или в отрезке предложения [см. 3, 300]. Поэтому мы используем элементы структуры зависимостей и обогащаем структуру НС ориентированными стрелками (направление стрелок: от подчиняющего элемента или группы элементов к подчиненному). Это позволит более наглядно продемонстрировать важное свойство структуры таких групп — многоярусность — и одновременно сохранит направление связей в представлении структуры группы. Среди различных ярусов структуры группы будем различать ярусы подчинения и ярус сочинения. Если в группе содержатся объединения ядерных членов, имеющих общие определения и (или) общие показатели множественного числа, то количество ярусов сочинения соответственно возрастает. Однако такая структура в бирманских текстах наблюдается редко.

Будем считать, что первый ярус подчинения образуют ядерные члены с их индивидуальными определениями (неядерными членами) [4].

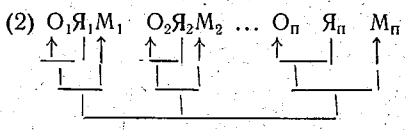
(1) $О_1Я_1$ $О_2Я_2$ ... $О_nЯ_n$

↑_| ↑_| ↑_|

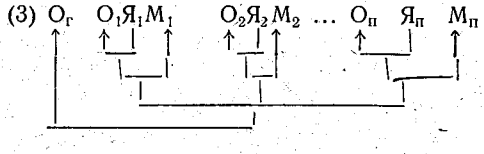
---

[4] В схемах употребляются следующие условные обозначения: $Я_1$, $Я_2$ ... $Я_n$ — члены ядерной позиции группы; $О_1$, $О_2$ ... $О_n$ — индивидуальные определения (соответственно к $Я_1$, $Я_2$ ... $Я_n$); $М_1$, $М_2$ ... $М_n$ — индивидуальные показатели множественного числа (соответственно к $Я_1$, $Я_2$ ... $Я_n$); $О_г$ — определение, общее для всех членов ядерной позиции; $М_г$ — групповой показатель множественного числа; ч — соединительная частица.

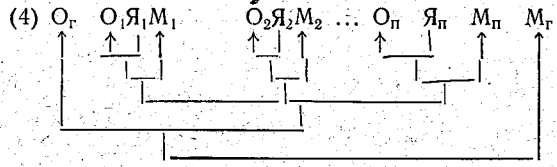
Второй ярус подчинения — ядерные члены с их индивидуальными показателями множественного числа.

Третий ярус подчинения — объединение ядерных членов с общими для всех ядер определениями.

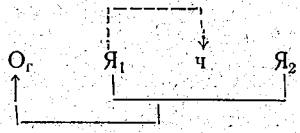

Четвертый ярус подчинения — объединение ядерных членов с общим для них всех показателем множественного числа.

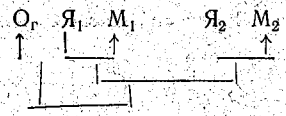
Практически в текстах встречаются группы существительного, структура которых содержит одновременно различные ярусы подчинения. Приведем примеры:

чжун²ноу⁴-и¹ атэ⁴-хнин¹ ко²... (Л. 8) 'Мои душа и тело...'

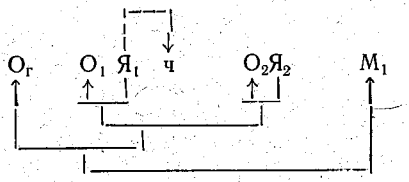
Группа существительного имеет здесь двухъярусную структуру.

Данная ниже группа имеет трехъярусную структуру (два яруса подчинения и один ярус сочинения): *акха¹-мэ¹ схе³-йоун²-мьа³ са²чжи¹тай⁴-мьа³*... (УП, 109) 'Бесплатные больницы и библиотеки...'

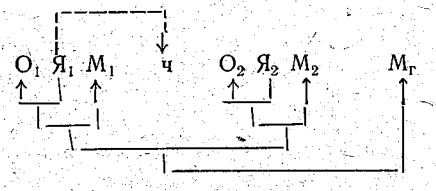

Примеры групп с четырехъярусной структурой:

1) *тан²лай⁴ таун² вун²йо³сун³-хнин¹ мьау⁴ вун²-йо³сун³-мьа³*... (АЮ, 21) 'Южный и северный полюсы магнита...

2) *схо²би²йэ⁴ ко²са³хлэ²-мьа³-хнин¹ аме²ри¹кан² ко²-са³хлэ²-мьа³-до¹*... (ПН, 7) 'Советские и американские делегаты...'

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮ — Маун Маун Кха, Ачхейпью юпабейда (Основы физики), Рангун, 19...
И — пример информанта.
Л — «Люду», 23.IX.1958 (газета).
М — «Мьявати», 1961, № 2 (журнал).
ПН — «Пьидаунзу нейзин», 4.VII.1961 (газета).
ТТ — «Твэй тау», 1961, № 184 (журнал).
УП — У Ба Пхэй, Пьиду нити (Гражданские дела), Рангун, 1955.
Ш — «Шумава», 1959, № 137 (журнал).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г., Структура группы существительного в немецком языке,— «Ученые записки 1-го ЛГПИИЯ», 1954, вып. 1.
2. Зиндер Л. Р., Общая фонетика, изд. ЛГУ, 1960.
3. Долинина И. Б., Способы представления синтаксической структуры предложения,— сб. «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив», Л., 1969.
4. Морев Л. Н., Основы синтаксиса тайского языка, М., 1964.
5. Нгуен Тай Кан, Группа существительного во вьетнамском языке,— «Вестник ЛГУ», 1960, № 14.
6. Нгуен Тай Кан, Категория существительного во вьетнамском языке, канд. дисс., Л., 1960.
7. Янсон Р. А., Послелоги в бирманском языке,— «Вестник ЛГУ», 1967, № 2.

И. М. ТАГУНОВА

ГЛАГОЛЫ КАЧЕСТВА В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ К ИМЕНИ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению характера определений к имени, выраженных глаголами качества.

К глаголам качества в бирманском языке относятся слова со значением качества: *ни*[2] 'красный', *схо*[3] 'плохой', *пьо*[2]-*шуин*[2] 'счастливый', *май*[4]*мэ*[3] 'глупый', *чжи*[3] 'большой', *каун*[3] 'хороший' и др. Исследователи бирманского языка прошлого века А. Джадсон [18, 20—22], Т. Лэттер [19, 15] и Ф. Кэри [16, 57—58], механически переносившие в бирманский язык категории, характерные для языков индоевропейских, считали такие слова прилагательными. Лингвисты более позднего времени, например, У. Корнин [17, 14], Дж. Стюарт [21, 10], не стремясь во чтобы то ни стало подыскать европейские эквиваленты для явлений бирманского языка, а исходя из его специфики, выделяют в бирманском всего лишь две части речи — имя и глагол (в состав последнего они включают слова со значением качества). Дж. Стюарт пишет, что прилагательные и наречия как особые части речи отсутствуют в бирманском языке, а существуют их эквиваленты, которые «образуются путем употребления имен и глаголов в подчиненной функции» [21, 10].

Большинство современных исследователей, например, Н. В. Омельянович [7, 135—136], Д. И. Еловков [3, 64], на основе формальных критериев показали, что группа слов со значением качества имеет много общих грамматических черт с глаголами действия и поэтому составляет не особую часть речи, а входит как один из подклассов в лексико-грамматическую категорию глагола [1].

Не решая вопроса о том, правомерно ли включать глаголы качества в категорию глагола или выделять в самостоятельную часть речи, условимся относить к глаголам качества слова, которые способны:

а) в редуплицированной форме выступать в функции определения к имени;

б) при субстантивации префиксом *а-* употребляться в функции определения к имени;

[1] Иную точку зрения высказывает В. П. Садовников, выделяющий прилагательное в бирманском языке в самостоятельную часть речи [ст. 10, 156—178].

в) принимать служебную морфему *суа*^{2} и выступать в качестве определения к глаголу;

г) участвовать в образовании сложных глаголов со структурой компонентов, находящихся в квази-предикативных отношениях.

Независимо от того, выделяют те или иные исследователи в бирманском языке слова со значением качества в самостоятельную часть речи (прилагательное) или рассматривают их в составе одной части речи — глагола (глаголы качества), все они отмечают способность данных слов употребляться в функции определения к имени и занимать две позиции относительно него — препозицию и постпозицию.

Однако вопрос о том, какую роль играет позиция глаголов качества, выступающих в определительной функции к имени, и существует ли семантическое различие между препозитивными и постпозитивными определениями, остается неясным.

По мнению ряда зарубежных исследователей, между препозитивными и постпозитивными определениями, представленными глаголами качества, существенных различий нет — и те и другие образуют с именем сходные единицы.

Так, А. Джадсон, говоря о двух позициях глагольных определений по отношению к имени, считает, что «в обоих случаях образуется сложное слово, которое принимает аффиксы множественного числа и падежные аффиксы, как простое имя» [18, § 80]. Правда, далее автор замечает, что определение в препозиции «правильнее было бы рассматривать как причастную конструкцию, поскольку присоединяемый к имени глагольный корень может принимать глагольные показатели» [18, § 91.] Ф. Кэри в связи с этим пишет следующее: «Прилагательное может как предшествовать имени, так и следовать за ним, в обоих случаях образуя с ним сложное целое (a compound)» [16, 57]. Бирманский лингвист У Пхе Маун Тин считает, что в бирманском языке «описательное определение может быть представлено либо глаголом, непосредственно примыкающим к имени, как в *лу*^{2} *схо*^{3} 'человек плохой', либо глаголом, предшествующим имени и сопровождаемым соединительным *до*^{3}, которое в действительности является вариантом глагольного суффикса *-ди*^{2}, как в *схо*^{3}-*до*^{3} *лу*^{2} букв. 'плохой [является] человек'» [23, 57]. Таким образом, независимо от позиции глагола, выступающего в атрибутивной функции, мы, по мнению У Пхе Маун Тина, будем иметь одно определение — описательное (descriptive adjective).

В работах советских бирманистов находим отдельные замечания о том, что атрибутивные словосочетания с постпозитивным определением — глаголом качества представляют собой более тесные единства по сравнению со словосоче-

таниями, в которых определение находится в препозиции [см. 3, 65; 6, 78; 10, 171]. Однако специально данная проблема не рассматривалась ни в одной из известных нам работ по бирманскому языку.

Двойная позиция определения, выраженного одной и той же частью речи, не характерна, насколько нам известно, для языков Юго-Восточной Азии (в тайском, вьетнамском и кхмерском языках определение всегда следует за определяемым, в китайском — предшествует ему). Бирманский язык в этом отношении занимает особое место среди изолирующих языков [2].

Правда, если брать определения, представленные разными частями речи в целом, то доминирующим для бирманского языка порядком слов будет «определение — определяемое».

Определения, представленные глаголами, как справедливо отмечает Л. Тэйлор [см. 22, 110], обычно предшествуют имени, а некоторые из них следуют за ним. Как видно из приводимых в его статье примеров, к числу последних (употребляющихся в постпозиции и составляющих исключение из обычного словопорядка «определение — определяемое»), Л. Тэйлор относит определения, выраженные глаголами качества. Нельзя не согласиться с автором, что число постпозитивных определений невелико, но лишь в сравнении с определениями, представленными обоими подклассами глаголов — глаголами действия и качества. Если же брать определения, выраженные глаголами качества, то постпозитивные определения не только создают впечатления многочисленных, как полагает Л. Тэйлор [см. 22, 110], но, как показали наблюдения, действительно довольно многочисленны и употребляются не реже препозитивных.

Для того чтобы решить вопрос о том, какую роль в бирманском языке играет позиция определений, выраженных глаголами качества, и чем различаются препозитивные и постпозитивные определения, рассмотрим каждое из них в отдельности, а затем сопоставим их.

Препозитивные определения. Глаголы качества в препози-

[2] Две позиции определения-прилагательного свойственны и ряду романских языков. При преобладании постпозиции определения относительно определяемого в этих языках возможен и обратный порядок: «определение — определяемое». Препозиция, так же как и постпозиция определения-прилагательного, является средством выражения семантических различий определения. Так, препозиция прилагательного во французском языке служит, по мнению Л. И. Илия, для выражения значения «субъективной или аффективной оценки признака», постпозиция — для выражения значения признака, «объективно определяющего предмет и не зависящего от оценки говорящего» [см. 5, 69—70]. Препозитивное определение-прилагательное, как отмечает Ш. Балли, «больше концентрирует внимание на самом качестве, чем противопоставляет его другим», постпозитивное выделяет, подчеркивает качество, «уточняет понятие и противопоставляет его другим» [см. 1, 252].

ции к имени соединяются с ним при помощи следующих специальных показателей (в круглых скобках заключен разговорный вариант показателя, употребляемого в литературном языке): *ди*[1] (*дэ*[1]), *до*[3], а также *ми*[1] (*мэ*[1]).

Показатели *ди*[1] (*дэ*)[1] и *ми*[1] (*мэ*[1]), по признанию большинства бирманистов [см., например: 18, 21; 20, 55; 14, 160], представляют собой фонетический вариант показателей *ди*[2] (*дэ*[2]) и *ми*[2] (*мэ*[2]), которые сопровождают глаголы действия, а также глаголы качества и состояния в функции сказуемого.

Как показали в своих работах Д. И. Еловков и А. Эллот [см. 4, 83—84; 14, 287—288], приглагольные элементы *ди*[2] (*дэ*[2]) и *ми*[2] (*мэ*[2]), сочетаясь с глаголом, образуют утвердительное предложение. В отличие от всех предшествующих исследователей бирманского языка, относивших *ди*[2] (*дэ*)[2] и *ми*[2] (*мэ*[2]) к временным показателям, Д. И. Еловков и А. Эллот убедительно доказали, что они служат для выражения категории изъявительного наклонения, передавая значение реализованности — нереализованности действия (состояния), обозначаемого глаголом. Если показатель *ди*[2] (*дэ*[2]), как отмечает Д. И. Еловков, выражает реальное наличие действия или состояния (соотнесенность с настоящим и прошедшим действиями) или передает уверенность говорящего в осуществлении действия (соотнесенность с будущим действием), то показатель *ми*[2] (*мэ*[2]) выражает действительную нереализованность действия или состояния (соотнесенность с будущим действием) или предполагаемую нереализованность действия (соотнесенность с настоящим и прошедшим действиями).

Итак, «частицы *дэ*[2] и *мэ*[2],— пишет Д. И. Еловков,— противопоставляются по линии констатации наличия — отсутствия действия (состояния), по линии реализации — нереализации (реализованности — нереализованности) действия (состояния)» [4, 83].

При глаголе, выступающем в функции сказуемого, показатели *ди*[2] (*дэ*[2]) и *ми*[2] (*мэ*[2]) употребляются во втором тоне, при глаголе-определении — в первом тоне, или, в терминологии А. Эллот, «индуцированном» первом тоне [см. 15, 160]. Приведем примеры:

лэ[3]*каун*[3] *ман*[2]*да*[1]*ле*[3] *пьи*[2] *мьо*[1]*то*[1]*ди*[2] *ми*[1]*ми*[1]*то*[1]*-хнин*[1] *ми*[2]*-хмьа*[1] куа[2]уе[3]-ди[2] (КС, 30) '[Они не знали], как *далеки* от них эти города Мандалай и Пром';

схуе[2]*-ха*[2] схо[3]-дэ[2]*-ло*[1] *масхо*[2]*найн*[2]*па*[2]*-бу*[3]*-но*[2] (АЛ, 18) 'Нельзя сказать, что Схвэ [по своей натуре] *была плохой*';

ато[2]*-пин*[2] уе[3]-ди[1] *йе*[2]*лэ*[2] *чжун*[3]*кале*[3] *тачжун*[3]... (МШ, 43) 'Очень *далекий* [от берега] островок Йелэ...';

-тэ[2] схо[3]-дэ[1] *нэ*[2]*пайн*[2]... (КС, 85) 'Чиновник, [который был] очень *плохим*...'

В первых двух примерах глаголы качества в функции

сказуемого имеют соответственно показатели *ди*^{2} и *дэ*^{2} во втором тоне, в последних двух примерах глаголы качества, употребленные в определительной функции, сопровождаются соответственно показателями *ди*^{1} и *дэ*^{1} в первом тоне.

Поскольку показатель *ди*^{1} (*дэ*^{1}) представляет собой фонетический вариант глагольного показателя *ди*^{2} (*дэ*^{2}), который служит для выражения категории реализованности действия или состояния, то он также передает данное грамматическое значение.

Помимо *ди*^{1} (*дэ*^{1}) в бирманском языке существует показатель *до*^{3}, связывающий определение — глагол качества с определяемым. Например: хмаун^{2}май^4-до^3 *ньа*^{1} *таньа*^{1} (МШ, 120) 'ночь [*которая была*] *темной*'; чжи^{3}ма^3-до^3 *ачжаун*^{3}*мьа*^{3} (ТПМ, 44), 'причины, [*которые являются*] *вескими*'; хньо^{3}нгэ^2-до^3 *мьэ*^{4}*хна*^{2} (КС, 169) 'лицо, [*которое было*] *грустным*'.

Показатель *до*^{3} более употребителен, чем *ди*^{1} (*дэ*^{1}), и может заменять последний [3]. Возможность такой замены свидетельствует о тождественности их грамматического значения. Иначе говоря, показатель *до*^{3} можно включить в одну группу с *ди*^{1} (*дэ*^{1}), служащим для выражения категории реализованности и противопоставляющимся по своему грамматическому значению показателю *ми*^{1} (*мэ*^{1}).

Однако *до*^{3} имеет некоторые особенности, отличающие его от показателя *ди*^{1} (*дэ*^{1}). Если *ди*^{1} (*дэ*^{1}) оформляет только определение, выраженное глаголами, то показатель *до*^{3} в известной степени безразличен в отношении части речи, представляющей определение, — помимо глаголов он может оформлять отглагольные имена с префиксом *-а*, указательные местоимения и счетно-количественные комплексы, выступающие в определительной функции, и является, таким образом, универсальным атрибутивным показателем.

Определения — глаголы качества с показателем *ми*^{1}, обозначающим, как и *ми*^{2}, качество, возможное в будущем или предполагаемое в настоящем или прошлом (категория нереализованности), встречаются довольно редко в бирманском языке [4].

Это объясняется тем, что глаголы качества сами по себе больше связаны с выражением идеи меры, степени, количества, нежели с идеей изменения во времени.

Вопрос о характере приглагольных элементов *ди*^{1} (*дэ*^{1}), *ми*^{1} (*мэ*^{1}) является сложным и требует специального иссле-

---

[3] По данным нашей картотеки, определения, представленные глаголами качества с показателем *до*^{3}, составляют 72%, а с показателями *ди*^{1} и *дэ*^{1} — 28%.

[4] Из всех примеров определений-глаголов качества, полученных в результате не выборочной, а сплошной расписки текста, лишь в одном определение было оформлено показателем *ми*^{1}: ди^2-лау^4-то^1 йэ^{4}сэ^4-мэ^1 *лу*^{2} *мьо*^{3} (МШ, 146) 'человек, [*который*] *мог быть до такой степени жестоким*'.

дования, выходящего за рамки данной статьи. Принимая концепцию о том, что *ди*[1] (*дэ*[1]), *ми*[1] (*мэ*[1]) при употреблении глагола в функции определения являются соответственно фонетическими вариантами приглагольных элементов *ди*[2] (*дэ*[2]), *ми*[2] (*мэ*[2]), условимся считать их атрибутивными показателями, выражающими одновременно грамматическое значение реализованности — нереализованности.

Препозитивные определения, соединяемые с определяемым посредством атрибутивных показателей, представлены преимущественно сложными глаголами качества, состоящими из двух глагольных или именного и глагольного компонентов [5]. Например: май[4]мэ[3]-до[3] *ачжан*[2]*аси*[2] (АЛ, 3) '*глупый* план' (*май*[4] 'глупый' + мэ[3] 'глупый, невежественный'); тхо[2]-хмьа[1] нун[3]па[3]хла[1]-ди[1] *апуа*[3]*о*[2] (МШ, 39) '*такая бедная* старуха' (*нун*[3] 'изможденный, истощенный', *па*[3] 'худой, тощий'); айоу[4]схо[3]-до[3] *кхале*[3]*ма*[1]*ле*[3] *тайау*[4] (МШ, 103) '*некрасивая* девочка' (*айоу*[4] 'внешность', схо[3] 'плохой'); сэй[4]пьэ[4]-до[3] *аму*[2]*айа*[2] (КС, 110) '*расстроенный* вид' (*сэй*[4] 'душа, ум', *пьэ*[4] 'разрушенный').

Препозитивные определения могут быть представлены несколькими глаголами качества. Они соединяются между собой путем непосредственного соположения или при помощи служебного слова *йуе*[1], выполняющего функцию сочинительного союза. Атрибутивные показатели обычно присоединяются к последнему в цепи однородных определений. Например: схан[3]чжэ[2] хла[1]па[1] кхэ[4]кхэ[3]-до[3] *асхин*[2]*мьа*[3] (МС, 153) '*необыкновенные, красивые, сложные* узоры' (бессоюзное соединение); тан[1]щин[3] син[2]чжэ[2]-йуе[1] ла[4]сха[4] пхьу[2]пуе[3]-до[3] *моун*[1] (КС, 103) '*чистые, без примесей и свежие, белые* макароны' (союзное соединение).

Препозитивные определения бывают, как правило, распространенными — при глаголе качества в атрибутивной функции могут находиться такие второстепенные члены предложения, как определение, дополнение места и времени, дополнение меры и степени, дополнение социативности. Например: алун[2] чхан[3]та[2] чжуэ[2]уа[1]-до[3] *мье*[2]*пайн*[2]*щин*[2]*чжи*[3] (КС, 10) 'помещик, [*который является*] *очень богатым*' (определение); ту[1] сэй[4]-туин[2] ли[4]ха[2]не[2]кхэ[1]-до[3] *ачхэ*[4] (МШ, 77) 'факт, [*который*] *для него оставался неясным*' (дополнение места); ще[3] акха[2]-ка[1] чжо[2]со[3]кхэ[1]чжа[1]-ди[1] *мьо*[1]*то*[2] *хаун*[3]*мьа*[3] (КС, 28) 'древние столицы, [*которые были*] *известны в прошлом*' (дополнение времени); та тхуа[2]та[2]та[2] щи[2]-до[3] *схапин*[2]*то*[1] (КС, 166) 'волосы, *длина* [*которых равна*] *одной пяди*' (дополнение меры); *кхин*[2]*бьа*[3]*то*[1] *айа*[4]-*хма*[2] ди[2] айоу[4]кале[3]нэ[1] тан[2]-дэ[1] *эйн*[2]

[5] Определения, выраженные односложными глаголами качества, составили всего 15% от общего числа препозитивных определений в нашей картотеке.

таэйн^{2} *мащи*^{1}*ба*^{2}*-бу*^{3} (КС, 237) 'В ваших краях нет ни одного дома, [*который был*] *бы достоин* [того, чтобы в нем поместить] *эту статуэтку*' (второстепенный член предложения — дополнение социативности).

Кроме того, глаголы качества в определительной функции могут находиться в сравнительной степени, выражаемой сочетанием послелога *тхэ*^{4} (при наличии дополнения сравнения) с полуслужебным словом *по*^{2}*мо*^{2} (*по*^{2}) или сочетанием *по*^{2} со служебным словом *йуе*^{1}. Например: тхо^{2}-тхэ^{4} по^{2}йуе^{1} тхэ^{4}мье^{4}-до^{3} *паньа*^{2} *мьо*^{3} (ЗДТ, 55) 'урок, [*который является*] *более сильным по сравнению с тем*'; по^{2}мо^{2} пьин^{3}тхан^{2}-до^{3} *схаун*^{3}*йуэ*^{4}*чхин*^{3} *мьо*^{3} (ЗДТ, 14) 'деятельность, [*которая является*] *более плодотворной*'.

Глагол качества в описываемых препозитивных определениях может сопровождаться рядом глагольных суффиксов (*-хла*^{1}, *-чжа*^{1}, *-ккэ*^{1}, *-лай*^{4}) и вспомогательных глаголов (*не*^{2}, *ла*^{2}, *туа*^{3}) [6], которые служат для конкретизации качества — выражают его интенсивность, становление или представляют в виде дляшегося состояния. Например: *айэй*^{4}*-хнин*^{1} *ту*^{2}*хла*^{1}*-до*^{3} *атэй*^{4} (ШМ, 1959, 148, 118) 'прошлое, [которое] очень похоже на тень' (суффикс *-хла*^{1}, сопровождающий глагол *ту*^{2} 'быть похожим', указывает на значительную степень качества); *ту*^{2}*то*^{1}*-ка*^{1}*-до*^{1} *а*^{3}*не*^{2}*чжа*^{1}*-дэ*^{1} *лу*^{2}*туе*^{2} (КС, 65) 'Они же свободные (букв. являющиеся свободными) люди' (глагол *а*^{3} 'быть свободным' сопровождается вспомогательным глаголом *не*^{2}, представляющим качество как нечто длящееся, и глагольным суффиксом *-чжа*^{1}, указывающим на то, что глагол относится к нескольким отдельным качествам или состояниям); *лун*^{3}*чхин*^{3} *тан*^{3}*чхин*^{3}*то*^{1}*-пхьин*^{1} *пьо*^{2}*ккэ*^{1}*-до*^{3} *йэ*^{4}*то*^{1} (КС, 230), букв. 'дни, [которые] были радостными благодаря любовным песням' [после глагола *пьо*^{2} 'быть радостным, веселым' употреблен глагольный суффикс *-ккэ*^{1}, который уточняет направленность действия (или состояния), обозначенного глаголом, относительно говорящего].

Маркирование определений — глаголов качества одним из атрибутивных показателей, распространение определений (конкретизация, уточнение признака), употребление их в сравнительной степени (обозначение меры качества), а также сочетание с глагольными суффиксами и вспомогательными глаголами (указание на интенсивность, множественность, становление качества) — признаки, характеризующие препозитивные определения.

Основным из названных признаков является первый — маркирование атрибутивными показателями. Препозитивные

[6] Подробнее о значении и употреблении данных суффиксов и вспомогательных глаголов см. диссертацию Д. И. Еловкова [4, 96—116] и статью А. Эллот [14, 296—309].

определения — глаголы качества могут быть нераспространенными, могут не сочетаться с глагольными суффиксами или вспомогательными глаголами и не употребляться в сравнительной степени, но они не могут быть не маркированы атрибутивными показателями.

Маркирование препозитивных определений, представленных глаголами качества, посредством атрибутивных показателей *ти*[1] (*дэ*[1]), *то*[3], *ми*[1] (*мэ*[1]), выражающих значение реализованности — нереализованности качества, позволяет сделать вывод о том, что данные определения указывают на признак, соотнесенный с конкретной действительностью, или, говоря словами А. И. Смирницкого, признак «не как фиксированный заранее, сам собою разумеющийся и присущий данному предмету, а как характерный для предмета именно в данный момент» (разрядка наша.—*И. Т.*) [11, 245].

Маркируемые определения, представленные глаголами качества в бирманском языке, напоминают по своему характеру определения-прилагательные, оформленные суффиксом *-ды* в китайском языке. Определение, выраженное прилагательным и оформленное суффиксом *-ды* в китайском языке, как отмечает А. А. Драгунов, приобретает подчеркнутый, выделительный характер и указывает не просто на качество, как таковое, а на меру, степень, оценку качества [см. 2, 170, 173].

Бирманские препозитивные определения, будучи соотнесенными с конкретной действительностью и маркируемые атрибутивными показателями *ди*[1] (*дэ*[1]), *до*[3], *ми*[1] (*мэ*[1]), имеют, подобно китайским определениям-прилагательным, оформленным на *-ды*, подчеркивающее, детерминирующее (по терминологии Ю. В. Рождественского [см. 9, 85]) значение.

Детерминирующее определение служит для выделения качества, свойственного какому-либо конкретному лицу или предмету, а словосочетание с таким определением, как справедливо замечает в своей статье Ю. В. Рождественский, обычно «обозначает часть предметов (разрядка наша. — *И. Т.*) из класса предметов, обозначаемого определяемым» [9, 85].

Постпозитивные определения. Определения, находящиеся в постпозиции к имени, соединяются с ним путем непосредственного соположения. Они представлены преимущественно односложными глаголами качества[7]. Например: *зе*[3]*ди*[2] ти[4]гуе[2]

[7] По данным нашей картотеки, 95% постпозитивных определений выражены односложными глаголами качества и лишь 5% — двусложными (обратное соотношение наблюдаем в случае с постпозитивными определениями).

(ТПМ, 25) 'торговцы *новые*'; *зе²ти²* хаун³*мьа*³ (КС, 255) 'пагоды *старые*'; *ачжаун*³ хман² (МШ, 74) 'причина *настоящая*'; *кхан²та*⁴ пьэ⁴ (КС, 14) 'крепость *разрушенная*'.

Постпозитивное определение к имени не может состоять из нескольких глаголов качества, т. е. в постпозиции к имени не бывает однородных, а тем более распространенных определений. Употребляясь при однородных членах предложения, оно обычно повторяется после каждого из них. Например: *пачжи*² чжо² *папу*¹ чжо² *лэ*⁴*тама*³ чжо²*то*¹ (КС, 154) 'художники, скульпторы, плотники *известные*'; *пайа*³ пьэ⁴*мьа*³ *тан²та*³ *пьэ*⁴*мьа*³ (КС, 24) 'пагоды, мосты *разрушенные*'.

Единственными словами, которые могут входить в состав постпозитивного определения, выраженного глаголом качества, являются *мьа*³, *чжи*³ и *кале*³.

Слово *мьа*³, соотносимое со знаменательным глаголом качества *мьа*³ 'быть в большом числе, быть многочисленным', регулярно употребляется в служебной функции и рассматривается всеми бирманистами как показатель множественности наравне с суффиксами *-то*¹ и *-туе*². Например: *зе²ти*³ *хаун*³*мьа*³ (КС, 255) 'пагоды старые'.

Слова *чжи*³ 'большой' и *кале*³ 'маленький' в одном контексте могут употребляться как знаменательные, в другом — как служебные, и определить их функцию можно лишь в составе конкретного предложения.

Так, например, в следующих двух предложениях данные слова употребляются в знаменательной функции — в качестве определения к имени:

*чжа*³ чжи³-*лэ*³ *чжау*⁴*йа*¹ *чжа*³ кале³-*лэ*³ *чжауй*⁴*йа*¹... (КС, 82) 'Приходится бояться и *больших* и *маленьких* тигров...';

*хле*² чжи³ *хле*² нгэ² *хнгэ*⁴ кале³*мьа*³-*лэ*³ *мачжа*²*мачжа*² *соун*²-*йуе*¹ *туа*³*чжа*¹-*и*¹ (КС, 16) '*Большие, средние* [и] *маленькие* лодки плыли вниз по течению'.

В служебной функции *чжи*³ и *кале*³ выполняют роль увеличительного и уменьшительного полусуффиксов, передавая также такие оценочные оттенки, как уважение, почтение или презрение, уничижение. Например: *схайа*²*чжи*³ (ЗДТ, 49) 'учитель' (оттенок уважения, почтения); *ту*²*нгэ*²*чхин*³*чжи*³ (МШ, 142) 'друг' (с уважением); *ле*²*е*³*кале*³ (КС, 40) 'прохладный ветерок' (значение уменьшительности); *пи*⁴*си*³*ле*³ (ШМ, 1959, № 148, 50) 'вещь, вещичка' (ласкательный оттенок).

Служебная функция данных единиц, в частности *кале*³, подтверждается возможностью редуцироваться до одного слога *ле*³, например: *чхаун*³*ле*³ *такху*¹ (ШМ, 1959, № 148, 49) 'одна речушка' [ср. с полной формой *чхаун*³*кале*³ (ШМ, 1959, № 148, 49) 'речушка'].

В служебном употреблении слова *мьа*³, *чжи*³ и *кале*³, присоединяясь к глаголам качества в определительной функции,

относятся ко всему атрибутивному словосочетанию, что тем не менее не противоречит трактовке их как полусуффиксов бирманского языка [8].

При необходимости охарактеризовать лицо или предмет со стороны двух качеств представляющее их имя повторяется, сопровождаясь глаголами качества, обладающими, как правило, синонимичным значением. Все атрибутивное словосочетание имеет следующий вид: NV_1NV_2, где N — имя, V — глагол качества. Например: *лу*^{2} йо^3 *лу*^{2} каун^3 (ТПМ, 21) 'честный, хороший человек' (букв. 'человек честный, человек хороший'); *не*^{1} схо^3 *не*^{1} йоу^4*чжи*^{3} (КС, 79) '*плохой, ужасный* день'; *тхо*^{2} *сху*^{1} тху^3 *сху*^{1} мьа^4 (КС, 121) 'та *необычная, превосходная* награда'.

Атрибутивные словосочетания с постпозитивным определением, строящиеся по модели NV или NV_1NV_2, в интонационном отношении представляют собой одну ритмическую группу, не разделяемую паузой. Указанные словосочетания образуют единый комплекс и в грамматическом отношении — этот комплекс так же, как и обычное имя, получает показатели множественного числа и синтаксические показатели, характерные для имени, а также сочетается со счетными словами. Например:

лу^2 схо^{3}то^1-ко^2-лэ^3 *тати*^{1} *майа*^{1}-*пьи*^{2} (КС, 42) '[Он] не вспомнил о *плохих людях*' (словосочетание *лу*^{2} *схо*^{3} 'человек плохой' оформляется суффиксом множественности -*то*^{1}, синтаксическим показателем дополнения прямого объекта *ко*^{2} и усилительно-выделительной частицей *лэ*^{3});

йэ^4*кан*^{3}*син*^{2} *хаун*^{3} *такху*^{1}... (КС, 231) 'Один старый ткацкий станок...' [словосочетание *иэ*^{4}*кан*^{3}*син*^{2} *хаун*^{3} сопровождается счетно-количественным комплексом *такху*^{1} (*та* 'один', *кху*^{1} — счетное слово для вещей)].

Употребление рассматриваемых словосочетаний в синтаксических функциях, свойственных имени, и сочетание их с именными морфологическими и синтаксическими показателями, а также со счетными словами должно, казалось бы, свидетельствовать об их словесном характере. Однако особенности употребления названных показателей, а также счетных слов в бирманском языке не позволяют рассматривать данные словосочетания как сложные слова.

Дело в том, что именные морфологические и синтаксические показатели, а также счетные слова могут относиться не только к отдельному имени, но и к целому предложению.

---

[8] Способностью оформлять синтаксические группы обладают не только полусуффиксы *мьа*^{3}, *чжи*^{3} и *кале*^{3}, но и чистые суффиксы. И те и другие могут оформлять как отдельное слово, так и словосочетание, в том числе и словосочетание с подчинительной связью. Ср. *то*^{3}*ти*^{4}*йуэ*^{4} *сэйн*^{3}*то*^{1} (ЗДТ, 62) 'зеленые листья деревьев' (суффикс -*то*^{1}) и *ин*^{2}*чжи*^{2} *соу*^{4}*мьа*^{3} (КС, 16) 'рваные рубашки' (полусуффикс -*мьа*^{3}).

Такое членное предложение, выступая в функции подлежащего или одного из видов дополнения, оказывается эквивалентным обычному имени и выполняет в этом случае, как и последнее, номинативную функцию. Но оно не становится от этого словом и в других условиях выполняет обычную для него функцию актуализации.

Рассматриваемые нами словосочетания со структурой NV или NV_1NV_2 по своей сочетаемости с именными показателями, счетными словами и по выполняемой ими функции в предложении низводятся до положения отдельного имени. Но при этом они остаются свободными словосочетаниями, поскольку, во-первых, характеризуются неидиоматичностью и невоспроизводимостью и, во-вторых, не обладают той внутренней цельностью слова, которая, по словам А. И. Смирницкого, «необходима для того, чтобы оно отличалось именно как одно отдельное слово от словосочетания» [12, 27].

Правда, отсутствие идиоматичности и воспроизводимости, как показал в своей статье В. М. Солнцев [см. 13, 80],— это признаки, которые характерны не только для свободных словосочетаний, но и для некоторых сложных слов. Поэтому при разграничении сложного слова и словосочетания, имеющих одинаковую структуру, нельзя целиком и полностью полагаться на данный признак.

Что же касается внутренней цельности слова, то для нас этот признак оказывается решающим при разграничении данных категорий.

Исходя из данного признака, комплексы со структурой NV или NV_1NV_2 следует отнести к словосочетаниям, ибо они не обладают той внутренней цельностью, которая характерна для сложных слов.

Это подтверждается тем, что данные комплексы могут быть свернуты до одного ядерного компонента, представленного именем, что, как известно, допустимо в определенном контексте для словосочетания и немыслимо для сложного слова. При этом имя, входящее в такой комплекс, сохраняя свое лексическое значение, употребляется с тем же счетным словом, что и весь комплекс [ср. *йэ*^{4}*кан*^{3}*син*^{2} *хаун*^{3} *такху*^{1} (КС, 231) 'один старый ткацкий станок' и *йэ*^{4}*кан*^{3}*син*^{2} *такху*^{1} 'один ткацкий станок'].

Кроме того, глагольный компонент в таких словосочетаниях может при соответствующих контекстных условиях выноситься вперед, соединяясь с именным компонентом при помощи одного из атрибутивных показателей. Правда, смысловой акцент при этом изменится — определение в препозиции к имени приобретет выделительный характер, но связь между компонентами останется прежней — атрибутивной.

Часть атрибутивных словосочетаний с постпозитивным

определением перешла или находится на пути перехода в разряд сложных слов. Значение их, хотя и связанное со значением составляющих компонентов, приобретает ту внутреннюю смысловую цельность, о которой говорилось выше. К ним можно отнести следующие слова: *моун²ла²у¹ни²* 'свекла' (*моун²ла²у¹* 'растение со съедобным корневищем', *ни²* 'красный'); *моун²ла²у¹уа²* 'морковь' (*моун²ла²у¹* 'корнеплод', *уа²* 'желтый'); *тачжи³* 'староста (деревни)', (*ту²* 'человек', *чжи³* 'большой'); *мье²пхьу²* 'мел' (*мье²* 'земля', *пхьу²* 'белый'); *мьэ⁴хна²чжи³* 'влиятельное лицо, персона' (*мьэ⁴хна²* 'лицо', *чжи³* 'большой'); *йуэ²ту²йуэ²тан²* 'сверстник, одногодка' (*йуэ²* 'возраст', *ту²* 'общий, одинаковый', *тан²* 'одинаковый') и т. д.

В основной же своей массе рассматриваемые нами комплексы являются свободными словосочетаниями. Между компонентами этих словосочетаний существует тесная связь, при которой они, говоря словами А. И. Смирницкого, «максимально сливаются, т. е. представляют целостную единицу (разрядка наша. — *И. Т.*) внутри предложения и членятся лишь внутри того комплекса, который образуют» [11, 176].

Определения, входящие в их состав, оказываются тесно связанными со своим определяемым хотя бы уже потому, что строго ограничены в структурном (выражаются в большинстве случаев односложными глаголами качества) и количественном (не могут иметь зависимых членов) отношениях. Кроме того, постпозитивное определение не может быть представлено глаголами качества в сочетании с глагольными суффиксами и вспомогательными глаголами.

Как показали наши наблюдения, определение в постпозиции к имени служит не для выделения предмета (лица) из других предметов (лиц), а для отнесения его к классу, категории предметов (лиц). Постпозитивные определения — глаголы качества в бирманском языке носят описательный, недетерминирующий характер.

На описательный характер постпозитивных определений в бирманском языке указывает употребление атрибутивных словосочетаний, содержащих такие определения, в качестве характеризующего члена в предложениях[9] с глаголом-сказуемым *пхьи⁴* 'быть, являться', соответствующих предложениям именного типа в ряде языков.

Как известно, одним из основных значений, передаваемых данным типом предложения, является отнесение конкретного лица или предмета, обозначенного подлежащим, к какому-либо классу или категории. В этом случае в качестве харак-

[9] О характеризующих предложениях см. автореферат Н. В. Омельянович [8, 20].

теризующего члена употребляются атрибутивные словосочетания с постпозитивным определением. Например:

маун^2 *лу*^{2} *е*^{3}*-ка*^{3} *ще*^{3} *акха*^{2}*-ка*^{1} лу^2 е^3 *пхьи*^{4}*-ди*^{2} (КС, 85) 'Раньше Маун Лу Э был *спокойным человеком*' (относился к категории спокойных людей);

чжун^2*до*^{2}*-ди*^{2} та^3 схо^3 *пхьи*^{3}*-и*^{1} (ШМ, 1959, № 148, 126) '*Я плохой сын*';

ин^2*та*^{3}*чжи*^{3}*то*^{1}*-або*^{1} не^1 тху^3 не^1 мьа^{4}чжи^3 *пхьи*^{4}*ле*^{2}*-ди*^{2} (КС, 79) '[Сегодняшний день] для владельцев пруда является *особенным, замечательным днем*'.

* * *

Итак, препозитивные определения в бирманском языке выражают отдельное, единичное качество, соотнесенное с конкретной действительностью. Данные определения обычно обозначают переменный признак или качество, либо соотнесенное со временем, либо представленное в виде состояния. Они употребляются при необходимости подчеркнуть, выделить качество или признак, характерный для какого-либо конкретного лица (предмета) или для части лиц (предметов) и носят детерминирующий характер.

Постпозитивные определения служат для описания качеств или свойств целого класса лиц или предметов. Они указывают на постоянное качество и носят описательный, недетерминирующий характер.

Таким образом, постановка глаголов качества перед или после определяемого имени является в бирманском языке средством выражения разных оттенков в значении определений, представленных глаголами качества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛ — Аун Лин, Вутхутомьа (Короткие рассказы), Рангун, [б. г.].
ЗДТ — Зо Джи, Такин Кодо Хмайн тика (О Такине Кодо Хмайне), Рангун, [б. г.].
КС — «Тоунпвинсхайн кхисан сапэ» (сб. «Современная литература»), Рангун, 1961.
МС — «Мьанма свэсоунчжан» («Бирманская энциклопедия»), т. 1, Рангун, 1954.
МШ — Мин Шин, Лапохма (В пути), Рангун, 1962.
ТПМ — Тэйн Пхе Мьин, Нгве Сэйн хлехлойин тэчжочхин (Весло Нгве Сэйн сломалось на середине реки), Рангун, 1962.
ШМ — «Шумава» (журнал).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
2. Драгунов А. А., Исследования по грамматике современного китайского языка, М.— Л., 1952.

3. Еловков Д. И., О частях речи в бирманском языке,— «Ученые записки ЛГУ, 1962, № 306.
4. Еловков Д. И., Частные грамматические категории глагола в бирманском языке, канд. дисс., Л., 1967.
5. Илия Л. И., Синтаксис современного французского языка, М., 1962.
6. Маун Маун, Ньюнт, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М., Бирманский язык, М., 1963.
7. Омельянович Н. В., Проблема частей речи в бирманском языке,— сб. «Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1964.
8. Омельянович Н. В., Структура простого глагольного предложения в бирманском языке, автореф. канд. дисс., М., 1964.
9. Рождественский Ю. В., О *ды* — служебном слове современного китайского языка,— сб. «Вопросы языка и литературы Востока», М., 1951.
10. Садовников В. П., Категория предикатива в бирманском языке,— сб. «Вопросы филологии стран Юго-Восточной Азии», М., 1965.
11. Смирницкий А. И., Синтаксис английского языка, М., 1957.
12. Смирницкий А. И., Лексикология английского языка, М., 1956.
13. Солнцев В. М., Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи,— сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка», М., 1963.
14. Allott A. J., Categories for the Description of the Verbal Syntagma in Burmese,— «Lingua», 1965, vol. 15.
15. Allott A. J., Grammatical Tone in Modern Spoken Burmese,— «Das Tonem und seine Realisierung in den Sprachen Ost- und Südostasiens», Sonderdruck aus. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität», Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Leipzig, 16. Jahrgang (1967), H. 1/2.
16. Carey F., A Grammar of the Burman Language, Serampore, 1814.
17. Cornyn W., Outline of the Burmese Grammar, Baltimore, 1944.
18. Judson A., A Grammar of the Burmese Language, Rangoon, 1866.
19. Latter T., A Grammar of the Language of Burmah, Calcutta — London, 1845.
20. Маун Та Но, Мьямма нама уитэтана сиси пьятана (Проблема чистого определения к имени в бирманском языке), — «Нгуетари», 1964, № 49.
21. Stewart J., Manual of Colloquial Burmese, London, 1955.
22. Taylor L. E., The General Structure of the Languages Spoken in Burma, — JBRS, Rangoon, 1956, vol. 39, pt I.
23. U Pe Maung Tin, Some features of the Burmese Language, — JBRS, Rangoon, 1956, vol. 39, pt II.

С. В. КОЛОГРИВОВА

О НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУППАХ ГЛАГОЛОВ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматриваются глаголы, образующие объектные сочетания с предлогом *kepada*. В таких сочетаниях в индонезийском языке выступает широкий круг глаголов, различных как по семантике, так и по морфологическим и синтаксическим признакам. В зависимости от этих признаков глаголы разбиваются на несколько семантико-синтаксических групп. Глаголы каждой группы характеризуются некоторым общим набором морфологических и синтаксических признаков и обладают при этом также известной общностью значений.

Анализ указанных групп глаголов, по нашему мнению, представляет интерес и для описания индонезийского языка, и для индонезийско-русских сопоставлений. Сопоставительное исследование этих групп может послужить, в частности, лингвистической основой для создания рациональной методики обучения индонезийцев глагольному управлению в русском языке.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу семантико-синтаксических групп глаголов, необходимо дать краткую характеристику основных особенностей выражения объектных отношений в индонезийском языке.

Индонезийский язык — аналитический язык с элементами агглютинации особого типа [см., например, 1; 2]. Система словоизменения имен и местоимений в этом языке отсутствует. Основными средствами выражения объектных отношений являются служебные слова (предлоги) и порядок слов. Кроме того, отношения между переходным глаголом и прямым дополнением могут выражаться с помощью особых формантов в составе глагола — суффиксов переходности *-i, -kan* [см. 6, 43; 4].

Рассмотрим следующее индонезийское предложение:

Guru memberikan buku kepada mahasiswa 'Преподаватель дал книгу студенту'.

Суффикс *-kan* в составе глагола *memberikan* ('дать') указывает на то, что глагол — переходный и следующее за ним существительное — прямое дополнение (*buku* 'книга'). Предложно-именная группа с предлогом *kepada* — *kepada mahasiswa* обозначает адресата действия.

Некоторые индонезийские переходные глаголы могут также образовывать конструкции иного типа, а именно:

Guru memběri mahasiswa buku 'Преподаватель дал студенту книгу'.

В этом случае как непосредственный объект воздействия мыслится лицо, в интересах которого совершается действие (*mahasiswa* 'студент'). Слово, обозначающее это лицо, выступает в роли прямого дополнения, оно непосредственно следует за глаголом (*memberi* 'дать'). Второе дополнение (*buku* 'книга') при этом также является беспредложным.

Система выражения объектных отношений в индонезийском языке имеет еще одну характерную особенность. Некоторые индонезийские глаголы могут образовывать тождественные или очень близкие по смыслу глагольно-именные сочетания с помощью нескольких разных предлогов и без предлога.

Приведем примеры с глаголом *kenal* 'знать, быть знакомым':

Farid kenal Soerip *sudah lama* (TD, 21) 'Фарид *знал Супипа* уже давно' (сочетание без предлога);

«Aku tidak kenal akan dia», *sahut Tjut Meuthia* (IM, 26) '«Я не *знаю его»*,— сказала Чут Меутия' (сочетание с предлогом *akan);*

Njonjamu tidak kenal kepada Corrie (MS, 231) 'Твоя жена не *знает Коррu'* (сочетание с предлогом *kepada);*

Suzane menjangka, bahwa ia telah kenal pada rekannja (MS-ti, 26) 'Сузанна считала, что она уже *знает своего приятеля'* (сочетание с предлогом *pada*).

Как видно из примеров, один и тот же глагол (*kenal*) в одном и том же значении ('знать, быть знакомым') сочетается и с беспредложным дополнением (первый пример), и с дополнениями, вводимыми тремя различными предлогами: *akan, pada, kepada.* Заметим, что последние два предлога связаны между собой морфологически: *kepada* — сложный предлог, образованный сочетанием предлогов *ke* и *pada.* Объем семантики предлогов *pada* и *kepada* различен. Так, предлог *pada* может употребляться во временно́м и локальном значениях (*pada tahun* 1967 'в 1967 году'; *pada medja* 'на столе'), он может также образовывать конструкцию принадлежности (*Pada saja ada...* 'У меня есть...') и др., в то время как предлогу *kepada* подобные значения несвойственны. Однако ряд значений предлогов *pada* и *kepada* совпадает. В глагольно-объектных сочетаниях, которые описываются в настоящей статье, эти два предлога практически всегда взаимозаменяемы, поэтому мы будем рассматривать их как один предлог.

Можно назвать еще ряд глаголов, которые образуют тождественные или очень близкие по смыслу сочетания с помощью любого из указанных выше предлогов: *akan, pada, kepada.* На отсутствие очевидных различий в значениях по-

добных сочетаний указывают многие исследователи индонезийского языка. Так, А. А. Фоккер, приводя примеры употребления ряда глаголов с предлогом *akan*, замечает: «Для замены *akan* часто употребляется также (*ke*)*pada*. Например: *bentji kepada, hormat kepada, sajang kepada*... Разницы между этими предлогами здесь не обнаруживается» [7, 19]. И далее: «В современном индонезийском языке невозможно определить, когда предпочтителен один предлог и когда другой» [7, 19].

Некоторые другие индонезийские глаголы имеют свой набор взаимозаменяемых предлогов, с помощью которых они образуют тождественные или очень близкие по смыслу сочетания. Сравним, например, сочетания с глаголом *tergantung* 'зависеть' в следующих предложениях:

Kuba dulu sangat tergantung dari Amerika Serikat (HR, 9.X.63, 2) 'Куба раньше очень *зависела от США*' (сочетание с предлогом *dari*);

Katanja: soal apakah revolusi[2] *di Amerika Latin harus dilakukan melalui perdjuangan bersendjata atau melalui tjara*[2] *damai* tergantung pada banjak sjarat (HR, 9.X.63) 'Он сказал: «Вопрос о том, как должны совершаться революции в Латинской Америке — путем вооруженной борьбы или мирным путем,— *зависит от многих условий*»' (сочетание с предлогом *pada*).

В приведенных предложениях в сочетаниях с глаголом *tergantung* употребляются на равных основаниях предлоги *dari* и *pada*.

На способ сочетания глагола с именем нередко влияет морфологическая структура глагола. В индонезийском языке одно и то же значение нередко может передаваться однокоренными глаголами, различно оформленными морфологически. Так, значение «любить» может быть передано и корневым непереходным глаголом *tjinta*, и производным глаголом с суффиксом переходности — *mentjintai*. Первый глагол, как правило, образует сочетание с помощью одного из трех указанных выше предлогов (*akan, pada, kepada*), второй глагол сочетается с беспредложным дополнением. Например:

Sudah tentu aku tjinta padamu[1] (MS-ti, 22) 'Конечно, я *люблю тебя*' (сочетание с предлогом *pada*);

Aku mentjintai engkau, *karena-engkau* (MS, 157) 'Я *люблю тебя*, потому что ты — это ты' (сочетание без предлога).

Итак, система выражения объектных отношений в индонезийском языке по сравнению с русским языком имеет следующие основные особенности:

[1] Местоименные энклитики *-ku, -kau, -mu, -nja* соответственно равны по значению местоимениям *aku* ('я'), *engkau, kamu* ('ты'), *dia* ('он, она'). Личные местоимения в индонезийском языке употребляются также и в роли притяжательных.

1. В индонезийском языке отсутствует именное словоизменение. Отношение глагола к объекту выражается посредством предлогов, порядком слов, а в ряде случаев — наличием особых формантов в составе глагола (суффиксов переходности *-i, -kan*).

2. Некоторые индонезийские глаголы образуют объектные сочетания, тождественные или очень близкие по смыслу, но различные по своему синтаксическому оформлению (сочетание без предлога и с несколькими различными предлогами).

3. Некоторые значения в индонезийском языке могут быть выражены как корневыми непереходными глаголами, так и производными переходными. Сочетания, образованные такими параллельными глаголами, тождественны по значению, но различны по своей синтаксической структуре (переходные глаголы сочетаются с прямым, беспредложным дополнением; непереходные глаголы обычно образуют сочетание при помощи одного из предлогов).

После этих предварительных замечаний перейдем к непосредственному анализу семантико-синтаксических групп глаголов, образующих сочетания с предлогом (*ke*)*pada*. Для описания в данной статье нами отобраны три такие группы: I — глаголы со значением «передачи»; II — глаголы, обозначающие чувства, психические состояния; III — глаголы со значением движения, перемещения в пространстве.

I группа. Глаголы со значением «передачи». Назовем некоторые наиболее употребительные глаголы этой группы и приведем примеры их употребления:

memberi[*kan*][2] 'давать, подавать, передавать'[3];

menjerahkan 'передавать, вручать, предоставлять';

menjampaikan 'привозить, доставлять; передавать, отдавать, посылать';

membawa 'приносить, приводить, привозить; относить, отводить, отвозить';

mengirim[*kan*] 'посылать, присылать, отправлять; направлять';

mengembalikan 'возвращать, отдавать обратно';

memulangkan 'возвращать'.

Ia biasa memberikan kebebasan sebesar-besarnja kepada anaknja (AL, 18) 'Обычно он давал своим детям самую большую свободу';

Ia menjerahkan tjangkir kepada Corrie (MS, 51) 'Он передал чашку Корри';

Selama Hanafi meninggalkan Solok, belum pernah ia mengirim surat kepada isteri atau ibunja (MS, 135) 'С тех пор

[2] Заключение суффикса *-kan* в квадратные скобки означает, что глагол в том же значении может быть употреблен и без этого суффикса.

[3] Нами указываются лишь те значения, в которых данные глаголы рассматриваются в статье.

как Ханафи покинул Солок, он еще ни разу не послал письма своей жене или матери';

Ia hendak membawa seekor anak sapi betina kepada dukun itu selengkap pakaian serta uang dua puluh rupiah (MS, 81) 'Она отведет знахарю телку, отнесет комплект одежды и двадцать рупий деньгами'.

1. Основным синтаксическим признаком перечисленных выше глаголов является их переходность. Критерием переходности глагола в индонезийском языке служит его способность образовывать противопоставленные формы действительного и страдательного залогов. Кроме того, как уже говорилось выше, на переходность могут указывать особые глагольные форманты — суффиксы *-i, -kan.*

Глаголы I группы, употребляясь в форме активного залога, в большинстве случаев образуют сочетания с двумя дополнениями. Это обусловлено семантикой данных глаголов. Как замечает А. А. Фоккер, «„передачу" невозможно мыслить без того, кому дают, и того, что дают» [7, 22]. Известно, что и в других языках, в том числе в русском, глаголы подобной семантики имеют аналогичные валентные характеристики.

Наиболее типичное сочетание, образуемое глаголами I группы в форме активного залога, это сочетание вида VO_1 *ke*(*pada*)O_2, где V — глагол, O_1 — дополнение, обозначающее передаваемый предмет, O_2 — дополнение, обозначающее того, кому передается предмет. Примеры:

menjerahkan tjangkir kepada Corrie 'передать чашку Корри';

mengirim surat kepada isteri 'послать письмо жене'.

Таким образом, передаваемый предмет обозначается прямым дополнением. Это дополнение непосредственно следует за глаголом. Предложно-именная группа с предлогом (*ke*)*pada* обозначает того, кому передается предмет.

При трансформации активной конструкции в пассивную прямое дополнение O_1 становится подлежащим, а группа (*ke*)*pada* + O_2 остается без изменений. Приведем несколько примеров употребления глаголов I группы в форме пассивного залога:

Apabila kuberikan apa-apa kepadamu, *tak hendak kaumakan* (RS, 8) 'Если я даю (букв. *мною дается*) *тебе что-нибудь*, ты не хочешь есть';

Perkara *itu kami* serahkan kepadamu *semata-mata* (IM, 26) 'Этот *вопрос* мы полностью передаем (букв. *передается* нами) *тебе*';

Baru-baru ini sudah kukirimkan beberapa lusin kelewang dan rentjong kepada kak Ben (IM) 'Совсем недавно *мною* было *послано несколько дюжин мечей и кинжалов брату Бену*'.

2. Некоторые глаголы I группы (*beri, kirim, serah*), упот-

ребляясь с суффиксом *-i*, могут также образовывать сочетания вида VO_2O_1. Примеры:

Oh, anakku, siapakah kiranja jang chianat memberi engkau makanan *berbisa*? (MS, 289) 'О мой сын, кто же тот предатель, который *дал тебе* отравленную *пищу?*';

Seorang wanita memberinja 3 dollar *untuk njanjian*^{2}*nja jang menarik* (HR, 6.X.63, 1) 'Одна женщина *дала ему три доллара* за его чудесные песни';

Ajah mengirimi saja uang *tiap*^{2} *bulan* 'Отец *посылает мне деньги* каждый месяц';

Pemimpin menjerahinja pekerdjaan *penting* 'Начальник *поручил ему* важную *работу*' [4].

В таких конструкциях в качестве прямого дополнения выступает слово, обозначающее адресата действия, того, в чьих интересах совершается действие. Именно это слово непосредственно следует за глаголом. Дополнение, обозначающее передаваемый предмет, также является беспредложным, но занимает второе место.

Однако данные сочетания употребляются гораздо реже, чем сочетания вида VO_1 *kepada* O_2.

3. Некоторые глаголы I группы (особенно глагол *memberi*) иногда образуют также сочетания вида VO_1O_2 (адресат действия обозначается дистантным беспредложным дополнением). Примеры:

Dalam ia meng-hibur^2 *kan hati dan* memberi nasehat menantunja *itu, darahnja sendiripun tidak senang* (MS, 135) 'Утешая свою невестку и *давая ей советы,* сама она была неспокойна' (*nasehat* 'совет', *menantu* 'невестка'):

Tak pernah ia memberi belandja bininja (TD, 26—27) 'Он никогда не *давал денег своей жене*' (*belandja* 'жалованье, содержание', *bini* 'жена').

Сочетание VO_1O_2, по-видимому, можно рассматривать как вариант сочетания VO_1 *kepada* O_2 с опущенным предлогом. Условия опущения предлога не вполне ясны, однако интересно отметить, что чаще всего это происходит в тех случаях, когда прямое дополнение O_1 образует с глаголом устойчивое сочетание, близкое по смыслу к одному слову (глаголу). Например: *memberi nasehat* 'давать совет' (при *menasehati, menasehatkan* 'советовать'); ср. также *memberi belandja* и *membelandjai* ('оплачивать, выплачивать').

4. Выше говорилось о том, что в индонезийском языке существуют взаимозаменяемые предлоги, которые могут употребляться в сочетаниях, тождественных или очень близких по смыслу. Рассмотрим, возможна ли замена предлога *(ke)pada* другими предлогами в сочетаниях, образуемых глаголами I группы.

[4] Последние два примера заимствованы из книги А. А. Фоккера [см. 7, 22—23].

Эти глаголы нередко сочетаются с существительным посредством предлога *ke,* который указывает направление движения и соответствует по значению русским предлогам «в» и «на» при их употреблении с винительным падежом. Приведем примеры употребления этого предлога в сочетаниях, образуемых глаголами I группы:

Mereka dibawa kesebuah kamar *jang sudah berisi limabelas orang pemuda* (TD, 40) 'Их *привели* (букв. они были *приведены*) *в комнату,* где уже находилось человек 15 юношей' [5];

Tiada lama lagi akan engkau kirim *pula ia* ke Djakarta, *meneruskan peladjarannja* (RS, 9) 'Скоро ты *отправишь* его *в Джакарту* продолжать образование'.

Нетрудно заметить, что условия употребления предлогов *ke* и *(ke)pada,* их дистрибуция — различны. Предлог *kepada,* как правило, присоединяет к глаголам I группы дополнение со значением лица, которому что-то передается. Предлог *ke* вводит обстоятельство со значением места, куда кто-то или что-то приводится, привозится, посылается, отправляется и т. п. Чаще всего из глаголов I группы в сочетании с предлогом *ke* употребляется глагол *bawa.* (В нашей картотеке зарегистрировано 36 случаев употребления этого глагола; в том числе 9 раз он употреблен с предлогом *kepada* и 11 раз с предлогом *ke.*) Это естественно, так как глагол *bawa* ('приносить, привозить, приводить' и т. п.) обладает значением передвижения, перемещения в пространстве. Другие глаголы I группы употребляются с предлогом *ke* гораздо реже (глагол *kirim* — 2 раза из 12, глагол *serah* — 1 раз из 36, глагол *beri* — 1 раз из 84).

Вместо предложно-именной группы с предлогом *kepada* при глаголах I группы в некоторых случаях употребляется сочетание «*ketangan* ('в руки') + имя». Примеры:

Djadi malu hamba, kalau si Samsu *hamba* serahkan ketangannja (RS, 8) 'И мне будет стыдно, если я поручу ему (букв. *передам в его руки) Самсу';*

Oleh karena itu ibu izinkanlah anakanda buat memulangkan barang *jang ibu berikan itu* ketangan ibu *sendiri* (MS, 147) 'Поэтому разреши мне *вернуть то,* что ты мне дала, *в твои* собственные *руки*'.

Сочетание «*ketangan* + имя» или придает глаголу оттенок «доверить, поручить», или употребляется для выделения адресата: «именно ему, в его собственные руки». Оно может также конкретизировать, уточнять характер действия: «передавать из рук в руки».

Таким образом, употребление *ketangan* вместо предлога *(ke)pada* ведет к изменению оттенка значения сочетания.

[5] Односложные индонезийские предлоги (*ke, di*) с нарицательными существительными пишутся слитно.

Другие предлоги для замены *(ke)pada* в сочетаниях с глаголами I группы не употребляются. Иными словами, глаголы I группы не образуют тождественных или близких по смыслу сочетаний с различными предлогами, как некоторые другие глаголы индонезийского языка.

II группа. Глаголы, обозначающие чувства, психические состояния. Наиболее употребительными глаголами этой группы являются следующие:

tjinta, kasih, sajang 'любить';
suka 'любить, нравиться; хотеть, желать';
pertjaja 'верить, доверять';
rindu 'скучать';
bentji 'ненавидеть';
takut 'бояться';
malu 'стыдиться'.

К данной группе мы относим также глаголы:
tahu 'знать';
kenal 'знать (кого-либо), быть знакомым';
ingat 'помнить, вспоминать';
lupa 'забывать'.

Эти последние глаголы несколько отличаются своей семантикой и частично своей дистрибуцией от остальных глаголов II группы. Однако они обладают всеми основными морфолого-синтаксическими признаками данной группы глаголов. На этом основании они и включаются в рассматриваемую группу.

Приведем примеры употребления некоторых глаголов:

Ia sangat tjinta kepada suaminja (IM, 38) 'Она очень *любит своего мужа';*

Ia sangat suka pada sendjata itu: *hasil pertempuran* (TD, 21) 'Он очень *любил это оружие* — свой боевой трофей';

Tidakkah pertjaja *lagi engkau* kepada saudaramu? (RS,7) 'Ты не *веришь* больше *своей сестре?';*

Aku bentji kepada musuh (IM, 12) 'Я *ненавижу врагов';*

Engkau berkata tahu *benar* pada adat *Belanda* (MS, 88) 'Ты говоришь, что хорошо *знаешь обычаи* голландцев';

Hampir aku bersangka, engkau telah lupa kepada kami (RS, 7) 'Я уж чуть было не подумала, что ты *забыл нас'.*

1. II группа представлена так называемыми простыми глаголами, или корневыми словами. Корневые слова в индонезийском языке характеризуются тем, что они могут выступать и в роли самостоятельной лексико-грамматической единицы, и в качестве корневой морфемы, производящей путем аффиксации новые слова. Корневые глаголы в своем абсолютном большинстве непереходны.

Для раскрытия значения глагола II группы достаточно одного дополнения (хотя, конечно, эти глаголы могут образовывать и более сложные сочетания). Дополнение, присоеди-

няемое к глаголу посредством предлога *ke(pada)*, обозначает лицо или предмет, на который направлено чувство или которым вызывается то или иное состояние субъекта.

2. В сочетаниях, образуемых глаголами II группы, вместо предлога *(ke)pada* может употребляться предлог *akan*. При этом предлоги *akan* и *(ke)pada* полностью взаимозаменяемы; образуемые ими сочетания тождественны по смыслу. Приведем для сравнения несколько примеров с предлогом *akan*:

Kedatangan suamimu jang sangat tjinta akan dikau *akan lebih dari pada segala obat kekuatannja* (MS, 247) 'Приезд твоего мужа, который очень *любит тебя*, подействует сильнее всех лекарств';

Asal Corrie radjin beladjar... maka tak usahlah ia takut akan hidup susah (MS, 108) 'Если Корри будет прилежно учиться... то ей не надо *бояться бедности*';

Djangankan kausangka, bahwa aku tak tahu akan keadaan *isterimu* (MS, 90) 'Не думай, что я *не знаю положения* твоей жены'.

3. В исследованиях по индонезийскому языку указывается, что для замены предлога *(ke)pada* употребляется также предлог *terhadap* ('относительно, по отношению') или комбинация двух предлогов: *terhadap kepada*. Так, А. А. Фоккер отмечает: «До войны *terhadap* всегда употреблялось в сочетании с *kepada*. Например: *kebentjian terhadap kepada orang itu* ('ненависть к этому человеку'.— *С. К.*). Но в настоящее время *terhadap* уже полностью ощущается как служебное слово, в результате чего нет необходимости употреблять *kepada*. Например: *tjinta terhadap tanah air* ('любить родину' или 'любовь к родине'.—*С. К.*). Таким образом, в подобных случаях *terhadap* конкурирует с *akan* и с *kepada*» [7, 146].

По данным нашей картотеки, предлог *terhadap* в сочетаниях с глаголами II группы употребляется гораздо реже, чем предлоги *(ke)pada* и *akan* (всего два раза на 207 случаев появления различных глаголов II группы), хотя для выражения иных отношений предлог *terhadap* используется достаточно широко. По-видимому, между предлогами *kepada* и *akan*, с одной стороны, и предлогом *terhadap* — с другой, существуют известные стилистические различия. Последний придает речи более книжный характер.

4. Часть глаголов II группы способна выступать в сочетании с другими глаголами (в разной форме). Это относится в первую очередь к глаголам *suka* ('любить, нравиться; хотеть, желать'), *takut* ('бояться'), *malu* ('стыдиться') и к некоторым другим. Приведем примеры:

Dia suka menjanjikan *lagu*[2] *tjinta damai dan persahabatan* (HR, 6.X.63, 1) 'Он *любит петь* песни о мире и дружбе';

Ja, sehenarnja kami orang kampung takut berdjumpa *de-*

ngan orang Belanda (MS, 142) 'Да, действительно, мы — деревенские — *боимся встречаться* с голландцами';

Ia sendiri banjak bitjara. Tetapi bentji mendengarkan *bitjara orang lain* (TD, 46) 'Сам он говорил много. Но *ненавидел слушать* разговоры других людей'.

Следует отметить, что глагол-дополнение, так же как и дополнение, выраженное именем, может вводиться служебным словом *akan*[6]:

Laki-laki itu takut akan ditangkap (IM, 34) 'Этот мужчина *боялся быть схваченным*';

Biasanja ia bernjanji perlahan-lahan, seakan-akan malulah ia akan terdengar *oleh orang lain* (MS, 100) 'Обычно она пела тихонько, как будто *стыдилась быть услышанной*'.

5. Как уже говорилось выше, глаголы II группы — непереходные. Но они могут выступать в качестве словопроизводящих корневых морфем, образующих посредством аффиксации основы переходных глаголов. При этом значения корневого слова (непереходный глагол) и производного (переходный глагол) совпадают полностью или частично.

Однако даже при тождестве значений корневого и производного глаголов образуемые ими сочетания синтаксически различны. Если к корневому (непереходному) глаголу дополнение присоединяется посредством предлогов, то при переходном глаголе (в форме активного залога) употребляется прямое, беспредложное дополнение. Примеры:

Engkau tak akan dapat menemui seorangpun dari pada mereka itu jang mentjintai engkau *seperti aku* tjinta padamu (HR, 13.X.63) 'Ты не сможешь встретить среди них никого, кто будет *любить тебя* так, как я *тебя люблю*' (первое сочетание без предлога, второе — с предлогом *pada*);

Sebab engkau merindukan suamimu *segala fiilmu sudah berubah* (MS, 134) 'Так как ты *тоскуешь по своему мужу*, все твое поведение изменилось' (сочетание без предлога).

Сравним значения некоторых непереходных и переходных глаголов (табл. 1).

6. Выше говорилось о том, что глаголы *tahu, kenal, ingat, lupa* представляют собой особую подгруппу среди глаголов II группы. Основным отличительным синтаксическим признаком этих глаголов является их способность одинаково широко образовывать сочетания как с предлогами *(ke)pada* и *akan*, так и без предлога (при тождестве значений всех трех типов сочетаний). Ср.:

Mereka kenal Mas Darwis *dahulu di Djakarta* (TD, 32)

---

[6] Слово *akan* в индонезийском языке может выступать в качестве предлога, союза и показателя будущего времени. Вопрос о грамматической природе этого слова в указанных конструкциях требует специального исследования.

Таблица 1

Непереходный глагол	Значение *	Переходный глагол	Значение
tjinta	любить, обожать, питать любовь (к кому-либо, чему-либо)	*mentjintai* *mentjintakan*	любить, обожать, питать любовь (к кому-либо, чему-либо)
kasih (*akan*, *kepada*)	любить, нравиться	*mengasihi*	любить, обожать, быть расположенным (к кому-либо), чувствовать привязанность (к кому-либо)
sajang	любить (кого-либо)	*menjajangi*	любить
suka	хотеть, желать; любить	*menjukai*	любить (что-либо), любить (кого-либо), питать (к кому-либо) чувство симпатии
bentji	ненавидеть; не любить, питать отвращение	*membentji*	Те же значения, что и у *bentji*
takut	1) бояться, страшиться, испытывать страх; не решаться; 2) беспокоиться, волноваться; 3) почитать, уважать	*menakuti*	1) бояться, страшиться (кого-либо, чего-либо), испытывать страх (перед кем-либо, чем-либо); 2) пугать, стращать, запугивать; 3) уважать, почитать
		menakutkan	1) бояться, страшиться (кого-либо, чего-либо); 2) вызывать страх, пугать; 3) беспокоить, волновать

* Значения глаголов приводятся по «Индонезийско-русскому словарю» [5].

'Они *знали Мас Дарвиса* еще раньше, [когда жили] в Джакарте';

«Aku tidak kenal akan dia», *sahut Tjut Meuthia* (IM, 26) 'Я *не знаю ее»,*— ответила Чут Меутия';

Zuster tidak kenal kepadanja (MS, 248) 'Медсестра *не знала его*'.

III группа. Глаголы со значением движения, перемещения в пространстве.

1. III группа, как и II группа, представлена в основном корневыми (непереходными) глаголами:

datang 'приходить, приезжать, прибывать';
pergi 'идти, уходить, уезжать';
kembali 'возвращаться';
pulang 'возвращаться домой';
lari 'бежать, бегать; убегать';
pindah 'переходить, переезжать (в другое место), перемещаться';
sampai 'приезжать, прибывать, приходить; достигать (цели и т. п.)';
toleh 'поворачиваться, оборачиваться'.

2. Так как глаголы III группы обозначают главным образом перемещение в пространстве, то наиболее типичными для них сочетаниями являются следующие:

а) сочетания с наречиями места (*kemari, kesini, kesana, kemana, darimana* и др.);

б) глагольно-именные сочетания с предлогами направления *ke* и *dari* (соответствуют русским предлогам «в», «на» и «из», «с» при обозначении направления).

Приведем несколько примеров:

Dahulu setiap hari engkau datang kemari (RS,7) 'Раньше ты каждый день *приходил сюда*';

Kemana *mereka mesti* pergi, *mereka sendiri tak tahu* (SO, 7) '*Куда* им *идти*, они и сами не знали';

Ia datang ke Djakarta *untuk menghadiri sesuatu konferensi* (HR, 13.X.63, 3) 'Он *приехал в Джакарту*, чтобы присутствовать на конференции';

Kemudian aku kembali ke Surabaja (HR, 13.X.63, 3) 'Потом я *вернулся в Сурабаю*';

Izinkanlah kami pulang ke Bondjol (MS, 215) 'Разреши нам *вернуться в Бонджол*.

В глагольно-именных сочетаниях, образуемых глаголами III группы, вместо предлога *ke* может употребляться *di* — предлог, указывающий на место действия (соответствует русским предлогам «в» и «на» при их употреблении с предложным падежом). Примеры:

Kalau ada pertanjaan apa-apa... silakan sadja datang di kantor (TD, 41) 'Если будут какие-нибудь вопросы... пожалуйста, *приходите в канцелярию*';

Kereta sampai di Klender (TD, 21) 'Поезд *прибыл в Клендер*'.

3. Предлоги *ke* и *di*, о которых говорилось выше, обычно вводят обстоятельство места, выраженное неодушевленным

существительным. Для введения дополнения, выраженного одушевленным существительным, употребляется предлог *(ke)pada*. Примеры:

Baik, adik boleh datang kepada komendan *tangsi itu* (IM, 38) 'Хорошо, ты можешь *прийти к коменданту казармы*';

Tatkala itu djuga puteri Rukiah keluar dari dalam biliknja lalu pergi kepada mamandanja (RS, 12) 'В это время Рукиах вышла из своей комнаты и *подошла к дяде*';

Jang sesenang-senang hatinja ialah bila Corrie dapat kembali kepada suaminja (MS, 209) 'Больше всего она была бы рада, если бы Корри смогла *вернуться к мужу*';

Pandangnja pindah pada Soerip (TD, 34) 'Он перевел взгляд на Сурипа' (букв. 'Его взгляд *перешел на Сурипа*').

4. Предлог *(ke)pada* может вводить и дополнение, выраженное неодушевленным существительным. Такие сочетания обычно образуют глаголы *kembali, sampai,* когда они не обозначают непосредственно передвижения, перемещения в пространстве. Дополнение в таких случах чаще всего бывает выражено существительным с абстрактным значением.

Приведем несколько примеров:

Sekarang kita kembali kepada halmu *dengan isterimu* (MS, 232) 'Теперь мы *вернемся к твоему вопросу* о твоей жене';

Hingga sampailah *aku* kepada keadaan *serupa ini* (MS, 181) 'В результате я *дошел до* такого *состояния*'.

5. Так как глаголы III группы представляют собой корневые слова, то они могут выступать в качестве словопроизводящих морфем, в том числе для образования глаголов. Выше отмечалось, что таким же свойством характеризуются и глаголы II группы. Однако при реализации этих возможностей между корневыми словами II и III групп обнаруживаются известные различия [7]. Наиболее существенное из них, на наш взгляд,— это различие в характере связи корневых морфем с суффиксом *-kan* и в значениях получаемых при этом производных глаголов.

Глаголы на *-kan,* образованные от корневых морфем II группы, как правило, сохраняют семантику корневого слова (см. табл. 1). Лишь в редких случаях они приобретают каузативное значение (при этом один и тот же глагол может

[7] Положение о дифференцированных свойствах корневых морфем по отношению к глагольным аффиксам выдвигается и аргументируется, в частности, в статье Н. Ф. Алиевой «К вопросу о классификации корневых морфем в индонезийском языке» [3]. Автор статьи отмечает, что различие свойств корневых морфем, принадлежащих к различным семантическим разрядам, проявляется «как в возможности для данной морфемы сочетаться с определенными аффиксами, так и, особенно, в значении производного слова и в характере такого соединения» [3, 164] (имеется в виду, что при соединении аффиксов с корневыми морфемами может иметь место либо словообразование, либо словоизменение, либо оба этих процесса одновременно).

употребляться в двух значениях, например: *menakutkan* 1) 'бояться, страшиться', 2) 'вызывать страх, пугать'; *merindukan* 1) 'тосковать', 2) 'расстраивать, вызывать тоску'.

Переходные глаголы на *-kan,* произведенные от корневых морфем III группы, регулярно переходят в разряд каузативных.

Приведем для сравнения таблицу значений некоторых глаголов III группы и соответствующих производных глаголов на *-kan* (табл. 2).

Таблица 2

Корневые непереходные глаголы	Переходные глаголы на *-kan*	
datang приходить, приезжать, прибывать	*mendatangkan*	1) посылать (за кем-либо, чем-либо), вызывать (кого-либо); 2) причинять, вызывать, приносить, доставлять; 3) ввозить, импортировать
kembali возвращаться	*mengembalikan*	1) возвращать, отдавать (обратно); 2) поворачивать (вспять); 3) отражать, отбрасывать (назад), вынуждать отступить (на исходные позиции)
lari бежать, бегать, убегать	*melarikan*	1) увезти, украсть (например, невесту); 2) заставлять бежать
sampai приезжать, прибывать, приходить, достигать (цели и т. п.)	*menjampaikan*	1) привозить, доставлять; 2) передавать, отдавать, посылать (с кем-либо); 3) сообщать, доводить до сведения

Любопытно отметить, что некоторые из глаголов на *-kan,* образованных от корневых морфем III группы, входят в I группу (глаголов со значением «передачи»), например: *menjampaikan, mengembalikan, memulangkan.*

Корневые морфемы III группы сочетаются также и с некоторыми другими продуктивными глагольными аффиксами: с префиксом *ber-*, с суффиксом *-i.*

Глаголы, образованные посредством префикса *ber-,* по существу не отличаются от корневых глаголов ни своей семантикой, ни категориальной принадлежностью (те и дру-

гие являются непереходными глаголами). Они однородны с корневыми глаголами также и в отношении синтаксической дистрибуции. Приведем примеры:

Pandangnja berpindah dari tempat ketempat (TT, 34) 'Она переводила взгляд' (букв. 'Ее взгляд *переходил с места на место*');

Ia hendak terus berlari-lari[3] *sekali* kepada saudara-saudaranja *memperagakan tjokelat jang diperolehnja itu* (AL, 11) 'Он хотел сразу же *побежать к своим братьям* похвастаться полученным им шоколадом'.

Соединение корневых морфем III группы с суффиксом *-i* носит словообразовательный характер. Глаголы на *-i* в отличие от корневых глаголов являются переходными. В связи с этим корневые глаголы и производные глаголы с суффиксом *-i* имеют различные валентные характеристики (последние, употребляясь в форме действительного залога, образуют беспредложные сочетания). По своей семантике корневые глаголы и производные на *-i* в одних случаях тождественны *(datang — mendatangi)*, в других — различны *(pulang — memulangi)*. Однако в отличие от глаголов на *-kan* глаголы с суффиксом *-i* не употребляются в каузативных значениях.

Кроме рассмотренных нами корневых глаголов в III группу входят также некоторые производные глаголы, образованные посредством префиксов *ber-, ter-, me-* от неглагольных корней. Примером могут служить глаголы *bergerak* 'двигаться, передвигаться' (от *gerak* 'движение'), *menudju, tertudju* 'направляться, двигаться (в каком-либо направлении)' (от *tudju* 'направление, курс, цель'). Эти глаголы являются непереходными и по своей синтаксической сочетаемости принципиально не отличаются от остальных непереходных глаголов III группы. Примеры:

Menudjulah *mereka* kedjalan Priok (MS, 172) 'Они *направились на улицу Приок*';

Maria menudju kepada tempat meletakkan sepeda (AL, 28) 'Мария *направилась к велосипедной стоянке*'.

* * *

Мы рассмотрели три семантико-синтаксические группы глаголов в индонезийском языке. Сопоставляя синтаксические конструкции, образуемые этими глаголами, с их эквивалентами в русском языке, можно сформулировать, хотя бы в самом общем виде, некоторые правила перехода от индонезийских глагольно-объектных сочетаний к соответствующим русским конструкциям. Эти правила можно представить в виде ряда формул.

[8] Префиксация иногда сопровождается удвоением основы.

Примем следующие условные обозначения: (I) — индекс индонезийского языка; (R) — индекс русского языка; V — глагол, V^1, V^2, V^3 — индонезийские глаголы соответственно I, II и III групп; O — существительное или местоимение; O_1 и O_2 — существительное или местоимение, обозначающее соответственно передаваемый предмет и лицо, которому передается предмет (при глаголах со значением «передачи»); $O^{(вин.)}$, $O^{(дат.)}$ — русские существительные или местоимения в форме винительного падежа (первое) и дательного падежа (второе); *ke*, (*ke*)*pada* — соответствующие индонезийские предлоги; к, в, на — соответствующие русские предлоги.

В этом случае формула перехода от индонезийских к русским синтаксическим конструкциям для глаголов I группы будет иметь следующий вид:

$$(I)\ \left.\begin{matrix}V^1O_1\ (ke)pada\ \ O_2\\ V^1O_2O_1\\ V^1O_1O_2\end{matrix}\right\} = \left\{(R) - \left[\begin{matrix}VO_1^{(вин.)}O_2^{(дат.)}\\ VO_2^{(дат.)}O_1^{(вин.)}\end{matrix}\right.\right.$$

Таким образом, трем типам сочетаний в индонезийском языке [1) *memberikan buku kepada mahasiswa*; 2) *memberi mahasiswa buku*; 3) *memberi buku mahasiswa*)] соответствуют сочетания двух типов в русском языке («дать книгу студенту» или «дать студенту книгу»).

Для глаголов III группы правило перехода может быть выражено следующими формулами:

$$(I)V^3(ke)pada\ O = (R)V\ к\ O^{(дат.)}$$

$$(I)V^3ke\ O = (R)V\ в\ (на)\ O^{(вин.)}$$

Например:

Ia datang kepada ajah 'Он *пришел к отцу*';

Ia datang kesekolah 'Он *пришел в школу*'.

Что касается глагольно-объектных конструкций, образуемых глаголами II группы, то для них нельзя установить однозначного правила перехода к эквивалентным конструкциям русского языка. Индонезийским глаголам II группы в русском языке соответствуют глаголы с различным управлением. Ср.: *tjinta, kasih, sajang* 'любить' (кого? что?), *pertjaja* 'верить' (кому? чему?), *rindu* 'скучать' (по кому? по чему?), *takut* 'бояться' (кого? чего?). Поэтому для сочетаний с глаголами II группы следует попытаться установить дифференцированные правила перехода к соответствующим русским конструкциям. Учитывая управление эквивалентных русских глаголов, а также семантику и дифференциальные синтаксические признаки различных индонезийских глаголов II груп-

пы, их можно разбить на несколько подгрупп, для каждой из которых и устанавливается правило перехода.

Однако установление и более широкое описание указанных правил перехода от индонезийских глагольно-объектных конструкций к эквивалентным русским сочетаниям не входит в задачи настоящей статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AL — S. T. Alisjahbana, Lajar terkembang, Balai pustaka, Djakarta, 1962.
IM — N. Iskandar, Mutiara, Balai Pustaka, Djakarta, 1953.
MS — A. Moeis, Salah asuhan, Balai pustaka, Djakarta, 1961.
MS-ti — A. Moeis, Surapati, Balai Pustaka, Djakarta, 1952.
RS — Mh. Rusli, Sitti Nurbaja,— в кн. «Образцы современной индонезийской прозы», сост. Г. И. Прокофьев, изд-во ЛГУ, 1964.
SO — U. T. Sontany, Orang-orang sial, Balai Pustaka, Djakarta, 1951.
TD — P. A. Toer, Ditepi kali Bekasi, Gapura, Djakarta, 1951.
TT — P. A. Toer, Tjerita dari Blora, Balai pustaka, Djakarta, 1963.
HR — «Harian Rakjat» (газета).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Н. Ф., Глагол в индонезийском языке. Проблемы аффиксации, канд. дисс., М., 1963.
2. Алиева Н. Ф., Индонезийский тип агглютинации,— сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965.
3. Алиева Н. Ф., К вопросу о классификации корневых морфем в индонезийском языке,— сб. «Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1964.
4. Алиева Н. Ф., Соотношение словообразовательных и синтаксических функций глагольных аффиксов в индонезийском языке,— «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
5. Коригодский Р. Н., Кондрашкин О. Н., Зиновьев Б. И., Индонезийско-русский словарь, М., 1961.
6. Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., Индонезийский язык, М., 1960.
7. Fokker A. A., Pengantar sintaksis Indonesia, Djakarta, 1960.

И. С. БЫСТРОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИТЕРИЯ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Долгое время считалось, что в изолирующих языках грамматика представлена почти исключительно синтаксисом. Позднее было доказано наличие в этих языках и морфологических категорий.

Для вьетнамского языка в связи с явным преобладанием синтаксических способов выражения над прочими вопрос о выделении служебных слов и об их подразделении на синтаксические и несинтаксические приобретает особую важность. Между тем в этой области еще много неясного, начиная от самих признаков служебности и кончая точным определением функций слов. В частности, еще ни разу не отмечалось, что некоторые служебные слова способны, по-видимому, выступать одновременно и как синтаксические, и как несинтаксические. Ниже мы выскажем некоторые собственные соображения по этим вопросам.

В большинстве существующих работ служебные слова с приписываемым им грамматическим значением заданы априорно. Основанием для включения слова в список служебных является:

а) более или менее регулярное появление этого слова в тех случаях, когда необходимо выразить то или иное значение, часто значение, которое является грамматическим только в родном языке исследователя или других известных ему языках [1];

б) признание за словом полной или частичной утраты лексического значения. При этом в разряд служебных слов попадают различного рода наречия, такие, как vẫn 'по-прежнему', lại 'снова, опять', слова со значением неопределенного количества: nhiều 'много', mấy 'несколько' и др. (см. работу Ле Ван Ли [13]), которые скорее следует рассматривать как лексические, а не как грамматические средства выражения тех или иных значений.

в) статистические данные о диапазоне сочетаемости исследуемого слова с другими словами текста (см. статью Ю. К. Лекомцева [6, 131—149]);

г) соображения фонетического характера. Во многих язы-

[1] Примеры подобного подхода к языку см. в так называемых переводных грамматиках, например в работе Р. Бюльто [12].

ках делексикализация служебных слов часто сопровождается изменением их фонетической характеристики. В китайском языке, например, по свидетельству А. А. Драгунова, «служебные слова в отличие от слов знаменательных лишены своего индивидуального тона и соответственно и ударения» [5, 112].

Несостоятельность первого из перечисленных выше признаков служебности мы полагаем очевидной. В какой мере остальные три применимы к вьетнамскому языку? Для удобства дальнейшего изложения мы рассматриваем их в обратном порядке.

Фонетические различия между служебными и знаменательными словами иногда наблюдаются, но лишь в определенных условиях (например, при непосредственном примыкании служебного слова и его знаменательного омонима). Кимографическое исследование[2] показывает, что во фразе giặc cướp của của nhân dân 'враги грабили народное добро' (первое của — знаменательное слово со значением 'имущество, добро', второе — предлог) происходит заметная редукция тона у предлога. Но в других примерах мелодический рисунок тона в служебном слове của может быть реализован так же, как у знаменательного слова в том же положении. Следует отметить, однако, что редукция тона иногда имеет место и в других омонимичных парах, члены которых не противопоставлены как служебное и знаменательное слово, например в паре chị 'старшая сестра' — chị 'Вы, ты' (местоимение 2-го лица). Впрочем, здесь тоже можно говорить об основном и производном значениях, хотя уже не в плане «знаменательность — служебность».

Довольно часто наблюдается редукция слова không 'не, нет', особенно в тех случаях, когда оно выступает в качестве замыкающего элемента рамочной вопросительной конструкции: anh có mua sách không? 'вы купили книги?' При быстром темпе речи это слово имеет тенденцию к почти полному исчезновению, оставляя след лишь в виде некоторого удлинения и изменения качества предшествующего слога[3]. Аналогичную редукцию может претерпевать предлог ở, если он примыкает к глаголу có 'иметь, иметься', который выступает в качестве первого элемента вопросительной конструкции: anh có ở nhà không? 'вы дома?'. Эта редукция может быть настолько полной, что предлог полностью элиминируется и перестает обозначаться при написании: anh có nhà không?

[2] Исследование проводилось автором совместно с М. В. Гординой в фонетической лаборатории ЛГУ.

[3] В приведенном выше примере изменение по качеству на слух воспринимается как прибавление к слову sách неопределенного носового согласного.

Однако в целом можно сказать, что, хотя тенденция к фонетическому обособлению служебных слов во вьетнамском языке и намечается, в настоящее время фонетический признак еще не может быть использован в качестве надежного критерия их выделения.

Представляется весьма интересным проделанный в упомянутой выше работе Ю. К. Лекомцева [6] опыт выделения служебных глаголов на основе учета их сочетаемости с другими глаголами. Однако предложенный и проиллюстрированный им статистический метод в дальнейшем не применялся и не получил, таким образом, достаточной практической проверки. Можно предположить, что он вряд ли пригоден для всех видов служебных слов. Вне поля зрения исследователя могут остаться некоторые явно служебные, но малоупотребительные слова (например, суффикс уменьшительности con: dao con 'ножичек', lỗ con 'дырочка') и слова, обслуживающие узкую группу лексики, например, глагол thấy 'увидеть', который во многих работах описывается как слово со служебным значением — показатель результативного вида. Это слово сочетается всего с несколькими глаголами, по нашим данным,— с четырьмя: nhìn 'смотреть', nghe 'слушать', ngửi 'нюхать', tìm 'искать'.

Итак, единственным критерием, на который можно регулярно опираться при выделении служебных слов, остается семантический.

Применение семантического критерия затруднено, однако, тем, что большинство слов, традиционно относимых к служебным, отнюдь нельзя назвать словами чисто грамматическими, т. е. полностью делексикализованными. За редкими исключениями все они, выполняя определенную грамматическую функцию, сохраняют в той или иной степени свое лексическое значение.

Это обстоятельство должно определять наш подход к классификации слов, определяемых как служебные. Помимо разделения слов по грамматическим функциям возникает необходимость как-то различать их в зависимости от степени сохранения ими своей знаменательности[4]. Такое различение могло бы содействовать более четкому уяснению того, как построена и функционирует грамматическая система вьетнамского языка. Известно, что русский предлог «благодаря» из-за своей связи с глаголом «благодарить» неупотребителен в предложениях, которые по смыслу содержат сообщения

[4] На желательность такого разделения косвенным образом указывает И. В. Головнин, когда пишет, что грамматическая часть составного сказуемого может быть выражена «незнаменательным предикативным словом или знаменательным предикативным словом в служебном употреблении» [4, 83].

отрицательного характера (не говорят, например, «благодаря пожару я лишился дома» и т. п.).

Подобного рода лексическая несовместимость в гораздо более широких масштабах имеет место во вьетнамском языке. Это приводит, во-первых, к увеличению общего числа слов, используемых в служебном значении (вместо одного показателя существует несколько с одинаковым служебным значением, каждый из которых обслуживает определенную группу лексики). Во-вторых, это ведет к тому, что на основное грамматическое значение служебного слова могут наслаиваться дополнительные. Например, к значению слов bị 'подвергаться' и được 'получать' как показателей пассива добавляется модальное значение — оценки совершаемого действия как «хорошего» (được) или «плохого» (bị)[5]. При этом модальное значение выдвигается как ведущее в том смысле, что оно устанавливает известный предел применению отмеченных выше служебных глаголов в роли показателей пассива. Пассивные конструкции, как правило, неупотребительны там, где оценка действия невозможна, а это бывает, например, когда глагол обозначает действие, безразличное для объекта (biết sự thật 'знать правду'), или действие, обычное по отношению к данному объекту (ăn thịt 'есть мясо').

Следует отметить, что в этих случаях пассивные конструкции иногда могут быть использованы как своеобразный стилистический прием, который позволяет говорящему заявить «особое мнение» о происходящем действии, давая ему оценку, расходящуюся с общепринятой. Так, например, мать может сказать о дочери nó bị hôn 'ее поцеловали', употребив при этом глагол bị 'подвергаться' — показатель отрицательной оценки. Равным образом иногда можно сказать thịt bị ăn 'мясо съедено', если это действие в данной ситуации явилось непредвиденным или нежелательным (например, если оказалось, что мясо стащила собака, и т. п.). Изредка, когда говорящий сам не уверен в оценке описываемого им действия, можно наблюдать одновременное присутствие в пассивной конструкции двух показателей. Например:

Việt-điển u-lính, nó là tập truyện được (hay là bị) rất nhiều người phụ bổ... («Nghiên cứu văn học», 1961, № 2, стр. 19) '«Вьет-дьен у-линь» — это сборник, дополнявшийся очень многими...' («Изучение литературы», 1961, № 2, стр. 19).

При переводе подобных выражений наличие двух показателей и связанную с ними модальность можно отразить только описательно, например, добавив к сделанному выше переводу слова: «хотя польза от участия стольких авторов и представляется сомнительной», или иным способом.

Сходные явления можно отметить и в употреблении дру-

[5] Об этом см. также нашу статью [1, 92—99].

гих служебных слов. Выбор говорящим в каждом конкретном случае одного из формантов результативного вида позволяет не только оценить достигнутый результат, но и показать, связан ли он с созданием (приобретением) или, напротив, с ликвидацией объекта. Примеры:

(1) đánh được hai con cá 'поймать двух рыб';

(2) ăn hết cơm 'съесть рис';

(3) tiêu mất ba đồng 'истратить три донга'.

В первом примере речь идет о благоприятном результате, связанном с приобретением объекта, в роли видового показателя выступает глагол được (собственное значение 'получать'). Во втором и третьем действие ведет к уничтожению объекта, и в качестве видовых показателей использованы соответственно глаголы hết 'исчерпываться' и mất 'терять, теряться'. Разница между ними заключается в том, что при употреблении mất действие оценивается как неблагоприятное, например, если говорящий сожалеет о произведенной затрате, а при употреблении hết элемент подобного рода оценки отсутствует, подчеркнут лишь исчерпывающий характер действия по отношению к объекту.

В наиболее полном и систематическом виде список служебных слов вьетнамского языка представлен в грамматике Ле Ван Ли [13]. Автор указывает на две группы служебных слов, из которых одну, следуя традиции китайских грамматик, он называет термином «пустые слова» (mots vides), а другую — «слова-признаки» (mots temoins). Пустые слова выделены у Ле Ван Ли по их несочетаемости со словами-признаками, а последние заданы списком. Различия между обеими группами автор видит в том, что слова-признаки служат для выделения классов знаменательных слов, а пустые слова выражают самые различные грамматические значения: отношение принадлежности (của), категорию вида (được), категорию направления (đi) и др. Далее, в качестве дополнительного признака пустых слов Ле Ван Ли указывает на наличие у них знаменательных омонимов (của 'имущество' и của — предлог, указывающий на отношения принадлежности, и т. п.).

Разделение служебных слов на такой основе оказывается весьма нечетким, ибо так называемые пустые слова в ряде случаев наравне со словами-признаками могут быть использованы для различения классов знаменательных слов. Например, пустое слово của никогда не стоит перед глаголом и т. д., а многие из слов-признаков, например все классификаторы существительных, также обладают знаменательным значением.

Нам представляется более последовательным ограничиться на первом этапе классификации только этимологическим признаком и разделить служебные слова на две группы:

1) слова, которые во всех конструкциях, где они могут быть употреблены, имеют только служебное значение;

2) слова, которые в одних конструкциях могут быть употреблены как служебные, а в других — как знаменательные.

Первая группа сравнительно немногочисленна. В нее входят показатели множественности những и các, некоторые временные показатели: sẽ (будущее время), đang (настоящее), từng (прошедшее). Для слов этой группы характерна полная утрата лексического значения, что, в частности, ясно видно из тех объяснений, которые дают им толковые и переводные словари. Этимология некоторых слов, таких, например, как những и sẽ, неясна. Другие представляют собой китайские заимствования (các, đang, từng). В современном вьетнамском языке эти слова используются только как служебные, а знаменательное значение их утрачено. Имеющиеся у слов первой группы омонимы являются абсолютными, т. е. члены пары не связаны общим происхождением: những 'только', sẽ 'тихо' и т. п.

Вторая группа состоит из слов, называемых Ле Ван Ли пустыми словами, и части слов, называемых им словами-показателями, т. е. охватывает бо́льшую часть традиционного списка. Все они происходят от знаменательных слов, у которых развилась служебная функция, причем эти знаменательные слова продолжают существовать в языке параллельно с с производными от них служебными. Таким образом, у каждого слова второй группы имеется свой знаменательный омоним, с которым он связан по значению и по происхождению.

В данной статье остановимся на процедуре выделения служебных омонимов для слов одного из лексико-грамматических подклассов вьетнамского глагола, так называемых глаголов направленного движения. В качестве типичных представителей этой группы глаголов мы рассмотрим vào 'входить' и về 'возвращаться', считая, что все сказанное о них будет справедливо и для группы в целом [6].

Служебное слово в омонимичной паре, как это уже отмечалось, сохраняет в какой-то мере первоначальное лексическое значение, поэтому иногда оказывается затруднительным определить, каким является данное слово в исследуемой конструкции: знаменательным или служебным. Формальные способы проверки, заключающиеся в подстановке слов, с которыми интересующее нас слово имело бы собственные синтаксические связи, в данном случае неэффективны, поскольку нам известно о существовании конструкций, в которых данное слово выступает как знаменательное. Совершив подстановку, мы можем просто подменить исследуемую конструкцию другой, в которой интересующее нас слово будет бесспорно зна-

[6] Об этой группе глаголов см. также наши статьи [2, 46—53; 3, 135—137] и статью В. С. Панфилова [7, 15—20].

менательным, но при этом никак не определим, чем оно было вначале, т. е. в исходной конструкции. Поясним сказанное примерами на употребление одного из глаголов направленного движения, а именно vào (знаменательное значение 'входить', предложное 'в, на'). Сравним два предложения:

(1) tôi vào rừng букв. 'я — входить — лес';

(2) tôi đi vào rừng букв. 'я — идти — входить — лес'.

Литературный перевод обоих предложений будет одинаков: 'я вошел в лес'. В первом из них глагол vào выступает как сказуемое, и его знаменательный характер неоспорим. Во втором предложении vào обычно рассматривают как служебный элемент при глаголе đi и применяют для его характеристики такие термины, как «предлог», «глагольный модификатор», «суффикс направленности» и т. п. Однако если мы попытаемся расширить второе предложение, включая в него слова, которые были бы связаны с vào и характеризовали его как знаменательную единицу, это легко можно сделать:

tôi càng đi càng vào sâu trong rừng rậm 'чем дальше я шел, тем глубже входил в густой лес' или

tôi đi hai ngày mới vào rừng 'я шел два дня и только тогда добрался до леса' (букв. '...вошел в лес').

В обоих примерах глагол vào является сказуемым (одним из двух однородных сказуемых), т. е. выполняет ту же функцию, что и в предложении tôi vào rừng 'я вошел в лес'.

Вернемся к предложению tôi đi vào rừng. Будем считать, что нам ничего не известно о характере отношений между глаголами đi и vào. Рассматриваемое предложение можно записать в виде последовательности SVV_1S_1. Предположим, что оба глагола — знаменательные, и зададим вопрос, какие синтаксические модели могут быть записаны как VV_1 (т. е. какие отношения могут существовать во вьетнамском предложении между двумя примыкающими друг к другу знаменательными глаголами). Сочетание VV_1 может быть, во-первых, сложным сказуемым, которое содержит модальный глагол (muốn học 'хочу учиться'); во-вторых, оно может быть сочетанием сказуемого с дополнительным глагольным членом, указывающим на цель действия (đấu tranh thống nhất nước nhà 'боремся, чтобы объединить страну'); в-третьих, это могут быть два однородных сказуемых. Перечисленные три случая практически исчерпывают реально существующие возможности. Быть определением к другому глаголу (т. е. играть ту же роль, какую в русском языке выполняет деепричастие — обстоятельство образа действия) вьетнамский глагол, во-видимому, не может[7]. Использование деепричастных форм при переводах с вьетнамского на русский язык объясняется

[7] По данным Н. В. Станкевич, в функции определения к глаголу выступает главным образом прилагательное (около 90% исследованных ею случаев), далее формообразы и звукообразы [см. 11, 54—58].

исключительно стилистическими соображениями, но не отражает действительной структуры вьетнамского предложения.

В исследуемом предложении ни один из трех перечисленных выше типов отношений не может иметь места.

Первый — потому, что глагол đi не входит в подкласс модальных. Наличие второго и третьего типов отношений проверяется возможностью подстановки соответствующих союзов (để 'чтобы' и và 'и'). В данном случае вместо tôi đi vào rừng 'я вошел в лес' нельзя сказать ни tôi đi và vào rừng, ни tôi đi để vào rừng, не изменив первоначального смысла (примерный перевод в этом случае был бы 'я двинулся в путь, чтобы попасть в лес'). Укажем для сравнения, что, когда V_1 является, допустим, дополнительным глагольным членом, союз để 'чтобы' вводится свободно, не внося никаких изменений в общее значение сочетания VV_1 (đấu tranh thống nhất nước nhà или đấu tranh để thống nhất nước nhà 'боремся, чтобы освободить страну').

Если ни один из существующих типов отношений между знаменательными глаголами не подходит для исследуемой пары VV_1, то очевидно, что один из ее членов представляет собой служебное слово. Остается определить, какой именно — V или V_1.

Для выяснения этого вопроса рассуждаем следующим образом. Известно, что два и более простых предложения, у которых сказуемые разные, а прочие члены (полностью или частично) материально совпадают, могут объединяться в одно предложение с однородными сказуемыми. И напротив, на базе предложения с однородными сказуемыми можно построить столько отдельных простых предложений, сколько в нем сказуемых.

Если в предложении, которое содержит два глагола, один из них служебный, то такой глагол нельзя использовать в качестве сказуемого для построения самостоятельного предложения, хотя и не во всех случаях это одинаково очевидно. Если служебное слово полностью делексикализовано, построить предложение нельзя вовсе. Однако если мы имеем дело лишь с частичной делексикализацией, такое построение оказывается возможным, но полученное предложение не будет (полностью или частично) соответствовать действительности, отраженной в исследуемом предложении. Величина этого несоответствия будет зависеть от степени делексикализации служебного глагола.

Поясним сказанное на примерах.

Предложение các học sinh viết và đọc nhiều 'школьники много пишут и читают' содержит два знаменательных глагола, и оба этих глагола можно сделать сказуемыми двух самостоятельных предложений: các học sinh viết nhiều 'школьники много пишут' и các học sinh đọc nhiều 'школьники много чи-

тают'. Содержание каждого из них полностью соответствует одной из сторон действительности, отраженной в исходном предложении.

А теперь возьмем предложение tôi nhìn vào sân 'я смотрел во двор'. Оно содержит два глагола: nhìn 'смотреть' и vào 'входить'. Каждый из них можно сделать сказуемым предложения: tôi nhìn sân 'я смотрел [во] двор' и tôi vào sân 'я вошел [во] двор'. При проверке этих предложений на соответствие с действительностью, отраженной в исследуемом предложении, выясняется, что первое ей соответствует, а второе — нет. Отсюда можно сделать вывод, что служебным словом в паре VV_1 (nhìn vào) является именно V_1, а не V.

Теперь можно поставить вопрос, какова его роль при знаменательном глаголе nhìn. Чтобы ответить на него, сравним, чем отличаются по значению предложения tôi nhìn vào sân и tôi nhìn sân. Выше мы дали им одинаковый перевод, определив второе предложение как соответствующее действительности, отраженной в первом. Более тщательный анализ показывает, однако, что это соответствие является неполным, хотя имеющееся различие не всегда удается отразить средствами перевода. Во втором предложении направление действия не уточнено: '...смотрел во двор' — неизвестно откуда, может быть, из дома, может быть, с улицы. В первом же предложении подразумевается определенное направление действия: с открытого пространства в закрытое, т. е. с улицы. Таким образом, значение vào сводится к указанию на направление действия глагола nhìn, и его можно определить как модификатор направления — несинтаксическое служебное слово, не влияющее на отношения между глаголами и дополнением.

Возьмем теперь пример с другими глаголами: tôi nghiên cứu về nông thôn 'я занимался изучением деревни' (букв. 'я — изучать — возвращаться — деревня'). Строим на базе этого предложения два других: tôi nghiên cứu nông thôn 'я изучал деревню' и tôi về nông thôn 'я вернулся в деревню'. Первое соответствует действительности, отраженной в исходном предложении, второе — нет. В отличие от vào, присоединение которого к глаголу nhìn дополняет и уточняет значение глагола, но не влияет на отношения между глаголом и дополнением, về в предложении tôi nghiên cứu về nông thôn, напротив, изменяет значение дополнения, превращая его из объекта, подвергающегося действию, в объект, затрагиваемый действием. Между vào и về существуют также и формальные различия, позволяющие квалифицировать vào как модификатор направления, а về как предлог[8].

[8] Подробнее об этом см. работы о глаголах направленного движения [2; 3; 7].

Вернемся теперь к рассмотрению предложения tôi đi vào rừng 'я вошел в лес'. Примеры этого типа, где в качестве V выступают глаголы движения или перемещения объекта, более сложны для анализа, чем примеры с переходными глаголами. Предложение tôi đi vào rừng можно разложить только на tôi đi 'я шел' и tôi vào rừng 'я вошел [в] лес' (предложение tôi đi rừng, по аналогии с tôi nhìn sân 'я смотрел во двор', было бы грамматически неправильным; подробнее об этом см. ниже).

На первый взгляд кажется, что оба предложения — tôi đi 'я шел' и tôi vào rừng 'я вошел в лес' — можно определить как соответствующие действительности, отраженной в исследуемом предложении.

При более внимательном рассмотрении, однако, можно обнаружить, что сумма их значений не равна значению исследуемого предложения (напомним, что сочетание đi vào не обозначает в нем двух последовательных, независимых друг от друга действий). Ср.:

các học sinh đọc và viết 'школьники читают и пишут' = các học sinh đọc 'школьники читают' + các học sinh viết 'школьники пишут', но

tôi đi vào rừng 'я вошел в лес' ≠ tôi đi 'я шел' + tôi vào rừng 'я вошел в лес'.

Таким образом, vào из сочетания đi vào, как и vào из рассмотренного выше сочетания nhìn vào, обнаруживает смысловое несоответствие с vào — самостоятельным сказуемым. Здесь это — тоже модификатор направления.

Возникает вопрос, к какой группе служебных слов — синтаксических или несинтаксических — следует относить модификаторы направления. Служебные омонимы глаголов направленного движения выступают как грамматические показатели в ряде языков ЮВА. Анализируя их функции в тайском языке, Ю. Я. Плам приходит к выводу, что «служебные морфемы ориентации и направления действия не выражают отношений глагола с окружающими его знаменательными словами и... должны быть отнесены к служебным морфемам 2-го разряда» [9, 52] (не выражающим отношения между словами, т. е. несинтаксическим. — *И. Б.*). Опираясь на этот же критерий, В. С. Панфилов тоже трактует вьетнамские модификаторы направления как несинтаксические служебные слова. В качестве доказательства он приводит пример: tôi đặt con gà vào mâm 'я положил курицу на поднос', в котором слово mâm 'поднос' можно опустить, сохранив, однако, модификатор vào. Следовательно, заключает В. С. Панфилов, модификатор «не устанавливает связи между словами в предложении» [8, 14] (т. е. отвечает критериям несинтаксического служебного слова. — *И. Б.*). Там же, где глагол направленного движения превратился в предлог (синтаксическое слу-

жебное слово), следующее за ним существительное опустить нельзя: tôi viết về công nhân 'Я пишу о рабочем' (пример В. С. Панфилова).

Все это вполне справедливо, но можно возразить, что если предлог меняет значение дополнения и, следовательно, характер связи между ним и глаголом (ср.: viết sách 'писать книгу' и viết về sách 'писать о книге'), а модификатор характера этой связи не меняет, то есть и такие случаи, когда связь сказуемого с дополнением без модификатора вообще невозможна — это бывает при условии, если в роли сказуемого выступает глагол движения или перемещения объекта, так как глаголы движения во вьетнамском языке лишены способности непосредственно сочетаться с зависимым словом, указывающим на конечный пункт этого движения[9]. В приведенном В. С. Панфиловым примере «я положил курицу на поднос», хотя и можно опустить слово «поднос», зато нельзя опустить модификатор, т. е. сказать: tôi đặt con gà mâm (букв. 'я — класть — курица — поднос'). Между тем в другом месте своей работы В. С. Панфилов справедливо пишет, что «...в формальном отношении морфологические служебные слова характеризуются тем, что их всегда можно опустить, в результате чего... не пострадает синтаксическая структура предложения», а «...формальным признаком синтаксических служебных слов является невозможность опустить их, не разрушив при этом структуру предложения или словосочетания» [8, 7].

Нам представляется несомненным, что во вьетнамском языке модификаторы направления при глаголах определенных лексико-грамматических подклассов (глаголы движения и перемещения объекта) выполняют не только морфологическую функцию (показатель категории направления), но и синтаксическую (средство связи сказуемого с дополнением). При глаголах, принадлежащих к иным подклассам (nhìn 'смотреть', пример с которым был разобран выше, и др.), они могут выступать только как показатели направления.

Рассмотрим теперь более подробно, как происходит и в чем фактически выражается утрата словом своего лексического значения в процессе грамматикализации.

Подавляющее большинство глаголов движения содержит в себе информацию о движении (т. е. об изменении положе-

[9] Исключение составляют лишь некоторые случаи употребления глагола đi 'идти'. Круг существительных, с которыми этот глагол сочетается непосредственно, очень ограничен: chợ 'рынок', bệnh viện 'госпиталь' xi-nê 'кино' и некоторые другие. При сочетании глагола đi с указанными существительными конструкция VS_1 приобретает дополнительное значение — подразумевается определенная цель действия: anh ta đi bệnh viện 'он идет (или ходит) в госпиталь' (т. е. собирается лечиться или лечится); tôi đi xi-nê 'я иду в кино' (чтобы смотреть фильм).

ния в пространстве) одновременно с информацией о способе этого передвижения (бежать, ползти, карабкаться, ковылять, ехать, лететь и т. д.— все это значит «определенным образом перемещаться в пространстве»). Глаголы направленного движения также содержат информацию о «перемещении в пространстве», однако в очень общей форме, без дополнительной информации о способах этого перемещения. Поэтому такая фраза, как tôi vào buồng, например, в отдельных случаях может означать не только 'я вошел в комнату', но и 'я вбежал' или 'я залез', 'я заполз'. Зато vào наряду с общей для всех глаголов движения информацией о перемещении в пространстве несет в себе еще дополнительную информацию о направленности этого движения, которой нет, например, у chạy 'бежать'.

При объединении глаголов chạy и vào в одно сказуемое информация о перемещении в пространстве, заключенная в vào, оказывается избыточной, потому что она уже в гораздо более конкретной форме (с указанием на способ) выражена в chạy. Поэтому она переходит как бы в «связанное состояние» и не принимает участия в формировании общего значения сочетания chạy vào. Зато вторая информация, заключенная в vào, — информация о направлении перемещения — является как раз тем, чего не хватает глаголам движения, чтобы сочетаться с дополнением, указывающим на конечный пункт. Предложение tôi chạy vào buồng нельзя рассматривать как механическое объединение tôi chạy и tôi vào buồng, а предложение tôi vào buồng — как эллипсис от tôi chạy vào buồng, именно потому, что в одном случае перед нами vào— самостоятельный глагол, а в другом — модификатор. Опущение chạy приводит не к уменьшению значения всей фразы на величину значения опущенного слова, а к его изменению в целом, т. е., опуская chạy, мы получаем не эллиптический вариант первоначального предложения, а новое предложение. Фразу tôi chạy vào buồng мы всегда переводим как 'я вбежал в комнату'. Однако фраза, построенная по модели SVS_1, где V — глагол направленного движения, для точного перевода нуждается в контексте, и в зависимости от него vào и другие глаголы направленного движения могут иметь различные переводы. Примеры:

nó bò lên phía trước, nhưng khi vào hang nó không thấy ai cả 'он пополз вперед, но когда *проник* в пещеру, то никого не увидел';

nó càng chạy càng vào sâu trong rừng 'чем больше он бежал, тем глубже *проникал* (букв. входил) в лес';

tôi leo lên cây, đến ngọn thì thấy một tổ chim rất to 'я лез на дерево и, *добравшись* до вершины, увидел там большое птичье гнездо'.

Разобранное выше соотношение значений в сочетаниях глаголов движения с модификаторами можно представить следующим образом:

Глаголы	Перевод	Классификация по значению
chạy	бежать	(1) указание на движение (2) указание на способ движения
vào	войти *	(1) указание на движение (2) указание на направление движения
chạy vào	вбежать	(1) указание на движение (2) указание на способ движения [(3) указание на движение] ** (4) указание на направление движения

* Из рассмотренных выше свойств vào вытекает, что вне контекста ему невозможно дать абсолютно адекватный перевод на русский язык. Любой из глаголов, который можно было бы здесь предложить («въехать», «вбежать», «влететь», «вползти» и т. п.) так же как и «войти», содержит указание на способ движения. Заметим, однако, что и в русском языке некоторые глаголы движения довольно безразличны к способу его совершения. Глагол «двинулся», например, может фактически передавать значения «пополз», «зашагал», «поехал», «поскакал на лошади», и в этом отношении похож на vào.

** Квадратные скобки здесь означают, что при употреблении глагола направленного движения в качестве модификатора содержащаяся в нем информация о движении как бы отступает на второй план, переходит в «связанное состояние», оказываясь избыточной.

В заключение можно добавить, что В. М. Солнцев, рассматривая соотношение знаменательного и служебного значений (у китайских и вьетнамских предлогов), излагает такое понимание этой проблемы, которое, на наш взгляд, весьма близко изложенному выше. Он пишет; «...вещественное значение *цзай* в одной и той же позиции „всплывает“ и становится „ощутимым“ или, наоборот, „угасает“ целиком в зависимости от смысловой подборки слов» [10, 173—174], и далее: «...при наличии соответственного окружения, например синтаксически и семантически господствующего глагола, пространственно ориентированные глаголы реализуют лишь заложенное в них предложное значение и выступают как предлоги. В иных условиях они реализуют свое значение полностью и выступают как глаголы» [10, 176].

Неодинаковая степень делексикализации и различные свойства слов, обычно относимых к служебным, свидетельствуют о том, что эти слова весьма неоднородны и к некоторым из них едва ли подходит термин «служебный», если его

брать в традиционном понимании. Мы полагаем, что там, где делексикализация является минимальной, следует говорить не о служебных словах, а об употреблении знаменательного слова в грамматической функции (таковы, например, случаи употребления модификаторов направления при глаголах движения: đi vào rừng 'вошел в лес'). Там, где делексикализация не обнаруживается вовсе [это относится, например, к случаям употребления так называемых показателей результативного вида mất 'терять(ся)' и hết 'исчерпывать(ся)'], у нас вообще нет достаточных оснований говорить о том, что мы имеем дело со служебными словами, а не с одним из лексических способов выражения того или иного значения.

Такой подход поможет избежать неправомерного расширения списка служебных слов и навязывания языку чуждых ему грамматических категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстров И. С., Некоторые глагольные конструкции во вьетнамском языке,— «Ученые записки ЛГУ», 1961, № 294.
2. Быстров И. С., Глаголы направленного движения во вьетнамском языке,— «Ученые записки ЛГУ», 1962, № 306.
3. Быстров И. С., О разграничении знаменательных и служебных функций глаголов направленного движения во вьетнамском языке,— «Вестник ЛГУ», 1967, № 2.
4. Головнин И. В., К вопросу о составном сказуемом в японском языке,— сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
5. Драгунов А. А., Грамматическая система современного китайского разговорного языка, изд-во ЛГУ, 1962.
6. Лекомцев Ю. К., Строение вьетнамской глагольной синтагмы,— сб. «Вопросы статистики речи», изд-во ЛГУ, 1958.
7. Панфилов В. С., Модификаторы и отглагольные предлоги во вьетнамском языке, — сб. «Проблемы филологии стран Азии и Африки», изд-во ЛГУ, 1966.
8. Панфилов В. С., Синтаксические служебные слова во вьетнамском языке, автореф. канд. дисс., Л., 1967.
9. Плам Ю. Я., О распределении функций приглагольных служебных морфем в тайском языке,— сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1963.
10. Солнцев В. М., К сопоставлению вьетнамской предложной и китайской предложно-послеложной систем,— сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1963.
11. Станкевич Н. В., Определение к глаголу во вьетнамском языке,— сб. «Филология стран Востока», Л., 1963.
12. Bulteau R., Cours d'annamite (langue vietnamienne), Paris, 1953.
13. Le Van Ly, Le parler Vietnamien, Paris, 1948.

С. Б. ЯНКИВЕР

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(на материале) *ды* [1]

В любом словаре и грамматике китайского языка с большей или меньшей полнотой перечисляются различные значения звуковых комплексов, функционирующих в качестве служебных слов или аффиксов. Но в этих работах не рассматривается вопрос о том, что представляют собой эти комплексы — омонимы или полисемантичные элементы (служебные слова или аффиксы). Статей, посвященных описанию соотношения значений таких звуковых комплексов в китайском языке, очень мало [см. статьи Н. Г. Ранинской и Янь И-бина: 4, 97—109; 15].

Предметом исследования в данной статье является *ды*. Выбор *ды* обусловлен тем, что под его звуковой оболочкой, как увидим, скрываются и служебные слова, и аффиксы. При этом *ды* характеризуется как разнородными значениями (явление омонимии), так и значениями близкими, родственными (явление полисемии). Отсюда возможность постановки вопросов грамматической омонимии и полисемии в применении к одному звуковому комплексу *ды* [2].

В связи с анализом *ды* представляется целесообразным подчеркнуть следующие принципиальные моменты:

1. *Ды* зачастую записывается различными иероглифами. При его анализе мы абстрагируемся от факта существования иероглифической письменности, так как считаем, вслед за Н. И. Фельдман, что к слову (добавим, и к аффиксу) языков с иероглифической письменностью следует подходить так же, как и к слову (аффиксу) всякого другого языка, т. е. независимо от факта существования этой письменности [см. 9, 30].

2. Под значением синтаксического служебного слова понимается определенный вид отношений между знаменательными словами или предложениями, устанавливаемый посредством данного служебного слова, а также определенный вид модальности, привносимый служебным словом в предложе-

[1] Далее для краткости вместо «китайский литературный язык» говорим «китайский язык».

[2] В нашу задачу не входит подробное описание функционирования *ды*, и мы ограничимся лишь привлечением минимально необходимого материала.

ние. Под значением аффикса понимается добавочное грамматическое значение, вносимое им в слово.

3. Для установления отдельных значений служебного элемента целесообразно применение формальных процедур. Наиболее универсальной является процедура удаления (изъятия). Если при удалении служебного слова разрушается установленный вид связи или предложение теряет установленный вид модальности, либо если при изъятии аффикса утрачивается вносимое им в слово добавочное грамматическое значение, то значение служебного элемента выделено корректно.

Процедура удаления всюду, где это возможно, сочетается с процедурой субституции — заменой элемента другим элементом с установленным значением. Вместо удаленного служебного элемента может быть поставлен: а) другой элемент той же парадигмы, б) синонимичный элемент. В первом случае возникает новый вид отношений между словами (предложениями), либо привносится новое модальное значение (если мы имеем дело со служебным словом) или новое добавочное грамматическое значение (если мы имеем дело с аффиксом). Во втором случае никаких существенных изменений не происходит.

4. Если звуковой комплекс, функционирующий в качестве служебного элемента, способен установить между словами не менее двух типов отношений или внести в предложение не менее двух модальных значений, а в слово — не менее двух добавочных грамматических значений, то такой звуковой комплекс является полисемантичным.

5. Полисемантичные звуковые комплексы могут представлять собой либо грамматические омонимы, либо полисемантичные служебные элементы. При этом грамматическая омонимия и полисемия, подобно лексической омонимии и полисемии, рассматриваются как явления синхронного порядка [3].

6. Грамматические омонимы и полисемантичные служебные элементы обнаруживают коренные различия в своей семантической и грамматической характеристике.

Грамматические омонимы, подобно лексическим, обладают не связанными в синхронном плане значениями. Эти значения невыводимы одно из другого. Между ними невозможны переходные случаи.

В отличие от омонимов полисемантичные служебные элементы характеризуются смысловым единством значений, выводимостью одного значения из другого. Установление четкой границы между значениями полисемантичных элемен-

[3] Этот момент следует подчеркнуть в связи с тем, что, как указывает Б. Трнка, неясности, которые можно обнаружить в некоторых работах по омонимии и полисемии, обусловлены как раз смешением обоих планов: синхронного и диахронного [см. 8, 273].

тов принципиально невозможно — отдельные значения таких элементов связаны между собой переходными случаями.

7. Водораздел между грамматической омонимией и полисемией проходит не только в области семантики, но и в области грамматики. Грамматические омонимы обладают различной дистрибуцией. Полисемантичные служебные элементы во всех своих значениях характеризуются одинаковой дистрибуцией.

Для того чтобы выяснить, что скрывается под звуковой оболочкой *ды*, целесообразно путем указанных выше процедур выделить отдельные значения *ды*, рассмотреть вопрос о соотношении этих значений, выявить различия в дистрибуции омонимов *ды*.

Характеристика значений *ды*

Ды имеет ряд служебных значений.

1. Модальное значение уверенности, достоверности [см. 4, 98]: *ни минтянь лай душу ма? — во лай ды* 'Ты завтра придешь в школу? — Я *обязательно приду*' [4]. При изъятии *ды* предложение теряет указанное модальное значение: *во лай* означает 'Я приду'. При замене *ды* другим модальным словом в предложение привносится иное модальное значение. Так, если вместо *ды* поставить модальное слово *ба*, предложение приобретает модальное значение неуверенности: ср. *во лай ды* 'Я *обязательно* приду' и *во лай ба* 'Я, *может быть*, приду'.

2. Результативное значение [см. 13, 492]. В этом значении *ды* устанавливает между обслуживаемыми единицами отношение «действие — его результат». Изъятие *ды* приводит к разрушению результативных отношений. Ср. *шо ды лао пинь лянь и хун* (ЛЛ, т. 6, 846) 'Так сказал, что Лао Пинь покраснел' (Лао Пинь покраснел в результате того, как было сказано что-то) и *шо лао пинь лянь и хун...* 'Сказал, что Лао Пинь покраснел...' (предложение незаконченно).

3. Значение степени [см. 13, 492]. В этом случае *ды* указывает, что между обслуживаемыми единицами имеет место отношение «действие — степень его проявления» или «качество — степень его проявления». Например: *юаньцзы ли ляншуан ды хэнь, ганьцзин ды хэнь* (ЛЛ, т. 4, 492) 'Во дворе было очень прохладно и очень чисто'; *та чан ды хаотин* (ЮЖЧ, 355) 'Он прекрасно поет'. При изъятии *ды* значение степени пропадает, грамматическая правильность предложения нарушается.

4. Значение возможности совершения действия [см. 12, 154—159; 2, 268]. *Ды* привносит в результативные и направительные глаголы значение возможности совершения действия, например: *ни шуйдыся, во кэ шуйбуся* (ЛЛ, т. 4, 494)

[4] Пример заимствован из статьи Н. Г. Ранинской [см. 4, 98].

'Ты можешь уснуть, а я не могу'. Изъятие *ды* приводит к исчезновению этого значения, а инфиксация элемента той же парадигмы антонима *бу* привносит в глагол значение невозможности совершения действия. Ср.: *ни шуйся* 'Ты усни'; *ни шуйдыся* 'Ты сможешь уснуть'; *ни шуйбуся* 'Ты не сможешь уснуть'.

Отдельные, преимущественно односложные, глаголы в редких случаях могут также присоединять *ды* в указанном значении [см. 2, 268]. Ср.: *чи* 'есть (кушать)', *чиды* 'можно есть (съедобно)', *чибуды* 'нельзя есть (несъедобно)'.

5. Значение завершения действия в прошлом [см. 13, 487]. Например: *нимэнь доу гэй цянбао се гао ла ма? — доу сегао ла.— ни седы шэммо? — во седы ши* (ЯИБ, 475) 'Вы все написали в стенную газету? — Все написали.— Вы что написали? — Я написал стихи'. Изъятие *ды* приводит к исчезновению значения завершения действия в прошлом, а постановка вместо него *го* или *чжо* вносит в глагол соответственно значение многократности или длительности. Ср.: *ни седы шэммо?* 'Что вы написали?'; *ни сего шэммо?* 'Что Вам приходилось писать?'; *ни сечжо шэммо?* 'Что Вы пишете?'

6. Относительное значение. В относительном значении *ды* служит для обозначения предмета по приписываемому признаку [см.: 2, 107] или по принадлежности. Когда *ды* употребляется в относительном значении, определяемое опускается и служебное слово выступает как его заместитель.

В первом случае, когда *ды* обозначает предмет по приписываемому признаку, *ды* выступает в роли субстантиватора. Синтаксической субстантивации подвергаются прилагательные или глаголы, а также глагольные словосочетания. Например: *шэммо хуа хаокань? — хун ды хаокань* (ЧЮ, 1965, 4, 258) 'Какие цветы красивы? — Красные (букв. те, что красные) красивы'; *нэнгоу чжэян сян ды чжи ю жэнь* (ЛЛ, т. 1, 86) 'Так думать могут только люди' (букв. 'Могут так думать [*ды*] только есть люди') [5].

Во втором случае, когда *ды* обозначает предмет по принадлежности, *ды* обслуживает главным образом существительные со значением лиц и семантически близкие им существительные (существительные, обозначающие государства, учреждения и т. п.), а также личные местоимения. Например: *фуцинь ды* 'отца' ('принадлежащее отцу'), *чжунго ды* 'китайское' ('принадлежащее Китаю') [см. 2, 366], *во ды* 'мое'.

При изъятии субстантиватора обслуживаемое слово или словосочетание теряет просубстантивные свойства. Ср.: *хун ды* 'то (те), что красно (красные)' и *хун* 'красный'; *нэнгоу*

[5] Многие глагольные словосочетания с *ды* подверглись лексикализации, например: *шошуды* 'сказитель', *каймэньды* 'привратник', *сишаньды* 'прачка' и т. п.

чжэян сян ды 'те, кто в состоянии так думать' и *нэнгоу чжэян сян* 'быть в состоянии так думать'.

При изъятии *ды* во втором случае вместо характеристики предмета по принадлежности получаем обозначение лиц, государств и т. п. Ср.: *фуцинь ды* 'отца' и *фуцинь* 'отец', *чжунго ды* 'китайские' и *чжунго* 'Китай', *во ды* 'мое' и *во* 'я'.

7. Атрибутивное значение. В этом значении *ды* служит для выражения атрибутивных отношений между обслуживаемыми единицами. Мы считаем, что атрибутивные отношения существуют как между членами именного словосочетания, так и между членами глагольного словосочетания. Например: *чжэ цзай гэй тамэнь сун вайхао ды чжунсюэшэнмынь кань, ши хэнь лоцзи ды* (ЛЛо, 1) 'Это казалось очень логичным ученикам, которые дали им прозвища' (*ды* употреблено в именном словосочетании); *на чжан сяолянь кунбу ды цзюйлюаньчжо* (БЦз, 129) 'Его личико исказилось от ужаса' (*ды* употреблено в глагольном словосочетании). Изъятие *ды* из словосочетаний *гэй тамэнь сун вайхао ды чжунсюэшэнмэнь* 'ученикам, которые дали им прозвища' и *кунбу ды цзюйлюаньчжо* 'исказилось от ужаса' приводит к разрушению атрибутивных отношений и нарушению правильности предложения.

Большинство синологов считает *ды* в именных словосочетаниях выразителем грамматического значения атрибутивности. Исключение составляет Ю. В. Рождественский, утверждающий, что *ды* не имеет грамматического значения атрибутивности, а придает зависимому члену словосочетания синтаксические свойства, сходные с синтаксическими свойствами имени [см. 5, 83—87]. Грамматической формой, посредством которой выражается значение атрибутивности, по мнению Ю. В. Рождественского, является порядок слов [см. 5, 83].

Свою точку зрения Ю. В. Рождественский мотивирует тем, что: а) в атрибутивных словосочетаниях порядок слов не может быть изменен и, следовательно, он является средством выражения атрибутивности [см. 5, 83]; б) порядок слов в атрибутивных словосочетаниях самостоятельно способен передать грамматическое значение атрибутивности [см. 5, 82].

По поводу положений, выдвинутых Ю. В. Рождественским, необходимо отметить следующее:

1. Как известно, в качестве зависимого члена именного словосочетания наряду с другими частями речи регулярно выступает и имя существительное. Таким образом, положение Ю. В. Рождественского о том, что *ды* придает зависимому члену словосочетания синтаксические свойства, сходные с синтаксическими свойствами имени, распространяется и на имя существительное. Если быть последовательным, то придется также признать, что без *ды* имя существительное ли-

шается своих именных свойств, т. е. фактически перестает быть именем существительным. Ввиду парадоксальности сделанного вывода указанное положение Ю. В. Рождественского вряд ли следует признать правомерным.

2. Действительно, в именных словосочетаниях порядок слов не может быть изменен. Верно и то, что порядок слов в этих словосочетаниях способен самостоятельно передать грамматическое значение атрибутивности. Однако эта способность порядка слов ограничена определенными рамками. При определенных условиях[6] она может реализоваться лишь в том случае, когда зависимый член словосочетания выражен именем существительным, личным местоимением, прилагательным — неповтором, прилагательным со второй удвоенной морфемой[7], например: *ни де* (ЛЛ, т. 6, 848) 'твой отец'; *хун ци* 'красное знамя'; *мутоу чжоцзы* 'деревянный стол'; *ци-хэньхэньды мяньсэ* 'очень сердитое выражение лица'.

В указанных ниже случаях порядок слов не способен самостоятельно без *ды* передать значение атрибутивности, например:

1) когда зависимый член выражен глаголом[8] [например: *цзочжо ды жэньмынь* (ЛЛ, т. 1, 2—3) 'сидящие люди'];

2) когда зависимый член выражен прилагательным в форме повтора [например: *дуаньдуань ды дахуа* (БЦз, 235) 'короткий ответ'];

3) когда зависимый член выражен словосочетанием [например: *мын цзянь ды дунси* (ЛЛ, т. 3, 342) 'вещи, виденные во сне'];

4) когда зависимый член выражен предложением: *лянькун хэнь шу ды жэнь* (ЛЛ, т. 1, 25) 'знакомые лица' (букв. 'Лицо очень знакомо [*ды*] люди').

Из сказанного следует, что в китайском языке имеются два средства выражения атрибутивности: порядок слов и служебное слово *ды*.

---

[6] В нашу задачу не входит анализ этих условий, которые главным образом связаны с характеристикой факультативного и облигаторного употребления *ды* в именных словосочетаниях. См. по этому поводу работы: Е. И. Ильмер [1], Ю. В. Рождественского [5, 85—86], Н. Н. Короткова [2, 86—90, 96, 108, 365].

[7] *Ды* при прилагательных со второй удвоенной морфемой не является показателем атрибутивных отношений, а входит в состав слова. Это, в частности, подтверждается тем, что без *ды* этот вид прилагательных не встречается ни в одной синтаксической функции. Ср. примеры: *лю да-ю е ци-хэньхэньды...* 'Лю Да-ю тоже злобно проворчал...' (*ци-хэньхэньды* 'злобно'— обстоятельство); *эр ню лаохань синьли хужань ганьдао жэхухуды* (ЛЛ, т. 3, 411) 'Старине Эр Ню стало жарко-прежарко' (*жэ-хухуды* 'жарко-прежарко'— дополнительный член); *жэньмынь доу ю цзин-цяоцяодыла* (ЛЛ, т. 3, 411) 'Все замолчали' (*цзин-цяоцяодыла* 'замолчали'— бессвязочное сказуемое).

[8] *Ды* после глагола не употребляется лишь во фразеологических единицах.

* * *

Выдвинутое выше положение о тождестве *ды* в именных и глагольных словосочетаниях не является бесспорным. Многие лингвисты считают, что в данном случае налицо два *ды* — атрибутивное и обстоятельственное.

Обычно эта точка зрения не аргументируется. Исключение составляет Ю. В. Рождественский, который обосновывает ее [см. 6, 12—13; 5, 96—97]. Ю. В. Рождественский считает, что различие в значении *ды* подкрепляется историческими данными, которые сводятся к следующим двум положениям:

а) служебные слова вэнъяня *чжи* и *чжэ,* наследником функций которых является *ды* в современном языке, не употребляются в позиции между обстоятельством и сказуемым;

б) по данным Гао Мин-кая, в памятниках раннего байхуа (вплоть до конца сунской династии) *ды* в этих двух различных функциях записывалось разными иероглифами и произносилось по-разному. Кроме того, различные значения *ды* в этих случаях ясно ощущаются носителями языка [см. 6, 12—13].

Аргументация Ю. В. Рождественского, на наш взгляд, лишена доказательной силы. Ю. В. Рождественский обосновывает свою точку зрения относительно природы *ды* в современном китайском языке (план синхронии), исходя из некоторых данных по истории китайского языка (план диахронии). Кроме того, факты по истории языка, приведенные Ю. В. Рождественским, говорят лишь о том, что *ды* в именных словосочетаниях является наследником функции служебного слова древнекитайского языка чжи. Из этих данных вовсе не следует, что *ды* не могло наследовать еще одному служебному слову или не могло в дальнейшем получить расширенного употребления, используясь не только в именных, но и в глагольных словосочетаниях. Если прав Гао Мин-кай и в памятниках раннего байхуа (IX—XIII вв.) *ды* в атрибутивной и обстоятельственной функциях записывалось разными иероглифами и произносилось по-разному, то из этого лишь следует, что по крайней мере вплоть до XIII в. не произошло контаминации их значений, но никак не следует, что такой контаминации значений не произошло впоследствии. Что же касается положения о том, что различные значения *ды* в атрибутивной и обстоятельственной функциях ясно ощущаются носителями языка, то его по крайней мере нельзя считать строгим. Интуиция носителя языка не может заменить исследования. Это следует хотя бы из того, что лингвисты-синологи, для которых китайский язык является родным, отнюдь не единодушны в решении вопроса о тождестве *ды* в так называемых атрибутивной и обстоятельственной функциях [9].

[9] Ср., например, точку зрения Люй Шу-сяна, который признает тождество *ды* в обстоятельственной и атрибутивной функциях [14, 51].

Точка зрения Ю. В. Рождественского в очерке «Китайский язык» [3, 96—97] сводится в общих чертах к следующему:

а) «во всех случаях, кроме употребления в модальной функции, *ды* обладает ясно осознанным единством значения» [3, 96];

б) «*ды* представляется как грамматическое олицетворение существительности в синтаксисе, поэтому значение *ды* может быть только относительным значением» [3, 97] (разрядка наша. — *С. Я.*). И далее: «Если *ды* употребляется при определении или обстоятельстве, его относительное значение под влиянием синтаксической позиции отходит на второй план» [3, 97].

Точку зрения Ю. В. Рождественского нельзя считать правильной, так как неверна сама трактовка *ды* в глагольных словосочетаниях как олицетворения существительности: существительному в китайском языке несвойственна функция обстоятельства образа действия.

О тождестве *ды* в именных и глагольных словосочетаниях свидетельствует, на наш взгляд, ряд моментов:

1. Единое значение *ды*. В глагольном словосочетании *ды* употребляется в тех случаях, когда зависимый член обозначает качественную характеристику глагола [10], в именных словосочетаниях — когда он обозначает качественную характеристику имени существительного.

Примеры глагольных словосочетаний: *маньцзу ды каньвань гэчу* (ЛЛ, т. 3, 409) 'удовлетворенно осмотреться вокруг'; *хэнь куай ды ваньчэн жэньу* (ЧЮ, 1965, 5, 364) 'очень быстро выполнить задачу'.

Примеры именных словосочетаний: *лэнлэн ды дахуа* (БЦз, 243) 'очень холодный ответ'; *мэйли ды хуаюань* (ЛЛ, т. 1, 23) 'прекрасный сад'.

Сфера функционирования *ды* в именных словосочетаниях значительно шире, чем в глагольных. Если в глагольных словосочетаниях оно употребляется исключительно при обозначении качественной характеристики, то в именных словосочетаниях оно употребляется и при других аспектах атрибутивных отношений, например: локативной характеристике (*чжо*

[10] Употребление *ды* при зависимом члене, обозначающем общее время (например: *та чжэн тянь чжэн е ды няньшу* 'Он занимается с утра до ночи'), не опровергает, а подтверждает высказанное положение. Обозначая общие признаки распределения действия во времени, зависимый член при этом дает и качественную характеристику действия [см. нашу статью: 10, 156—158]. Это подтверждается, между прочим, и тем, что слова и словосочетания, обозначающие общее время, по смыслу часто можно заменить словами или словосочетаниями, обозначающими качественную характеристику действия. Ср., например: *та чжэн тянь чжэн е ды няньшу* 'Он занимается с утра до ночи' и *та хэнь нули ды няньшу* 'Он занимается очень усердно'.

шан ды шу 'книга, [которая находится] на столе'), временной характеристике (*гэмин ицянь ды шэнхо* 'жизнь до революции'). Но это не может явиться аргументом против тождества *ды* в именных и глагольных словосочетаниях, как и не может быть аргументом против тождества *ды* в именных словосочетаниях, где наряду с качественным аспектом имеются и другие аспекты атрибутивных отношений.

2. Одинаковая позиция в отношении зависимого члена словосочетания. В именных и глагольных словосочетаниях *ды* располагается после зависимого члена (см. примеры, приведенные выше).

3. Способность зависимого члена в обоих типах словосочетаний с *ды* выражаться одинаковыми средствами: предложением, словосочетанием, прилагательным, именем существительным, глаголом [11].

4. Обусловленность облигаторности и факультативности употребления *ды* в именных и глагольных словосочетаниях одними и теми же моментами. Употребление *ды* в глагольных и именных словосочетаниях облигаторно в двух случаях:

а) когда зависимый член словосочетания выражен единицей, большей, чем слово, например: *чжан гуан-фу и янь каньцзянь чжэсе жэнь чжунцзянь ю цзигэ* мянькун хэнь шу *ды жэнь* (ЛЛ, т. 1, 25) 'Чжан Гуан-фу сразу увидел, что среди этих людей было несколько знакомых лиц' (букв. '...несколько *лицо очень знакомо* [*ды*] людей') — здесь зависимый член выражен предложением; *та* шэньинь пинцзин *ды шо...* (БЦз, 229) 'Она спокойно сказала...' (букв. 'Она *голос спокойный* [*ды*] сказала...') — здесь зависимый член выражен предложением; шан синь *ды тику* (МБ, 94) 'горько плакать' — здесь зависимый член выражен словосочетанием; шан синь *ды гуши* 'печальный рассказ' — здесь (как и в предыдущем примере) зависимый член выражен словосочетанием *шан синь* букв. 'ранить сердце';

б) когда зависимый член представлен частями речи, которые при простом соположении с глаголом или существительным служат для выражения иных (не атрибутивных) отношений.

Как известно, в китайском языке простое соположение строго определенных частей речи служит для выражения отношений определенного рода.

Так, последовательность «глагол — имя» создает при переходном глаголе отношение «действие — объект», а при непереходном — «действие — субъект» [ср. 7]. Поэтому при употреблении глагола в качестве зависимого члена именного словосочетания *ды* необходимо, например: *кань ды бао* 'читаемая газета'; *лай ды кэжэнь* 'пришедшие гости'.

[11] См. нашу статью [11, 145—148], где интересующий нас материал рассмотрен на уровне членов предложения.

Последовательность «имя — глагол» создает отношение «субъект — действие» или «объект — действие» [ср. 7]. В связи с этим, когда зависимым членом глагольного словосочетания является имя существительное, постановка *ды* обязательна. Например: *чжэ жэньу лиши ды лодао учаньцзецзи цзянь шан ла* (ЛЛ, т. 3, 410) 'Эта задача волей истории (букв. история [*ды*]) пала на плечи пролетариата'.

Последовательность «глагол — глагол» создает в зависимости от формы глаголов отношение «сопутствующее действие — действие» (*цзочжо нянь шу* 'заниматься сидя') или «два однородных действия» (*цзочжо няньчжо шу* 'сидеть и заниматься'). Поэтому, когда в качестве зависимого члена глагольного словосочетания выступает глагол, постановка *ды* обязательна, например: *а-ли цзэма ды шо...* 'А-ли, бранясь, сказал...'

Употребление *ды* в глагольных и именных словосочетаниях не обязательно (факультативно), когда зависимый и главный члены словосочетаний выражены частями речи, которые при простом соположении не служат для выражения каких-либо иных отношений, кроме атрибутивных. Это имеет место, когда зависимый член глагольных и именных словосочетаний выражен прилагательным — неповтором. Ср., например: *сюньсу сян цянь фачжань* и *сюньсу ды сян цянь фачжань* (ЖЖБ, 14.IV.1953) 'быстро развиваться'; *хун хуа* и *хун ды хуа* 'красные цветы'.

Соотношение значений *ды*

Для выяснения вопроса о соотношении значений *ды* следует в первую очередь выделить значения как не соотносимые и не связанные между собой, так и не соотносимые и не связанные ни с одним из остальных значений *ды*. Таковыми являются: значение достоверности, значение возможности совершения действия, значение завершения действия в прошлом. Что касается остальных четырех значений, то они группируются попарно: атрибутивное связано с относительным, а результативное — со значением степени.

Между атрибутивным и относительным значениями нет семантического разрыва. Это проявляется в возможности трансформации образований с относительным *ды* в атрибутивные словосочетания. Например: *шэммо хуа хаокань? — хун ды хаокань* 'Какие цветы красивы? — Красные красивы'. Образование *хун ды* 'красные' может быть трансформировано в *хун ды хуа* 'красные цветы'.

Отсутствие семантического разрыва характерно и для значений результата и степени. Наряду со случаями довольно четкой дифференциации этих значений (см. примеры на стр. 84—85) имеется немало примеров, когда установление

точной границы между ними невозможно. Сравнительно часто указание на степень осуществления действия или степень качества имеет место и там, где *ды* указывает на результат. Например: *во лэн ды фадоу* (ЛЛ, т. 6, 846) 'Я дрожал от холода' (т. е. «В результате того, что мне было холодно, я дрожал» и «Мне было до такой степени холодно, что я дрожал»); *вомэнь ганьдун ды лючу яньлэй* (ЛЛ, т. 4, 516) 'Мы были растроганы до слез' (т. е. «В результате того, что мы были растроганы, [мы] проливали слезы» и «Мы были до такой степени растроганы, что проливали слезы»).

Атрибутивное и относительное значения в свою очередь не связаны и не соотносимы с результативным значением и значением степени. Отсюда следует, что семь значений *ды* распределены между пятью омонимами, причем два из них (значения 4 и 5) полисемантичны:

1) служебный элемент со значением достоверности (h_1);

2) служебный элемент с атрибутивным и относительным значениями (h_2);

3) служебный элемент со значениями результата и степени (h_3);

4) служебный элемент со значением возможности совершения действия (h_4);

5) служебный элемент со значением завершения действия в прошлом (h_5).

Дистрибуция омонимов *ды*

Выделенные по семантическому признаку омонимичные элементы различаются по тому, что они обслуживают (предложение, словосочетание или слово) и какую позицию они занимают в отношении обслуживаемой единицы или входящих в нее компонентов. По этим признакам различаются:

1) служебное слово со значением достоверности, обслуживающее предложение и занимающее по отношению к нему постпозицию;

2) служебное слово с атрибутивным и относительным значениями, обслуживающее словосочетание и занимающее по отношению к зависимому члену постпозицию;

3) служебное слово со значением результата и степени, обслуживающее словосочетание и занимающее по отношению к зависимому члену препозицию;

4) аффикс, указывающий на возможность совершения действия и располагающийся в интерпозиции (внутри глагола перед результативной морфемой);

5) аффикс, указывающий на завершение действия в прошлом и располагающийся после глагольной основы.

Дистрибуция омонимов *ды* отображена в следующей таблице:

Омонимы	Обслуживающий элемент			Позиция		
	предложение	словосочетание	слово	препозиция	интерпозиция	постпозиция
h_1	+	—	—	—	—	+
h_2	—	+	—	—	—	+
h_3	—	+	—	+	—	—
h_4	—	—	+	—	+	—
h_5	—	—	+	—	—	+

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЦз — Ба Цзинь, Цзя, Бэйцзин, 1954.
ЖЖБ — «Жэньминь жибао» (газета).
ЛЛ — Ли Цзинь-си, Лю Ши-жу, Чжунго юйфа цзяоцай, т. 1, 3, 4, 6, Бэйцзин, 1954—1955.
ЛЛо — Лао Шэ, Лото сянцзы, Бэйцзин, 1955.
МБ — Ма Фэн, Бао хулу, Бэйцзин, 1952.
ЧЮ — «Чжунго юйвэнь» (журнал).
ЮЖЧ — Yuen Ren Chao, A Grammar of Spoken Chinese, Los Angeles, 1968.
ЯИБ — Янь И-бин, Гуаньюй дунцы хоучжуй «ды»,— «Чжунго юйвэнь», 1956, № 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильмер Е. И., Атрибутивная функция имени существительного в современном китайском языке, канд. дисс., Л., 1955.
2. Коротков Н. Н., Основные особенности морфологического строя китайского языка, М., 1968.
3. Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М., Китайский язык, М., 1961.
4. Ранинская Н. Г., О грамматической природе фразовой морфемы *ды* в современном китайском языке (К проблеме разграничения грамматической омонимии и полисемии),— сб. «Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1964.
5. Рождественский Ю. В., О *ды* — служебном слове современного китайского языка,— сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958.
6. Рождественский Ю. В., Служебное слово *ды* в современном китайском языке, канд. дисс., М., 1966.
7. Солнцева Н. В., Строй глагольного предложения в китайском языке (настоящий сборник).
8. Трнка Б., Замечания по омонимии,— «Пражский лингвистический кружок. Сборник статей», М., 1967.
9. Фельдман Н. И., Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях,— «Лексикографический сборник», М., 1957, вып. II.
10. Янкивер С. Б., Второстепенные члены предложения в препозиции к сказуемому,— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
11. Янкивер С. Б., О понятии «определительный член предложения»,— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
12. Яхонтов С. Е., Категория глагола в китайском языке, Л., 1957.
13. Ли Цзинь-си, Лю Ши-жу, Чжунго юйфа цзяоцай, ди сы цэ, У ши нянь чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.

14. Люй Шу-сян, Лунь *ди**, *ди*** чжи бянь цзи *ди** цзы ды юлай, — «Ханьюй юйфа луньвэнь цзи», Кэсюэ чубаньшэ, Бэйцзинь, 1955.
15. Янь И-бин, Цюйфэнь *ды* ды тунъинь юйсу вэньти, — «Чжунго юйвэнь», 1965, № 4.

---

* *ди* записывается тем же иероглифом, что и слово «дно».
** *ди* записывается тем же иероглифом, что и слово «земля».

Н. В. ОМЕЛЬЯНОВИЧ

О ДВОЙНОЙ ДИСТРИБУЦИИ (ПРИГЛАГОЛЬНОЙ И ПРИИМЕННОЙ) НЕКОТОРЫХ СЛУЖЕБНЫХ ЕДИНИЦ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

До последнего времени считалось [1], что в бирманском языке два дистрибутивных класса — приименные и приглагольные служебные единицы — резко противопоставлены друг другу. Приглагольные служебные единицы не могут следовать за именем так же, как приименные служебные единицы не могут следовать за глаголом. Однако, как явствует из языкового материала, имеется сравнительно небольшая группа служебных единиц, которые могут непосредственно следовать и за глаголом, и за именем, т. е. обладают двойной дистрибуцией [2]. Некоторые из них будут рассмотрены в настоящей статье.

Служебная единица *хман*^{3}

В приименном употреблении *хман*^{3} выполняет функцию синтаксического показателя объектно-предикативного члена [подробнее об этом см. 1, 164] предложения, т. е. употребляется в конструкции N_1-*го*^{2}+N_2-*хман*^{3}+*V*, где N_1 — дополнение со значением прямого объекта, *го*^{2} — синтаксический показатель этого дополнения, N_2 — объектно-предикативный член, *хман*^{3} — синтаксический показатель этого члена, V — глагол. Например: *ту*^{2}-*го*^{2} *схин*^{3}*йэ*^{3}*та*^{3}-*хман*^{3} *ти*^{1} букв. 'его бедняком знать'. Правда, употребление *хман*^{3} в роли синтаксического показателя встречается только перед глаголом *ти*^{1} 'знать' или его синонимами. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что употребление *хман*^{3} в качестве синтаксического показателя объектно-предикативного члена обязательно, если в предложении при глаголе-сказуемом *ти*^{1} суппрессировано дополнение со значением прямого объекта. Например:

(1) *те*^{2}*те*^{2}*чха*^{2}-*чха*^{2} *чжи*^{1}-*хма*^{1} *хмуе*^{3}-*и*^{1} *пхе*^{2}*пхе*^{2}-*хман*^{3} *ти*^{1}-*йа*^{1}-*то*^{1}-*и*^{1} (КН, 39) 'Если [он] всмотрится пристально, [он] должен будет узнать в [этом человеке] отца Хмуэй'. В дан-

[1] Так, известный бирманский лингвист Мин Лат в зависимости от того, с какими служебными единицами сочетается та или иная знаменательная единица языка, относил ее либо к именам, либо к глаголам [см. 2].

[2] Здесь не имеются в виду усилительно-выделительные частицы, которые, употребляясь после разных частей речи, никак не маркируют их синтаксическую функцию.

ном предложении сказуемым служит глагол *ти*^{1} 'знать', дополнение со значением прямого объекта («этот человек») суппрессировано, поэтому, хотя объектно-предикативный член и стоит непосредственно перед сказуемым, опустить *хман*^{3} нельзя [3];

(2) *пхе*^{2}*пхе*^{2}*-йэ*^{2} *ба*^{2}*-хман*^{3}*-лэ*^{3} *ма*^{1}*-ти*^{1}*-бу*^{3} *атин*^{3} *по*^{1}*-та*^{2}*-бэ*^{3} (КН, 43) 'А отец ведь насильно [ее] отослал, не знаю почему именно'. В составе вводного предложения *ба*^{2}*-хман*^{3}*-лэ*^{3} *ма*^{1}*-ти*^{1}*-бу*^{3} букв. 'Что же это такое, тоже не знаю' *хман*^{3} стоит после местоимения *ба*^{2} 'что' и сопровождается частицей *лэ*^{3} 'тоже, также' [4]. Дополнение прямого объекта суппрессировано, поэтому *хман*^{3} здесь тоже опустить нельзя без изменения смысла предложения [5].

В приглагольном употреблении *хман*^{3} выполняет другую функцию: в позиции после глагола *хман*^{3} является субстантивирующим суффиксом. Глагол, субстантивированный служебной единицей *хман*^{3}, обычно является структурным центром объектно-глагольного или предикативного словосочетания, которое в предложении играет роль дополнения со значением прямого объекта, т. е. *хман*^{3} употребляется в конструкции $(N+V_1)$-*хман*^{3}*-го*^1+V, где $N+V_1$ — субстантивированное глагольное словосочетание, а V — глагол, к которому это словосочетание относится. Например: *мьо*^{1}*-до*^{1} *туа*^{3}*-хман*^{3}*-го*^{2} *ти*^{1} 'знать о поездке в город' букв. 'в город поездка знать'.

Следует отметить, что в субстантивированном словосочетании, оканчивающемся на *хман*^{3}, часто (более чем в 50% случаев) встречаются вопросительные слова со значением «что», «кто», «куда» и т. п.:

(4) *а*^{1} *ту*^{2}*-га*^{1} *пьоун*^{3}*-йуэ*^{1} *пьа*^{1}*-ка*^{2} *нга*^{2} *ба*^{2} *лоу*^{4}*-йа*^{1}*-хман*^{3}*-хма*^{1} *ма*^{1}*-ти*^{1}*-бэ*^{3}*-ху*^{1} *схо*^{2}*-и*^{1} (КН, 48) 'Улыбаясь, А Ту сказал: «Ведь [я] действительно не знаю, что я должен делать»'.

---

[3] Все трансформации конкретных бирманских предложений проверены и подтверждены носителями бирманского языка — студентами Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Маунг Уинг Минг Маунг, Маунг Уин Джо и др.), которым автор выражает свою благодарность.

[4] *Хман*^{3}, как и остальные синтаксические показатели членов предложения, может сочетаться с усилительно-выделительными частицами, но с синтаксическим показателем объектно-предикативного члена предложения *ху*^{1} не сочетается, так как синтаксические показатели вообще друг с другом не сочетаются.

[5] Конструкция «существительное+*хман*^{3}+*ма*^{1}+глагол *ти*^{1} 'знать'» как в роли независимого предложения, так и его части может повторяться: (3) *нин*^{1}*-хман*^{3} *мо*^{1}*-ти*^{1} *не*^{1}*-хман*^{3} *ма*^{1}*-ти*^{1} *та*^{1}*-нго*^{2}*-нго*^{2} *та*^{1}*-йо*^{2}*йо*^{2}*-хнин*^{1} *та*^{3}*-пьау*^{4}*-го*^{2} *ша*^{2}*-йин*^{3}*-пин*^{2} *мьи*^{4}*-йо*^{3}*-дуин*^{2} *йин*^{2} *куэ*^{3}*-йуэ*^{1} *те*^{2}*пуэ*^{3}*-до*^{1} *уин*^{2}*-ша*^{2}*-ле*^{2}*-то*^{1}*-и*^{1} (МТ, 251) 'Не различая ни дня, ни ночи, рыдая и плача в поисках пропавшего сына, [она], бедняжка, с разбитым сердцем найдет свой конец в реке'. Повторяющиеся конструкции выполняют здесь функцию обстоятельства сопутствующего действия (не маркированного): *нин*^{1}*-хман*^{3} *ма*^{1}*-ти*^{1}, *не*^{1}*-хман*^{3} *ма*^{1}*-ти*^{1} букв. 'что [это] ночь не зная, что [это] день не зная'.

В прямой речи к глаголу-сказуемому *ти*[1] 'знать' относится дополнение со значением прямого объекта, выраженное предикативным словосочетанием (субстантивированным посредством *хман*[3]), в составе которого есть местоимение *ба*[2] 'что';

(5) *ме*[2]*ме*[1] *сака*[3]*-хма*[2] *бэ*[2]*-го*[2] *йау*[4]*туа*[3]*-хман*[3] *а*[1] *ту*[2] *ма*[1]*-ти*[1]*-не*[2] (КН, 85) 'А Ту не знал, куда клонит мать'. Здесь в предикативном словосочетании, оканчивающемся на *хман*[3], находим дополнение со значением направленности действия *бэ*[2]*-го*[2] 'куда'.

Однако какова бы ни была структура глагольного словосочетания, субстантивированного служебной единицей *хман*[3], в предложении оно, как правило, поясняет глагол *ти*[1] 'знать'.

Кроме того, и в приименном, и в приглагольном употреблении у *хман*[3] наблюдается еще одна особенность. Она подчеркивает вещественное значение слова (или словосочетания), после которого находится.

Тот факт, что *хман*[3], следуя непосредственно за именем, выделяет его, можно легко доказать, заменив *хман*[3] другим синтаксическим показателем объектно-предикативного члена *ху*[1]. То, что такая замена принципиально возможна, свидетельствует о синтаксической функции *хман*[3], а то, что вследствие такой замены значение объектно-предикативного члена оказывается невыделенным, свидетельствует о выделительном характере *хман*[3].

Тот факт, что и после глагола *хман*[3] имеет выделительный характер, легко доказать, заменив эту служебную единицу на субстантивирующий суффикс *чжаун*[3]. При такой замене вместо, например, (6) *ди*[2]*-то*[1] *до*[1] *ла*[2]*-хман*[3]*-го*[2] *чжаун*[3]*-га*[1] *у*[3]*зин*[3]*-чжи*[3] *ти*[1]*-хма*[2]*-по*[1] (МТ, 285) 'Тогда настоятель монастыря обязательно узнает, что мы действительно пришли' получим: *ди*[2]*-то*[1] *до*[1] *ла*[2]*-чжаун*[3]*-го*[2] *чжаун*[3]*-га*[1] *у*[3]*зин*[3]*-чжи*[3] *ти*[1]*-хма*[2]*-по*[1]. 'Тогда настоятель монастыря обязательно узнает, что мы пришли'. В последнем предложении дополнение со значением прямого объекта *до*[1] *ла*[2]*-чжаун*[3] не выделено, как это имеет место в дополнении *до*[1] *ла*[2]*-хман*[3]. Выделительный характер *хман*[3] объясняется, видимо, тем, что эта служебная единица этимологически возводится к глаголу качества *хман*[2] 'быть подлинным, действительным, верным' [см. 1, 803].

Итак, в приименном и приглагольном употреблении *хман*[3] есть нечто общее. Со всей очевидностью это обнаруживается при сравнении схем конструкций с приименным и с приглагольным употреблениями *хман*[3]:

$[N_1$*-го*[2]$]$ + N_2*-хман*[3] + *ти*[1] 'знать' (глагол-сказуемое);

([N]+V)*-хман*[3] [*-го*[2]]+*ти*[1] 'знать' (глагол-сказуемое).

В прямые скобки взяты те элементы конструкций, которые могут отсутствовать в предложении, N обозначает существительное, а V — глаголы.

Сходство этих конструкций может вызвать вопрос: не

обладала ли служебная единица *хман*^{3} первоначально лишь одной какой-либо дистрибуцией? В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в принципе *хман*^{3} может субстантивировать любой глагол (или словосочетание, оканчивающееся на глагол), но в современном языке практически не встречается после глагола *пхи*^{4} в значении 'быть, являться (кем-либо, чем-либо)', однако может следовать за этим глаголом в других его значениях:

(7) *та*^{1}*-йуа*^{2}*-лоун*^{3}*-га*^{1}*-пин*^{2} *чжун*^{2}*до*^{2}*-хнин*^{1} *пхи*^{4}*-хман*^{3} *ти*^{1}*-чжа*^{1}*-ба*^{2}*-ди*^{2} (УХ, 118) 'Вся деревня знала, что случилось со мной'. Здесь глагол *пхи*^{4} имеет значение 'случаться, происходить'.

В бирманском же предложении 'Вся деревня знала, кем я был' *хман*^{3} будет следовать не за глаголом *пхи*^{4}, а непосредственно за местоимением *чжун*^{2}*до*^{2} 'я': *та*^{1}*-йуа*^{2}*-лоун*^{3}*-га*^{1} *чжун*^{2}*до*^{2}*-хман*^{3} *ти*^{1}*-чжа*^{1}*-ба*^{2}*-ди*^{2}.

Изложенное выше позволяет сделать предположение, что приименное употребление служебного элемента *хман*^{3} возникло в связи с тенденцией к опущению глагола *пхи*^{4} в его наиболее «делексикализованном» (связочном) значении 'быть, являться'.

Служебная единица *тоун*^{3}*га*^{1}

Служебная единица *тоун*^{3}*га*^{1}, употребляясь и после имени, и после глагола (или глагольного словосочетания), маркирует дополнение со значением локализации процесса (во времени), причем дополнение со служебной единицей *тоун*^{3}*га*^{1} употребляется в предложении тогда, когда речь идет о прошлых событиях. Это объясняется спецификой значения компонентов данной служебной единицы, которая состоит из двух морфем. Следует отметить, что ни одна из этих морфем, взятая изолированно, в современном бирманском языке двойной дистрибуцией не обладает.

Служебная морфема *га*^{1} является синтаксическим показателем имени, показывающим, что слово (или словосочетание), предшествующее ей, обозначает некоторое прошлое явление и выполняет в предложении функцию дополнения локализации.

Так, существительное *ма*^{1}*не*^{1} ('вчера') без *га*^{1} в этой функции почти не употребляется. Существительное *акха*^{2} 'время' снабжается этой пометой всякий раз, когда имеется в виду уже прошедший период времени.

То, что *га*^{1} употребляется после *тоун*^{3}, говорит о том, что *тоун*^{3} имеет именное происхождение. Правда, служебная единица *тоун*^{3} без *га*^{1} в настоящее время употребляется только после глаголов и не имеет своего коррелята среди знаменательных слов, но значение ее можно выявить, проанализиро-

вав два сложных слова, в состав которых она входит (*бэ²-тоун³га¹* 'когда' и *ди²тоун³га¹* 'тогда'), в сопоставлении со словосочетаниями *бэ² акха²-га¹* 'в какое время' и *ди² акха²-га¹* 'в то время'.

Оба указанных слова употребляются лишь в тех предложениях, в которых говорится о прошлых событиях:

(1) *ха²... ба¹ мьайн²-ла²? хэ², бэ²тоун³га¹ йау⁴-чжа¹-да¹-лэ³*? (ЗД, 115) 'А... это Ба Мьян? Гм, когда же вы пришли?'

Словосочетания *бэ² акха²-га¹* и *ди² акха²-га¹* тоже употребляются только тогда, когда речь идет о прошлых событиях. Ср.:

бэ²тоун³га¹ 'когда' (букв. 'в какое время') и *бэ² акха²-га¹* 'в какое время';

ди²тоун³га¹ 'тогда' (букв. 'в то время') и *ди² акха²-га¹* 'в то время'.

Из этого сопоставления со всей очевидностью вытекает, что сложные слова *бэ²тоун³га¹* и *ди²тоун³га¹* образовались из словосочетаний и что *тоун³* — морфема именного происхождения со значением 'время', поэтому рассматриваемая служебная единица *тоун³га¹* с двойной дистрибуцией должна ассоциироваться с понятием «прошлое время» как в приглагольном, так и в приименном употреблении, что подтверждается языковым материалом:

(2) *э³ди² не¹-тоун³га¹ ко² ко² найн² йу²-бхо¹ на³чха¹-йа¹-тоун³га¹-мьа³ а¹ ту²-йэ¹ хна⁴ лоун³та³-дуе²-го² ноу⁴-ноу⁴-син³ кхан²-йа¹-да¹-ло²-ба²бэ³* (КН, 303) 'В тот самый день, когда ему пришлось убеждать [ее] выйти замуж за Ко Ко Найна, [он] чувствовал себя так, как если бы его сердце резали на мелкие кусочки'. В этом предложении служебная единица *тоун³-га¹* употреблена дважды: после существительного *не¹* 'день' (с его определениями) и после глагола *на³чха¹* 'убеждать' (с модальным глаголом *йа¹*), который она субстантивирует, что дает возможность и глаголу, и существительному выступать в качестве однородных членов предложения, а именно, дополнений со значением локализации во времени (здесь прошедшем).

Маркировать дополнение локализации в предложении и есть основная синтаксическая функция слов и словосочетаний со служебной единицей *тоун³ га¹*.

В приименном употреблении *тоун³га¹*, как правило, сочетается с существительными, обозначающими какой-то отрезок времени: *не¹* 'день', *нья¹* 'ночь', *аса¹* 'начало', *айе³-то²поун²* '(период) восстания'; *ахлэ¹* 'очередь' и т. п. Например:

(3) *1300-пьи¹ хни⁴ айе³то²поун²-тоун³га¹-лэ³ тапэй⁴ ма¹-хмау⁴-бэ³ а¹ ту² у³ле³ эйн²-хма² туа³-не²-дэ² схо²* (КН, 47) 'И во время восстания 1938 года А Ту не бастовал, а поехал к дяде и жил у него';

(4) *мин*^{1} *ахлэ*^{1}*-тоун*^{3}*га*^{1}*-то*^{1} *ба*^{2}*ло*^{1} *пау*^{4}*-да*^{1}*-лэ*^{3} (МТ, 263) 'Как ты сыграл, когда подошла твоя очередь?' (букв. 'в своей очереди').

Таким образом, употребление *тоун*^{3}*га*^{1} после существительных ограничено определенной семантикой последних.

Рассмотренные тексты дали в этом отношении лишь одно видимое исключение:

(5) *ме*^{2}*ме*^{2}*-тоун*^{3}*га*^{1} *ди*^{2}*-ло*^{1} *е*^{3}*-ла*^{2}*-та*^{2}*-бэ*^{3}... (КН, 209) 'Мать точно так же мерзла...' Здесь *тоун*^{3}*га*^{1} стоит после слова *ме*^{2}*ме*^{2} 'мать'. Поскольку служебная единица *тоун*^{3}*га*^{1} в бирманском языке маркирует не подлежащее, а дополнение со значением локализации, то существительное *ме*^{2}*ме*^{2} 'мать' не может быть подлежащим данного предложения, а служит дополнением локализации процесса (в прошлом), обозначенного глаголом-сказуемым *е*^{3} 'мерзнуть'. Так как существительное *ме*^{2}*ме*^{2} 'мать' не обозначает какого-либо отрезка времени, то объяснить употребление после него служебной единицы *тоун*^{3}*га*^{1} можно, только предположив, что она относится не к существительному, как таковому, а к существительному, которое является единственным представителем предложения *чжун*^{2}*до*^{1}*-хма*^{2} *ме*^{2}*ме*^{2} *ши*^{1}*-тоун*^{3}*га*^{1} 'когда у нас была [жива] мать'. Иначе говоря, в примере 5 *тоун*^{3}*га*^{1} оказалось связанным с существительным *ме*^{2}*ме*^{2} 'мать' вследствие пропуска глагола *ши*^{1} 'быть, иметься'. Известно, что имеется тенденция опускать этот глагол так же, как и глагол *пхи*^{4} 'быть, являться', особенно в диалогической речи (как в данном случае).

Дополнение со значением локализации, выраженное существительным со служебной единицей *тоун*^{3}*га*^{1}, может употребляться и перед глаголом-сказуемым *пхи*^{4} 'быть, являться':

(6) *кхан*^{3}*кхан*^{3}*-на*^{3}*-на*^{3} *шин*^{2}*пьу*^{1}*-йа*^{1}*-ди*^{2}*-хма*^{2} *12 хни*^{4}*-та*^{3}*-тоун*^{3}*га*^{1} *пхи*^{4}*-ди*^{2} (КН, 29) 'Его торжественно постригли в послушники в двенадцатилетнем возрасте'. Здесь дополнение локализации выражено атрибутивным словосочетанием *та*^{1}*-зэ*^{2} *хни*^{4} *хни*^{4} '12 лет' со служебной единицей *тоун*^{3}*га*^{1}, а сказуемым является глагол *пхи*^{4} 'быть, являться'.

Приглагольное употребление служебной единицы *тоун*^{3}*га*^{1}. Ограничений для употребления *тоун*^{3}*га*^{1} после глаголов нет. Однако в современных бирманских текстах *тоун*^{3}*га*^{1} не встречается после глаголов *пхи*^{4} 'быть, являться' и *ши*^{1} 'быть, иметься'. Таким образом, хотя предложения с *тоун*^{3}*га*^{1} после указанных глаголов и признаются носителями языка грамматически правильными, в современном языке они малоупотребительны.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что и глагол, и существительное со служебной единицей *тоун*^{3}*га*^{1} употребляются в одной и той же функции (дополнения со значением

локализации во времени), можно предположить, что приименное употребление *тоун*^{3}*га*^{1} возникло вследствие опущения перед ним глаголов *пхи*^{4} и *ши*^{1}. Одним из доказательств этого служит и тот факт, что глагол *нгэ*^{2} 'быть молодым' может редуплицироваться перед *тоун*^{3}*га*^{1} в целях интенсификации качества (так же, как и перед глаголом *пхи*^{4}): *а*^{1} *ту*^{2}-*апхо*^{1} *нгэ*^{2}*нгэ*^{2}-*тоун*^{3}*га*^{1}-*ло*^{2}-*пин*^{2} *нуэ*^{2}-*хма*^{2} *эйн*^{2}-*до*^{1} *пьан*^{4}-*йуэ*^{1} *мо*^{3}-*у*^{3}-*дуин*^{2} *чжаун*^{3}-*до*^{1} *ла*^{2}-*гэ*^{1}-*йа*^{1}-*и*^{1} (КН, 80) 'А Ту точно так же, как и во времена, когда он был ребенком, летом уезжал домой, а в начале дождливого сезона должен был приезжать в школу'. Такое употребление *тоун*^{3}*га*^{1} также можно объяснить опущением перед ним глагола *пхи*^{4} 'быть, являться'.

Служебная единица *пе*^{2}*мин*^{1}

Служебная единица *пе*^{2}*мин*^{1}, также обладающая двойной дистрибуцией, в настоящее время и в приименном, и в приглагольном употреблении функционирует как синтаксический показатель уступительности.

Приименное употребление *пе*^{2}*мин*^{1}:

(1) *хмуе*^{3}-*га*^{1} *мэйн*^{3}*ма*^{1}-*пе*^{2}*мин*^{1} *мэйн*^{3}*ма*^{1} *ма*^{1}-*схан*^{2}-*ба*^{2}-*бу*^{3} (КН, 110) 'Хмуэй, хотя и женщина, на [других] женщин не похожа';

(2) *чжано*^{2}-*га*^{1} *си*^{4}*бо*^{2}-*пе*^{2}*мин*^{1} *тэй*^{4} *сэй*^{4}*ку*^{3}-*йин*^{2} *туэ*^{2}-*та*^{2}-*та*^{4}-*дэ*^{2} (КН, 310) 'Я, хотя и военный, человек очень мечтательный и склонен к привязанности'.

В обоих примерах *пе*^{2}*мин*^{1} следует за существительным.

Приглагольное употребление:

(3) *ту*^{2} *уа*^{3}*кхэ*^{2}*ма*^{1}-*хма*^{2} *муе*^{3}-*пе*^{2}*мин*^{1} *чжи*^{3}-*хма*^{1} *пьан*^{2} *ма*^{1}-*йау*^{4}-*пху*^{3} (КН, 42) 'Хотя он и родился в городе Уаккэма, но он, когда вырос, обратно туда не вернулся' (здесь *пе*^{2}*мин*^{1} непосредственно следует за глаголом *муе*^{3} 'родиться');

(4) *е*^{3}-*га*^{1}-*лэ*^{3} *а*^{1}-*чжи*^{3}-*схоун*^{3}-*пе*^{2}*мин*^{1} *ин*^{2}*матан*^{2} *е*^{3}-*ша*^{2}-*дэ*^{2} (КН, 145) 'Эй[6] к тому же, хотя и была самой старшей, к сожалению, была чрезвычайно черствой'. В этом предложении *пе*^{2}*мин*^{1} следует за глаголом качества *чжи*^{3} 'быть большим' в превосходной степени.

В предложении глагол качества в превосходной степени обычно употребляется перед глаголом-сказуемым *пхи*^{4} 'быть, являться', и если в предложении 4 синтаксический показатель уступительности *пе*^{2}*мин*^{1} заменить на какой-либо другой синтаксический показатель (например, показатель причинности *чжаун*^{1}), то после глагола качества в превосходной сте-

[6] Здесь игра слов: имя женщины «Эй» имеет значение 'холодная, черствая'.

пени *чжи*^{3} 'быть большим' появится и глагол-сказуемое *пхи*^{4}, т. е. придаточное предложение примет следующий вид: *е*^{3}-*га*^{1}-*лэ*^{3} *а*^{1}-*чжи*^{3}-*схоун*^{3} *пхи*^{4}-*да*^{1}-*чжаун*^{1}... 'Так как Эй была самой старшей...' (*да*^{1} — синтаксический показатель сказуемого). Таким образом, пример 4 свидетельствует о том, что если придаточное предложение является уступительным и маркировано служебной единицей *пе*^{2}*мин*^{1}, то глагол-сказуемое *пхи*^{4} в нем опускается. Видимо, и в примерах 1 и 2 мы имеем дело с суппрессией *пхи*^{4} перед служебной единицей *пе*^{2}*мин*^{1}, в результате чего и возникает приименное употребление *пе*^{2}*мин*^{1}.

Служебная единица *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1}

В приименном употреблении *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1} выполняет функцию синтаксического показателя дополнения локализации, указывающего на момент, с которого началось действие, обозначенное глаголом-сказуемым:

(1) *ди*^{2}*то*^{1} *та*^{3} *ди*^{2}*гари*^{2} *йа*^{1}-*йин*^{2}, *е*^{3}-*нэ*^{1} *ле*^{4}*тха*^{4}-*пхо*^{1} *кху*^{1}-*га*^{1}-*тэ*^{3}*га*^{1} *се*^{1}*са*^{4}-*тха*^{3}-*йин*^{2} *ма*^{1}-*каун*^{3}-*бу*^{3}-*ла*^{3} (КН, 85) 'Разве плохо, если [мы] с сегодняшнего дня уже договоримся женить на Эй вашего сына, когда он получит диплом?';

В приглагольном употреблении эта единица имеет не только то же значение, но и ту же функцию:

(2) *пха*^{2}*рэ*^{4} *пьо*^{3}-*ди*^{2}-*го*^{2} *чжа*^{3}-*га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1} *сэй*^{4}-*тхэ*^{3}-*дуин*^{2} *ба*^{2} *пхи*^{4}-*не*^{2}-*хман*^{3} *ма*^{1}-*ти*^{1}-*пе*^{2} (КН, 52) 'С тех пор как [я] услышал, что сказал Фред, не пойму, что стало твориться в [моей] душе';

(3) *чжун*^{2}*до*^{2}*до*^{1} *ккэ*^{2}*о*^{2}-*га*^{1}-*му*^{2} *и*^{4}*ма*^{1}-*хнин*^{1} *эйн*^{2}*тхаун*^{2}*чжа*^{1}-*га*^{1}*тэ*^{3}-*га*^{1} *ба*^{4}*сака*^{3}-*мьа*^{3}-*дуин*^{2} *лэ*^{4}*хма*^{4} *си*^{4}*лоу*^{4}-*ба*^{2}-*ди*^{2} (УХ, 189) 'Муж старшей сестры, с тех пор как женился, стал работать контролером в автобусах'.

В предложениях 2 и 3 служебная единица *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1} следует непосредственно за глаголом. В предложении 2 это простой, односложный глагол *чжа*^{3} 'слышать', а в предложении 3 — сложный глагол *эйн*^{2}*тхаун*^{2}*чжа*^{1} 'жениться'. Глагольная синтагма (в том числе и предикативная), оканчивающаяся на *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1}, указывает на начало действия (обозначенного глаголом-сказуемым) путем сопоставления его с другим действием, обозначенным глаголом, непосредственно предшествующим *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1}.

Рассмотрение приименного и приглагольного употребления служебной единицы *га*^{1}*тэ*^{3}*га*^{1} также позволяет предполагать, что ее приименное употребление появилось в связи с пропуском глаголов *пхи*^{4} в значении 'происходить' и *ши*^{1} в значении 'быть, иметься'. Отсюда и ограничения при употреблении этой единицы после существительных, круг которых включает в себя названия отрезков времени, событий и

т. п., т. е. *га*[1]*тэ*[3]*га*[1] употребляется после существительных, которые могли бы быть подлежащим при указанных глаголах.

Итак, приименное употребление некоторых служебных единиц [7] — явление вторичного порядка. Первоначально они употреблялись только после глаголов. Приименное употребление есть результат закрепленного традицией опущения глаголов *пхи*[4] и *ши*[1] как лексически «неполноценных» и не являющихся в этом случае структурно необходимыми.

Таким образом, исключение (т. е. существование в современном бирманском языке служебных единиц с двойной дистрибуцией) лишь подтверждает общее правило (четкое разделение основной массы служебных единиц в бирманском языке на приглагольные и приименные).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗД — «Кхийсан сапэ» («Современная литература»), Рангун, 1961 (рассказы Зо Джи).
КН — Кхин Нин Ю, Хмуэй, Рангун, [б. г.] (роман).
МТ — «Кхийсан сапэ», Рангун, 1961 (рассказы Мин Ту Уна).
УХ — У Хла, Хлаунчхайндуинхма хнгэнгэмьа (Птички в клетке), Рангун, [б. г.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1937.
2. «Judson's Burmese-English Dictionary», Rangoon, 1953.
3. Minn Latt, First Report on Studies in Burmese Grammar,— «Archiv Orientální», Praha, 1962, № 1.

---

[7] Рассмотренный в данной статье список служебных единиц с двойной дистрибуцией отнюдь не является полным. Сюда, например, не вошли *хльин*[2], *син*[2] и *пи*[3]*нау*[4]. Возможно, в языке еще имеются единицы данного рода, которые, однако, употребляются столь редко, что в использованных источниках не встретились.

Ю. Л. БЛАГОНРАВОВА

О ПРЕДСУБСТАНТИВНОЙ ПОЗИЦИИ КЛАССИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАЙСКОМ (СИАМСКОМ) ЯЗЫКЕ

В современном таеведении классификаторами *(лаксанам* 'характеризующие имена') [1] называется разряд служебных слов [2] отыменного происхождения, которые в субстантивных словосочетаниях помимо функции показателей исчисляемости предметов выполняют реляционно-выделительную функцию [3].

Установлено также, что при эллиптировании субстантивного члена предложения классификаторы вместе с вводимыми ими определениями берут на себя функцию эллиптированного члена, как бы замещая его [4]. Видимо, классификаторам, подобно личным и относительным местоимениям, свойственна анафорическая функция (иначе говоря, способность соотнесения той или иной субстантивной части высказывания с предыдущим текстом).

Известна также дистрибуция классификаторов в субстантивном словосочетании. По отношению к определяемому существительному (или, довольно редко, к личному местоимению в позиции определяемого) классификатор, вводящий то или иное определение, располагается либо контактно, либо дистантно [5], но всегда после определяемого. По отношению к определениям, которые посредством классификаторов соотносятся с определяемыми, классификаторы располагаются всегда контактно (перед определением или после него): классификатор следует за определением, выраженным количественным числительным, и предшествует определениям, выраженным прилагательными, порядко-

[1] По терминологии таиландских лингвистов (см., например, «Основы тайского языка» Упакит Синлапасана [15, 21]).

[2] К служебным словам их относят: М. Р. Хаас [см. 7], Л. Н. Морев [см. 4, 11], Ю. Л. Благонравова [см. 1, 132—136].

[3] О реляционной функции классификаторов см. работу Л. Н. Морева [4, 31]. О выделительной функции классификаторов см. кандидатскую диссертацию Ю. Л. Благонравовой [1, 195—199, 201—208, 244].

[4] Аналогичной точки зрения придерживаются И. Х. С. Симмондс [см. 8, 74] и Р. Б. Носс [см. 11, 105].

[5] При наличии других определений помимо определения, введенного классификатором.

выми числительными, демонстративами или индефинитивами [6]. Примеры [7]:

ча:у-на: си:[1] *кхон* (ССП, 281) 'четыре крестьянина' (существительное+количественное числительное+классификатор);

кра[1]*-тьок*[1] *ба:н йай*[1] (ИАП, 145) 'большое зеркало' (существительное+классификатор+прилагательное);

лу:к[2]*-кам-пхра:*[3] *кхон тхи:*[2]*-сам*[4] (ТСК, 46) 'третья сиротка' (существительное+классификатор+порядковое числительное);

та:-ке:[1] *кхон нан*[3] (СЛП, 262) 'тот старик' (существительное+классификатор+демонстратив);

кау[2]*-и:*[2] *ту:а нынг*[1] (ППМ, 20) 'какой-то стул', 'один из стульев' (существительное+классификатор+индефинитив).

Однако дистрибуция классификаторов в субстантивном словосочетании, как она представлена в таеведении, не является исчерпывающей.

В современных литературных текстах классификаторы встречаются еще в одной позиции по отношению к субстантивным словам: они могут непосредственно предшествовать существительным, обозначающим исчисляемые предметы, или личным местоимениям. При этом факт наличия или отсутствия определений к субстантиву не имеет значения: классификаторы встречаются как перед субстантивным словосочетанием, так и перед существительным или личным местоимением, выполняющими функцию субстантивного члена предложения (подлежащего, дополнения, предложного определения или ситуативного обстоятельства) изолированно, т. е. вне сочетания с поясняющими словами.

Данную позицию классификаторов в отличие от описанных выше вариантов постсубстантивной позиции назовем предсубстантивной.

Приведем примеры с классификаторами в предсубстантивной позиции:

(1) *тэ*[1] *сом*[4]*-сак*[1] *йы:н-йан ва:*[2] *пен но:нг*[3]*-са:у*[4] *кхо:нг*[4] *кхау*[4] *тхэ*[3]*-тьинг пхро*[1] *кхау*[4] *тьам фай*[4] *дэ:нг тхи:*[2] *кла:нг пхы:н*[4] *ланг*[4] *дай*[2] (ТСК, 67) 'Но Сомсак настаивал на том, что [это] действительно его младшая сестра, поскольку он

[6] Демонстративами и индефинитивами здесь названы подклассы знаменательных слов, обычно именуемые соответственно указательными и неопределенными местоимениями. Оба подкласса по ряду функциональных и дистрибутивных признаков объединены автором в класс местоприлагательных [см. 1, 199—200].

[7] В статье используется русская фонологическая транскрипция, принятая в «Тайско-русском словаре» Л. Н. Морева под ред. С. Семсампана (М., 1964).

Для обозначения тонов вместо диакритических значков используются следующие цифры: 1 — соответствует ровному низкому тону, 2 — падающему, 3 — восходяще-нисходящему, 4 — восходящему. Обычный ровный тон не обозначается. Придыхание обозначено строчной буквой «х», слогоделение — дефисом, долгота гласной — двоеточием.

Сомсак) помнит красную родинку на [ее] спине' (классификатор *пхы:н*^{4} предшествует существительному *ланг*^{4} 'спина');

(2) *...мэ:*^{3} *онг пхра*^{3} *пра*^{1}*-мук*^{3} *кхо:нг*^{4} *ча:т*^{2} *тьа*^{1} *са*^{1}*-дэ:т клап*^{1} *су:*^{1} *мы:анг лу:анг*^{4}*-пхра*^{3}*-ба:нг*^{1}... («Сансэри», 15.I.1960) '...хотя его величество глава страны возвратился в Луанг-Прабанг...' (классификатор *онг* предшествует субстантивному словосочетанию *пхра*^{3} *пра*^{1}*-мук*^{3} *кхо:нг*^{4} *ча:т*^{2}, состоящему из определяемого, выраженного слитным словосочетанием [8] типа «квалификативное существительное [9] + нарицательное существительное», и предложного определения);

(3) *мы:а*^{2} *ло:н*^{4} *дэ:н пха:н*^{1} *онг тье:-ди: ле:т*^{2} *ко*^{2} *дэ:н та:м ланг*^{4} *ло:н*^{4} (ПИН, 69) 'Когда она миновала пагоду, Лэт пошел вслед за ней' (классификатор *онг* предшествует существительному *тье:-ди:* 'пагода');

(4) *кхун май дай*^{2} *хен*^{4} *ва:*^{2} *онг тье:-ди: нан*^{3} *ко:*^{1} *ду:эй*^{2} *хин*^{4} *си:*^{4}*-кха:у*^{4} *ко:н*^{2} *йо:м*^{2} (СЛП, 263) 'Разве ты не **видишь**, что та пагода построена из белых мелких камней?' (классификатор *онг* предшествует существительному *тье:-ди:* 'пагода', распространенному демонстративом *нан*^{3} 'тот');

(5) *лэ:у*^{3} *кха:у*^{2} *пай су:*^{2} *ту:а а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри: сынг*^{1} *пен тьут*^{1}*-май*^{4} *сам*^{4}*-кхан тхи:*^{2} *нат*^{1}*-пхоп*^{1} (ТСК, 38) 'Затем [он] направился к статуе, которая была главной приметой места свидания' (классификатор *ту:а* предшествует существительному *а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри:* 'статуя', распространенному придаточным предложением);

(6) *кхуа:м-та:й ман пен кхо:нг*^{4} *тхам-ма*^{3}*-да:. кхон рау мы:а*^{2} *тхынг*^{4} *ван та:й лэ:у*^{3}. *тхынг*^{4} *йа:нг*^{1} *рай ко*^{2} *то:нг та:й* (ПИН, 50) 'Смерть — дело обычное. Мы, когда придет время (букв. день), [тоже] умрем. Как бы то ни было, а должны умереть' (классификатор *кхон* предшествует личному местоимению *рау* 'мы' — см. второе предложение последнего примера).

В связи с неисследованностью данного явления, т. е. употребления классификаторов в препозиции к имени в тайском языке, а также в связи с тем, что многие классификаторы омонимичны знаменательным словам (существительным), основная задача статьи состоит в том, чтобы обосновать отождествление определенной группы слов в предсубстантивной позиции с классификаторами.

---

[8] Слитными словосочетаниями называются речевые соединения знаменательных слов с подчинительными отношениями между компонентами, связь между которыми не опосредуется служебными словами. Словосочетания, в составе которых есть реляционные служебные слова, называем раздельными.

[9] Квалификативными существительными здесь назван подкласс существительных, выполняющих в современном языке эмоционально-оценочную функцию или функцию слов-характеристик (по терминологии проф. Е. М. Галкиной-Федорук [см. 2]).

I

Первое, что наводит на мысль о возможности отнесения к классификаторам указанных слов в предсубстантивной позиции, это высокая частотность их употребления в текстах сравнительно с существительными, а также их графическое и фонетическое соответствие классификаторам.

Сообразно с этим из всех слов, встречающихся в предсубстантивной позиции, нами отобраны только те, которые графически и фонетически соответствуют классификаторам при всех постсубстантивных дистрибуциях последних.

Однако графическое и фонетическое соответствие предсубстантивно употребленных слов классификаторам еще не доказывает их тождества.

Дело в том, что все классификаторы тайского языка восходят к существительным, значительная часть которых все еще встречается в современных текстах на правах самостоятельных лексем, что способствует сравнительно легкому установлению этимологии классификаторов. При этих условиях может возникнуть предположение, что предсубстантивные слова, рассматриваемые здесь, являются существительными.

Однако такое предположение было бы справедливым лишь отчасти, поскольку с этимологической стороны классификаторы не представляют собой однородного класса служебных слов.

Некоторые классификаторы уже не имеют исходного слова-омонима в сфере существительных современного языка (см. пример 1). Этимология таких классификаторов может быть установлена лишь в диахроническом исследовании. В современном языке такие слова монофункциональны: они встречаются лишь в качестве классификаторов. В этом случае графическое и фонетическое соответствие предсубстантивно употребленных слов классификаторам позволяет говорить о принципиальной возможности существования предсубстантивной позиции классификаторов в тайском языке.

Другая часть классификаторов имеет омонимы в сфере так называемых знаменательных морфем. Иначе говоря, существительное, к которому восходит классификатор, встречается в современном литературном языке лишь в составе сложных слов, а в самостоятельном употреблении не встречается (см. примеры 2—4). В этом случае можно говорить лишь о необходимости разграничения сочетания служебного слова со знаменательным (классификатор + существительное) и сложного слова.

Основным аргументом в пользу рассмотрения сочетаний типа «*онг* + существительное» как сочетания служебного слова со знаменательным является их речевой характер. В от-

личие от сложного слова они не воспроизводятся, а производятся в речи, о чем свидетельствует непостоянство их состава:

1) в одних случаях существительное употребляется изолированно, в других — с препозитивным элементом (классификатором), не влияющим на смысловой объем понятия, выраженного существительным;

2) в позиции между препозитивным элементом и существительным может оказаться квалификативное существительное (как известно, сложные существительные такой инкорпорации не допускают);

3) при определенных условиях предсубстантивный элемент может быть заменен синонимичным, также имеющим аналог в сфере классификаторов. Так, в сочетании *ту:а а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри:* 'статуя' предсубстантивный элемент *ту:а* может быть заменен словом *онг* (при условии, что имеется в виду статуя короля, принцев, Будды или лиц из высшего духовенства). Очевидно, и в этом случае смысловой объем понятия, выраженного существительным, не изменяется.

Обратимся теперь к тем классификаторам, которые имеют омонимы в сфере знаменательных слов тайского языка. По-видимому, в этом случае сочетание классификатора с существительным может совпадать и со свободным словосочетанием, и со сложным словом.

Если принять рассматриваемые здесь комплексы (классификатор + существительное) за свободные словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, то в наших примерах (5 и 6) комплексы *ту:а а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри:* 'статуя' и *кхон рау* 'мы' должны были бы осмысливаться как 'тело статуи' и 'наши люди' ('наш человек'), поскольку в соответствии со смысловым подбором слов в первом комплексе (*ту:а* 'тело' + *а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри:* 'статуя') должны были бы реализоваться партитивные, а во втором (*кхон* 'человек' + *рау* 'мы') — притяжательные отношения. Однако такое понимание явно неприемлемо при данных текстуальных условиях.

Кроме того, в свободные словосочетания с партитивными и притяжательными отношениями между компонентами может быть введен посессивный предлог *кхо:нг*^{4}, в то время как в рассматриваемые здесь комплексы предлог ввести нельзя.

Дополнительным аргументом в пользу отнесения предсубстантивного элемента к служебным, а не к знаменательным словам является его нераспространимость, т. е. невозможность введения к нему определения. Ср. *бай на:*^{2} 'лицо' [классификатор *бай* (этимол. 'лист') + *на:*^{2} 'лицо'] и *бай чау кхо:нг*^{4} *тон*^{2} *кэ* (ЛКК, 62) 'увядшие листья дерева кэ'.

Немаловажным фактором, отличающим данные комплексы от свободных словосочетаний, является также высокая частотность употребления одних и тех же элементов в пре-

позиции к существительным. Так, например, сочетания классификатора *ду:анг* (этимол. ʻшар, сфераʼ) с существительными могут быть представлены в виде некоторого ряда комплексов, по повторяемости препозитивного элемента напоминающих либо сочетания служебного слова со знаменательным, либо производные существительные, образованные способом аффиксального словообразования: *ду:анг та*[1]*-ван* ʻсолнцеʼ, *ду:анг а:-тхит*[3] ʻсветилоʼ (о солнце), *ду:анг тьан* ʻлунаʼ, *ду:анг да:у* ʻзвездаʼ, *ду:анг та*[1]*-ки:анг* ʻлампаʼ, *ду:анг на:*[2] ʻлицоʼ, *ду:анг та:* ʻглазʼ и др.

Однако, как отмечалось выше, рассматриваемые комплексы характеризуются непостоянством состава, в то время как постоянство состава является одной из фундаментальных черт всякой словарной (воспроизводимой) единицы, в том числе и производного существительного. Иначе говоря, в отличие от производного существительного (типа *нак*[3]*-ри:ен* ʻученик, студентʼ, *нак*[3]*-роп*[3] ʻвоин, боецʼ, *нак*[3]*-ккхи:ан* ʻписательʼ и др.), встречающегося при любых текстуальных условиях в одном и том же составе, интересующие нас комплексы в разных текстуальных условиях меняют свой состав: в одних случаях существительное употребляется без препозитивного элемента, в других — с препозитивным элементом. Таким образом, создается немыслимое для слов нейтральной лексики сосуществование двух и более пар синонимов, где каждая из пар представлена абсолютными синонимами. Например: *та*[1]*-ван* ʻсолнцеʼ (лексема тайского происхождения) и *ду:анг та*[1]*-ван* ʻсолнцеʼ; *а:-тхит*[3] ʻсветило, солнцеʼ (лексема, заимствованная из пали-санскрита) и *ду:анг а:-тхит*[3] ʻсветило, солнцеʼ.

В некоторых случаях препозитивный элемент, графически и фонетически аналогичный классификатору, заменяется другим, также аналогичным классификатору, но оба этих элемента не являются синонимами, если рассматривать их как знаменательные слова (например: *ду:анг* этимол. ʻшар, сфераʼ и *бай* этимол. ʻлистʼ в препозиции перед существительным *на:*[2] ʻлицоʼ). Ср. *тьау*[2] *ккхо:нг*[4] *ду:анг на:*[2]*нан*[3]... (ТСК, 49) ʻВладелица этого лица...ʼ и ...*бай на:*[2] *ккхо:нг*[4] *соп*[1]*чы:н*[2]... (ТСК, 50) ʻ...лицо Сопчын...ʼ При этом объем понятия, выраженного существительным *на:*[2] ʻлицоʼ, здесь не изменяется.

Такая смысловая нейтральность препозитивного элемента по отношению к объему понятия, выраженного последующим существительным, отличает рассматриваемые здесь комплексы от любой словарной единицы (от производного или сложного существительного, а также от фразеологизма). Ср. *бай на:*[2] ʻлицоʼ и *си:*[4]*-на:*[2] ʻцвет лица, выражение лицаʼ (этимол. *си:*[4] ʻцветʼ + *на:*[2] ʻлицоʼ); *ду:анг на:*[2] ʻлицоʼ и *нам*[3]*-на:*[2] (разг. вульг.) ʻрожаʼ (этимол. *нам*[3] ʻводаʼ + *на:*[2] ʻлицоʼ).

Сопоставление примеров делает очевидным это различие: первые (*бай на:*^{2} и *ду:анг на:*^{2}) выражают объем понятия, равный объему понятия, выраженному существительным *на:*^{2} 'лицо'; вторые (*си:*^{4}*-на:*^{2} и *нам*^{3}*-на:*^{2} — соответственно сложное слово и фразеологизм) выражают понятия, не совпадающие с понятием, выраженным морфемой *на:*^{2} (этимол. 'лицо').

Итак, непостоянство состава и смысловая нейтральность препозитивного элемента[10] отличают рассматриваемые комплексы от словарных единиц, структурно сходных с ними, свидетельствуя о речевом характере данных комплексов.

В то же время ряд существенных черт (отсутствие у предсубстантивных элементов лексических значений, аналогичных значениям их омонимов — существительных, нераспространимость предсубстантивных элементов, а также невозможность введения в сочетание предлога) отличают данные комплексы и от свободных словосочетаний.

Таким образом, альтернатива — свободное словосочетание или сочетание служебного слова со знаменательным, должна быть решена однозначно: рассматриваемые комплексы являются сочетаниями служебного слова со знаменательным.

Фонетическое и графическое соответствие предсубстантивных элементов классификаторам, встречающимся в текстах при всех постсубстантивных дистрибуциях, а также ограниченность возможных субституций предсубстантивных элементов сферой их фонетических и графических аналогов-классификаторов позволяют прийти к заключению о тождественности этих элементов классификаторам.

Этот вывод подтверждается теми классификаторами, которые не имеют омонимов в сфере знаменательных слов тайского языка и в современном языке функционируют только как классификаторы.

Дополнительным аргументом в пользу возможности существования предсубстантивной позиции классификаторов в современном литературном языке Таиланда является нормативность такой позиции классификаторов в ряде других языков тайской семьи, территориально разобщенных в течение длительного периода. Примеры:

---

[10] Смысловая нейтральность предсубстантивного элемента отличает данные комплексы и от предложных сочетаний, в ряде случаев сходных с указанными комплексами по структуре и повторяемости препозитивного элемента. Ср. *на:*^{2} 'лицо', *ду:анг на:*^{2} 'лицо', *бай на:*^{2} 'лицо' и *ват*^{3} 'храм', *най ват*^{3} 'в храме', *ланг*^{4} *ват*^{3} 'за храмом'. Нетождественность препозитивного элемента предлогу подтверждается их разной дистрибуцией в составе одного и того же словосочетания: предлог всегда предшествует предсубстантивному элементу. Например: *тьау*^{2} *кхо:нг*^{4} *ду:анг на:*^{2} *нан*^{3}... 'Владелица этого лица...' (*кхо:нг*^{4} — посессивный предлог).

ан[1] *ба:н*[3] 'деревня', *ту:*[2] *па:*[2] 'рыбина' (язык нун [11]), *ан*[1] *ра:н*[2] *ту:*[6] *тэ:*[1] 'его дом', *ту:*[2] *кай*[5] 'петух', *ту:*[2] *ма:*[1] 'собака' [чжуан [12] — язык гуансийских тайцев (КНР)];

ту:[2] *пьа:*[1] 'рыбина', *ту:*[2] *мэу*[2] 'кошка' [тайлэ [13] (тайлы) — язык юньнаньских тайцев (КНР)];

ту[2] *вай*[2] *тсай*[1] *на*[2] 'Буйвол пашет поле'; *ту*[2] *ма*[1] *ку*[1] *нц*[4] 'эта моя собака' [буи [14] — язык гуйчжоуских тайцев (КНР)];

буй[4] *тсэ*[5] 'книга', *тсу:н*[1] *ха'а*[3]*:у ни*[5] 'этот человек' (говор тунцза диалекта сифан языка ли [15])

Таким образом, предсубстантивная позиция классификаторов характерна для ряда тайских языков [16]. Разница между тайским (сиамским) и другими языками тайской семьи, упоминавшимися выше, состоит в степени продуктивности данной конструкции. Если в современном литературном языке Таиланда данная конструкция по частоте использования уступает другим сопоставимым с ней конструкциям (что, видимо, и явилось причиной отсутствия ее описания в грамматиках), то в других тайских языках это широко распространенная конструкция.

II

Тождественность предсубстантивных элементов классификаторам, обоснованная выше, касается лишь плана выражения. Возникает вопрос, сохраняется ли эта тождественность при позиционных изменениях (при замене постсубстантивной позиции предсубстантивной) и в плане содержания.

Прежде чем перейти к анализу функционирования классификаторов в предсубстантивной (или левой) позиции, необходимо пояснить функционирование этих слов в постсубстантивной (или правой) позиции, что предопределяет, в свою очередь, необходимость некоторого уточнения и обоб-

[11] Язык нун распространен в Северном Вьетнаме. Материал почерпнут из статьи Дж. И. Сола [см. 12, 278—290].

[12] См. «Грамматику языка чжуан» А. А. Москалева [6].

[13] Один из диалектов языка юньнаньских тайцев в КНР. Место распространения — район Сипсонгпанна, или Сишуанбанна (в китайской иероглифической транслитерации). Примеры заимствованы из «Лекций по грамматике диалекта тайлэ тайского языка» [14].

[14] Примеры заимствованы из «Доклада об обследовании языка буи» [13, 155—157].

[15] Место распространения — город Тунцза и его окрестности (о-в Хайнань, КНР). Материалы любезно предоставлены автору проф. Г. П. Сердюченко.

[16] Следует отметить, что предсубстантивная позиция классификаторов в ряде тайских языков является еще одной чертой, демонстрирующей яркое типологическое сходство в сфере субстантивных словосочетаний (или субстантивных фраз — по терминологии европейских лингвистов) между тайскими и так называемыми аустроазиатскими языками (в частности, кхмерским и вьетнамским) и противопоставляющей их современному китайскому языку [см. 8; 10, 124—152; 9, 63—80; 3, 226].

щения определения классификаторов, представленного в начале статьи.

Классификаторы являются по существу классными показателями, или, иначе, каждый из классификаторов суть наименование класса существительных, объединенных носителями языка в данный класс по признаку, выраженному классификатором (округлость, антропоморфность, листообразность и т. п.) [17]. В этом и состоит индивидуальное значение каждого из классификаторов.

Общим свойством классификаторов является их прономинальность, обеспечивающая их анафорическое функционирование по отношению к существительным и личным местоимениям. Это позволяет определить общее (или грамматическое) значение классификаторов как просубстантивную анафоричность.

Сводя воедино эти два аспекта (индивидуальное и грамматическое значения), следовало бы характеризовать классификаторы как классифицирующие местоимения.

Такое определение классификаторов позволяет понять и их функциональные особенности в правой позиции. Довольно жесткая соотнесенность с тем или иным кругом существительных обусловливает выполнение классификатором анафорической функции, что, в свою очередь, дает возможность реализоваться и другим сопутствующим функциям: реляционной и выделительной (последнюю следовало бы уточнить как функцию индивидуализации). Этот функциональный комплекс присущ классификаторам при любой правой дистрибуции, однако в разных условиях ярче проявляется то одна, то другая функция.

Так, анафорическая функция предельно ясна при употреблении эллиптических конструкций. Например, в предложении *лэ:у*^{3} *рот*^{3}*-йон ко*^{1} *лэ:н*^{2} *пха:н*^{1} *на*^{2}*: ба:н*^{2} *ло:н*^{4} *пай, пха:н*^{1} *пай и:к*^{1} *ла:й*^{4} *кхан* (СКК, 162) 'Затем и машина мелькнула перед ее домом, [а потом] и еще несколько [машин]' сочетание *и:к*^{1} *ла:й*^{4} *кхан* (вне контекста — 'несколько предметов с ручками) может быть понято как несколько машин', поскольку в первой части предложения один из членов выражен существительным *рот*^{3}*-йон* 'автомобиль'. При отсутствии «замещаемого» существительного было бы неясно, какой из предметов данного класса имеется в виду.

В словосочетании полной (неэллиптической формы) с правым расположением классификатора в любом случае предмет называется дважды: первый раз — существитель-

[17] Поскольку предмет, обозначенный существительным, обладает не одним, а многими признаками, вполне объяснимой является возможность отнесения одного и того же существительного то к одному, то к другому классу за счет смены классификаторов. (Напомним, что эта субституция в современном языке носит весьма ограниченный характер.)

ным, второй раз — классифицирующим местоимением, т. е. классификатором. Это акцентирование внимания объекта коммуникации на одном и том же предмете дважды и является основой реализации реляционной и индивидуализирующей функций классификаторов. Реляционная функция особенно ярко проявляется в словосочетаниях с дистантным расположением определения, введенного классификатором, например: *хин*^{4} *си:*^{4} *кха:у*^{4} *ко:н*^{2} *йо:м*^{2} (СЛП, 263) 'мелкие камни белого цвета' [букв. 'камень+цвет белый+*к:он*^{2} (классификатор) + мелкий'], где определение *йо:м*^{2} 'мелкий' соотносится посредством классификатора с существительным *хин*^{4} 'камень', а не *си:*^{4} 'цвет'.

Индивидуализация предмета или предметов, обозначенных словосочетанием, имеющим в своем составе классификатор, прослеживается при всех правых дистрибуциях классификаторов [18]: определяемое имя называет подкласс предметов, сочетание классификатора со знаменательным словом индивидуализирует его, и все словосочетание в целом является названием предмета, выделенного из данного подкласса как нечто индивидуальное, единичное [19].

Рассмотрим теперь функционирование классификатора в препозиции к существительному. В этом случае сначала называется класс предметных слов, в который входит последующее существительное, а затем уже конкретный представитель этого класса, например: *ту:а а*^{1}*-ну*^{3}*-са*^{4}*-ва*^{3}*-ри:* 'статуя' [букв. '*ту:а* (антропоморфный предмет) — статуя']. Очевидно, и в данном случае производится двойное, дублированное называние предмета, т. е. «грамматический механизм» дублирования остается в силе и при левом расположении классификатора. Однако изменение позиции классификатора влечет за собой и некоторые новые нюансы: в этом случае реализуется не анафорическая, а дейктическая функция классифицирующего местоимения [20].

Само собой разумеется, что при условии контактного расположения классификатора по отношению к существительному (или субстантивному словосочетанию, где все определения располагаются в постпозиции к имени) о реализации реляционной функции речи быть не может.

Что касается функции индивидуализации, то она прослеживается на имеющемся в нашем распоряжении материале

---

[18] См. соответствующие разделы кандидатской диссертации Ю. Л. Благонравовой [1, стр. 171—191, 225—239, 267—289].

[19] О значении единичности, свойственном классификаторам в постсубстантивной позиции, см. очерк «Тайский язык» [5, 61].

[20] Ср. с реализацией анафорической и дейктической функций личного местоимения *ман* 'он, оно, она, они'. Например: *кхуа:м-та:й ман пен кхо:нг*^{4} *тхам-ма*^{3}*-да* (ПИН, 50) 'Смерть, она дело (букв. вещь) обычное' (анафора) и *ман пен ры:ан чан ди:оу...* (ПИН, 3) 'Это был одноэтажный дом...' (дейксис). Второе предложение представляет собой начало романа.

вполне четко: сочетания классификатора с существительным встречаются в текстах только в тех случаях, когда предмет, обозначенный существительным или субстантивным словосочетанием, является детерминированным.

В одних случаях детерминированность ясна непосредственно из текста предложения (текстуальная детерминированность). Примеры:

ланг^{3}*-тьа:к*^{1} *кхуа:*^{3} *вут*^{1}*-вит*^{1} *йу:*^{1} *кхру:*^{2} *нынг*^{1} *на:нг ко*^{2} *плит*^{1}*-ау бу:ап*^{1} *у:ап*^{1} *лу:к*^{2} *нан*^{3} *дай*^{2} *сом*^{2} *пра*^{1}*-сонг*^{2} *йим*^{1} *йен мы:ан*^{4} *лом то:н ры*^{3}*-ду: на:у*^{4} *пра:-кот*^{1} *бон бай на:*^{2} (ЛКК, 61) 'С трудом ухватившись, наконец, женщина сорвала эту спелую тыкву, и улыбка, словно ветер холодного сезона, появилась на [ее] лице' (см. *бай на:*^{2}, где *бай* — классификатор, а *на:*^{2} 'лицо');

...бат^{1}*-ни:*^{3} *кха:*^{2}*-пха*^{3}*-тьау*^{2} *кам-ланг но:н йу:*^{1} *тай*^{2} *ду:анг да:у...* (ИАВ, 25) '...[и вот] теперь я лежу под звездами...' (см. *ду:анг да:у*, где *ду:анг* — классификатор, а *да:у* 'звезда');

ду:анг та: кхо:нг^{4} *тьау*^{2} *ну:*^{4} *нан*^{3} *тьэ:м*^{1}*-сай*^{4} *нак*^{3} *ча:нг*^{2} *мы:ан*^{4} *кап ду:анг та: кхо:нг*^{4} *кхрай кхон нынг*^{1} (СКК, 159) 'Глазки этого малыша, очень чистые, прозрачные, чертовски напоминают глаза одного человека' (см. *ду:анг та:*, где *ду:анг* — классификатор + *та:* 'глаз').

В других случаях детерминированность ясна из контекста (контекстуальная детерминированность). Например:

вэ:-ла: кха^{2} *клап*^{1} *тьынг тьа*^{1} *чай*^{3} *нам*^{3} *най лам ку: кам-банг ту:а* (ССП, 276) 'На обратном пути, чтобы укрыться, [он] воспользуется канавой с водой (букв. водой в канаве)' (см. *лам ку:*, где *лам* — классификатор + *ку:* 'канава'. Ситуация такова: один из героев романа ползет вдоль канавы, думая о способе возвращения после выполнения задания. Совершенно ясно, что имеется в виду эта определенная, а не любая другая канава).

Для более наглядного представления о контрасте, связанном с использованием или неиспользованием классификатора при существительном, сравните пример: *...бат*^{1}*-ни:*^{3} *кха:*^{2}*-пха*^{3}*-тьау*^{2} *кам-ланг но:н йу:*^{1} *тай*^{2} *ду:анг да:у...* (ИАВ, 25) '...[и вот] теперь я лежу под звездами...' со следующим: *рау но:н йу:*^{1} *тай*^{2} *фа:*^{3} *куа:нг*^{2} *тхи:*^{2} *пхранг*^{2}*-пхра:й пай ду:эй*^{2} *кхлет*^{3} *да:у* (ИАВ, 22) 'Мы лежим под бескрайним небом, сияющим звездной россыпью'.

В последнем предложении перед словом *да:у* 'звезда' нет классификатора. Это и понятно, ибо в словосочетании *кхлет*^{3} *да:у* 'звездная россыпь' существительное *да:у* 'звезда' не называет какой-либо конкретный предмет, а выражает относительный признак находящегося в препозиции к нему существительного *кхлет*^{3} 'россыпь'.

По нашим наблюдениям, классификатор никогда не

встречается в позиции перед определяющим существительным, если связь между определяемым и определяющим выражена позицией, т. е. в слитных словосочетаниях, выступающих в целом как член предложения и членимых лишь на подуровне словосочетания [21].

Никогда не встречается классификатор в предсубстантивной позиции и при тех существительных, которые в качестве определяемого слитного словосочетания вместе с определяющим являются бессвязочным именным сказуемым или акцидентным (т. е. случайным, сопутствующим) обстоятельством образа действия. Очевидно, что в обоих случаях слитное словосочетание выражает признак какого-то иного предмета или действия, названных в подлежащем или сказуемом соответственно, а не называет конкретные предметы. Примеры:

мы:а^{2} *тхук кхон пи:к*^{1} *кла:*^{2} *кха:*^{4} *кхэнг*^{4}... (ЛКК, 62) 'Когда каждый [из детей] вырос и окреп...' (букв. 'когда+каждый+крылья+крепкие+ноги+твердые');

...ми:а кхо:нг^{4} *ман нанг*^{3} *на:*^{2} *бынг*^{2}... (ССП, 241) '...его жена сидела [с] мрачным лицом...'

И напротив, классификаторы встречаются перед субстантивными членами предложения (подлежащим, дополнением, определением, а также локальными и ситуативными обстоятельствами) в тех случаях, когда главный или второстепенный член предложения соотносится с конкретным лицом или предметом. Определения и обстоятельства в этом случае всегда маркированы предлогами, и классификатор соответственно занимает позицию между предлогом и субстантивом. Примеры:

бай на:^{2} *кхо:нг*^{4} *дэк*^{1}*-нум*^{1} *си:т*^{2} *пхы:ат*^{1} *тхан-тхи:* (ПИН, 92) 'Лицо юноши мгновенно побелело' (сочетание классификатора *бай* с существительным *на:*^{2} 'лицо' является подлежащим);

пха:й-тай^{2} *сэ:нг*^{4}*-фай кхо:нг*^{4} *ду:анг та*^{1}*-ки:анг у:ан*^{2} *мо:нг ду:на:*^{2} *ми:а кхо:нг*^{4} *кхау*^{4} (ССП, 272) 'При свете лампы Уан смотрел [на] лицо своей жены' (сочетание классификатора *ду:анг* с существительным *та*^{1}*-ки:анг* 'лампа' является определением к ситуативному обстоятельству);

кхау^{4} *нгэ:н*^{4}*-ду: ду:анг да:у тхи*^{2} *кра*^{1}*-тьа:й тьэ:м*^{1}*-йу:*^{1} *бон тхо:нг*^{3}*-фа:*^{3} (ССП, 277) 'Он увидел звезды, ярко сверкавшие на небе' (сочетание классификатора *ду:анг* с существительным *да:у* 'звезда' является прямым дополнением).

Однако классификаторы предшествуют существительным не во всех тех случаях, когда предмет, обозначенный существительным, является текстуально или контекстуально определенным. Иначе говоря, существительное без классификато-

[21] Обоснование данной точки зрения см. в работе Ю. Л. Благонравовой [1, гл. 4].

ра может соотноситься как с детерминированным, так и с недетерминированным предметом или лицом.

Такого рода нерегулярность употребления классификаторов не позволяет считать их формальными выразителями категории определенности в тайском языке.

Исследование конкретных случаев употребления классификаторов приводит к заключению о том, что они выражают не только и не столько определенность, сколько индивидуализацию, т. е. эмфатическое подчеркивание, выделение существительного, обозначающего реальный предмет или лицо. Эта функциональная особенность классификаторов особенно четко прослеживается в тех случаях, когда классификатор предшествует личному местоимению и, следовательно, в плане выражения определенности является избыточным.

Дальнейшие исследования, видимо, вскроют более тонкие оттенки значения, привносимые классификаторами в левой и правой позициях. На современной стадии исследованности материала нам представляется возможным утверждать, что и в левой и в правой позициях классификаторы выполняют индивидуализирующую функцию. Об этом свидетельствует возможность употребления соотносительных и взаимозаменяющихся конструкций.

Хорошей иллюстрацией такого варьирования выражения индивидуализации, достигаемого за счет употребления классификатора то в левой, то в правой позиции, являются следующие предложения из романа П. Интерапалита «Нум кон-йак»:

(1) (*кхау*^{4}) *дэ:н тронг ма: тхи:*^{2} *тье:-ди: онг нынг*^{1} *лэ:у*^{3} *сут*^{3} *ту:а нане*^{3} *бон бан-дай тье:-ди:* (ПИН, 68) '[Он] подошел к какой-то пагоде и уселся на лестницу пагоды';

(2) *дэк*^{1}*-нум*^{1} *ри:п*^{2} *фэ:нг*^{4} *ту:а кхау*^{2} *кам-банг онг тье:-ди: тхан-тхи:* (ПИН, 69) 'Мальчик сразу же поспешил спрятаться [в] пагоде';

(3) *мы:а*^{2} *ло:н*^{4} *дэ:н пха:н*^{1} *онг тье:-ди: лэ:т*^{2} *ко*^{2} *дэ:н та:м ланг*^{4} *ло:н*^{4} (ПИН, 69) 'Когда она миновала пагоду, Лэт пошел за ней'.

Предложения приведены в той же последовательности, что и в тексте романа. Во всех трех предложениях фигурирует один и тот же реальный предмет — *тье:-ди:* 'пагода', вокруг которого развертываются события. Поэтому во всех случаях (кроме одного) слово *тье:-ди:* 'пагода' индивидуализируется классификатором *онг*.

В первом предложении, впервые для данного текста, слово *тье:-ди:* вводится как обстоятельство места, имеющее в качестве определения к себе сочетание классификатора *онг* с индефинитивом *нынг*^{1} 'один из, какой-то'. Лексическим путем здесь сообщается о том, что эта пагода неизвестна мальчику, но она — перед глазами мальчика, и с этой точки

зрения пагода — совершенно реальный, определенный предмет. Именно поэтому перед индефинитивом и стоит классификатор, что дает возможность всему словосочетанию *тье:-ди: онг ныңг*[1] (‘какая-то пагода’) назвать некий индивидуализированный предмет. Однако во второй части этого же предложения слово *тье:-ди:* ‘пагода’ встречается в качестве определяющего в составе слитного словосочетания *бан-дай тье:-ди:* ‘лестница пагоды’ без классификатора, хотя совершенно очевидно, что для данного текста этот предмет является определенным. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что выделение предмета «лестница пагоды» несущественно, неактуально ни для автора, ни для читателя. Поэтому автор и избегает громоздкого словосочетания *бан-дай кхо:нг*[4] *онг тье-ди:* ‘лестница пагоды’ [букв. ‘лестница’+*кхо:нг*[4] (посессивный предлог) +*онг* (классификатор) + ‘пагода’], которым при желании можно было бы заменить рассматриваемое слитное словосочетание.

В следующих предложениях (2 и 3) пагода опять в центре внимания. Но описывать ее подробнее, вводя к ней определения, нет нужды. Поэтому в данном случае автор пользуется левой позицией классификатора. Здесь (при отсутствии определений к существительному) это — единственный способ выражения индивидуализации.

Таким образом, конструкции с левым и правым расположением классификатора взаимозаменимы лишь отчасти: в правой позиции классификатор обязательно сочетается со знаменательным словом, образуя определение к существительному; при классификаторе в левой позиции наличие определения к имени необязательно. Так, например, сочетание *онг тье:-ди:* (см. примеры 2 и 3) можно было бы заменить словосочетанием *онг тье:-ди: ни:*[3] ‘эта пагода’ [букв. *онг* (классификатор) + пагода + ‘этот’], где грамматическая индивидуализация дополнительно подчеркивалась бы лексической детерминацией. Существенно лишь одно: чтобы классификатор не повторялся дважды (в левой и правой позициях), что само по себе является аргументом в пользу функциональной адекватности классификаторов в левой и правой позициях [22].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАВ — Итсара Амантакун, Вэ... Край чай мыңг кит кабот,— журн. «Сайтан», 1958, № 11.
ИАП — Итсара Амантакун, Пран пром тьон,— сб. «Ваюпак пик хак», Бангкок, 1953.
ЛКК — Лау Камхом, Кон пан,— сб. «Фа бо кан», Бангкок, 1958.

[22] Ср., например, с дистрибутивной совместимостью предлога и классификатора, свидетельствующей об их разных функциях.

ПИН — П. Интерапалит, Нум кон-йак, Бангкок, 1955.
ППМ — Пат Пувадон, Мэ тьа лэк дуэй чивит,— журн. «Питупум», 1958, № 118.
СКК — Сибурапа, Канг кын канг рэм,— сб. «Синг ти чивит тонгкан», Бангкок, 1958.
СЛП — Сибурапа, Лунг Пром хэнг ко Лой, — сб. «Тьон куа рау тьа поп кан ик», Бангкок, 1955.
ССП — Сэни Саувапонг, Писат, Бангкок, 1955.
ТСК — Тьорийа, Сам кампра, Бангкок, 1958.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благонравова Ю. Л., Атрибутивные отношения в современном тайском языке, канд. дисс., М., 1966.
2. Галкина-Федорук Е. М., Об экспрессивности и эмоциональности в языке, — «Сборник статей по языкознанию», изд-во МГУ, 1958.
3. Горгониев Ю. А., Грамматика кхмерского языка, М., 1966.
4. Морев Л. Н., Основы синтаксиса тайского языка, М., 1964.
5. Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф., Тайский язык, М., 1961.
6. Москалев А. А., Грамматика языка чжуан, М., 1971.
7. Haas M. R., The Use of Numeral Classifiers in Thai, — «Language», 1942, vol. 18, 1.
8. Honey P. J. and Simmonds E. H. S., Thai and Vietnamese: Some Elements of Nominal Structure Compared,— «Linguistic Comparison in South East Asia and the Pacific», ed. Shorto H., London, 1963.
9. Miller C. P., The Substantive Phrase in Brou,— «Mon-Khmer Studies», I (Publ. 1 of the Linguistic Circle of Saigon), 1964.
10. Nguen Dinh Hoa, Classifiers in Vietnamese,— «Word», 1957, 13.
11. Noss R. B., Thai Reference Grammar, Washington, 1964.
12. Saul J. E., Classifiers in Nung,— «Lingua», 1965, vol. 13, 2.
13. «Буи юй дяоча баогао», Чжунго кюсюэюань, Шаошуминьцзу юйянь яньцзюсо чжупянь, Кэсюэ чубаньшэ, 1959.
14. «Тай юй тайлэ фанъянь юйфа цзянъи», шан цэ, Чжунъян миньцзу сюэюань, 1957.
15. Прайя Упакит Синлапасан, Лак паса тай, 2, Пранакон, 1954.

В. Х. ВАСИЛЬЕВА

О ФАКУЛЬТАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале глагольно-именных словосочетаний)

Одна из характерных особенностей изолирующих языков заключается в том, что употребление в них разного рода грамматических элементов при определенных условиях может быть факультативным, необязательным [1].

Факультативность (необязательность) понимается как возможность употребления либо опущения синтаксических средств без нарушения содержания и грамматической правильности предложения [2].

Так, глагольно-объектная связь в тайском языке может быть выражена двумя способами — с предлогом и без предлога, как, например, в словосочетаниях *пай бан* 'пойти домой' (без предлога) и *пай ти бан* 'пойти домой' (с предлогом *ти*) — с тем же отношением между компонентами.

В отличие от таких словосочетаний в тайском языке имеются словосочетания, в которых опустить предлог или вставить его нельзя. Например:

...хай кэт куамрусык ти рай сара (СН, 286) '...что порождает необоснованные чувства' (в словосочетании *кэт куамрусык* 'порождает чувства' связь между глаголом *кэт* и существительным *куамрусык* осуществляется без помощи предлога, вставить предлог нельзя);

...лэ лукчай кон диоу конг чэм сынг кэт тьак лой... (ИН, 5) '...И единственный ребенок Чэм, который родился от Лоя...' (в словосочетании *кэт тьак лой* 'родился от Лоя' связь между глаголом *кэт* и именем собственным *Лой* осуществляется при помощи предлога *тьак*, предлог опустить нельзя).

---

[1] Эта особенность присуща многим языкам Восточной и Юго-Восточной Азии, таким, как тайский, китайский, кхмерский, бирманский, вьетнамский. Факультативность употребления служебных элементов наблюдается не только в сфере синтаксиса, но и в морфологии. О возможности опущения так называемых морфологических формообразующих показателей (грамматических показателей) см. статьи Н. В. Солнцевой [4] и Ю. А. Гонгониева [1]. О возможности опущения служебных слов, выражающих синтаксические связи в предложении (относительных слов и предлогов), можно найти замечания в работах по языкам Юго-Восточной Азии (см., например, работы Морева Л. Н. [2] и Солнцева В. М. [3]).

[2] Такое истолкование понятия факультативности находим в работе Б. А. Успенского [см. 5, 80].

Случаи факультативного употребления предлога в глагольно-именных словосочетаниях, таким образом, выделяются по соотношению со случаями обязательного, нефакультативного (либо невозможного) употребления предлога.

Задача статьи заключается в том, чтобы выявить грамматические факторы, с которыми связано факультативное употребление предлога, и роль предлога в этом случае в отличие от тех случаев, когда предлог употребляется обязательно.

Для решения поставленной задачи исследуются глагольно-именные словосочетания. Как указывалось выше, в тайском языке они представлены следующим набором форм:

1) словосочетания, в которых невозможно употребление предлога (беспредложные);

2) словосочетания, в которых невозможно опущение предлога (предложные);

3) словосочетания с предлогом, употребляемым факультативно (как предложные, так и беспредложные).

Определим прежде всего круг словосочетаний, в которых возможно факультативное употребление предлогов, т. е. отграничим интересующую нас форму от двух других. Для этого рассмотрим употребление указанных форм в связи с грамматическими подклассами глаголов и особенностями глагольного управления в тайском языке.

Все знаменательные глаголы тайского языка, способные к изолированному употреблению, в зависимости от способа присоединения имени (беспредложного или предложного) подразделяются на два больших грамматических подкласса.

Подкласс объектных глаголов. Синтаксическим признаком их служит возможность образовывать конструкцию «глагол — имя», т. е. глаголы этого подкласса могут присоединять имя без помощи предлога.

Подкласс безобъектных глаголов. Синтаксическим признаком их служит невозможность образовывать конструкцию «глагол — имя», т. е. глаголы этого подкласса присоединяют имя только при помощи предлога. В этом случае вопрос о факультативности не стоит, поэтому глаголы данного подкласса в дальнейшем рассматриваться не будут.

Возможность факультативного употребления предлога существует лишь в пределах словосочетаний с объектным глаголом. Рассмотрим эти словосочетания. Они могут быть беспредложными и предложными.

Беспредложные словосочетания с объектным глаголом. В качестве главного члена этих словосочетаний функционируют объектные глаголы различных семантических групп. Укажем лишь на некоторые из наиболее употребительных.

1. Глаголы, обозначающие давание и отнимание. Зависимое имя может обозначать предмет давания и отнимания и адресата давания. Например:

ной нак ти тэ тьа хай вейла *конг тэ кэ чан* (СН, 284) 'И очень редко было так, чтобы ты уделял мне свое время' (букв. '*давал время* свое мне');

тынг мэ пом май ми нгэн хай тан... (ИН, 93) 'И хотя у меня нет денег, чтобы *дать вам...*'

2. Глаголы речи. Зависимое имя обозначает содержание речи и адресата речи. Например:

чан тьа триам бок тук синг тук йанг *кэ тэ най чау ванни* (СН, 278) 'В это утро я решилась *сказать* тебе *все*;

бок мэ *лук тьау дай нгэн ти най ма* (ИН, 74) '*Скажи мне*, сын, где ты взял деньги?'

3. Глаголы активного действия. Зависимое имя обозначает объект воздействия. Например:

кун киан тьотмай ма лаи чабап (СП, 292) 'Ты *написал* [мне] *много писем*'.

4. Глаголы направления движения. Зависимое имя обозначает конечный пункт движения. Например:

пай бан *на планг* (СП, 266) '*Ходил домой* к тетушке Планг'.

5. Глаголы со значением присоединения. Зависимое имя обозначает предмет, к которому присоединяется другой предмет (субъект действия). Например:

ман тит кинг *сакэ* (СП, 266) 'Она *зацепилась* [*за*] *ветку* дерева саге'.

6. Глаголы со значением мыслительных процессов. Зависимое имя обозначает предмет мысли. Например:

луанг ветчакан ныk чиу сау *чай конг кау* (ИН, 92) 'Ветчакан *подумал* [о] своей служанке *Сау*';

тэ камланг кит арай *йу чан ко ру* (ИП, 147) 'Я знаю, [о] *чем* ты сейчас *думаешь*'.

7. Глаголы со значением приобретения, получения чего-либо. Зависимое имя обозначает предмет, который приобретают или получают. Например:

кон йанг ка ха нгэн *май йак рок лэт* (ИН, 8) 'Такому человеку, как я, *достать денег* нетрудно, Лет'.

8. Глаголы со значением желания, хотения. Зависимое имя обозначает предмет желания. Например:

лэт пратана *тэ* нгэн *тау нан* (ИН, 71) 'Лет *хотел* только *денег*'.

9. Глаголы со значением общей локализации действия. Зависимое имя обозначает место, в котором локализуется действие. Например:

...лэ-та ван най тэ йу бан... (СН, 284) '...И если в какой-нибудь день ты *был дома...*'

10. Глаголы перемещения. Зависимое имя обозначает предмет перемещения или предел перемещения. Например:

сай намманау *лэ* намтан *нитной* (СН, 245) '*Налей лимонаду* и немного сладкой *воды*';

чэм кап лэт чуэй кан тьат капкау сай самрап *лэ йок ма хай кау* (ИН, 18) 'Чэм и Лет вместе готовили пищу, *накладывали [на] поднос* и подавали ему'.

11. Глаголы потери, исчезновения. Зависимое имя обозначает предмет, который теряется или исчезает. Например.

лэт сиа лак *се ок пай* (ИН, 92) 'Лет *потерял опору* и наклонился';

мыа кропкруа кат пунам... (ИН, 54) 'Когда семья *лишилась главы...*'

12. Глаголы наличия, появления. Зависимое имя обозначает предмет наличия, появления. Например:

тэ ми куам *най тьай арай ти тьа пут кап чан* (СН, 278) '*Что* у тебя *есть* на душе, чтобы сказать мне';

чай лай ко кэт кратык *кын най ок* (СС) 'Чай Лай встрепенулась' (букв. 'Чай Лай *возник трепет* в груди').

13. Глаголы сохранения, остатка. Зависимое имя обозначает предмет, который остается или сохраняется. Например:

кауконг най бан мот клианг конг лыа тэ тинон (ИН, 55) 'Из всех вещей в доме *осталась только постель*'.

Во всех разновидностях беспредложных словосочетаний входящие в их состав глаголы различных семантических групп предполагают связь с объектом определенного содержания: глаголы давания — с объектом, обозначающим предмет давания и направление давания, глаголы речи — с объектом, обозначающим предмет и направление речи, и т. д. Иными словами, связь между глаголом и зависимым именем в беспредложных словосочетаниях определяется семантической валентностью глагола.

Предложные словосочетания с объектным глаголом. Приведем несколько примеров, в которых в качестве главного члена функционируют глаголы различных семантических групп, рассмотренных выше.

(1) *чан тонгкан* пай тьак тэ (СН, 279) 'Я хочу *уйти от тебя*';

(2) *чан тьа* кын тьак нам *ла* (АЛ, 114) 'Я сейчас *выйду из воды*';

(3) *тьампен тьа тонг* дай тьак канкут мыанг *дуэй ры* (АЛ, 153) букв. '[деньги] мы обязательно *получим от рытья шахты*';

(4) *та пом тьа* йу кап най *топай тьа дай май?* (АЛ, 104) 'Смогу ли я *жить с вами* и дальше?';

(5) *та чан тьа* там там камсанг *тэ*... (ИП, 157) 'Если я сделаю, как ты прикажешь...' (букв. '*сделать по приказу* твоему');

(6) *кан ти рау попкан мыа кын ко май чай хет бангэн тэ* кэт тьак пэнкан *конг тэ* (ИП, 170) 'То, что мы встретились прошлой ночью,— не случайно, а запланировано тобой' (букв. '*возникло из плана* твоего').

В качестве главного члена в этих предложных словосочетаниях, как и в беспредложных словосочетаниях, выступают объектные глаголы. Однако в первых в отличие от вторых связь между глаголом и объектом не обусловлена семантикой глагола, а определена лишь целью высказывания. Иными словами, в словосочетании выражается не та связь, которая предполагается семантической валентностью глагола.

Так, в словосочетании *пай тьак тэ* 'уйти от тебя' (пример 1) выражена связь между действием и исходным пунктом действия. Глагол *пай* относится к семантической группе глаголов направленного движения и предполагает связь с объектом — конечным (а не исходным) пунктом движения. Беспредложное словосочетание *пай тэ* соответственно означает 'пойти к тебе'. Аналогичным образом организовано и словосочетание *кын тьак нам* 'выйти из воды' (пример 2).

В словосочетании *дай тьак канкут мыанг* 'получить [деньги] от рытья шахты' (пример 3) выражена связь между действием и предметом, обозначающим исходный пункт действия. Глагол же *дай* относится к семантической группе глаголов получения (приобретения), которые предполагают связь с объектом — предметом получения (приобретения).

Глагол *йу* 'жить, находиться' в словосочетании *йу кап най* 'жить с вами' (пример 4) относится к семантической группе глаголов со значением общей локализации действия и предполагает связь с объектом, в котором локализуется действие. В приведенном же словосочетании выражена связь между действием и предметом, совместно с которым осуществляется действие.

В словосочетании *там там камсанг конг тэ* 'сделать по твоему приказу' (пример 5) выражено значение соответствия (действие осуществляется в соответствии с приказом). Глагол же *там* 'делать' относится к группе глаголов активного воздействия и предполагает связь с объектом воздействия.

И наконец, в словосочетании *кэт тьак пэнкан* 'произойти по плану' букв. 'возникнуть из плана' (пример 6) выражена связь между действием и предметом — исходным пунктом действия. Глагол же *кэт* относится к семантической группе глаголов возникновения и предполагает связь с предметом, который возникает. Беспредложное словосочетание *кэт пенкан* соответственно означает 'возник план'.

В рассматриваемых предложных словосочетаниях с объектным глаголом употребление предлога обязательно, поскольку связь между глаголом и именем не обусловлена семантикой глагола, т. е. валентность глагола в данных словосочетаниях, как видно из примеров, не реализуется. Опущение предлога поэтому приводит к разрушению первона-

чального смысла либо к бессмыслице. В этом случае вопрос о факультативности предлога не может ставиться.

Возможность факультативного употребления предлога ограничивается лишь сферой беспредложных словосочетаний с объектным глаголом, т. е. такими словосочетаниями, в которых связь между компонентами осуществляется на основе валентности глагола, как это было показано при характеристике семантических групп глаголов [3].

Далее мы будем рассматривать только такие словосочетания. Поскольку характер связи между компонентами словосочетания обусловлен семантикой глагола, эта связь может быть выражена без предлога либо с предлогом.

Сама возможность или невозможность употребления предлога зависит от двух факторов:

1) от характера смысловых отношений, выражаемых в словосочетании;

2) от того круга значений, которые выражаются при помощи предлогов, имеющихся в современном тайском языке.

Не имеют параллельных предложных построений беспредложные словосочетания, выражающие такие смысловые отношения, которые не находят своего соответствия в предлогах тайского языка. Так, например, отношение между действием и прямым объектом выражается, как правило, без предлога [4].

Параллельные предложные построения имеют те словосочетания, в которых выражены смысловые отношения, совместимые со значением предлога в современном тайском

---

[3] Некоторые замечания о сфере факультативного употребления предлога, в какой-то мере сходные с данным утверждением, мы находим в работах Прайа Упакитсинлапасана [6] и Л. Н. Морева [2]. Упакитсинлапасан пишет, например, что словосочетания *йу бан* 'находиться [в] доме', *нанг кауи* 'сидеть [на] стуле', *нон тианг* 'спать [на] кровати' и другие могут принимать предлог, но могут употребляться и без предлога, поскольку выражаемое в них процессно-предметное отношение ясно из семантики сочетающихся слов. В этих и подобных им словосочетаниях предлог может не употребляться, так как имя обозначает предмет, который является наиболее привычным, характерным объектом для действия, выраженного данным глаголом [см. 6, 67]. Л. Н. Морев, рассматривая возможность факультативного употребления предлога при так называемом дополнении сопровождения, также считает, что «существительное, вступающее в связь с глаголом, должно быть названием предмета, являющегося характерным, привычным средством сопровождения данного действия, или органически связанного с данным действием» [2, 69—70]. Рассмотренные в указанных работах случаи факультативного употребления предлога не выходят за рамки перечисленных выше разновидностей словосочетаний с объектным глаголом.

[4] Предлог *сынг*, являющийся показателем прямого объекта, в отличие от большинства предлогов тайского языка полностью утратил свое лексическое значение и встречается довольно редко. Он, как правило, не встречается в художественной литературе и употребляется в основном в предложениях, где зависимое имя расположено дистантно по отношению к глаголу.

языке[5]. Так, например, предлог *дуэй* в тайском языке присоединяет к глаголу имя с общим значением сопровождения действия (такое имя может иметь значение орудия, средства осуществления действия и т. д.):

пут сианг нак (ИН, 39) 'сказать сурово' (букв. 'сказать голосом тяжелым');

вичит сум туа кай лонг кианг панрайа лэ пут дуэй сианг онйон... (СН, 296) 'Вичит сел рядом с женой и сказал мягко...' (букв. *'сказать голосом мягким...'*).

В подобных случаях предлог, употребляясь факультативно, не служит специально для выражения отношения между членами словосочетания, поскольку эти отношения, как было показано выше, оказываются уже выраженными без помощи предлога, т. е. факультативно употребляемый предлог не только выполняет функцию обязательно употребляемого предлога. Факультативное употребление предлога связано с возможностью, а иногда и с необходимостью уточнить и конкретизировать отношения, уже выраженные в словосочетании с помощью непосредственного присоединения его членов. Мы говорим об уточнении и конкретизации уже выраженных отношений, потому что в беспредложных словосочетаниях выражается лишь самый факт связи между действием и предметом в наиболее общем виде, без ее специальной дифференциации. Средством дифференциации связи служит только семантика управляющего глагола, а один и тот же глагол может предполагать связь с объектами различных значений, как например в словосочетаниях *бок куамтьинг* 'сказать правду' и *бок кау* 'сказать ему'.

Значение некоторых беспредложных словосочетаний вне контекста оказывается неясным, поскольку при глаголах двойного управления содержание объектного отношения может быть двояким. Так, например, словосочетание *сай красоп* может означать 'положить мешок' и 'положить (что-то) в мешок':

сай красоп сет лэу чэм йанг чангок на кау пай (АЛ, 189) 'Положив мешок, Чэм нагнулся и вошел [в хибарку]';

чэм ма чуэй кан кэп сай красоп там дэм (АЛ, 193) 'Чэм, помоги [все] собрать и положить в мешок так, как [оно лежало там] прежде'.

В словосочетаниях с глаголом *сонг* 'послать' имя может означать предмет или лицо, на которое непосредственно распространяется действие («послать что-то, кого-то»), а также предмет или лицо, к которому действие направлено («послать куда-то, кому-то»). Например:

нок йунг сонг конг бури лэ май кит фай *хай кау* (АЛ, 89) 'Нок Юнг *послала* ему *папиросы* и *спички*';

[5] Перечень предлогов с указанием их значений содержится в работах по грамматике тайского языка.

тини рау тьап кау сонг ампьо (АЛ, 209) 'Здесь мы его схватим и *отправим* [в] *район*'.

В словосочетаниях с факультативно употребляемым предлогом выражаются те же смысловые отношения, что и в беспредложных словосочетаниях, предлог служит для уточнения и конкретизации выражаемого отношения. Поэтому различия в значении параллельных предложных и беспредложных словосочетаний являются малоощутимыми. Точнее говоря, значение беспредложных словосочетаний отлично от значения предложных словосочетаний лишь в той мере, в какой последние являются более конкретизированными. Приведем несколько парных словосочетаний, в которых в качестве главного члена выступают глаголы различных семантических групп. Ср.:

луанг ветчакан ныk чиу сау *чай конг кау* (ИН, 92) 'Ветчакан *подумал* [о] своей служанке *Сау*, и *май ми край* ныk тынг нгу *май ми край* ныk тынг антарай (АЛ, 189) 'Никто *не думал о змее*, никто *не думал об опасности*' (с предлогом *тынг*);

чан ко пай йу кратом конг чан *ти тин кау на си* (АЛ, 90) 'Я буду *жить* [в] *своей хибарке* на горе Тин' и *чан* йу най крунг *ма танг тэ кэт* (АЛ, 118) 'Я *живу в столице* с рождения' (с предлогом *най*);

патьон лок 'столкнуться [с] миром' и *патьон кап куамотйак* (ИН, 55) 'столкнуться с трудностями' (с предлогом *кап*);

кау ныk дай ва кэй бок миа *ва*... (СП, 68) 'Он вспомнил, что некогда *сказал жене...*' и *чан триам ти тьа* бок кэ тэ *хай мот син* (СН, 278) 'Я готова *сказать тебе* все' (с предлогом *кэ*).

Таким образом, при факультативно употребляемом предлоге значение предложных и беспредложных словосочетаний одинаково. Иными словами, факультативное употребление предлога возможно только при условии сохранения первоначального значения словосочетания. Если предлог изменяет значение словосочетания, его употребление является обязательным.

Например, в словосочетании *йу най кратом* 'жить (быть) в хибарке' предлог *най* факультативен, беспредложное словосочетание *йу кратом* имеет то же значение. В словосочетании *йу на кратом* 'быть перед хибаркой' из предложения *пэн йу на кратом камланг сай ронгтау* (АЛ, 222) 'Пэн был перед хибаркой, надевал ботинки' предлог *на* 'перед' обязателен, так как выразить это значение без предлога невозможно.

Факультативное употребление предлога имеет место при следующих семантических группах глаголов, которые управляют одним именем:

а) при глаголах мысли: *ну* ныk тынг кон плэк на ик кон

нынг (АЛ, 222) 'Ты еще *думаешь об одном странном человеке*' (предлог *тынг*);

б) при глаголах присоединения: *тьа тонг ма* пачен кап хеткан ченни (СН, 289) 'Должна будет *столкнуться с такими событиями*' (предлог *кап*);

в) при глаголах направленного движения: *лэу кэ* ма ти ампьо *таммай нат?* (АЛ, 137) 'Зачем же он *приходил в район*, Нат?' (предлог *ти*); ср.: ма ампьо *крапнай* (АЛ, 136) '[Я] *ходил* [в] *район*, господин';

г) при глаголах чувственного восприятия: *най чэм кап най чау май дай* сонтьай кап пу йай нат *топай* (АЛ,123) 'Чэм и Чау больше не *интересовались Натом*' (предлог *кап*), ср. *йа пэнг* сонтьай арай *мак пай куа ни лэй* (АЛ, 148) 'Не надо *интересоваться чем-либо* больше';

д) при глаголах пребывания в месте, пространстве: *чан* йу най крунг *ма танг тэ кэт* (АЛ, 118) 'Я *живу в столице* с рождения' (предлог *най*).

Употребление предлога при глаголах, которые управляют одним именем, можно назвать абсолютно факультативным.

Выбор предложной или беспредложной форм словосочетания при глаголах, которые управляют одним именем, может быть чисто субъективным, может зависеть от стиля или жанра произведения. Для научного и газетного текстов характерно более частое употребление предлогов по сравнению с текстами художественной литературы.

При глаголах двойного управления применение предложной формы предпочтительнее в словосочетаниях с двумя именами. Предлог ставится перед вторым именем. Употребление предлога в этом случае связано с необходимостью указать на грамматическую зависимость дистантно расположенного имени от глагола, а также уточнить его смысловую связь с глаголом. Предлог здесь, кроме того, служит для отграничения объектного отношения от атрибутивного (тайский язык, как известно, характеризуется постпозицией определения, и второе имя при отсутствии предлога может быть понято как определение к первому, а не как дополнение к глаголу).

Если словосочетания с одним именем при глаголах двойного управления свободно функционируют без предлога, то в словосочетаниях с теми же глаголами, но с двумя именами перед вторым именем, как правило, употребляется предлог. Ср., например:

бок миа '*сказать жене*' (зависимое имя, обозначающее направленность действия, присоединяется без помощи предлога) и *таммай тэ май* бок *куамтьин* кэ миа конг тэ? 'Почему ты не *сказал* правду *своей жене?*' (зависимое имя с тем же значением присоединяется при помощи предлога *кэ*);

нгэн ни чан винграу кау *ма тьа мэ* (ИН, 75) 'Деньги эти я *украл* [у] *нее,* мама' (нет предлога) и *чан* винграу *крапау нгэн* тьак пуин кон нынг (ИН, 75) 'Я *украл* кошелек *у одной женщины*' (предлог *тьак*).

Однако, поскольку отношение к имени-дополнению, занимающему второе от глагола место, обусловлено семантикой глагола, возможны и беспредложные построения с двумя именами.

Например:

хай нгэн кау (ИН, 8) 'дать денег ему';

камой нгэн край (ИН, 74) 'украсть деньги у кого-то';

ко ахан тан (ИН, 67—68) 'просить пищу у них';

ко йым нгэн кау ма (ИН, 55) 'просить одолжить денег у них';

хай куамчуэйлыа сонг мэ лук (ИН, 85) 'оказать помощь сыну и матери'.

Хотя употребление предлога в таких словосочетаниях является предпочтительным, однако, поскольку функционируют также и беспредложные словосочетания с двумя именами, предлог и в этом случае считается факультативным.

Факультативное употребление предлога наблюдается при следующих семантических группах глаголов двойного управления:

а) при глаголах речи: *бок туксинг тукйанг кэ тэ̀ най чау ванни* (СН) 'сказать тебе все в это утро' (предлог *кэ*);

б) при глаголах давания (отнимания): *лон сонг кай кай луак хай кау* (ИП, 349) 'Она передала ему яйцо' (предлог *хай*);

в) при глаголах перемещения: *тинг нгэн най клонг* (ИН) 'выбросить деньги в канал' (предлог *най*);

г) при глаголах активного действия: *рот донмай дуэй нам* 'поливать деревья водой' (предлог *дуэй*).

Помимо позиции зависимого имени необходимость употребления предлога может быть связана также с позицией приглагольных служебных элементов.

Если в глагольно-именном словосочетании приглагольные служебные элементы располагаются непосредственно после глагола, употребление предлога может быть факультативным только при условии перестройки словосочетания — постановка приглагольного служебного элемента после управляемого члена. Ср.:

по фанг ру куам ко кын ма бон рот *дуэй* (АЛ, 163) 'Когда отец узнал, в чем дело, он тоже *сел в машину* (предлог *бон;* служебный элемент *ма* непосредственно после глагола) и *кын рот ма* 'сесть в машину' (нет предлога; *ма* после имени); *чэм кау риак кэ дуси куан* кау пай най там *лэу* (АЛ, 182) 'Чэм,— позвал он,— смотри — дым уже *проник в пещеру*' (предлог *най;* служебный элемент *пай* непосредственно после

глагола) и *кау там пай лэу* 'проникнуть в пещеру' (нет предлога; *пай* после имени);

чай пу нан май дай нанг йу бон кауи (СК, 186) 'Этот человек уже *не сидел на стуле*' (предлог *бон;* служебный элемент *йу* непосредственно после глагола) и *нанг кауи йу* 'сидеть [на] стуле' (нет предлога; *йу* после имени).

Употребление предлога в этих случаях можно назвать относительно факультативным, поскольку оно связано с определенными условиями — позицией зависимого имени и приглагольных служебных элементов.

Наличие словосочетаний с факультативно употребляемым предлогом, как видно из изложенного, связано с особенностями выражения предметно-процессных отношений в современном тайском языке:

1) соотношением между предложной и беспредложной конструкциями, которое базируется на том, что характер связи обусловлен семантикой глагола;

2) значениями предлогов тайского языка;

3) тенденцией к конкретизации беспредложных глагольно-именных словосочетаний.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛ — Атьин Панаттьапак, Лыат най дин (Кровь в земле), Бангкок, 1966.
ИН — Интерапалит, Нум кон-йак (Юноша — бедняк) Бангкок, 1955.
ИП — Итсара Амантакун, Пран прантьан (Охотник за невинностью),— сб. «Вайю ник хак («У Вайю ломаются крылья»), Бангкок, 1953.
ЛК — Лау Камхом, Фа бо кан (Бог не в помощь), Бангкок, 1958.
СК — Сибурапа, Канг кын канг рэм (Луна прибывает и убывает),— сб. «Синг ти чивит тонгкан» («Что нужно в жизни»), Бангкок, 1953.
СН — Сибурапа, Ноп,— сб. «Синг ти чивит тонгкан» («Что нужно в жизни»), Бангкок, 1953.
СП — Сени Саувапонг, Писат (Дьявол), Бангкок, 1955.
СС — Сират Сатэпанават, Саватди кункру (Здравствуй, учительница),— «Сайтан», 1958, № 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горгониев Ю. А., Относительно так называемой «факультативности» грамматической формы (на материале предикатива в кхмерском языке),— сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967.
2. Морев Л. Н., Основы синтаксиса тайского языка, М., 1964.
3. Солнцев В. М., К сопоставлению предложно-послеложной системы китайского и вьетнамского языков,— сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1963.
4. Солнцева Н. В., Опыт экспериментального функционирования морфологических показателей в изолирующих языках,— сб. «Спорные вопросы строя китайского языка», М., 1965.
5. Успенский Б. А., Структурная типология языков, М., 1965.
6. Прайя Упакитсинлапасан, Лак пасса тай, ч. 2, Бангкок, 1954—1956.

Л. Н. ДЕМИДЮК

УДВОЕНИЕ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что в одних языках связи между словами находят отражение в форме самих слов, иначе говоря, выражаются посредством морфологии, а в других используются собственно синтаксические средства, а именно: порядок слов, служебные слова и т. д.

Что касается индонезийского языка, то в нем (по Н. Ф. Алиевой [см. 1]) залоговые формы и формы «объектного влияния» являются единственными синтаксическими формами слова и занимают существенное положение в системе языка.

Однако без помощи собственно синтаксических средств они не могут, как правило, выражать синтаксические связи.

Представляется несомненным, что в индонезийском языке при выражении синтаксических связей преобладает аналитизм (понятие аналитизма употреблено в соответствии с определением А. А. Реформатского [4, 314]).

Вопрос о том, какими средствами слова организуются в предложение, каким образом выражаются связи между ними, изучается в синтаксисе. Вопросы, связанные с проблемой форм слов, к освещению которых мы обращаемся в настоящей статье, обычно относятся к морфологии. Трудность здесь заключается в том, что семантическое различие между некоторыми словоформами индонезийского языка может быть установлено лишь в терминах синтаксической конструкции (ср. значение словоформы *tinggi2* в синтаксических конструкциях *pohon jang tinggi2* 'высокие деревья' и *terbang tinggi2* 'летать очень высоко').

В подобных случаях, лежащих на границе между синтаксисом и морфологией, мы, в сущности, имеем дело с единой фонетической формой, как при омонимии, которая передает, как правило, два и более значений.

Открытая «смысловая валентность» [1] некоторых морфологических средств современного индонезийского языка, в частности удвоения, и конкретизация их значений в зависимости от реальных условий в предложении позволяет поставить ряд вопросов в связи с соотношением синтаксиса и морфологии данного языка.

При характеристике индонезийского языка ряд исследо-

[1] Термин заимствован у И. А. Мельчука [см. 3].

вателей указывают на выполнение удвоением некоторых синтаксических функций по отношению к системе языка. Такие указания содержатся в работе А. А. Фоккера «Введение в изучение индонезийского синтаксиса» [7], в которой исследуется современный индонезийский язык с привлечением в качестве объектов сравнения фактов сунданского и яванского языков. Некоторые частные попутные замечания по данному вопросу находим у А. Теу [8], который отмечает важность изучения интонационной дифференциации удвоения как морфологического средства и повтора как синтаксического явления, а также в специальном исследовании Е. М. Уленбека «Удвоение в яванском языке» [6], где указывается на различные свойства удвоения, проявляющиеся на синтаксическом уровне яванского языка.

По нашему мнению, вполне правомерна постановка следующих вопросов: какие значения можно приписать такому морфологическому средству, как удвоение, в различных синтаксических условиях? Каким образом структура синтаксического единства влияет на реализацию того или иного значения удвоения? При этом следует выяснить, имеет ли удвоение в разных структурных типах синтаксических единств одну и ту же грамматическую природу. При рассмотрении данного вопроса должны быть учтены, с одной стороны, свойства удвоения, и с другой стороны, свойства конкретных синтаксических единств.

Под синтаксическим единством понимаются двучленные группы, содержащие предикативную или атрибутивную пару.

Данная статья строится нами следующим образом.

В первом параграфе описываются именные группы, в состав которых входят удвоенные словоформы, и решается вопрос о типе значений указанных словоформ.

Во втором параграфе рассматриваются группы, ядро которых реализовано переходным или непереходным глаголом, и вместе с тем выявляется действие некоторых синтаксических факторов, обусловливающих значение удвоенной словоформы.

В третьем параграфе излагается функционирование удвоенных словоформ в предложении, в частности в составе придаточных уступительных предложений, и решается вопрос о грамматической природе удвоения.

§ 1. Удвоение в составе именных групп.

Известно, что между прилагательным и следующим за ним существительным может возникнуть предикативная связь. В таком случае прилагательному и существительному в группе присущи соответственно признаки сказуемого и подлежащего.

Рассмотрим группу, содержащую такую предикативную пару, в которой сказуемое представлено формой полного удвоения прилагательного: *mahal-mahal perhiasan* 'украшения дороги'.

Обращаясь к плану содержания языка, видим, что смысловое соотношение между членами этой группы состоит в следующем: удвоение прилагательного указывает на множественное число существительного [см. 9, 92].

Это правило реализуется в группах указанного типа при удвоении прилагательных практически любой семантики. Исключение представляют прилагательные узкой семантической группы обозначающие цвета: *hidjau* 'зеленый', *merah* 'красный' и т. д. При удвоении прилагательным данной группы приписывается значение ослабленного (неполного) проявления качества, признака: *merah2* 'красноватый', *hidjau2* 'зеленоватый' и т. д.

Обратим внимание на группы с обратным порядком расположения членов, в которых впереди стоит существительное, а за ним следует прилагательное, например: *perhiasan mahal2*. Между членами данной группы может возникнуть или предикативная или атрибутивная связь: *perhiasan mahal2* 'дорогие украшения; украшения дороги' (ср. предложения: *Sampai ke-kuda2-nja diberi perhiasan mahal2* (MS, 102) 'Даже на лошадях были дорогие украшения'; *Ditoko ini perhiasan mahal2* 'В этом магазине украшения дороги'.

В группе с обратным порядком расположения членов также действует отмеченное выше правило [см. 9, 92].

Какое смысловое соотношение обнаруживается между существительными, одно из которых является определением к другому? Существительное может реализовать постпозитивное определение разных типов (здесь вполне достаточно указать на два основных типа):

1) определение — существительное, которое со статической точки зрения ведет себя совершенно аналогично прилагательному и семантически приближается к относительному прилагательному (например, в русском языке): *rumah batu* 'каменный дом', *randjang besi* 'железная кровать' и т. д.;

2) определение — существительное, выражающее конкретное значение принадлежности; шире — существительное, в семантике которого не утрачивается предметное значение: *surat anak* 'письмо ребенка' и др.

Как правило, первый тип определений не допускает удвоения. Второй тип — допускает, в случае если в сочетании существительного с существительным выражается конкретное значение принадлежности: *surat anak2* 'письма детей' и т. д.

Значение удвоенного существительного, как и значение удвоенного прилагательного, не зависит от позиции, занимаемой им по отношению к другому члену группы. В плане со-

держания значение множественного числа существительного может быть отнесено к синтаксическим типам значений [2], так как на различие в числе одного из членов группы указывает удвоение другого ее члена, входящего в состав группы как сказуемое или определение.

Обратимся теперь к рассмотрению групп, ядро которых образует переходный глагол любой разновидности или непереходный глагол. Отмечаем широкую возможность подчинения прилагательных глаголу. Связь между ними может осуществляться:

1) порядком слов с двумя вариантами позиций прилагательного: а) прилагательное следует за глаголом (*duduk dekat* 'сидеть близко', *digunting rapi* 'аккуратно подстрижены' и т. д.); б) прилагательное предшествует глаголу (*lekas mendjawab* 'быстро отвечать'; *terang memusuhi* 'открыто враждовать' и т. д.);

2) предлогом *dengan* (*berkata dengan lambat* 'говорить медленно'). В данном случае позиция прилагательного не закреплена.

Прилагательное, подчиненное глаголу, также может удваиваться. В этом случае для нас важно, что в данных группах прилагательному при удвоении приписывается значение интенсивности (*duduk dekat2* 'сидеть очень близко') и это значение остается тождественным во всех отмеченных позициях подобного приглагольного члена: *lekas2 mendjawab* 'отвечать очень быстро'; *berkata dengan lambat2* 'говорить очень медленно'.

Сопоставление значений прилагательного, реализуемых в именных и глагольных группах, позволяет сделать следующий вывод: дифференциация значений при удвоении прилагательного зависит от структурного типа группы, а именно от реализации ядра группы глаголом или существительным. Ср. значение, полученное при удвоении прилагательного в группе, ядро которой образует глагол, например: *digunting rapi2* 'очень аккуратно подстрижен'; *enak2 makan* 'очень вкусно поесть' (интенсивность), и значение, получаемое в результате удвоения в группе, ядро которой реализовано существительным, например: *makanan enak2* 'вкусные блюда'; *anak jang rapi2* 'аккуратные дети' (множественное число).

По-видимому, семантическая расчлененность удвоенных форм прилагательного исторически могла быть вызвана чисто синтаксическими факторами — необходимостью дифференциации атрибутивных функций (употребление прилагательного вообще в качестве приглагольного члена как бы заполняет «пустую клетку» языка, предназначенную для наречий).

---

[2] О типах языковых значений см. работу И. А. Мельчука [2].

§ 2. Удвоение в составе предикативных групп.

Переходим к рассмотрению групп, ядро которых реализовано глаголом, подвергшимся удвоению. При удвоении выражается видовое значение, которое может зависеть от действия некоторых синтаксических факторов. Однако значение удвоенного глагола прежде всего зависит от семантики исходной единицы. Эту зависимость можно представить в виде следующей схемы:

Семантический тип исходной единицы языка	Содержится признак расчлененности	Не содержится признака расчлененности
Значение, полученное в результате удвоения	(1) многократность (2) одновременно и многократность, и интенсивность, и длительность	(1) неопределенная длительность (2) длительность (3) интенсивность (4) одновременно и длительность, и интенсивность

Семантический признак расчлененности указывает на то, что действие может быть разложимо на составные акты, т. е. мыслиться как действие, состоящее из ряда отдельных самостоятельных актов. Например, в глаголах *ketok* 'стучать', *pindah* 'перемещаться' расчлененность действия на ряд самостоятельных актов может быть выражена эксплицитно удвоением:

Sebagai kilat ia dapat pindah-pindah tempat (MS, 213) 'С быстротой молнии он мог перемещаться с места на место';

Ajo, ketok-ketok terus (TD, 240) 'Давай стучать [в дверь] еще'.

Общее значение словоформ *ketok-ketok* и *pindah-pindah* может быть определено как аспектуальное значение многократности (итеративности) совершения действия.

Из приведенной выше схемы ясно, что удвоенная словоформа реализует не только одно видовое значение, но может совмещать в себе несколько видовых значений. Например, *kojak-kojak* в синтаксической конструкции *...kertas penghisap merah muda jang kojak-kojak tepinja* (CD, 16) '...розовая промокательная бумага, края которой изорваны' имеет значение «множества действий», сведенных к единому акту (быть изорванным во многих местах), и значение интенсивности (быть очень изорванным).

Очевидно, в различных контекстах значение одной и той же формы толкуется по-разному, т. е. тот или иной оттенок значения или их совокупность проявляется в зависимости как от внеязыковой ситуации, так и от определенных синтаксических условий.

Е. М. Уленбек зафиксировал в яванском языке [см. 5] явления, аналогичные тем, которые существенны и для индонезийского языка. По сравнению с исходным элементом *njeluk* 'звать' удвоенную форму *njeluk2* (по Уленбеку) отличает эксплицитно выраженное значение многократного действия, которое одновременно характеризуется и по признакам длительности, интенсивности.

Однако несомненно, что в определенных позициях значение удвоенного глагола допускает только одно истолкование: либо длительно совершаемое действие, либо интенсивный процесс совершения действия. Практически глаголы любой семантики при удвоении выражают значение длительности, если в группе имеются: 1) слова-отрицания *tidak, tiada,* 2) ограничительные частицы *hanja, sadja, melulu* и др.:

Lagu lama jang tiada hilang-hilang dari hati (РВ, 105) 'Старая песня никогда не изгладится из памяти';

Mengapa Tini marah-marah sadja? (РВ, 23) 'Почему Тини все время сердится?';

Saja takkan tidur-tidur semalam-malaman ini (IT, 82) 'Я ни за что не буду спать всю ночь'.

Значение интенсивности действия с модальным оттенком запрещения выражается при наличии отрицания *djangan.* Удвоенные глаголы в сочетании с отрицанием *djangan* представляют открытый список: *djangan duduk2* 'не сиди (не смей сидеть)'; *djangan masuk2* 'не входи (не смей входить)'; *djangan ambil2* 'не бери (не смей брать)' и т. д.

Следовательно, синтаксическое окружение влияет на семантику исходной единицы и таким образом, что удвоенной словоформе оказывается возможным приписать одно, и только одно, значение.

§ 3. Удвоение в составе предложения.

Обратимся теперь к вопросу о возможности выражения с помощью удвоения некоторых синтаксических отношений.

В специальном исследовании А. А. Фоккера по синтаксису индонезийского языка значительное место отводится анализу синтаксических отношений. Он выделяет различные типы синтаксических отношений в системе этого языка: отношение времени, отношение причины, отношение условное, отношение обстоятельственное, отношение уступительное и др. Причем удвоение рассматривается, как одно из средств осуществления в высказывании уступительного отношения [см. 7, 90—91].

Известно, что отношения, существующие между синтакси-

ческими единицами в высказывании, возникают в плане содержания и в плане выражения.

Отношение в плане выражения может быть реализовано различными средствами. В общем эти средства представляется возможным разбить на два разряда: 1) формы слова, служебные слова, порядок слов, интонация и др.; 2) средства, связанные с конкретной речевой реализацией элементов в высказывании (контекст, смысловая сочетаемость слов). Общепринято рассматривать средства первого разряда как формально-грамматические. Второй разряд противопоставлен первому как разряд неформальных средств реализации различных синтаксических отношений.

Для индонезийского языка характерно следующее: одни и те же семантические отношения могут быть реализованы в одних случаях формальными средствами, а в других — неформальными.

А. А. Фоккер считает, что отношение уступительное в индонезийском языке всегда выражается эксплицитно [см. 7, 90—91]. Уступительное отношение реализуется (по Фоккеру) с помощью следующих формальных средств: частиц *djuga, pun,* подчинительных союзов *meskipun, walaupun* и др., включая парный союз, представляющий дистактное сочетание слов *djika...sekalipun,* и удвоение.

По существу Фоккер рассматривает эти материальные средства в качестве формальных показателей синтаксической функции уступительного предложения. Однако он не применяет по отношению к индонезийскому языку понятий сложного, сложноподчиненного и придаточного предложений. По Фоккеру, два или больше независимых предложения могут составлять некоторое синтаксическое единство, между частями которого осуществляются отношения сочинения или подчинения.

Берем за данное, что любая двусоставная группа, введенная уступительными союзами, является уступительным предложением.

В таком случае предложение *Meskipun hari hudjan, kami berangkat djuga* [7, 92] 'Хотя и шел дождь, мы все же отправились в дорогу' представляется возможным классифицировать как сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого присоединяется уступительным союзом *meskipun.*

Очевидно, что удвоение как явление морфологического порядка не может непосредственно вводить придаточное предложение подобно союзам. Если в предложении с фиксированным порядком слов имеется удвоенная словоформа, то в нем отсутствует союзный показатель, вводящий уступительное предложение.

В уступительном предложении может присутствовать

удвоенная словоформа двух структурных типов: словоформа, произведенная либо по образцу полного удвоения, либо по образцу полного удвоения, осложненного префиксом *se-* и суффиксом *-nja*.

В уступительном предложении, в случае если отсутствует союзный показатель, может быть использовано полное удвоение слова, не осложненное аффиксами:

Gemuk-gemuk, berpenjakitan 'Толстый (здоровый с виду), а больной' (поговорка);

Ketjil-ketjil, dikawinkan 'Молодая (еще совсем девочка), а уже замужем' (поговорка).

В предложениях такого типа, как правило, наблюдается суппрессия некоторых членов предложения. О суппрессии члена предложения мы можем говорить потому, что он восстанавливается, т. е. имеется реальная возможность превращения односоставной группы в двусоставную путем ввода подлежащего или сказуемого. Суппрессия сказуемого встречается довольно редко по сравнению с суппрессией подлежащего. Суппрессия подлежащего встречается в тех случаях, если субъект подчиненной группы совпадает с субъектом главной части предложения. При таких условиях в индонезийском языке субъект может не упоминаться вовсе. Однако в плане содержания субъект всегда присутствует.

При отсутствии в уступительном предложении союзного показателя сложноподчиненное предложение выражает, как правило, уступительно-противительное значение. Это обусловливает возможность постановки между частями сложноподчиненного предложения противительного союза *tetapi* и его варианта *tapi*:

Gemuk-gemuk, (tapi) berpenjakitan;
Ketjil-ketjil, (tapi) dikawinkan.

Как правило, вне уступительных предложений полное удвоение, осложненное префиксом *se-* и суффиксом *-nja* служит для обозначения абсолютной (максимальной) степени качества, которая выражается по отношению к мыслимой норме данного признака, но безотносительно к сравнению с другими предметами, обладающими данными признаками. Причем прилагательное, в котором морфологически выражена абсолютная степень качества, может занимать позицию как приглагольного, так и приименного определения: *tjinta jang se-sutji2-nja* 'любовь от всего сердца' (букв. 'любовь самая чистая'); *se-tinggi2 terbang* 'летать предельно высоко'.

Суффикс *-nja* может быть опущен, в случае если прилагательное в форме суперлатива занимает препозицию в качестве приименного члена (*se-lepas2 suara* 'во весь голос'; *se-tulus2 hati* 'искренне, от всего сердца') или приглагольного члена (*se-tinggi2 terbang2* 'летать предельно высоко') в словосочетании.

Позиция прилагательного в последнем случае строго закреплена. Указанные словосочетания обладают довольно высокой степенью устойчивости. Постановка внутри такого словосочетания какого-либо элемента оказывается невозможной.

В подобных обстоятельствах существенна следующая постановка вопроса: при каких условиях удвоенная словоформа указывает на выполнение ею союзной функции введения уступительного предложения?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим следующие предложения: *Se-pandai2 tupai melompat, ia akan tєrdjatuh* 'Как бы ловко белка не прыгала, она все же может упасть' (пословица); *Akan tetapi tak seorangpun djuga jang mendengar, meskipun ia berteriak dengan se-lepas2 suaranja* (IT, 10) 'Однако никто не услышал его, хотя он и кричал во весь голос'.

Как показывают наши наблюдения, удвоенная словоформа, как осложненная, так и не осложненная аффиксами, не во всех отмеченных позициях выполняет функции уступительного союза. Данный элемент может выполнять союзную функцию при условии, если: 1) часть сложноподчиненного предложения, включающая удвоенную словоформу, занимает препозицию по отношению к другой части; 2) удвоенная словоформа занимает позицию, предназначенную для уступительного союза.

Таким образом, при отсутствии союзного показателя в уступительном предложении в нем обязательно должна быть употреблена определенная (удвоенная) форма слова в фиксированной позиции, что вызывается не контекстными условиями, а семантико-синтаксическими.

В отличие от указанного выше структурного типа уступительного предложения, не допускающего инверсии, т. е. в котором препозиция части, включающей удвоенную словоформу, обязательна, уступительные предложения, введенные союзами или союзными словами, допускают две позиции в сложном предложении, а именно препозицию и постпозицию: ср. *Meskipun hari hudjan, kami berangkat djuga* и *Kami berangkat djuga, meskipun hari hudjan.*

Следовательно, связь уступительного предложения с главным в индонезийском языке наряду с союзами может обозначаться и порядком слов, причем позиция удвоенной словоформы строго закреплена.

Отличительной чертой уступительных предложений, включающих в свой состав удвоенную словоформу, является то, что они употребляются преимущественно в качестве поговорок, пословиц и обладают большой степенью фразеологизации. Эти предложения широко распространены и в живой разговорной речи.

Морфологическая природа удвоения проявляется при выполнении им некоторых синтаксических функций в том, что всегда прослеживается соотнесенность с определенной частью речи. Так, например, при отсутствии союзного показателя в уступительном предложении должна присутствовать не любая удвоенная словоформа, а отнесенная к классу прилагательных.

Следует указать, что в уступительных предложениях может выступать и удвоенная словоформа, относящаяся к классу существительных. Однако употребление существительных в данных конструкциях семантически ограничено. Сюда могут быть отнесены существительные довольно узкой семантической группы, а именно, названия дней недели, периодов времени:

Minggu2, beladjar 'Хотя и воскресенье, а [он] занимается';
Malam2, datang 'Хотя и поздний вечер, а [он] пришел'.

* * *

Все отмеченные выше факты языка позволяют констатировать, что удвоение имеет морфологическую, а не синтаксическую природу. Вопросы об общих значениях удвоения принадлежат морфологии, так как общее значение не зависит от синтаксического окружения, а вопрос о специальных значениях удвоения должен рассматриваться в синтаксисе.

Между синтаксическими свойствами прилагательных и глаголов, с одной стороны, и семантикой удвоения — с другой, существует глубокая связь. Она проявляется в том, что дифференциация значений при удвоении глаголов и прилагательных обеспечивается их синтаксическими свойствами. Большая вариативность реализации значений удвоенных словоформ может быть ограничена действием чисто синтаксических факторов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

IT — N. St. Iskandar, Tjinta Tanah Air, Djakarta, 1963.
MS — Abdoel Moeis, Surapati, Djakarta, 1959.
PB — Armijn Pane, Belenggu, Djakarta, 1961.
TD — Pramoedya Ananta Toer, Ditepi kali Bekasi, Djakarta, 1957.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Н. Ф., Глагол в индонезийском языке. Проблемы аффиксации, канд. дисс., М., 1963.
2. Мельчук И. А., К вопросу о грамматическом в языке-посреднике,— сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960, № 4.
3. Мельчук И. А., О венгерских притяжательных существительных,— сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960, № 4.
4. Реформатский А. А., Введение в языкознание, М., 1967.

5. Uhlenbeck E. M., Verdubbelingsprocedes bij het Javaans werkwoord,— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», deel 110, 's-Gravenhage, 1954.
6. Uhlenbeck E. M., Woordverdubbeling in het Javaans,— «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde», deel 109, 's-Gravenhage, 1953.
7. Fokker A. A., Pengantar sintaksis Indonesia, Djakarta, 1960.
8. Teeuw A., Tentang pergandaan dalam rangka bahasa Indonesia,— «Bahasa», dj. III, 1962—1963.
9. Zain Sutan Muhammad, Djalan bahasa Indonesia, Djakarta, 1958.

Ю. Я. ПЛАМ

ОТНОСИТЕЛЬНО ОСОБОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ «ОПОСРЕДОВАНИЯ»

(на материале лаосского языка)

Общеизвестно, что в ряде изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии (китайском, тайском, лаосском, бирманском, кхмерском и др.) существительное, сочетаясь с числительным, в большинстве случаев требует употребления так называемых счетных слов или, как их называют иначе, классификаторов. Существование счетных слов, или классификаторов, является одной из специфических черт, характерных для изолирующих языков данного ареала. Такие счетные слова можно интерпретировать как некоторое связующее звено между существительным и числительным независимо от того, что позиционно счетные слова не обязательно находятся между существительным и числительным. В зависимости от позиций числительного по отношению к существительному и вследствие примыкания счетных слов непосредственно к числительному в одних языках (например, в китайском) при сочетании числительного с существительным образуется структура «(числительное + счетное слово) + существительное», в других (например, в тайском и лаосском) образуется структура «существительное + (числительное + + счетное слово)».

Однако в качестве связующего звена между существительным и числительным могут выступать не только счетные слова. Рассмотрим в этой связи вопрос о сочетаемости существительного с числительным на материале лаосского языка.

Все существительные лаосского языка могут сочетаться с числительными независимо от того, обозначают ли они исчисляемые или неисчисляемые предметы и явления. С числительными сочетаются: существительные, обозначающие отдельные предметы (например: *пату* 'дверь', *туай* 'чашка') и обобщенные наименования предметов и явлений (например: *вела* 'время', *нгиен* 'деньги'), существительные, обозначающие вещества (например: *синму* 'свинина') и наименования действий [например: *канкин* 'еда' (процесс принятия пищи)], абстрактные существительные (например: *куамху* 'знания') и счетные слова (например, *лем* — счетное слово для острозаточенных предметов), существительные типа *санит* и *нэу* 'вид', 'сорт', 'тип', существительные типа

канг и *тыа* 'раз', существительные типа *мы* 'день', *монг* 'час', *ла* 'ярд' и т. д.

При этом одни существительные сочетаются с числительными непосредственно, без какого-либо опосредующего звена, другие же могут сочетаться с числительным опосредованно, используя для этого те или иные слова. Опосредованное или непосредственное сочетание числительного с существительным сопровождается и различием в позиции числительного по отношению к существительному.

В зависимости от возможности или невозможности употребления при сочетании с числительным опосредующих слов все существительные лаосского языка можно подразделить на медиативные, т. е. существительные, допускающие использование медиатива, опосредующего слова, и немедиативные, т. е. существительные, не допускающие при сочетании с числительным использования медиативов, опосредующих слов [1].

Медиативные существительные при наличии опосредующих слов стоят в препозиции к числительному, например: *пату сам понг* 'три двери' (букв. 'дверь три штуки'), *синму сам сам* 'три тарелки свинины' (букв. 'свинина три тарелки'), *канкин сам канг* 'трехразовое питание' (букв. еда три раза'), *куамху сам санит* 'три вида знаний' (букв. 'знания три вида').

Немедиативные существительные в позиционном плане всегда характеризуются постпозитивным расположением по отношению к числительному, например: *сам канг,* 'три раза', *сам мы* 'три дня', *сам лем* 'три острозаточенных предмета', *сан санит* 'три вида'.

Все немедиативные существительные могут выступать в качестве опосредующих слов при сочетании медиативных существительных с числительными.

В зависимости от того, при каких типах медиативных существительных в качестве опосредующих слов могут выступать немедиативные существительные, последние можно подразделить на четыре грамматических подкласса [2]:

а) немедиативные приглагольные, или кратные, существительные типа *канг* 'раз', *тыа* 'раз' и т. п. Могут выступать

---

[1] Предложенные термины не совсем точно отражают признак, по которому выделяются эти два класса существительных. Точнее их следовало бы назвать опосредуемыми и неопосредуемыми существительными. Однако, стремясь избежать использования одного и того же термина «опосредуемые существительные» для обозначения класса слов и для функции слов этого класса в предложении, мы избрали все же термин «медиативные (немедиативные) существительные».

[2] О формальной процедуре выделения подклассов в составе медиативных и немедиативных существительных и описание этих подклассов см.: Л. Н. Морев, А. А. Москалев, Ю. Я. Плам, Лаосский язык (в печати).

в качестве опосредующих слов только при медиативных отглагольных существительных — наименованиях действия (в том числе с префиксом *кан-*), например: *кансуайлыа сам канг* 'троекратная помощь';

б) немедиативные разрядные существительные, такие, как *санит* 'сорт', *нэу* 'вид', *бэп* 'образец', *папет* 'категория' и т. п. Могут выступать в качестве опосредующих слов при любых типах медиативных существительных, в том числе (в отличие от всех прочих подклассов немедиативных существительных) и при медиативных абстрактных существительных (с префиксом *куам-*);

в) немедиативные существительные — единицы измерения, такие, как *мы* 'день', *монг* 'час', *ла* 'ярд', *кип* 'кип' (денежная единица в Лаосе), *кон* 'человек' и т. п. В качестве опосредующих слов могут выступать при медиативных существительных, обозначающих вещество или обобщенное наименование предмета, например: *вела сам пи* 'три года' (букв. 'время три года'), *кон ха кон* 'пять человек' (букв. 'люди пять человек'), и при медиативных существительных, обозначающих отдельные конкретные предметы, например: *маккуай сонг кило* 'два килограмма бананов' (букв. 'бананы два килограмма'). Не могут выступать в качестве опосредующих слов при медиативных отглагольных и абстрактных существительных;

г) немедиативные существительные — счетные слова, такие, как: *сен* 'лентообразный предмет', *лем* 'острозаточенный предмет', *нуай* 'предмет овальной формы' и т. д. В качестве опосредующих слов могут выступать только при медиативных конкретных существительных, обозначающих отдельные предметы, например: *кай тьак нуай* 'несколько яиц' (букв. 'яйца несколько штук').

Каждый из приведенных выше подклассов немедиативных существительных обладает своим грамматическим значением. Так, подклассу приглагольных немедиативных существительных присуще общее грамматическое значение кратности, подклассу немедиативных разрядных существительных — грамматическое значение разрядности, подклассу немедиативных существительных—единицам измерения — грамматическое значение мерности, подклассу немедиативных существительных—счетных слов — грамматическое значение единичности, штучности предметов.

Способность выступать в качестве опосредующих слов при сочетании медиативных существительных с числительным свойственна в лаосском языке не только немедиативным существительным. Для того чтобы наиболее полно учесть все типы существительных, используемые в лаосском языке в роли опосредующих слов, рассмотрим их употребление при каждом из подклассов медиативных существительных.

Медиативные существительные можно подразделить, как и немедиативные, на четыре подкласса:

1. Медиативные отглагольные существительные, т. е. медиативные существительные, обозначающие названия действий (в основном существительные с префиксом *кан-*), например: *канкин* 'еда' (процесс еды), *кансуайлыа* 'помощь' (процесс оказания помощи), *кансанг* 'строительство' (процесс строительства) и т. д.

При сочетании медиативных отглагольных существительных с числительным в качестве опосредующих слов могут выступать:

а) немедиативные приглагольные существительные типа *канг* и *тыа* 'раз' (соответствующие примеры приводились выше);

б) немедиативные разрядные существительные: например: *канкин сонг бэп* 'два метода еды', *кансуайлыа сонг папет* 'два вида оказания помощи'.

2. Медиативные конкретные существительные, т. е. медиативные существительные, обозначающие отдельные, конкретные предметы, например: *то* 'стол', *танг* 'дорога', *маккуай* 'банан', *туай* 'чашка', *патет* 'страна' и т. д.

При сочетании медиативных конкретных существительных с числительными в качестве опосредующих слов могут выступать:

а) немедиативные существительные—счетные слова, например: *туай сао бай* 'двадцать чашек' (*бай* — счетное слово для чашек), *маккуай сип нуай* 'десять бананов' (*нуай* — счетное слово для овальных предметов);

б) немедиативные существительные—единицы измерения, например: *маккуай сип кило* 'десять килограммов бананов';

в) немедиативные разрядные существительные, например: *маккуай сонг санит* 'два сорта бананов' (букв. 'бананы два сорта');

г) медиативные конкретные существительные, которые по своей семантике могут быть использованы окказионально в значении меры штучных предметов, например: *майкит ха кап* 'пять коробков спичек' (букв. 'спички пять коробков'), *маккуай сонг ви* 'две грозди бананов' (букв. 'бананы две грозди');

д) повторенное медативное конкретное существительное, например: *патет сам патет* 'три страны' (букв. 'страна три страны'), где в качестве опосредующего слова выступает повторенное опосредуемое медиативное конкретное существительное *патет* 'страна'. Повторение медиативного существительного и использование его в качестве опосредующего слова применяется в тех случаях, когда за данным медиативным существительным не закреплено никакого счетного слова, либо же если оно утрачено.

3. Медиативные вещественные существительные, т. е. медиативные существительные, обозначающие вещества или обобщенные наименования предметов, например: *син* 'мясо', *намтан* 'сахар', *вела* 'время', *нгиен* 'деньги', *манут* 'люди' и т. п.

При сочетании медиативных вещественных существительных с числительными в качестве опосредующих слов могут выступать:

а) немедиативные разрядные существительные, например: *син сонг санит* 'два сорта мяса' (букв. 'мясо два сорта');

б) немедиативные существительные—единицы измерения, например: *вела сам монг* 'три часа' (букв. 'время три часа'), *нгиен хой кип* 'сто кипов' (букв. 'деньги сто кипов');

в) медиативные конкретные существительные, которые по своей семантике могут быть использованы окказионально в значении меры вещества, например: *намтан сам буанг* 'три ложки сахара' (букв. 'сахар три ложки'), *син сам тон* 'три куска мяса' (букв. 'мясо три куска'), *кау сам сам* 'три тарелки риса' (букв. 'рис три тарелки'). Медиативные конкретные существительные, окказионально употребленные в значении меры штучных предметов или вещества подобно приведенным выше словам (*кап* 'коробок', *ви* 'гроздь', 'кисть', *буанг* 'ложка', *тон* 'кусок', *сам* 'тарелка' и т. д.), представляют собой обычные медиативные конкретные существительные. Такие существительные со значением меры и существительные—единицы измерения, о которых речь шла выше, сходны до известной степени лишь в семантическом плане, но в действительности разграничиваются тем, что существительные—единицы измерения представляют собой немедиативные существительные и составляют их особый подкласс, а существительные со значением меры являются обычными медиативными конкретными существительными и особого подкласса среди них не составляют. Выступая в предложении самостоятельно, существительные-меры при сочетании с числительным требуют, как и все прочие медиативные существительные, опосредующего слова, в качестве которого обычно применяется присущее им счетное слово, например: *кой ми сам ха бай* 'У меня есть пять тарелок' (букв. 'Я иметь тарелка пять штук'). Существительные—единицы измерения, являясь немедиативными существительными, при сочетании с числительным не требуют опосредующего слова и не имеют закрепленных за собой счетных слов.

4. Медиативные абстрактные существительные, т. е. медиативные существительные, обозначающие абстрактные понятия (с префиксом *куам-*), например: *куамхак* 'любовь', *куамху* 'знания', *куамди* 'доброта', *куамсуайлыа* 'помощь' и т. д. При сочетании медиативных абстрактных существи-

тельных с числительными в качестве опосредующих слов могут выступать только немедиативные разрядные существительные.

Таким образом, при сочетании медиативных существительных с числительными в качестве опосредующих слов могут выступать:

а) все четыре подкласса немедиативных существительных;

б) медиативные конкретные существительные, которые по своей семантике могут быть использованы окказионально для обозначения меры штучных предметов или вещества;

в) повторенное конкретное медиативное существительное, в тех случаях когда у данного медиативного существительного отсутствует определенное закрепленное за ним счетное слово или если счетное слово утрачено.

Как уже говорилось, наличие опосредующего звена при сочетании существительного с числительным представляет собой специфическую черту грамматического строя как лаосского, так и некоторых других родственных ему или типологически близких изолирующих языков. В качестве такого опосредующего звена, как было показано выше, в лаосском языке могут выступать не только счетные слова, но и все другие немедиативные существительные, а также значительное число медиативных существительных, один из подклассов которых составляют медиативные конкретные существительные.

Оказываясь в составе словосочетания С + (Ч + С) [существительное + (числительное + существительное)], существительные, выступающие в качестве опосредующего звена, привносят и свое лексическое значение, и грамматическое значение своего подкласса, так или иначе влияя на формирование общего значения всего словосочетания в целом. Так, например, счетные слова привносят значение штучности, единичности предмета, обозначенного медиативным существительным, приглагольные немедиативные существительные — значение кратности, разовости действия, обозначенного медиативным отлагольным существительным, немедиативные разрядные существительные указывают на то, что исчисление предметов и явлений, обозначенных медиативными существительными, производится не по отдельным предметам, а по предметам и явлениям, сведенным в группы, классы, разряды и т. п.

Вместе с тем, выступая в предложении в роли опосредующего звена между существительным и числительным, все подобные слова выполняют определенную функцию. Возникает вопрос, какого рода функцию выполняет это звено с точки зрения выражения синтаксических отношений между словами в предложении. Как было показано выше, такое

опосредующее звено в лаосском языке выражается не служебным, а знаменательным словом. В этой функции могут выступать такие полнознаменательные слова, как *мопг* 'час', *пи* 'год', *канг* 'раз', *папет* 'категория', *туай* 'чашка', *кап* 'коробок', *патет* 'страна'; что же касается счетных слов, то и они, несомненно, сохраняют некоторую лексическую наполненность, о чем говорит их закрепленность за определенными группами знаменательных слов.

Нам представляется, что здесь мы имеем дело с особым способом синтаксической связи, с особой синтаксической функцией знаменательного слова в предложении, принципиально отличной от таких синтаксических функций, как функция определения или дополнения. С одной стороны, существительное, выступая в этой функции, несомненно уточняет значение соответствующего опосредуемого слова, выраженного медиативным существительным (подобно тому как определение уточняет определяемое), с другой стороны, существительное, выступая в функции опосредующего звена, как нам представляется, одновременно выполняет и чисто техническую функцию, поскольку именно оно реализует связь между медиативным существительным и числительным. Без опосредующего слова связь между медиативным существительным и числительным разрушается и само существование словосочетания становится невозможным.

В то же время как способ синтаксической связи опосредующие слова отличаются, например, от предлогов, поскольку, во-первых, в качестве опосредующих слов выступают полнознаменательные слова, а во-вторых, устанавливая связь между словами (между медиативным существительным и числительным), эти опосредующие слова все же не выражают отношений между словами в той мере, как это делают предлоги, т. е. от смены того или иного конкретного слова, выступающего в функции опосредующего звена, отношения между словами не меняются и в синтаксическом плане остаются тождественными. Наконец, сам набор слов, выступающих в лаосском языке в функции опосредующего звена, представляет собой открытый список, что характерно именно для знаменательных, а не для служебных синтаксических функций слов.

Таким образом, можно констатировать, что в лаосском языке, как и в некоторых других изолирующих языках данного района, существительному присуща особая синтаксическая функция, характеризующаяся известной двойственностью. Она, эта функция, состоит, во-первых, в том, чтобы уточнять в той или иной мере значение опосредуемого существительного (подобно таким функциям знаменательных слов, как определение), а во-вторых, в том, чтобы выступать в качестве медиатива (посредника) при сочетании медиатив-

ного существительного с числительным. Данную медиативно-знаменательную особую функцию существительного в предложении мы именуем синтаксической функцией опосредования.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЕГО ТИПЫ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Н. В. СОЛНЦЕВА

СТРОЙ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.0. Китайский язык является языком номинативного строя с элементами эргативного строя.

В основе глагольных предложений лежат субъектно-объектные отношения, которые в определенном смысле можно рассматривать как грамматические. Регулярность появления объекта и субъекта, их позиционные возможности, а также строгое соотношение, которое между ними существует, зависят от характера глагола.

Деление глаголов на переходные и непереходные значимо для построения глагольных предложений в китайском языке: особенности этих групп глаголов определяют структуру глагольных предложений разных типов.

В формировании структуры глагольных предложений существенную роль играет также особенность выражения действия китайским глаголом (см. 1. 4. 2.).

1.1. У глаголов китайского языка нет ни формы инфинитива, ни личных форм, связанных с выражением отношения производителя действия к действию. Поэтому слова Аристотеля о том, что глагол «всегда служит обозначением для высказывания об ином» [цит. по: 2, 288] применимы к глаголу китайского языка в буквальном смысле. В китайском языке глагол всегда обозначает действие в связи с действующим лицом. Отнесение действия к лицу является существенным признаком глагола — это основное синтаксическое свойство глагола. В этом смысле в китайском языке можно говорить о синтаксической категории лица [ср. 1, 82]. Любое действие приписывается лицу—субъекту действия.

Наличие субъекта действия структурно значимо для предложений китайского языка. В зависимости от способов его выражения предложения китайского языка подразделяются на разные типы.

1.2. Отнесенность к действующему лицу как синтаксиче-

ское свойство есть часть общего грамматического значения глаголов в китайском — значения грамматического действия.

Любое значение глагола подводится под категорию действия. Все глаголы объединяются в общей категории действия. В этом случае, как указывает Л. В. Щерба, «дело идет не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова... Когда мы говорим: б о л ь н о й л е ж и т н а к р о в а т и или я г о д к а к р а с н е е т с я в т р а в е, мы это л е ж а н и е и к р а с н е н и е представляем не как состояние, а как действие» [5, IX].

Грамматическое содержание отношений субъекта и действия есть отношения грамматического деятеля и грамматического действия. Деятель выступает как грамматический (а не как реальный) субъект. Например:

во лао нао бин 'Я все время болею';

во-ды туй мала 'Мои ноги затекли';

та дяо лэй ла 'Он плачет' (букв. 'Он теряет слезы').

В этих предложениях действия глаголов *нао бин* 'болеть', *ма* 'затекать', *дяо лэй* 'плакать' являются грамматическим действием независимо от семантического восприятия их как состояний или как действий, как производимых или как ощущаемых. В грамматическом отношении эти построения равны предложению *гоу яо жэнь* 'Собака кусает человека'.

Во всех случаях действие соотносится грамматически с лицом как с деятелем — грамматическим субъектом действия.

Отношение грамматического субъекта и действия есть основное отношение, характерное для всех, кроме одного, типов глагольных предложений. Там, где этого отношения нет, имеется особый тип глагольных предложений китайского синтаксиса (см. 1.3.4), в которых вообще нет субъекта действия и он не мыслится. Эти предложения строятся на основе отрицания отнесения действия к субъекту.

1.2.1. В предложениях китайского языка в определенной зависимости находятся грамматический субъект и грамматический прямой объект.

Прямым объектом[1] называем слово, обозначающее объект воздействия глагола, которое стоит после глагола непосредственно. Признаком прямого объекта является отсутствие служебного слова при выражении грамматической связи между объектом и глаголом. В отличие от прямого объекта слова, обозначающие другие объекты, в позиции после гла-

[1] Между прямым объектом и прямым дополнением нет однозначного соответствия. Прямое дополнение всегда обозначает прямой объект. Но прямой объект может выступать также в роли подлежащего пассивного предложения и предложения состояния. Кроме того, прямой объект может выступать со служебным словом *ба* (см. подробнее ниже) в позиции перед глаголом.

гола могут вводиться как служебными словами, так и выступать без них. Эти объекты являются косвенными.

Грамматическим объект называем потому, что в качестве такового выступают слова, обозначающие объект действия как глаголов физического воздействия, так и глаголов чувствования, как глаголов с активным значением, так и с пассивным [см. 6, 53]. Например: *да та* 'бить его'; *тин та* 'слушать его'; *ай та* 'любить ее'; *цин хайцзы* 'просить ребенка'; *кань юэлян* 'смотреть на луну'; *шоу ку* 'терпеть мучения'.

1.3. Все разнообразные предложения китайского языка можно с помощью операций редукции элементов свести к их простейшему виду, к минимальному количеству элементов, образующих их структуру, которые можно считать конститутивными членами. С помощью операции отождествления можно выделить определенные типы предложений, включающих одни и те же конститутивные члены. В свою очередь, эти типы предложений путем трансформаций сводятся к таким, которые можно рассматривать как ядерные.

1.3.1. В китайском языке можно выделить три основных ядерных предложения, от двух из которых можно произвести все типы предложений.

Первое основное ядерное предложение состоит из трех элементов, образующих его структуру: S — субъект, O — объект [2], Vt — действие переходного глагола.

В китайском языке возможны три комбинации из этих элементов, т. е. три модели [3]: SVtO, SOVt, OSVt.

Изобразим расположение элементов относительно друг друга в виде таблицы, где цифрами I, II, III обозначим позиции.

Позиции / Элементы	I	II	III
S	+	+	—
Vt	—	+	+
O	+	±	+

S — характеризуется суммой позиций I и II; позиция III в трехэлементных ядерных предложениях для него исключена [4].

[2] Косвенные объекты (Ок) либо являются избыточными (при наличии прямого объекта), либо являются в структурном плане тем же конститутивным членом, что и прямой объект. Поэтому здесь они не рассматриваются специально.

[3] Эллиптических вариантов этих моделей также возможно три — SVt(O), O(S)Vt, (S)VtO.

[4] Исключена поэтому модель OVtS.

Vt — характеризуется суммой позиций II и III. Позиция I в трехэлементных предложениях для него исключена [5].

O — характеризуется суммой позиций III и I.

Факты показывают, что позиция II для объекта возможна как исключение. В китайском тексте (пьесе) объемом в 200 страниц нам встретился всего один пример модели SOVt (при большом количестве моделей SVtO и OSVt): *лао-данян! ни вань хай мэйю цзегэй во ни* 'Матушка! Ты чашку-то еще не дала мне'. Если объект попадает в данную позицию (II), то он либо приобретает значение «что касается» [см. 10, 99], либо получает обобщающее значение. В последнем случае объект, как правило, сопровождается служебными словами *лянь* 'даже', *е* 'также', *доу* 'все', например:

SOVt — *во сюэшэн е цзяого дола* 'Студентов-то я много учил' (ср. также предыдущий пример); *жэньцзя лянь шушу доу яо сяохуала* 'Даже над дядей, и то смеются'.

С точки зрения нормы языка позиция II нехарактерна для объекта, поэтому в приведенной таблице против позиции II для объекта поставлен знак «плюс-минус» (±).

По признаку позиции III элементы S и O являются полярными: в позиции III никогда не бывает S, поэтому ее можно считать позицией O.

Позиции S и O в китайском языке взаимосвязаны, взаимозависимы: если S стоит в позиции I, то O находится в позиции III; если S стоит в позиции II, то O находится в позиции I. Например:

OSVt — *чжэгэ во бу чжидао* 'Этого я не знаю';

SVtO — *во бу чжидао чжэгэ* 'Я не знаю этого'.

Позиции S и Vt в китайском языке также взаимозависимы: если S стоит в позиции I, то Vt находится в позиции II; если S стоит в позиции II, то Vt употребляется в позиции III. И наоборот, если Vt находится в позиции II, то S стоит в позиции I; если Vt находится в позиции III, то S употребляется в позиции II.

OSVt — *цянь во фан чжошанла* 'Деньги я положила на стол' — S (*во* 'я') — в позиции II, Vt (*фан* 'положить') — в позиции III.

1.3.2. Второе основное ядерное предложение состоит из двух элементов: S — субъект, Vi — действие непереходного глагола. Сочетание из этих двух элементов дает две модели (комбинации) — SVi, ViS. Например:

SVi — *ни лайла а* 'Ты пришел';

ViS — *лайла ни а* 'Пришел ты' [6].

---

[5] Исключены модели VtSO и VtOS, где субъект, а также объект стоят за глаголом, находящимся в позиции I.

[6] Модель ViS чаще всего употребляется при наличии впереди глагола третьего элемента — либо слова со значением места или времени, либо наречия образа действия. Наличие разных по значению слов, а также воз-

Основное отличие трехэлементных предложений от двухэлементных состоит в том, что в трехэлементных предложениях S никогда не стоит за действием, а в двухэлементных может стоять за действием — ViS.

Послеглагольную позицию можно считать позицией субъекта только в двухэлементных построениях.

Предложение двухэлементной модели может совпасть по составу с предложением эллиптической формы трехэлементной модели. Например, модель ViS может быть представлена глаголом и именем так же, как и модель (S)VtO. Например:

ViS — *лайла игэ жэнь* 'Пришел один человек';

(S)VtO — *села игэ цзы* 'Написал один иероглиф'.

Эти модели, сходные по составу, могут не различаться синтагматически, но они различаются парадигматически — своими структурными особенностями:

ViS — впереди не может быть субъекта.

(S)VtO — впереди может быть субъект.

ViS — глагол непереходен.

(S)VtO — глагол переходен.

Анализ конкретных предложений иногда бывает затруднен невозможностью определить характер глагола, поскольку в китайском языке существуют глаголы, обладающие двумя грамматическими значениями (переходным и непереходным) и двумя функциями. Это глаголы типа *гуа* 'вешать, висеть', *фан* 'класть, лежать', *лю* 'оставлять, оставаться' и т. д.

Данные глаголы выступают как переходные в трехэлементных предложениях и как непереходные в двухэлементных предложениях модели ViS [7]. Ср.:

SVtO — *во* кайла *мэнь* 'Я *открыла* дверь' (переходный глагол);

SVi — *мэнь ван ю* кай 'Дверь *открывается* направо' (непереходный глагол);

SVi — *хуа* кайла 'Цветы *расцвели*' (непереходный глагол).

Для выявления характера глагола важен учет не только структуры предложения. Имеет значение также сравнение употребления одного и того же глагола с разными именами существительными. Например:

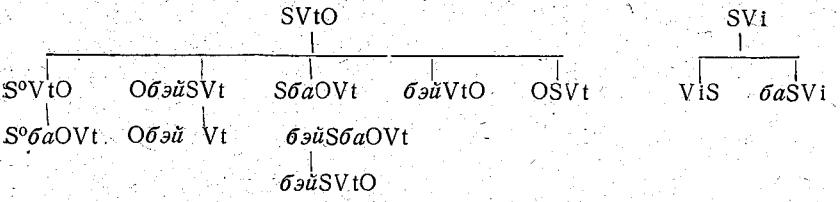
цзуй цзяо-шан гуачжэ вэйсяо 'В уголках губ *витала* (букв. *висела*) *улыбка*' (глагол *гуа* выступает как непереходный);

можное отсутствие их свидетельствует о том, что третий элемент не является структурно значимым (конститутивным) членом модели.

[7] Кроме того, они различаются по способу управления. Например, глагол *чу* в значении 'выходить' является непереходным глаголом — он управляет именем как с предлогом, так и без предлога (*чу мэнь* и *чу юй мэнь* 'выходить из двери'), а в значении 'производить' *чу* является переходным глаголом — он управляет именем без предлога (*чу ча* 'производить чай').

уянь-ся гуачжэ и дуй *да-ды хунчжи* дэнлун 'И под карнизом крыши тоже *висела пара* больших *фонарей* из красной бумаги' (глагол *гуа* в этом примере по аналогии с первым примером следует также считать непереходным).

1.3.3. От двух ядерных предложений моделей SVtO и SVi в китайском языке могут быть произведены предложения всех остальных моделей (типов):

1.3.4. В китайском языке, кроме того, существует еще один тип предложений, от которых не может быть образовано ни одно другое предложение. Это предложения состояния. В них входит два элемента: O — объект, Vt — переходный глагол. Сочетание из этих двух элементов дает две модели. Например:

OVt — *вомэнь-ды шицин цзюэдинла* (Ба Цзинь) 'Наши дела решены';

VtO — *юань-ли шуаньчжэ и-пи ма* (Цюй По) 'Во дворе привязана лошадь'.

Предложения этого — третьего — типа имеют сходные черты с ядерными предложениями первых двух типов (SVtO и SVi), но вместе с тем имеют и серьезные отличия.

С трехэлементными ядерными предложениями их объединяет наличие глагола определенного характера, а именно, переходного глагола. С двухэлементными ядерными предложениями их объединяет общность структуры — двухэлементность.

Вместе с тем от двух первых типов ядерных предложений третий тип существенно отличается отсутствием и невозможностью употребления субъекта.

Поэтому двухэлементность у предложений состояния принципиально иная: здесь принципиально иначе реализуется переходность у глагола, поскольку глагол лишается своей соотнесенности с субъектом (см. 1.4.1.) Ср. соответствующие типы:

OVt — в нем не может быть субъекта, глагол переходный;

SVi — впереди стоит субъект, глагол непереходный;

OVt — в нем не может быть субъекта, структура двухэлементна:

SVtO — впереди стоит (или может опускаться) субъект, структура трехэлементна.

1.4. Грамматическая соотнесенность действия с субъектом, или лицом, которую можно считать синтаксической катего-

рией лица, пронизывает всю систему глагольных предложений. Предложение в китайском языке образуется на основе данной грамматической соотнесенности. Синтаксическая категория лица составляет основу предикативности.

Рассмотрим предложения всех моделей.

SVi — *цзинь жи юань* кэ *лайла* (Цао, 24) 'Сегодня дальние *гости* приехали';

ViS — *лайла* гуйкэ *ла* (Ян Мо, 83) 'Пришли дорогие *гости*';

SVtO — гоу *яо жэнь* '*Собака* кусает людей'; сяо цинь *цюй си ифу* (Чжао Шу-ли) '*Сяо Цинь* отправилась стирать белье';

OSVt — *синли* ни *нахуэйлай мэйю* (Цао Юй, 180) 'Багаж *ты* принес назад?';

О *бэй* SVt — *та бэй чжэсе* жэнь *сань-фань-у-цы-ды ма* (Ван Хуань, 37) 'Его обругали эти *люди* несколько раз подряд';

S *ба* OVt — *цзотянь* во *ба ибэнь шу майцола* (Ван Хуань) 'Я вчера купил по ошибке не ту книгу';

бэй SVtO — *нали ю бэй* хо *шаола да цзюнь цаоляо чан* 'Там сожгли (букв. сожжен *огнем*) склад фуража для армии';

ба SVi — *ба* во *цисыла* букв. 'Рассержен *я* до смерти';

*бэй*S *ба*OVt — *бэй* гунянмэнь *ча-и-дянь ба та чидяо* (Цюй По) '*Девушки* чуть не съели ее'.

Во всех приведенных моделях предложений субъект действия назван — он присутствует везде как элемент структуры предложения.

Кроме того, действие в китайском языке может быть соотнесено с лицом или субъектом, которое лишь подразумевается, но не называется в предложении. Это бывает в двух случаях.

Первый случай — субъект действия может опускаться в пассивных предложениях. При этом служебное слово *бэй* выступает как его представитель. Эти предложения имеют следующие модели: О*бэй* Vt и *бэй* VtO. Например:

О *бэй* Vt — *та бэй ганьдунла* (Ба Цзинь) 'Он был растроган' (здесь субъект опущен, «вместо» него стоит *бэй*);

бэй VtO — *бэй чжасыла цзибайгэ лаобайсин* 'Было убито несколько сот мирных жителей'.

Второй случай — субъект подразумевается, но никак в предложении не представлен[8]. Такой субъект может быть

[8] Соотнесенность действия с лицом подтверждается возможностью введения либо существительного *жэнь* 'люди, человек', либо местоимения *тамэнь* 'они', обозначающих неопределенные лица. Введенное слово не меняет отношений в предложении, но сохраняет значение неопределенности и поэтому является избыточным. Эти слова всегда выступают здесь в парадигматически и синтагматически ущербной форме. Так, можно поставить слово *жэнь*, но не *жэньмэнь*, и наоборот, можно поставить местоимение *тамэнь*, но не *та*. Указанные слова никогда не могут иметь своего рода «определений». Так, *ю жэнь* 'некто' или *юсе жэнь* 'какие-то люди' здесь

обобщенным или конкретным лицом. Назовем такой субъект символически S°. Он встречается в предложениях следующих моделей: S°VtO, S° *ба* OVt. Например:

S°VtO — *цзай оучжоу бу хэ цин ча* 'В Европе не пьют зеленого чая' (действие соотнесено с обобщенным лицом); *бу дэн гао шань бу цзянь пин ди* 'Если не влезешь на гору, то не увидишь равнины' (действие соотнесено с обобщенным лицом);

S°*ба* OVt — *ба юйсань гэй дюла* (Фрей) 'Зонтик потерял' (действие соотнесено с каким-то конкретным лицом, которое неизвестно);

S°VtO — *хай мэй чан шань мэнь* 'Еще не пели «Шаньмэнь»' (действие соотнесено с неизвестным конкретным лицом).

Все эти модели глагольных предложений, присущие китайскому языку, характеризуются соотнесенностью действия с субъектом действия. Синтаксическая категория лица в них составляет основу предикативности.

1.4.1. Кроме этих предложений существует лишь один тип, в котором предикативность формируется иначе. Это предложения состояния. Субъект действия в них никогда не употребляется. И кроме того, соотнесенность действия с субъектом действия ликвидируется в этих предложениях. Поэтому предикативность в них формируется на основе соотнесения объекта с состоянием, которое возникло в результате совершенного действия. Благодаря этому в них иначе реализуется категория модальности и категория вида (см. 1.4.4.). Модели этих предложений: OVt или VtO. Например:

OVt — *гуйцзы-ды пао дачжала* (Чжэн) 'Пушки иностранцев взорваны'; *чжэ цзянь ши цзао фабяола* 'Это уже давно опубликовано';

VtO — *и чжан хун чжи тяо сечжэ гэжэнь-ды чэнху* (Ба Цзинь) 'На красной полоске бумаги написаны имя и фамилия каждого человека'; *юань-ли шуаньчжэ и пи ма* (Цюй По) 'Во дворе привязана лошадь'.

1.4.2. Глагол в китайском языке может обозначать действие конкретное (и единичное) и действие абсолютивное (всевременное). Глагол, обозначающий абсолютивное действие, употребляется в предложениях моделей SVtO и S°VtO.

В предложениях SVtO абсолютивное действие может быть приписано субъекту конкретному и неконкретному.

Если субъект неконкретный, то действие выражает характеристику класса предметов, сущностную характеристику: *да юй чи сяо юй, сяо юй чи сями* (Люй Шу-сян) 'Большие

не могут употребляться. Если предложения SVtO парадигматически характеризуются наличием S, а синтагматически — возможностью пропуска S, то предложения S°VtO — наоборот, парадигматически характеризуются отсутствием S, а синтагматически — возможностью постановки его.

рыбы едят маленьких рыб, маленькие рыбы едят креветок';

да гоу цзяо, сяо гоу тяо (Люй Шу-сян) 'Большие собаки лают, маленькие собаки прыгают';

сяньшэн цзян, сюэшэн тин (Люй Шу-сян) 'Преподаватели говорят, ученики слушают'.

Если субъект конкретен, то глагол выражает оттенки: «быть занятым действием» или «уметь делать то, что выражено глаголом». Характеристика предицируется в этом случае конкретному индивиду или конкретной совокупности индивидов. Например:

та шо чжунгохуа 'Он говорит по-китайски' (умеет говорить);

сыгэ жэнь цзо и-тяо баньдэн 'Четыре человека могут сесть на одну скамью';

шигэ жэнь чи лян пан жоу 'Десять человек могут съесть два фунта мяса'.

Абсолютивное, обобщенное значение действия выражается в китайском языке нулевой формой глагола. В этом проявляется свойство нулевой формы. Другие глагольные формы подобным образом не употребляются.

В предложениях модели S°VtO глагол может обозначать действие абсолютивное, обобщенное или действие конкретное. При этом в тех предложениях, где выражается абсолютивное действие, субъект мыслится обобщенно, как любое лицо. Например:

хо дао лао сюе дао лао 'Век живи, век учись';

цзай оучжоу бу хэ цин ча 'В Европе не пьют зеленый чай';

чжэли бу май пяо 'Здесь не продают билетов'.

В тех предложениях, где выражается конкретное действие, субъект мыслится как конкретное лицо, которое почему-либо не названо: либо потому, что известно собеседникам, либо потому, что оно вообще неизвестно или неопределенно. В первом случае глагол выступает в нулевой форме. Во втором случае глагол может выступать в ряде форм. Например:

нар дасы *жэнь ла* (Люй Шу-сян) 'Там человека убили' (глагол в нулевой форме);

хай мэй фан *сюе ни* (Люй Шу-сян) 'Еще не распускали на каникулы' (глагол в нулевой форме);

ю сечжэ *сань-ши-люгэ син мин* (Люй Шу-сян) 'Написал еще тридцать шесть имен и фамилий' (глагол оформлен суффиксом *-чжэ*).

1.4.3. Категория модальности в китайском языке также опирается на синтаксическую категорию лица. Она проявляется, например, в употреблении модальных глаголов и отрицания *бу*.

Модальные глаголы непосредственно связаны с категорией лица, в зависимости от способа формирования предика-

тивности меняется значение и роль модальных глаголов в предложении.

В предложениях, где предикативность сформирована на основе синтаксической категории лица, модальные глаголы выражают намерение субъекта, его желание и возможность совершить действие. В предложениях состояния, где субъект отсутствует, модальные глаголы играют другую роль. С их помощью выражается абсолютивная, обобщенная характеристика объекта.

В предложениях с субъектом абсолютивная характеристика, как было сказано, выражается нулевой формой глагола, но не модальными глаголами.

Сравним два предложения разных моделей, но с одним и тем же составом.

В предложении модели SVt(O) *чжэ юй бу нэн чила* (Чжао Юань-жэнь) 'Эта рыба не может больше есть' слово *юй* 'рыба' выступает как субъект действия, модальный глагол обозначает возможность субъекта совершать действие.

В предложении состояния модели OVt *чжэ юй бу нэн чила* 'Эта рыба несъедобна' (т. е. она несвежая) слово *юй* 'рыба' выступает как объект действия, с помощью модального глагола выражается абсолютивная характеристика объекта.

В китайском языке существуют два отрицания: *мэйю (мэй)* и *бу*.

В предложениях, опирающихся на синтаксическую категорию лица, употребляются оба отрицания. В отличие от отрицания *мэйю* отрицание *бу*, стоящее перед глаголом, может выражать модальные значения, а именно, значения воли, намерения и желания субъекта. Такое отрицание тесно связано с субъектом. В случае пропуска субъекта соотнесенность действия с субъектом и отношение — намерение субъекта очевидны. Например:

цзю бу хэ, янь чоу (Чжао Юань-жэнь) 'Вино не буду пить, покурю'.

В предложениях состояния употребляются отрицания *мэйю* и *бу*. Но употребление *бу* впереди глагола исключено. Оно может стоять впереди глагола только в сочетании с модальным глаголом, передающим обобщенную характеристику. Например:

чжэ юй бу нэн чила 'Эта рыба *несъедобна*'.

Кроме того, *бу* может употребляться в предложениях состояния только в составе сложных результативных глаголов [9]. Например:

[9] Результативные глаголы с инфиксированным отрицанием или служебным словом *дэ* соответственно выражают невероятность или вероятность совершения определенного действия субъектом. При отсутствии субъекта эти глаголы тоже выражают абсолютивную характеристику, как в данном случае.

тоулай-ды логу да-бу-дэ (Люй Шу-сян) 'Нельзя бить в украденный барабан'.

Те предложения, в которых *бу* стоит перед глаголом, например *цзи бу чила,* без сомнения, могут быть отнесены к предложениям с субъектом. В зависимости от места и характера паузы такое предложение может представлять либо модель SVt(O) — 'Куры больше не хотят есть', либо модель O(S)Vt с опущенным субъектом — 'Курицы (я) больше не хочу'.

1.4.4. Синтаксическая категория лица в китайском языке связана также и с видовой системой глаголов. Все показатели видовой системы делятся на две группы. К одной группе относятся все показатели, значение которых связано с единичностью, конкретностью действия. К другой — показатели *-ла* и *-чжэ*, когда они выражают значение состояния, а не единичное конкретное действие.

Суффиксы *-ла* и *-чжэ*, выражающие состояние, употребляются в условиях, в которых эти суффиксы в других значениях не употребляются.

-ла и *-чжэ* со значением состояния употребляются только в предложениях состояния; со значением совершенности или длительности употребляются только в предложениях, содержащих синтаксическую категорию лица. Ср., например:

OVt — *мэнь юн те баочжэ* 'Дверь обита железом';

SVtO — *во чжэнцзай баочжэ чжунго хуа кэбэнь* 'Я как раз обертываю китайский учебник'.

Во втором примере *чжэ* обозначает длительность конкретного действия, впереди стоят служебные слова *чжэн цзай* 'как раз', которые употребляются только при *чжэ*. В первом примере *чжэ* выражает состояние, но не длительность действия.

Что касается всех остальных видовых показателей, то они тоже употребляются только в предложениях, опирающихся на синтаксическую категорию лица. Они не употребляются в предложениях состояния.

В предложениях состояния невозможна, например, нулевая форма со значением предстоящего действия [10], невозможны форма многократности *-го* и форма однократности.

Таким образом, функционально все видовые показатели делятся на те же две группы.

Предложения состояния характеризуются невозможностью

[10] Следует различать специализированное и неспециализированное употребление нулевой формы. Специализированным является употребление нулевой формы со значением предстоящего действия. Такое употребление в предложениях состояния исключено. Неспециализированным является употребление данной формы в значениях других форм. Такое употребление в предложениях состояния возможно. Например: *шанмянь сюань и бянь* 'Наверху висела доска с надписью'. Неоформленный глагол выступает в значении глагола с суффиктом *-чжэ*.

полной реализации видовой парадигмы. И наоборот, все предложения, содержащие категорию лица, характеризуются возможностью полной реализации видовой парадигмы. В ряде моделей предложений тот или иной показатель может не употребляться, ряд показателей имеют ограниченное употребление, но принципиально их употребление возможно. Приведем примеры подобных моделей предложения.

ViS — *дао шихоу цзю* кай *чэ* (Люй Шу-сян) 'Придет время, поезд *тронется*' (предстоящий вид); *кунпа хуй* ло *юй* (Ба Цзинь) 'Боюсь, *пойдет* дождь' (предстоящий вид); *чжэли, тунсюехуй цун* мэй лайго *баньгэ гуань* (Мао Дунь) 'Сюда, в студенческий союз, никогда *не приходил* ни один чиновник' (глагол оформлен суффиксом *-го);*

OSVt — *чжэгэ цзешаосинь во* бу се 'Этого рекомендательного письма я *не стану писать*' (предстоящий вид); *чжэсе цзяцзюй во сян-бу-цилай во цзай нар* цзяньго 'Эту мебель я где-то *видел* — где, не припомню' (многократный вид);

O *бэй* SVt — *во бэй та чжэма тужань* и-вэнь (Ван Хуань) 'Я был неожиданно *спрошен*' (однократный вид); *чжэ лянгэ юаньцзы мэйю бэй тамэнь* шаого (Чжао Шу-ли) 'Эти два двора не были *сожжены* ими' (многократный вид).

В связи с тем, что разные модели характеризуются разной способностью к реализации видовой парадигмы, суффиксы, употребленные с глаголами, помогают определить, связана ли модель предложения с синтаксической категорией лица или нет. Следующие предложения, например, следует отнести к субъектным:

O(S)Vt — *гай канъ-ды жэнь хэ гай кань-ды дифан доу каньгола* (Люй Шу-сян) 'Всех, кого нужно, повидал и посмотрел все места, которые нужно было посмотреть'. Это предложение представляет эллиптическую форму модели OSVt, в котором опущен субъект, глагол оформлен суффиксом *-го;*

мифань чиго 'Рисовую кашу едал'. Это тоже предложение модели O(S)Vt с опущенным субъектом, глагол оформлен суффиксом *-го.*

2.0. Номинативный строй китайского языка проявляется в том, что подлежащему глагольного предложения соответствует грамматический субъект действия, в том, что предложение формируется на основе синтаксической категории лица. Субъект выступает в роли подлежащего без служебного слова. От такого подлежащего всегда исходит действие. Направление действия может быть изображено следующим образом: П → .

Номинативный строй проявляется в том, что субъектно-объектные отношения лежат в основе всех моделей глагольно-

ных предложений, и в том, что деление глаголов на переходные и непереходные последовательно проходит через все модели предложений, определяя свойства последних, и в том, что между подлежащим и субъектом и между прямым дополнением и прямым субъектом существует соответствие. Подлежащее — всегда субъект, прямое дополнение — всегда объект.

Это соответствие находит обратное выражение в пассивных предложениях, где подлежащее — прямой объект, а косвенное дополнение — субъект. Содержание подлежащего изменяется благодаря служебному слову *бэй*. Это служебное слово исключает возможность соотнесения имени, выступающего в роли подлежащего, с глаголом как субъекта действия с действием и устанавливает соотнесенность его как объекта действия с действием. Эту роль *бэй* выполняет и когда он ставится непосредственно перед глаголом и когда стоит перед словом, обозначающим субъект действия.

Направление действия в пассивных предложениях может быть изображено следующим образом: П .←

Нарушение соответствия между подлежащим и субъектом наблюдается в предложениях состояния. В них происходит нейтрализация данного соответствия, а также нейтрализация противопоставленности субъекта объекту. В роли подлежащего в предложениях состояния выступает объект.

2.1. Одни и те же субъектно-объектные отношения в китайском языке получают различное грамматическое выражение.

С одной стороны, существуют залоговые формы — форма страдательного залога, образуемая сочетанием служебного слова *бэй* непосредственно с глаголом, и форма действительного залога, выражаемая глаголом без *бэй*.

С другой стороны, существуют две конструкции — пассивная с *бэй* (а также с *жан, дяо, гэй*) (модель O *бэй* SVt) и активная с *ба* [11] (модель S *ба* OVt).

Номинативный строй проявляется в том, что одновременное употребление двух конструкций исключено. Каждая из конструкций, как и модель SVtO, соотносит содержание предложений с одной и той же реальной действительностью. В этих трех моделях различно передается отношение к объекту.

В конструкциях меняется не только позиция объекта, но и его функция. В пассивной конструкции объект выступает в роли подлежащего (позиция I); в активной конструкции объект выступает в роли активного дополнения (позиция II);

[11] Конструкция с *ба* передает значение активного воздействия на объект, связанное со значением результата действия (ср. статью Е. И. Шутовой [4]; см. также статью А. Фрея [7]).

в предложениях модели SVtO объект выступает в роли прямого дополнения (позиция III).

2.2. В основе употребления пассивной и активной конструкций лежит деление глаголов на переходные/непереходные. Им объясняется механизм употребления *ба* и *бэй* (своей зависимостью от характера глагола *ба* и *бэй* отличаются от других служебных слов китайского языка типа *юн, вэй, ти* и др., которые вводят существительные в предглагольную позицию).

В пассивных конструкциях с *бэй* употребление переходных глаголов является нормой. Могут употребляться и побудительные глаголы, и глаголы двойного дополнения. В этом случае в роли подлежащего выступают косвенные объекты. Это специфика пассивных конструкций. Например:

ли чэн-гун бэй та и шо 'Когда он обратился к Ли Чэн-гуну'.

Служебное слово *бэй* может употребляться с непереходными глаголами, используемыми в функции переходных. Например:

ху шуй бэй фын чуйчжэ *вэйвэй-ды пяодун* (Ба Цзинь) букв. 'Когда ветер *дул* на воду озера, [она] слегка колыхалась' [ср. употребление глагола *чуй* в предложении модели SVtO *фын* чуйлай... *иньюэ* (Мао Дунь) 'Ветер *доносил*... звуки музыки'].

Что касается активных конструкций, то их употребление связано прежде всего с переходными глаголами. Это норма. Со служебным словом *ба* употребляется, как правило, слово, обозначающее прямой объект, который подвергается активному воздействию. *Ба* может употребляться с непереходными глаголами, используемыми в функции переходных. Например:

(фын) ба... юй лю чжитяо гуа-*дэ цинвэй-ды яобай* '(Ветер) *покачивал* ветки ивы и вяза'.

В виде исключения в активной конструкции иногда используются непереходные глаголы. В этом случае с *ба* употребляются косвенные объекты. Но это бывает возможным только при определенных структурных условиях. Например:

во ба игэ наньцзин чэн цзоула дабаньгэ (Люй Шу-сян) 'Я прошел бóльшую половину Нанкина'.

Применение непереходного глагола обусловлено наличием субъекта и второго объекта, иначе употребить непереходный глагол нельзя.

Ср. с употреблением переходного глагола. Можно, например, сказать *ба ми фань чила дабань* 'съел большую часть риса' и *ба мифань чила* 'съел рис' — в первом случае опущен субъект, но имеется второй объект; во втором — опущен и субъект, и второй объект.

3.0. Китайскому языку присущи черты эргативного строя. Это проявляется в том, что подлежащему глагольного предложения соответствует субъект действия и предложение формируется на основе синтаксической категории лица, но субъект выступает в роли подлежащего со служебным словом. Эргативность также проявляется в том, что в языке нарушается ряд соответствий, характерных для номинативного строя. Можно выделить два типа эргативных предложений.

Первый тип составляют предложения, где субъект выступает в роли подлежащего со служебным словом *ба*.

Как известно, в номинативных предложениях служебное слово *ба* употребляется с прямым объектом при переходном глаголе. В эргативных предложениях служебное слово *ба* употребляется противоположным образом — с субъектом при непереходном глаголе. Субъект, выступающий в роли подлежащего в эргативных предложениях, обладает «формой» объекта, выступающего в роли дополнения в номинативном предложении [12]. Например:

цзэмма ба тэу паола? 'Как могло случиться, что шпион сбежал?';

ба во цисыла 'Рассердили меня';

ба ни шоу доу дунла 'Твои руки замерзли';

ба та де бинла 'Его отец заболел'.

Эргативные предложения отличаются от номинативных по ряду параметров.

Эргативное предложение (*ба* SVj): 1) при *ба* субъект; 2) глагол непереходный; 3) впереди *ба* субъект исключен.

Номинативное предложение (S *ба* OVt): 1) при *ба* объект; 2) глагол переходный; 3) впереди *ба* субъект возможен.

Исходя из того что *ба* употребляется в разных условиях: а) с прямым объектом при переходном глаголе, где перед *ба* стоит субъект, и б) с субъектом при непереходном глаголе, где впереди исключен субъект, можно говорить о двух функциях *ба:* о *ба* при дополнении в номинативном предложении и о *ба* при подлежащем в эргативном предложении. Это эргативные предложения первого типа.

В китайском языке, кроме того, имеются эргативные предложения второго типа, в которых субъект со служебным словом *бэй* выступает в роли подлежащего [13].

---

[12] Ср. с характеристикой эргативной конструкции в других языках, даваемой А. С. Чикобава: «Реальный субъект непереходного глагола и реальный объект переходного глагола представлены в спряжении глагола одним и тем же формантом» [3, 14]. Ряд китаеведов [см. 7, 109; 8, 88—89] называют *ба* в этой функции эргативным.

[13] Как эргативные подобные предложения рассматривал в лекциях, читанных в Московском институте востоковедения в 1944—1945 гг., И. М. Ошанин. А. Фрей относит эти предложения к эргативным [см. 7, 89]. Чжао Юань-жэнь слово с *бэй* тоже рассматривает как подлежащее [см. 9].

В эргативных предложениях этого типа субъект, выступающий в подлежащем, обладает «формой» субъекта, выступающего в роли дополнения в пассивной конструкции номинативного предложения. Например:

нали ю бэй хо шаола да цзюнь цаоляочан 'Там сожгли склад фуража для армии';

во каньчжэ цзю сян бэй тамэнь и-дао-и-дао-ды гэчжэ во цзыцзи-ды жоу 'Когда я все это наблюдал, у меня было такое ощущение, словно они ножом резали мое тело';

бу чжидао ши та-ды цзяо дэнкунла, хайши бэй и-куай шитоу баньчжула цзяо 'Не знаю, то ли он оступился, то ли камень попал под его ногу (букв. камнем запутало ногу)'.

Вместо служебного слова *бэй* в подобных предложениях могут встречаться другие служебные слова, характерные для пассивных конструкций *(жан, дяо, ю)*, которые употребляются только перед субъектом, но не перед глаголом непосредственно. Например:

ю ли тунчжи цзола баогао 'Доклад сделан товарищем Ли'.

Эргативное построение возможно и при глаголах-связках. Например:

ю ли тунчжи цзола чжуси 'Председателем был товарищ Ли'.

Эргативные предложения этого типа строятся по нормам трехэлементных конструкций. Именно поэтому последняя позиция имени (после глагола), как и в номинативных предложениях, является исключительно позицией дополнения [14] (см. 1.3.1.).

В эргативных предложениях второго типа может наблюдаться нарушение ряда соответствий, характерных для предложений номинативного строя. Например, в предложениях номинативного строя конструкция с *ба* противопоставлена конструкции с *бэй*, совместное их употребление исключено. Предложения же эргативного строя могут характеризоваться одновременным употреблением двух служебных слов. Происходит как бы наложение одной конструкции на другую. Служебное слово *ба* употребляется при объекте, выступающем в роли дополнения, а *бэй* — при субъекте, выступающем в роли подлежащего. Например:

хужань бэй цзюэ-хуй-ды шэн'инь ба та цзяожаола (Ба Цзинь) 'Неожиданно голос Цзюэ-хуйя привел его в смятение' [*бэй* 'голос' (субъект), *ба* 'он' (объект) смутил];

[14] Иначе обстоит дело в двучленных построениях, где выступает глагол страдательного залога (*бэй* стоит непосредственно перед глаголом). За глаголом с *бэй*, как и за непереходным глаголом, может стоять подлежащее. Подобное предложение является номинативным. Различие предложений обусловлено тем, что по своей функции приглагольное *бэй* отличается от *бэй* перед именем (см. выше).

бэй гунянмэнь ча-и-дянь ба та чидяо (Цюй По) 'Девушки чуть не съели ее' [*бэй* девушки (субъект) *ба* она (объект) съели].

4.0. Разобранные модели предложений представляют все типы простого глагольного предложения китайского языка. Но не каждая модель дает определенный тип предложения.

Модели, различающиеся полнотой состава, считаем вариантами одной модели. Так, модель полного состава SVtO может иметь варианты: SVt(O), (S)VtO и (S)Vt(O).

Модели полного состава S *ба* OVt и O *бэй* SVt соответственно могут иметь варианты (S) *ба* OVt и (O) *бэй* SVt.

Модель предложения состояния и модели эргативных предложений бывают только полного состава.

Изменение порядка расположения элементов, не связанное с использованием служебного слова, считаем инверсией. Соответственно две модели, различающиеся расположением элементов, например: SVtO и OSVt, SVi и ViS, OVt и VtO, O *бэй* Vt и *бэй* VtO считаем вариантами одной модели, хотя каждый из вариантов может специально служить целям выражения особого высказывания. Первые модели назовем моделями прямого порядка, вторые — моделями измененного порядка.

С учетом этих замечаний глагольные предложения китайского языка можно классифицировать прежде всего по способу выражения подлежащего, ибо характер подлежащего свидетельствует о характере предикации и отсюда о типе предложения.

Признаки подобной классификации предложений следующие:

1. Наличие/отсутствие подлежащего как структурного элемента предложения. По отрицательному признаку выделяется тип предложений модели S°VtO.

2. Субъектно/объектный характер подлежащего. По отрицательному признаку выделяется тип предложений моделей O *бэй* SVt, O *бэй* SVt и тип предложения OVt.

3. Подлежащее выражено субъектом без служебного слова/со служебным словом. По отрицательному признаку выделяется тип предложений моделей *ба* SVi, *бэй* SVtO.

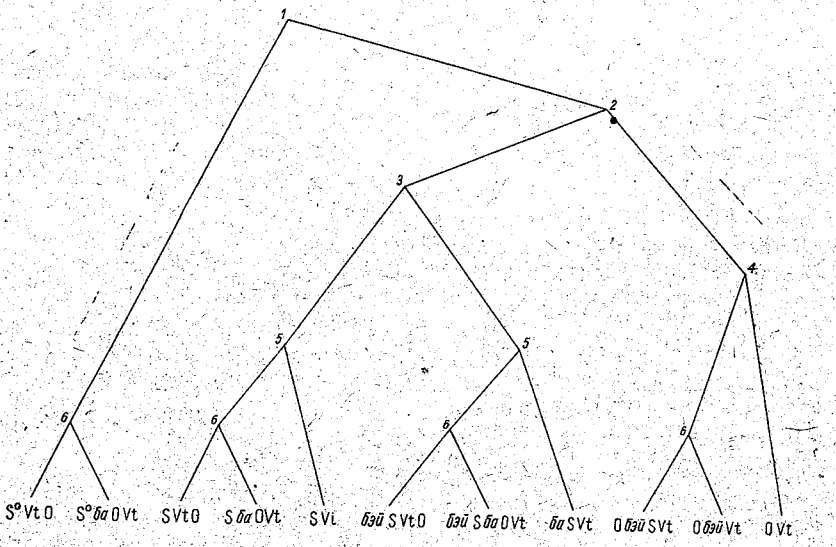
4. Подлежащее выражено объектом со служебным словом/без служебного слова.

По отрицательному признаку выделяются предложения OVt.

5. Наличие/отсутствие дополнения как структурного элемента предложения.

6. Объект выступает без служебного слова/со служебным словом.

В соответствии с этими признаками может быть построено следующее дерево:

В соответствии с четырьмя первыми признаками в китайском языке можно говорить о следующих пяти различных типах предложений:

1. Предложения бесподлежащные.
2. Номинативные предложения с подлежащим субъектом.
3. Номинативные пассивные предложения.
4. Эргативные предложения с подлежащим, выраженным субъектом со служебным словом.
5. Предложения состояния.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ба Цзинь — Б а Ц з и н ь, Цзя, Бэйцзин, 1955.
Ван Хуань — В а н Х у а н ь, *Ба* цзы цзюй хэ *бэй* цзы цзюй, Шанхай, 1958.
Люй Шу-сян — см. список литературы.
Мао Дунь — М а о Д у н ь, Ди-и цзедуань гуши, Шанхай, 1949.
Фрей — см. список литературы.
Цао — Ц а о С ю е - ц и н, Хунлоумэн, Бэйцзин, 1953.
Цао Юй — Ц а о Ю й, Бэйцзинжэнь, — «Цао Юй цзюйбэньсюань», Бэйцзин, 1954.
Цюй По — Ц ю й П о, Линь хай сюэюань, Бэйцзин, 1958.
Чжао Шу-ли — Ч ж а о Ш у - л и, Лицзячжуань-ды бяньцянь. Дунбэй шудянь, 1948.
Чжао Юань-жэнь — см. список литературы.
Чжэн — Ч ж э н Д у - д э н, Инсюнгоу, Бэйцзин, 1956.
Ян Мо — Я н М о, Цин чунь чжи гэ, Бэйцзин, 1958.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис, ч. I, М., 1954.
2. Поспелов Н. С., Категория времени в грамматическом строе русского глагола,— «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952.
3. Чикобава А. С., Предисловие к сборнику «Эргативная конструкция предложения», М., 1950.
4. Шутова Е. И., Способы выражения объектных отношений,— «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
5. Щерба Л. В., О частях речи в русском языке,— сб. «Русская речь», 1928, вып. II.
6. Яхонтов С. Е., Категория глагола в китайском языке, Л., 1957.
7. Freí H., The Ergative Construction in Chinese,— «Гэнго кэнкю», 1957, № 32.
8. Wang W. S. Y., Some Syntactic Rules in Mandarin,— «Pola», № 3.
9. Yuen Ren Chao, A Grammar of Spoken Chinese, Berkeley, 1968.
10. Люй Шу-сян, Цун чжуюй биньюй ды фэньбе таньдао цзюйцзы ды фэньси, — «Ханьюй юйфа луньвэньцзи», Бэйцзин, 1955.

Н. И. ТЯПКИНА

О ПРИНЦИПАХ АНАЛИЗА И КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ [1]

1. Существуют различные способы классификации простых предложений в китайском языке.

Наибольшее распространение получила классификация, предложенная проф. Ван Ли (Ван Ляо-и), который различает в современном китайском языке три основных типа предложения, каждый из которых связан с определенным типом сказуемого: повествующие предложения со сказуемым-глаголом, описывающие предложения со сказуемым-прилагательным и предложения-суждения со сказуемым-существительным [см. 14, 106].

Этой классификации придерживается в основном и проф. Чжан Чжи-гун [см. 20, § 26].

В «Лекциях по грамматике современного китайского языка», написанных коллективом авторов (Дин Шэн-шу и др. [см. 15, 18—28]) [2], к указанным трем типам добавлен четвертый, в котором сказуемое выражено конструкцией «подлежащее — сказуемое». В отличие от этого проф. Люй Шу-сян к четвертому типу относит предложения, в которых в качестве сказуемого выступает глагол *ю* 'иметь(ся)' [17, 122—123].

Совершенно иного типа классификацию предложил А. А. Драгунов в статье «К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка» [2] [3].

В основу классификации А. А. Драгунов кладет принцип актуального членения предложения, в соответствии с которым все простые предложения делятся на одночленные, отвечающие на вопросы типа «В чем дело?», «Что случилось?»,

---

[1] Настоящая статья представляет собой расширенный и переработанный вариант доклада, который был прочитан автором на симпозиуме по грамматике китайского языка в Институте востоковедения АН СССР, состоявшемся в апреле 1965 г.

[2] Эта книга представляет собой исправленный и переработанный вариант «Лекций по грамматике», которые были составлены отделением грамматики Института языка Академии наук КНР и первоначально напечатаны в журнале «Чжунго юйвэнь» в 1952—1953 гг.

[3] Здесь рассматривается именно эта статья, так как она является наиболее поздней из опубликованных работ А. А. Драгунова по синтаксису китайского языка. Вышедшая в 1962 г. (посмертно) книга А. А. Драгунова «Грамматическая система современного китайского разговорного языка», где также затрагиваются вопросы структуры простого предложения, была написана значительно раньше (в 1941 г.).

которые состоят из одного ядра высказывания (чем бы оно ни было выражено) и двучленные, состоящие из исходного пункта и ядра высказывания [см. 2, 20]. Двучленные простые предложения, в свою очередь, делятся на два типа в зависимости от того, является ли в них исходным пунктом место либо предмет (в последнем случае исходный пункт сообщения и подлежащее совпадают).

Последующее деление идет по линии ядра сообщения, причем принцип членения здесь уже иной: в зависимости от классной принадлежности сказуемого все предложения делятся на именные и глагольные, точнее, именные и предикативные, поскольку к предикативным А. А. Драгунов относит предложения, в которых сказуемое выражено глаголом или предикативным прилагательным (согласно разработанной А. А. Драгуновым концепции частей речи в китайском языке глаголы и прилагательные входят в одну, противопоставленную именам, общую категорию предикатива [см. 1, 12 и сл.]). Дальнейшее подразделение собственно глагольных предложений проводится на уровне подклассов глаголов: переходных и непереходных, глаголов действия и не-действия и т. д. [см. 2, 20]. Таким образом, в конечном итоге и классификация А. А. Драгунова ориентируется на лексико-синтаксические свойства слова, выступающего в функции сказуемого, и исходит из того, что именно они и определяют структуру сказуемого и предложения в целом.

2. Традиционное в китайской лингвистике разбиение предложений (в зависимости от характера сказуемого) на повествующие, описывающие и предложения суждения, или, иначе, на глагольные, адъективные и именные, не учитывает грамматической разноструктурности выделяемых типов, обусловленной наличием связки в одном из них в отличие от остальных [4].

Предлагаемая здесь классификация исходит из того, что в китайском языке различаются два основных структурно-грамматических типа сказуемого: связочное и бессвязочное. Связочное сказуемое состоит из связки и присвязочного члена; бессвязочное сказуемое не включает в свой состав связки; соответственно различаются два основных структурно-грамматических типа предложений: связочные и бессвязочные.

---

[4] Возможность опустить связку при некоторых, строго определенных, условиях [см., например, «Лекции»: 15, 20—22] не является, с нашей точки зрения, признаком наличия особого структурного подтипа именных бессвязочных предложений, поскольку даже в этих случаях указанная возможность существует лишь в утвердительном предложении: при наличии отрицания употребление связки обязательно; связка обязательна и в утвердительном предложении, если в состав его входит какое-либо служебное наречие [см. работу А. А. Драгунова: 1, § 3, 43, 41]. Иную точку зрения высказывает В. М. Солнцев [см. 4, 164, 170].

Существует определенная зависимость между лексико-синтаксическими свойствами слова, выступающего в функции сказуемого, структурой сказуемого и структурой предложения. Однако из двух факторов — грамматической структуры сказуемого (определяемой наличием/отсутствием связки) и лексико-синтаксических свойств слова, выступающего в функции сказуемого,— определяющим для структуры предложения является первый (грамматическая структура сказуемого); второй фактор (лексико-синтаксические свойства слова, выступающего в функции сказуемого) проявляет себя поразному в зависимости от грамматической структуры сказуемого.

Эта закономерность может быть показана на примере употребления глаголов.

Глагол как элемент класса слов характеризуется рядом свойств, важнейшими из которых являются его органическая связь с субъектом и объектом действия, обусловливающая способность глагола иметь дополнение, с одной стороны, и определенное содержание предикативной связи, основанной на выражении субъектно-объектных отношений, — с другой. Эти лексико-синтаксические свойства глагола как элемента класса слов полностью реализуются, когда глагол выступает в функции сказуемого непосредственно (т. е. без помощи связки).

В структуре связочного глагольного сказуемого эти свойства глагола как элемента класса слов нейтрализуются благодаря связочной структуре сказуемого: дополнение в структуре связочного глагольного предложения отсутствует (синтаксическая формула любого связочного предложения — глагольного, именного или адъективного — одна и та же: ОП — ОС[5], где С состоит из связки и присвязочного члена). В основе предикативного отношения в связочном глагольном предложении лежат не субъектно-объектные связи (как в глагольном предложении), а значение идентификации, свойственное всякому связочному предложению.

Что касается лексико-синтаксических свойств глагола, выступающего в качестве присвязочного члена, то они влияют лишь на конструкцию, образующую присвязочный член; последний в этом случае может быть выражен сочетанием глагола с дополнением [как в предложении *вэньи ды муды ши хуаньсин жэньминь* (ЛЛ, 221) 'Назначение искусства —

[5] В статье употребляются следующие условные сокращения: О — определение; П — подлежащее; С — сказуемое; Д — дополнение; ТП — тематическое подлежащее; ЗП — зависимое подлежащее; Дэ — экспозитивное дополнение, или дополнение, стоящее в позиции перед подлежащим; Дпр — препозитивное дополнение, или дополнение, стоящее в позиции перед сказуемым; Дп — постпозитивное дополнение, или дополнение, стоящее в позиции после сказуемого; Обст — обстоятельство; суб — субъект; об — объект; Г — глагол; И — имя; посл — послелог.

пробуждать народ'], а также конструкцией с субъектом [как в предложении *сои шанъу ды шыхоу ши во цзуй сихуань ды* (БСц, 212) 'Поэтому утренние часы любимы мною более всего']. Естественно, что при присвязочном члене-имени такие конструкции не встречаются.

Однако это различие в структуре присвязочного члена никак не проявляется на уровне членов предложения (формула связочного предложения всегда одинакова: ОП — ОС) и выявляется лишь на последующем уровне членения, т. е. при анализе структуры отдельного члена. Так, лексико-синтаксические свойства глагола как элемента класса слов (связь глагола с категориями субъекта и объекта действия) проявляются и в том, что на основное значение предикативного отношения в связочных предложениях — значение идентификации — наслаиваются значения субъектно-объектного плана (как, например, в приведенных выше предложениях [6]). Тем самым подтверждается правильность первоначального разбиения предложений по признаку наличия/отсутствия связки, а не по классной принадлежности слова, выступающего в качестве сказуемого.

Итак, определяющим для структуры предложения является грамматическая структура сказуемого, т. е. наличие или отсутствие в его составе связки. В дальнейшем различающим фактором оказывается уже классная принадлежность слова, выступающего в функции (или в составе) сказуемого, т. е. лексико-синтаксические свойства слова как элемента класса слов.

3. К связочным предложениям принято относить предложения со сказуемым, выраженным сочетанием связки *шы* и имени (состав сказуемого: связка+присвязочный член).

Разногласия при описании связочных предложений возникают по поводу интерпретации широко встречающихся случаев употребления связки *шы* при глаголе или прилагательном, когда она сопровождается служебным элементом *ды* в конце предложения.

Существующая традиция исходит из того, что во всех этих случаях элементы *шы* и *ды* могут быть опущены без ущерба для целостности предложения; на этом основании говорят о наличии у них функции модально-выделительных частиц [7]. Имеется, однако, много примеров, где элементы

---

[6] Органическая связь с объектом и субъектом действия — свойство глагола как элемента класса слов — проявляется не только там, где глагол употреблен в составе связочного сказуемого, но и в иных случаях,— например, в составе подлежащего, как в предложении *кай мэнь ды шы юй* (БСц, 195) букв. 'Приоткрывший дверь был Юй'. В этом случае значению идентификации также сопутствует выражение значений субъектно-объектного плана.

[7] Подробно эта точка зрения рассматривается в нашей статье [см. 8, 69—85].

шы ... ды не могут быть опущены (остающийся состав законченного предложения не образует); в этих случаях очевидна их структурная роль, и интерпретация таких предложений как обычных глагольных или адъективных (т. е. бессвязочных) вряд ли правомерна. Кроме того, между *шы* и *ды* могут быть заключены не только глагол и прилагательное, но и имя; в этом последнем случае опустить *шы ... ды* вообще нельзя. Сказанное свидетельствует, что данная форма употребляется не только как модально-выделительная.

Существует и иная точка зрения (например, Ли Цзинь-си и Лю Ши-жу [см. 18]) на функцию элементов *шы ... ды* в подобных случаях: заключенный между *шы ... ды* состав рассматривается как определение к «опущенному» (после *ды*) имени, где *ды* выступает как показатель атрибутивной функции предшествующего ему состава. Соответствующие предложения в этом случае рассматриваются не как глагольные или адъективные, но подводятся под обычный связочно-именной тип сказуемого (с составом сказуемого: связка + определение + *ды* [имя]) [см. 18, 260 и 266—267].

Однако в отличие от действительного пропуска определяемого, когда его можно легко восстановить из контекста, восстановить «опущенное» имя в большинстве таких случаев невозможно. В связи с этим попытки рассматривать предложения, включающие в себя элементы *шы ... ды,* как обычные связочно-именные, не кажутся убедительными.

Определенные трудности возникают и при описании смысловой структуры связочных именных предложений. Единый способ выражения сказуемого (связка + имя) предполагает единство его смысловой структуры. Однако, как свидетельствует Чжан Чжи-гун [см. 20, гл. VII] и Ван Ляо-и [см. 14, 147 и сл.], существуют и такие смысловые типы, которые не включаются в основной и представляют собой случаи особого употребления связочной структуры (сказуемое не обозначает иного названия подлежащего или целого, по отношению к которому подлежащее выступает как часть).

Предлагаемая нами интерпретация связочных предложений ориентируется на формальные и смысловые различия в структуре сказуемого:

а) связка *шы* + замыкающее *ды;*

б) связка *шы* + 0.

Это формальное различие отражает различие в содержании признака, выражаемого связочным сказуемым. Тем самым выделяются два структурно-смысловых подтипа связочного сказуемого [8]. В результате этого мы получаем более полное представление о смысловой структуре связочного сказуемого, что создает возможность объяснить многие из

[8] Подробно о значении связочных структур см. нашу статью [8].

тех случаев, которые квалифицируются как случаи особого употребления связки.

Изложенный подход имеет своим следствием иную (в сравнении с обычно принятой) классификацию связочных предложений. Поскольку решающее значение имеет форма связочного сказуемого (наличие/отсутствие замыкающего *ды*), все связочные предложения подразделяются по этому признаку на связочные предложения акцидентального *(шы ... ды)* и номинального *(шы* без *ды)* подтипов. В пределах этих двух подтипов связочные предложения по признаку классной принадлежности присвязочного члена подразделяются на связочно-именные, связочно-глагольные и связочно-адъективные.

4. Традиционное описание различает ряд типов глагольных предложений: предложения с порядком следования подлежащее — сказуемое — дополнение (далее: П — С — Д); предложения со страдательной конструкцией, или предложения с предлогом *бэй*; предложения, пассивные только по смыслу, или предложения состояния [9]; предложения с предлогом *ба;* предложения с вынесенным в начало предложения объектом действия (или Дэ); предложения наличия, или бытийные предложения; предложения с тематическим подлежащим; предложения со сказуемым, выраженным глаголами *у—ю;* предложения с глаголом *цзай* либо, шире, с глаголом + предлог *цзай*; предложения сцепления.

Иногда перечисленные разновидности объединяются в две большие группы по признаку переходности/непереходности глагола-сказуемого.

На протяжении последних лет предпринимался ряд попыток анализа как частных, так и системных взаимоотношений между отдельными типами глагольных предложений. Наибольший интерес вызывали соотношение между предложениями типа П—С—Д, с одной стороны, и предложениями с предлогом *ба* или с Дэ — с другой [10], а также соотношение между предложениями с глаголами *у — ю*, либо предложениями наличия, с одной стороны, и предложениями с глаголом *цзай* либо с глаголом плюс предлог *цзай* — с другой [11].

Особый интерес вызывает и соотношение предложений так называемого понятийного пассива и предложений со страдательной конструкцией, а также то, как они соотносятся с предложениями П—С—Д. В связи с этим неизменно встает

---

[9] О предложениях состояния см., например, статью Н. В. Солнцевой [5].

[10] См. в связи с этим материалы дискуссии о подлежащем и дополнении, опубликованные в сборнике «Ханьюй ды чжуюй биньюй вэньти» [19]; см. также работы Н. В. Солнцевой [6], Н. И. Тяпкиной [9, 69—111] и Е. И. Шутовой [11, 7—68].

[11] См., например, исследование А. А. Драгунова [2], а также коллективную работу Дин Шэн-шу и др. [15, гл. IX].

вопрос о критериях, позволяющих определить формально-грамматическое тождество отдельных типов глагольных предложений.

5. Методика установления формально-грамматического тождества предложений специально не разрабатывалась; сама постановка этого вопроса для ряда языков, по-видимому, является неактуальной, точно так же как неактуальным для них оказывается и описание синтаксиса глагольных предложений через описание их отдельных разновидностей.

Обычно тождественными считаются предложения с одинаковым составом членов. Но тем самым решение вопроса о тождестве типов предложений с уровня, единицами которого являются предложения, переносится на предшествующий уровень членов предложения, т. е. решается посредством анализа единиц предшествующего уровня.

С нашей точки зрения, для китайского языка такое решение вопроса методологически не оправдано. Ограниченность синтаксических средств, которые используются в китайском языке (порядок слов и служебные слова), в ряде случаев приводит к совмещению параметров таких традиционно различаемых в китайском языке членов, как подлежащее, дополнение, зависимое подлежащее и тематическое подлежащее,— все они не включают в свой состав служебных слов, и к тому же в ряде случаев оказываются в аналогичных позициях относительно сказуемого.

Установить их функциональное различие в таких случаях можно лишь учитывая позицию и состав некоторых других членов, которые входят в минимальный состав предложения, или, иначе, учитывая синтаксическую форму элементарной структуры предложения (см. пункт 11). В противном случае функционально различные члены могут быть квалифицированы как тождественные, что, естественно, повлечет за собой и констатацию формально-грамматического тождества соответствующих предложений.

6. Традиционно сложившееся описание типов глагольных предложений и их соотношений базируется на определенной интерпретации системы членов предложения. Однако в рамках традиционных представлений дать непротиворечивое описание системы членов предложения не удается; не существует и методики, которая дала бы непротиворечивое определение члена предложений как единства его формы, синтезируемой с помощью свойственных китайскому языку средств, и соответствующего данной форме содержания.

Существуют два основных метода анализа китайского предложения.

Один из них целиком ориентируется на позицию слова в предложении. В результате к одному и тому же типу оказываются отнесенными такие предложения, как *во се вэнь-*

чжан 'Я пишу сочинение' и *гуйцзы ли шы шу* 'В шкафу (есть) книги' (в первом случае подлежащим является название действующего лица, во втором — подлежащим считается сочетание имени с послелогом, обозначающее место [12]). Не учитывается, таким образом, роль служебных слов и связки, игнорируются такие существенные для структуры глагольных предложений отношения, как субъектно-объектная связь; категория члена предложения оказывается лишенной содержания.

Второй метод анализа предложения учитывает состав члена предложения (с точки зрения его классной принадлежности и наличия/отсутствия служебных слов) и его значение, определяемое по соотношению этого члена предложения с глаголом-сказуемым (значение субъекта действия у подлежащего и значение объекта действия у дополнения) [13]. В данном случае, как будет показано ниже, фактически игнорируется такой важный формальный признак члена предложения, как его позиция.

Целая группа членов предложения, различаемых при этом способе грамматического описания,— П, ТП, ЗП и Д (Дэ, Дп, а иногда и Дпр) — не включает в свой состав служебных слов. Вместе с тем П, ТП, а в ряде случаев и Д не удается разграничить и по такому признаку, как позиция относительно С, так как все они стоят в позиции перед С (а эта позиция, как мы уже знаем, рассматривается как формальный показатель китайского подлежащего). При этом возможны следующие комбинации:

(1) Перед С стоят П и Д; возможные модели:

Дэ — П — С, конструкция И(об) — И(суб) — Г

П — Дпр — С, конструкция И(суб) — И(об) — Г

П и Д в этом случае разграничиваются только по смыслу.

(2) Перед С стоят ТП и П, либо Дэ и П; возможные модели:

ТП — П — С, конструкция И — И(суб) — Г

Дэ — П — С, конструкция И(об) — И(суб) — Г

ТП и Дэ также могут быть разграничены по смыслу: Дэ обозначает объект действия, тогда как ТП вообще не связано с последующим глаголом непосредственной смысловой и синтаксической связью.

(3) Д и ЗП стоят в позиции после С; возможные модели:

П — С — Д, конструкция И(суб) — Г — И(об)

Обст — С — ЗП, конструкции: И-посл — Г — И(суб),

И-посл — Г — И(об)

---

[12] О недостатках, присущих этому методу анализа китайского предложения, см. статью С. Е. Яхонтова [12, 158—164].

[13] Оба указанных метода анализа китайского предложения с особой наглядностью выявились во время упомянутой дискуссии о членах предложения — подлежащем и дополнении [см. 19].

Д и ЗП не могут быть разграничены по позиционному признаку, но зачастую разграничиваются по значению (в случаях, когда ЗП обозначает субъект действия).

Таким образом, в приведенных комбинациях П, ТП, ЗП и Д могут быть разграничены только по присущим им значениям субъекта и объекта действия. Что касается позиции члена предложения, то закономерности использования в китайском языке этого важнейшего формального средства фактически остаются необъясненными.

Поскольку, однако, член предложения, как всякая грамматическая категория, представляет собой единство содержания и формы, дальнейшая мысль была направлена к тому, чтобы найти какое-либо формальное подтверждение их реального существования как грамматических категорий. В этих условиях в качестве формальной процедуры при определении функции слова в предложении (а речь прежде всего шла о функциях подлежащего и дополнения) использовалась возможность трансформации предложений (хотя сам термин «трансформация» при этом не употреблялся).

Как отмечает С. Е. Яхонтов, при анализе предложений «помимо присущего им порядка слов учитывается также и соотнесенность их с другими типами предложений» [12, 163], выражающаяся в возможности закономерного преобразования — по определенным правилам — одной конструкции предложения в другую. При этом «слово, которое в двух или нескольких соотносительных конструкциях имеет одинаковое значение, считается во всех этих случаях одним и тем же членом предложения» [12, 163]. Так, если в предложении *во мэй каньго чжэ и бэнь шу* 'Я не читал этой книги' слова *во* 'я' (название субъекта действия) и *шу* 'книга' (название объекта действия) являются соответственно подлежащим и дополнением, то они обычно рассматриваются как подлежащее и дополнение также и в предложениях *чжэ и бэнь шу во мэй каньго* 'Этой книги я не читал' и *во лянь чжэ и бэнь шу е мэй каньго* 'Я даже и этой книги не читал' [см. 12, 163].

В соответствии с этим принципом может быть установлено единство синтаксической функции у слов, обозначающих субъект и объект действия в преложениях типа П — С — Д, П — *ба*Д — С, Дэ — П — С. Точно таким же образом устанавливается единство функций у членов с одним и тем же содержанием, а следовательно, и формально-грамматическая однотипность предложений наличия, с одной стороны, и предложений со сказуемым, выраженным глаголом *цзай* (или глаголом+предлог *цзай*), — с другой (т. е. предложений типа *чжоцы шан фанчжэ шу* 'На столе лежат книги' и *шу фан цзай чжоцзы шан* 'Книги лежат на столе'). Соответствующим образом различная способность к трансформации, отличающая предложения с ТП от предложений с обычным под-

лежащим (П — С — Д), позволяет разграничить эти предложения, а тем самым и П и ТП.

Таким образом, обращение к приемам трансформационной грамматики позволяет представить в виде системы соотносительных конструкций значительное число разновидностей глагольных предложений, т. е. выявить парадигматические, системные связи между конструкциями. Однако способность одной конструкции трансформироваться в другую не может служить критерием формально-грамматического тождества этих конструкций (ср. с этой точки зрения следующие два трансформа: *таолунь вэньти* 'обсуждать вопрос' и *вэньти ды таолунь* 'обсуждение вопроса', где первая представляет глагольно-объектную, а вторая — атрибутивно-именную конструкцию; ср. также трансформации предложений, связанные с выражением залоговых отношений, например: *во дала та и дунь* 'Я побил его' и *та бэй во дала и дунь* 'Он мною побит'). Стало быть, использование трансформационных приемов в качестве формальных показателей при классификации членов предложения в составе предложений-трансформов, а тем самым и самих предложений-трансформов, неоправданно.

7. Особую трудность при системном описании типов простого глагольного предложения представляет интерпретация тех активных предложений, подлежащее которых по смыслу обозначает объект действия (пассивными являются только предложения, в состав которых входит пассивная конструкция), например: *синь сехаола* 'Письмо написано' (ср. *во сехаола синь* 'Я написал письмо'; в качестве сказуемого в обоих случаях употреблен один и тот же глагол *сехаола*).

Существующая традиция, как китайская, так и русская, рассматривает объект в этих предложениях как подлежащее [см. 14, 130—131; 17, 180; 6, 41—47], несмотря на отсутствие в них пассивной конструкции.

Действительно, формально (с точки зрения классной принадлежности, порядка слов и наличия/отсутствия служебных слов, предлогов и послелогов) такие предложения с подлежащим-объектом неотличимы от предложений с подлежащим-субъектом; ср. *туфэй сяомела* 'Бандиты уничтожены' и *гэгэ паоцюйла* 'Старший брат убежал' (иной точки зрения придерживается С. Е. Яхонтов, считающий объект в этих случаях дополнением [см. 12, 171]).

Отмеченная в литературе невозможность для большинства случаев употребить при подлежащем-объекте пассивную конструкцию выглядит необъяснимой, особенно в сравнении со строгой регулярностью ее употребления там, где в предложении помимо объекта присутствует и субъект действия.

Существенный характер такого рода фактов становится особенно очевидным, если иметь в виду, что они существуют

не только в китайском, но и в ряде других языков изолирующего типа, например вьетнамском, тайском [14].

Значение объекта действия может иметь и ЗП (для которого в целом более частым является значение субъекта); в этом случае пассивная конструкция при подлежащем-объекте обычно не употребляется; ср. с этой точки зрения *чуан шан таничжэ игэ жэнь* 'На кровати лежит человек' и *юаньцзы ли шуаньчжэ и пи ма* 'Во дворе привязана лошадь' (оба предложения активны).

Использование одних и тех же форм глагола-сказуемого и одних и тех же моделей построения предложения при выражении значений как актива, так и пассива (активные предложения состояния и активные предложения с зависимым подлежащим), с одной стороны, и невозможность выразить пассивное значение иначе чем при помощи пассивной конструкции с обязательным употреблением соответствующих служебных слов в предложениях типа П — С — Д — с другой, свидетельствуют о глубоком своеобразии, характеризующем китайский синтаксис в области выражения субъектно-объектных отношений, которое игнорируется в случае прямолинейного отождествления реальных категорий субъекта и объекта действия, с одной стороны, и грамматических категорий подлежащего и дополнения — с другой.

8. Излагаемая ниже классификация глагольных предложений имеет своей целью представить их в виде системы, позволяющей объяснить указанные выше специфические особенности строя этих предложений.

Наиболее своеобразный феномен в структуре глагольного предложения, с нашей точки зрения, состоит в том, что значения субъекта и объекта действия не всегда оказываются синтаксически распределенными: в предложениях одного типа значения субъекта и объекта действия распределены между двумя членами предложения (подлежащим и дополнением), тогда как в предложениях другого типа они выражаются в структуре одного и того же члена предложения. Предложения первого типа являются транзитивными, второго — интранзитивными [15].

Существенный, определяющий характер, который имеет для структуры китайского предложения распределенность/нераспределенность значений субъекта и объекта действия, подтверждается соответствующей корреляцией в употреблении страдательной конструкции.

В транзитивных предложениях, где значения субъекта и объекта действия распределены между П и Д, свойственное им соотношение между П и Д, с одной стороны, и субъектом

[14] См. в связи с этим нашу статью [7].

[15] О транзитивных и интранзитивных предложениях см. также нашу статью [7, 300—304].

и объектом действия — с другой, изменяется только с помощью страдательной конструкции; употребление служебного слова — элемента страдательной конструкции — в этом случае является строго обязательным (так называемая факультативность [16] места не имеет). В этих условиях появляется возможность рассматривать значение объекта в транзитивных предложениях как один из показателей дополнения (транзитивного) [см. 7, 301].

Совершенно иной характер носит употребление страдательной конструкции в интранзитивных предложениях.

Поскольку в структуре таких предложений значения субъекта и объекта действия грамматически не противопоставлены, а подлежащее может иметь значение то субъекта, то объекта действия, употребление страдательной конструкции в них чаще всего вообще исключено, в небольшом ряде случаев факультативно (может быть, а может и не быть), и наконец, обязательно в очень ограниченном числе случаев: когда отсутствие страдательной конструкции может привести к двоякому пониманию смысла предложения [17], возможному ввиду отмеченного выше характера значений подлежащего [18].

Подразделение глагольных предложений на два типа с точки зрения распределенности/нераспределенности значений субъекта и объекта действия позволяет объяснить различия в значениях подлежащего в предложениях разных типов, а также принципы употребления страдательной конструкции.

Возникает, однако, вопрос: на основании каких признаков можно судить о том, распределены или нет значения субъекта и объекта в каждом конкретном случае [19]?

Формальным критерием, позволяющим судить о характере распределения значений субъекта и объекта действия, может служить число реализованных в предложении ядерных валентностей глагола-сказуемого, или, иначе, число замещенных при сказуемом валентных позиций.

---

[16] О факультативности в употреблении показателей пассива см., например, работу Н. В. Солнцевой [6, 54—61, 88 и сл.].

[17] О необходимости постановки в таких случаях служебных слов — показателей пассива см., например, работы Люй Шу-сяна и Чжу Дэ-си [18, 18], а также Чжан Чжи-гуна [20, § 57].

[18] Об отсутствии формальной, а в ряде случаев и смысловой дифференциации субъектного и объектного значений подлежащего в интранзитивных предложениях см. статью [7, 302—303]. Об отсутствии четко выраженной направленности глагольного действия в китайском предложении и возможности ее уточнения с помощью предлогов *ба* и *бэй* см. работу Юань Жэнь-чжао [13, 242].

[19] В каждом конкретном предложении П имеет какое-то одно значение: или субъекта или объекта действия; в последнем случае можно сразу сказать, что значения субъекта и объекта не распределены; в случае, если подлежащее имеет значение субъекта, имеются две возможности: значения могут быть распределенными, а могут быть и нераспределенными.

Как отмечалось выше, в основе предикативных отношений в активных глагольных предложениях лежат два типа отношений: отношение действия к субъекту действия и отношение действия к его объекту. Эти отношения и составляют содержание ядерных валентных связей глагола. Таким образом, ядерной валентностью называется способность глагола выражать отношение к субъекту и объекту действия.

Наличие у глагола ядерной субъектной валентности проявляется в способности глагола образовать грамматически отмеченную изолированную конструкцию «имя — глагол» с субъектной связью. Наличие у глагола ядерной объектной валентности проявляется в его способности образовать грамматически отмеченную изолированную конструкцию «глагол — имя» с объектной связью. Грамматическая отмеченность конструкции «глагол — имя», реализующий объектную связь, не связана с наличием дополнительного грамматического оформления или окружения [20]; кроме того, связь глагола и имени в составе такой конструкции не может быть опосредствована предлогом или послелогом.

Валентность глагола характеризует лишь его потенциальную способность образовывать предложения того или иного — транзитивного или интранзитивного — типа; так, моновалентные глаголы транзитивных структур вообще не образуют. Что касается бивалентных глаголов, то они способны образовывать оба типа синтаксических структур: транзитивные и интранзитивные.

Синтаксическая структура предложения определяется валентностью глагола, выступающего в функции сказуемого, а по числу реализованных ядерных валентностей глагола, или по числу валентных позиций, замещенных при сказуемом. Так, например, в предложении *во сехаола синъ* 'Я написал письмо' бивалентный глагол *сехаола* 'написал' реализует две ядерные валентности — субъектную и объектную; данное предложение является транзитивным. В предложении *синь сехаола* 'Письмо написано' тот же бивалентный глагол реализует лишь одну ядерную валентность — объектную; предложение является интранзитивным.

Способность бивалентного (иначе переходного) глагола образовывать два взаимно противопоставленных в языке типа синтаксических структур предопределяет неэффективность применяющегося до сих пор способа классификации

[20] Отсутствие необходимого дополнительного оформления в качестве условия грамматической отмеченности отличает глагольно-объектную синтагму от выражаемой той же последовательностью (Г — И) синтагмы с субъектной связью; ср. с этой точки зрения *да жэнь* 'ударить человека'; *се синь* 'писать письмо' и *лай кэ ла* 'Пришел гость'; *пао игэ жэнь ла* 'Убежал один человек' при невозможности **пао жэнь*, **лай кэ*, где синтаксические связи отсутствуют.

простых глагольных предложений по признаку переходности/непереходности глагола-сказуемого.

Следует отметить, что для разграничения транзитивных и интранзитивных предложений имеет значение сам факт синтаксической распределенности или нераспределенности значений субъекта и объекта действия, т. е. то, выражаются ли эти значения в составе данной модели двумя или одним членом предложения. Вопрос о том, в структуре какого именно члена предложения реализуется то или иное (субъектное или объектное) значение, на данном уровне классификации несуществен: прямой и непосредственной зависимости между характером ядерной валентности, реализуемой словом, и его синтаксической функцией нет. Значения субъекта и объекта действия в транзитивных предложениях могут распределяться соответственно между подлежащим и дополнением (активные двусоставные предложения) либо соответственно между дополнением и подлежащим (пассивные двусоставные предложения); однако значения субъекта и объекта в структуре транзитивного предложения могут распределяться и между синтаксически зависимыми членами, как в (бесподлежащных) предложениях безличного типа [21].

9. Подавляющее большинство глагольных предложений относится к транзитивным или интранзитивным. Однако возможны случаи, когда в предложении не реализуется ни одна из ядерных валентностей глагола. Например: *юаньцзы личжуаншидэ хэнь ганьцзин* 'Во дворе чисто убрано'.

По признаку наличия/отсутствия реализованной ядерной валентности все множество глагольных предложений может быть подразделено на два основных структурно-грамматических типа: транзиционалные и атранцизионалные.

Отсутствие замещенной ядерной позиции обусловливает синтаксическую односоставность атранзиционалных предложений (см. в связи с этим данное выше определение подлежащего). С точки зрения содержания атранзиционалные предложения характеризуются тем, что субъектно-объектные отношения в них вообще не выражаются.

Транзиционалные предложения могут быть как двусоставными, так и односоставными, что зависит от способа реализации ядерной валентности. Предложение является двусоставным, если в его состав входит синтаксически независимый член, реализующий ядерную валентность глагола-сказуемого. В случае, если валентные позиции в предложении

[21] Примером может служить предложение *хужань бэй цзюэ хуй ды шэнъинь ба та цзяожаола* (БЦз, 318) 'Неожиданно раздавшийся голос Цзюэ Хуя привел его в смятение' (букв. 'Неожиданно голосом Цзюэ Хуя его привело в смятение'). Подробнее о таких предложениях см. нашу статью [10].

замещаются синтаксически зависимыми членами, предложение будет односоставным (безличные предложения).

Транзициональные предложения в зависимости от числа замещенных валентных позиций, в свою очередь, подразделяются на два типа — транзитивные и интранзитивные (см. выше).

10. Если отвлечься от лексической наполненности каждого конкретного предложения и исходить лишь из его синтаксического состава, отображенного в символах, то каждый из типов предложений будет представлен в виде ряда повторяющихся формул с неодинаковым числом членов. Различия в числе членов могут отражать как структурно-смысловые отличия отдельных типов предложений, так и различную степень их развернутости. Поскольку с точки зрения формально-смысловой структуры предложения значимы не все входящие в него члены, очевидно, что число типов предложений будет меньше общего числа выявленных формул.

Тип предложения может быть описан через его элементарную (минимально возможную) структуру с указанием способов ее развертывания. Отсутствие различий между элементарными структурами означало бы, что предложения относятся к одному и тому же типу — независимо от различий в степени их развернутости.

Одним из способов выделения элементарных предложений может быть способ отсечения частей предложения при условии, что остающаяся часть всякий раз может рассматриваться как предложение[22]. Однако применение этой процедуры при вычленении элементарных структур в китайском языке по ряду причин нецелесообразно.

Отсечение есть направленный процесс, имеющий своей целью выделить предикативную пару — подлежащее и сказуемое. В условиях китайского синтаксиса, где функция подлежащего зачастую приписывается двум членам из состава предложения, отсечение каждого из этих двух членов нарушает структурно-смысловую целостность предложения (см. с этой точки зрения предложения с Дэ и предложения с ЗП).

Не спасает дела и ориентация на содержание предикативной связи, поскольку типы смысловой связи, выражаемые при предикации (субъектная и объектная), могут быть выражены в предложении и вне предикативной связи.

В некоторых случаях «усечение» предложения до предикативной пары создает возможность выражения значений, не свойственных первоначальной структуре. Так, отсечение дополнения с *ба* в предложении *чжан сань ба ли сы жуа-*

[22] О методе последовательного отсечения частей предложения с целью вычленения элементарного предложения, предложенном З. Харрисом, см. рецензию Г. Г. Почепцова [3].

чжула 'Чжан Сань схватил Ли Сы' изменяет значение и тип предложения: *чжан сань чжуачжула* означает 'Чжан Сань схвачен' [23].

Это объясняется тем, что значения залогового плана, не получая выражения в структуре глагола, выражаются иначе (например, как в рассматриваемом случае — самим фактом отсутствия транзитивного дополнения). Стало быть, дополнение с *ба* выполняет здесь особую структурно-смысловую функцию, уточняя содержание предикативной связи, т. е. участвует в конституировании предложения.

Отсюда может быть сделан вывод, что значение предложения в этом случае «заложено» не в предикативной паре «имя — глагол», а в трехчленной структуре, включающей в себя транзитивное дополнение с *ба*.

Аналогичным образом изменяется содержание предикативной связи, общее значение и тип предложения в случае отсечения постпозитивного или экспозитивного дополнений; ср. *чжан сань чжуачжула ли сы* 'Чжан Сань схватил Ли Си' и *чжан сань чжуачжула* 'Чжан Сань схвачен' (после отсечения Дп); ср. также *ли сы чжан сань чжуачжула* 'Чжан Сань схватил Ли Сы' и *чжан сань чжуачжула* 'Чжан Сань схвачен' (после отсечения Дэ). Таким образом, и в этих случаях состав элементарной структуры не ограничивается составом П — С, а включает в себя постпозитивное или экспозитивное дополнение.

Отсечение членов, традиционно рассматриваемых как второстепенные, не всегда влечет за собой изменения в содержании предложения; вместе с тем оно свидетельствует о специфических особенностях элементарных структур в китайском языке и предостерегает от априорного отождествления элементарной структуры с предикативной парой.

11. На методику синтаксического описания простого предложения и, в частности, вычленения элементарных структур существенно влияют и те особенности глагольного предложения, которые связаны с отсутствием в китайском языке категорий, свойственных финитному глаголу. В этих условиях особенно важным становится выявление тех синтаксических средств, которые формируют предложение как целостную, законченную единицу, способную к самостоятельному употреблению. Известно, что определенную роль при этом могут играть не только различного рода служебные, но и

[23] Предложения с предлогом *ба* относятся к числу транзитивных (при сказуемом замещены две валентные позиции), тогда как второе предложение — интранзитивное (замещена одна валентная позиция); этому соответствует распределенность значений субъекта и объекта действия между двумя членами предложения, в первом случае, и нераспределенность (возможность выражения обоих типов значений в структуре одного члена предложения — подлежащего) — во втором.

знаменательные элементы. Факты такого рода были отмечены А. А. Драгуновым: «Глагол в китайском языке должен быть соответствующим образом оформлен, чтобы функционировать как финитное сказуемое в законченном предложении. Оформление это не обязательно морфологическое, а может быть и лексико-синтаксическим» [1, 127]; при этом роль оформления может играть «не только все то, что стоит после глагольной морфемы, но и то, что стоит перед ней» [1, 127].

Выявление роли отдельных элементов предложения с последующим описанием всего комплекса средств, обусловливающих структурно-смысловую целостность предложения (т. е. его способность к самостоятельному употреблению), так же как установление тех различий, которыми в этом плане характеризуются отдельные типы предложений, удобнее всего осуществлять на материале наиболее простых по структуре предложений, где действие тех или иных факторов проявляется наиболее отчетливо.

Эти требования и предопределили принятую нами методику исследования грамматически правильных (взятых из текстов) элементарных предложений с целью выявления их существенных, определяющих свойств и правил их развертывания. Метод отсечения частей предложения используется для установления тех границ, в пределах которых свойства элементарных структур остаются неизменными, и тех «порогов», которые существенно изменяют свойства элементарных структур (примером их могут служить рассматривавшиеся выше случаи отсечения Дэ, Дп и дополнения с *ба*).

Элементарным считается предложение, представляющее минимальную последовательность членов, в пределах которой может быть выражено законченное высказывание, обладающее определенным общим значением, свойственным ему при любой речевой реализации, способное к самостоятельному употреблению и характеризующееся определенной интонационной структурой и способами развертывания.

Порядок расположения членов элементарного предложения, или конститутивных членов, друг относительно друга, их структура, определяемая по признакам классной принадлежности, наличию/отсутствию служебных слов и значению, составляют синтаксическую форму элементарного предложения. Позиция конститутивного члена предложения определяется не только относительно сказуемого, но и относительно всех остальных членов элементарной структуры. Понимаемая таким образом позиция и структура конститутивного члена предложения составляют его синтаксическую форму.

Примером различных элементарных структур могут служить предложения типа П — С, П — С — Д, Дэ — П — С и П — *ба*Д — С, поскольку каждый из них представляет осо-

бую и при этом минимальную последовательность членов, способную к самостоятельному употреблению и обладающую специфическими способами развертывания [24]; из них тип П — С — Д обладает максимальной, а тип Дэ — П — С минимальной способностью к развертыванию.

12. Наличие/отсутствие в предложении того или иного члена рассматривалось выше с точки зрения минимального состава элементарных предложений. Однако этот же фактор имеет значение и при определении функций отдельных членов предложения.

Двусоставные глагольные предложения реализуются на основе последовательности «имя — глагол». Поскольку в основе предикативной связи лежат два типа смысловой связи действия и предмета — субъектная и объектная, глагольные предложения реализуются в виде двух структурно-смысловых вариантов: «имя-субъект — глагол» и «имя-объект — глагол». Существует, однако, довольно значительная по количеству группа предложений, в основе которых лежит обратная последовательность: «глагол — имя (субъект или объект)», такие предложения известны также под общим названием бытийных предложений. Как и предложения с последовательностью «имя — глагол», бытийные предложения реализуются в виде двух смысловых вариантов. Таким образом, имя-объект в позиции после глагола встречается в двух случаях: в бытийных предложениях (например: *юаньцзы ли шуаньчжэ и пи ма* 'Во дворе привязана лошадь') и в предложениях модели П — С — Д (например: *та чжэн цзай юаньцзы ли шуаньчжэ и пи ма* 'Он во дворе привязывает лошадь').

Оставляя пока в стороне крайне спорный вопрос о синтаксической структуре бытийных предложений и синтаксической функции послеглагольного имени, ограничимся констатацией того факта, что приведенные два предложения представляют собой различные типы предложения.

По каким признакам устанавливается это различие? Сравним взятые в минимальном составе (т. е. элементарные) целостные предложения обоих типов:

(А) *юаньцзы ли шуаньчжэ и пи ма* 'Во дворе привязана лошадь'.

(Б) *та шуаньчжэ и пи ма* 'Он привязывает лошадь'.

Поскольку наличие/отсутствие в составе предложения Б предложно-послеложного комплекса, например *та* цзай *юаньцзы* ли *шуаньчжэ и пи ма* 'Он во дворе привязывает

[24] О предложениях моделей П — С — Д и Дэ — П — С как различных структурно-грамматических типах см. нашу статью [9, 104—111]. О том, что предложения моделей П — С — Д и П — *ба* Д — С являются различными типами, объективно свидетельствует вывод Е. И. Шутовой о том, что предложения с *ба* не являются инверсивным вариантом по отношению к модели П — С — Д [см. 11, 67].

лошадь', функционального значения не имеет (не изменяет функциональных отношений), очевидно, что разнотипность предложений А и Б обусловлена не наличием в позиции перед сказуемым сочетания имени с послелогом, а отсутствием перед сказуемым имени-субъекта (не связанным с эллипсисом).

Правая часть обоих китайских предложений (глагол + имя) материально совпадает, но различается по значению (что отражается и в русском переводе).

В этом получает выражение тот весьма существенный факт, что различное соотношение имени и глагола, реализуемое в китайском языке одной и той же последовательностью слов, формируется как бы за пределами данной последовательности. Этот факт может быть объяснен только в том случае, если будет учитываться также структура левой, препозитивной глаголу части предложения: третьим и последним членом элементарного предложения А является сочетание имени с послелогом, третьим и последним членом элементарного предложения Б является имя-субъект (без служебного слова). Таким образом, предложение Б является транзитивным (реализованы обе ядерные валентности), тогда как предложение А является интранзитивным (реализуется только одна ядерная валентность).

Различие в функциях послеглагольных членов в предложениях А и Б есть следствие их принадлежности к различным типам элементарных структур. Специфическое значение послеглагольного члена предложения А обусловлено тем, что он реализует ядерную валентность глагола в интранзитивной структуре; для структуры послеглагольного члена предложения Б определяющим является транзитивная структура предложения (транзитивное дополнение по своему значению и форме противопоставлено подлежащему — имени-субъекту).

Функциональное различие послеглагольных членов в составе одной и той же глагольно-именной конструкции показывает, что при определении синтаксической функции члена предложения значимым может быть не только наличие, но и отсутствие того или иного конститутивного элемента.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСц — «Ба Цзинь сюаньцзи», Каймин шудянь чубань, Бэйцзин, 1952.
БЦз — Ба Цзинь, Цзя, Бэйцзин, 1952.
ЛЛ — Ли Цзинь-си, Лю Ши-жу, Чжунго юйфа цзяоцай, диэр цэ, Бэйцзин, 1954.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунов А. А., Исследования по грамматике современного китайского языка, М.— Л., 1962.

2. Драгунов А. А., К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка,— сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики», М., 1957.
3. Почепцов Г. Г. [рец. на кн.:] Z. S. Harris, Strong Analisis of Sentence Structure,— «Вопросы языкознания», 1957, № 1.
4. Солнцев В. М., Очерки по современному китайскому языку, М., 1957.
5. Солнцева Н. В., О критериях определения подлежащего в китайском языке,— сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики», М., 1957.
6. Солнцева Н. В., Страдательный залог в китайском языке, М., 1962.
7. Тяпкина Н. И., О глагольных предложениях в изолирующих языках (на материале китайского, вьетнамского и тайского языков),— сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967.
8. Тяпкина Н. И., О значении связочных структур (К вопросу о роли частицы *ды*),— сб. «Спорные вопросы языков Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1964.
9. Тяпкина Н. И., Предложения с экспозитивным членом,— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
10. Тяпкина Н. И., Предложения безличного типа в современном китайском языке (в настоящем сборнике).
11. Шутова Е. И., Способы выражения объектных отношений (конструкция с предлогом *ба*),— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
12. Яхонтов С. Е., Члены предложения в китайском языке,— «Уч. зап. ЛГУ», № 236, серия востоковедческих наук, вып. 6. «Вопросы корейского и китайского языкознания», 1958.
13. Yuen Ren Chao, A Grammar of Spoken Chinese, University of California Press, Berkeley and Los Angelos, 1968.
14. Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954 (пер. с кит.).
15. Дин Шэн-шу дэн, Сяньдай ханьюй юйфа цзянхуа, Бэйцзин, 1961.
16. Ли Цзинь-си, Лю Ши-жу, Чжунго юйфа цзяоцай, Бэйцзин, 1954—1955.
17. Люй Шу-сян, Очерк грамматики китайского языка, ч. I, Слово и предложение, М., 1961 (пер. с кит.).
18. Люй Шу-сян, Чжу Дэ-си, Юйфа сюцы цзянхуа, Каймин шудянь, Бэйцзин, 1952.
19. «Ханьюй ды чжуюй биньюй вэньти», Чжунхуа шуцзюй чубань, 1953.
20. Чжан Чжи-гун, Ханьюй юйфа чанши, Синь чжиши чубаньшэ, Шанхай, 1956.

Н. И. ТЯПКИНА

ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗЛИЧНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Конструкции с предлогами *ба* и *бэй* принадлежат к числу интереснейших явлений китайского синтаксиса. Существует довольно большое число специальных работ, посвященных анализу этих предлогов [см. 14; 10; 5; 11; 13; 6; 8]. Кроме того, в любой общей работе по китайскому языку непременно отводится определенное место описанию употребления конструкций с предлогами *ба* и *бэй*. Неослабевающий интерес синологов к этим конструкциям объясняется той особой ролью, которую играют указанные предлоги (и их синтаксические эквиваленты) в грамматической системе китайского языка, в выражении субъектно-объектных отношений. Поэтому грамматическая интерпретация конструкций с предлогами *ба* и *бэй* имеет существенное значение для системного описания китайского синтаксиса.

Среди предложений, включающих в свой состав предлоги *бэй* и *ба*, выделяется количественно небольшая группа разномодельных глагольных предложений, отличающихся особым своеобразием своей формально-смысловой структуры и актуального членения. От предложений обычной активной структуры они отличаются наличием предлога *ба* или *бэй* перед именем, обозначающим субъект действия, в результате чего предложение как бы утрачивает «личный» характер. Ср. с этой точки зрения следующие пары предложений:

та дэ бинла 'Его отец заболел' и *ба та дэ бинла* букв. 'Его отца заболело';

гэмин саочула гулао ды чжиду 'Революция смела старый порядок' и *бэй гэмин саочула гулао ды чжиду* (ЛЛ, 226) 'Революцией смело старый порядок';

хэбянь шан ды бин ба цзи цзи дучуань дундэ лаолаоды 'Прибрежный лед накрепко приморозил несколько паромов' и *бэй хэбянь шан ды бин ба цзи цзи дучуань дундэ лаолаоды* (ЛЛ, 226) 'Прибрежным льдом накрепко приморозило несколько паромов'.

Формально-смысловая структура таких «безличных» предложений настолько специфична, что они фактически оказываются вне той системы грамматической интерпретации предложений с предлогами *ба* и *бэй*, которая складывается в результате анализа и описания массовых случаев их упо-

требления; поэтому истолкование синтаксической структуры таких предложений вызывает наибольшие затруднения [1].

1.1. Особенности формальной и смысловой структуры предложений с безличным значением, выделяющие их из всей остальной массы глагольных предложений, очевиднее всего выявляются при сопоставлении с обычными глагольными предложениями.

В глагольных предложениях предикативная связь реализуется на основе ядерной валентности глагола-сказуемого. В китайском языке различаем два типа ядерной валентности — субъектную и объектную, причем не только первая, но и вторая (объектная) валентность может служить основой предикации в активных глагольных предложениях (т. е. в предложениях, в которых страдательная конструкция отсутствует).

Оба типа ядерной валентности могут быть реализованы в предложении в составе различного рода синтаксических конструкций, предложных и беспредложных; однако в системе китайских предлогов существуют всего два предлога, способных употребляться при членах, реализующих ядерную валентность глагола-сказуемого,— это предлоги *ба* и *бэй*.

Возможность различного функционально-синтаксического использования членов, реализующих ядерную валентность глагола-сказуемого (в качестве подлежащего, дополнения и зависимого подлежащего), свидетельствует об отсутствии прямого соответствия между характером реализуемой валентности и синтаксической функцией слова; вместе с тем реализующий ядерную валентность член предложения занимает особое место в структуре предложения: всегда входит в состав конститутивных членов предложения.

Подлежащее в глагольном предложении реализует одну из ядерных валентностей — субъектную либо объектную, имея соответственно значение субъекта или объекта действия. Отсюда подлежащее может быть определено как синтаксически независимый член предложения, реализующий ядерную валентность глагола-сказуемого (синтаксическая независимость выражается отсутствием в составе члена предложения предлогов и послелогов, а также отсутствием синтаксически связанного с этим членом глагола в препозиции, как например у так называемого зависимого подлежащего) [2].

Китайское предложение обычно является синтаксически двусоставным, т. е. включает в свой состав синтаксически независимый член, реализующий ядерную валентность глагола. На этом фоне и выделяются предложения, своеобразие

[1] О возможных толкованиях этих предложений см., например, работу Н. В. Солнцевой [6, 90—95].

[2] Подробно о синтаксической структуре глагольного предложения речь идет в другой нашей статье, помещенной в настоящем сборнике [7].

которых обусловлено тем, что валентные позиции в них (валентными называем позиции, замещаемые членами, реализующими ядерную валентность глагола) занимают синтаксически зависимые члены (т. е. члены, которые либо включают в свой состав предлоги *ба, бэй* или их синтаксические эквиваленты, либо имеют в препозиции синтаксически связанный с ними глагол). Например:

бэй ехо шаохуйла таолинь (ЛЛ, 225) 'Степным пожаром уничтожило персиковую рощу';

ба гэ чжу паола (Фр I, 43) 'Свинья убежала'.

2. Такие предложения строятся по нескольким моделям, причем в состав любой модели обязательно входит дополнение-субъект (синтаксически зависимый член, реализующий субъектную валентность глагола). В соответствии с общей системой классификации глагольных предложений [см. 7] предложения безличного типа подразделяются нами (в зависимости от числа замещенных валентных позиций) на два основных структурно-грамматических типа — транзитивные и интранзитивные безличные предложения.

К транзитивным безличным предложениям относим предложения, в которых синтаксически зависимыми членами замещены обе валентные позиции — субъектная и объектная; в состав такого предложения, таким образом, входят два транзитивных дополнения — дополнение со значением субъекта и дополнение со значением объекта действия.

Транзитивное дополнение субъекта обычно вводится предлогом *бэй* (или его синтаксическими эквивалентами *цзяо, жан, ю*). Примеры:

бэй шитоу дашанла туй (ЛЛ, 226) 'Камнем поранило ногу';

бэй хэйинь чжэби гуанмин (ЛЛ, 225) 'Темнота (букв. темнотой) поглотила свет';

ю и тянь гожань бэй та чжаочжула и тяо лу (Тянь Хань) 'Однажды ему действительно удалось обнаружить тропинку';

бэй сюэ чжэбичжу цзедао (ЛЛ, 225) 'Снегом завалило улицы';

бэй во мань та сыши нянь (ЛШ, 122) 'Я обманывала его сорок лет' (букв. 'Мной обманывать его сорок лет');

цюэ бэй и фэн шу бянь цзюхола лян тяо синмин (ЛШ, 122) 'Так одним письмом спасли две жизни'.

В приведенных выше примерах транзитивное дополнение объекта стоит в постпозиции к глаголу (что и является показателем его синтаксической зависимости). Чаще, однако, встречаются предложения, где транзитивное дополнение объекта стоит в позиции перед глаголом, имея в своем составе предлог *ба*. Примеры:

хужань бэй цзюэ хуй ды шэнъинь ба та цзяожаола (БЦз, 318) 'Неожиданно раздавшийся голос Цзюэ Хуя привел его

в смятение' (букв. 'Неожиданно раздавшимся голосом Цзюэ Хуя его привело в смятение');

бэй чжэ цзи вэнь цянь ба чжэ сяо жэр маньго (ЛШ, 122) 'Этого человека одурачили с помощью нескольких грошей';

цзяо нагэ гоунян ян ды и сяцзы ба во туй цзай дися (Фр 2, 105) 'Этот собачий сын сбил меня с ног одним ударом' (букв. 'Ударом этого собачьего сына меня сбило с ног');

та шо та юаньлай е юго ди, даньши цзяо ханьжэнь ба тамэнь цун цзыцзи ды ди шан ганьпаола (ЛЛ, 226) 'Она сказала, что сначала у нее тоже была земля, но китайцы прогнали их с этой земли' (букв. '...китайцами их прогнали с их земли');

цзиньтянь ю ни лай чжуси (ВБ, 35) 'Сегодня тебе быть председателем'; *жан та ба во дала* (Фр 2, 110) 'Он побил меня' (букв. 'Им меня побило'); *жан во ба та дала* (Фр 2, 110) 'Я его побил' (букв. 'Мною его побило');

вэйшэммо ю жан вомэнь ба хайцзы сун цзоу ни? (ТХ, 497) 'Почему это нам отправлять ребенка?'; *та ... хаосян ... хайпа бэй жэнь ба та цянцюй сы ды* (БЦз, 38) 'Он [крепко держал журнал] словно ... опасался, что его у него отнимут' (букв. '...опасался кем-то его [журнал] отнимут');

бэй юэгуан ба инцзы тоу цзай шуймянь (БЦз, 142) 'Лунные тени падали на поверхность воды' (букв. 'Месяцем тени проектировало на поверхность воды').

Проф. Люй Шу-сян отмечает еще одну, в современном языке редко встречающуюся, модель, в которой имеет место необычный порядок слов [см. 15, 122]: *ба чоу доу цзяо та чуцзиньлэ* (ЛШ, 122). 'Все эти мерзости были им вскрыты до конца' (*ба... бэй...* вместо обычного *бэй... ба...*).

Употребление предлога *ба* при дополнении-субъекте в транзитивных предложениях не наблюдается, тогда как в интранзитивных предложениях рассматриваемого вида оно составляет норму. Примеры:

ба ни шоу доу дунла (Фр 1, 43) 'Твои руки совсем заморозило';

сянцзы вэйкун ба лото хуадао, хэнь сян сюси и ся (ЛЛо, 25) 'Сянцзы опасался, что верблюд поскользнется (букв. верблюда поскользнет), и очень хотел передохнуть';

ба цзи е фэйла (ба) дань е дала (Фр, 1, 44) 'И курица улетела, и яйца разбились';

цзэммо ба тэу паола? (ЛШ) 'Как это шпиону удалось сбежать?';

юаньюарды ба и цзи чуань лучулайла 'Вдали показался корабль'.

Употребление предлога *ба* при дополнении-субъекте рассматривается как особый случай, поскольку обычно этот предлог употребляется с объектом, благодаря чему и считается показателем «аккузатива» или прямого дополнения [см.

3, 119; 9, 85]; на этом же основании предлог *ба* иногда квалифицируется как показатель переходного характера глагола.

3. Существенной чертой, характеризующей предложения безличного типа, является то, что по своей формальной и смысловой структуре, числу, характеру и порядку расположения конститутивных членов, по лексическому составу они соотносительны двусоставным предложениям обычных, широко распространенных моделей. Характер их соотношения может быть продемонстрирован путем сопоставления безличных предложений, условно обозначенных как тип А, и соотносительных им личных двусоставных предложений, условно обозначенных как тип Б.

Транзитивные предложения[3]

Тип А

Модель: Дтр (субъект) — С — Дтр (объект)
Конструкция: *бэй* И (субъект) — Г — И (объект)
Пример: *бэй гэмин саочула гулао ды чжиду* (ЛЛ, 226) 'Революцией смело старый порядок'.

Тип Б

Модель: П (субъект) — С — Дтр (объект)
Конструкция: И (субъект) — Г — И (объект)
Пример: *гэмин саочула гулао ды чжиду* 'Революция смела старый порядок'.

Тип А

Модель: Дтр (субъект) — Дтр (объект) — С
Конструкция: *бэй* И (субъект) — *ба* И (объект) — Г
Пример: *хужань бэй цзюэ хуй ды шэнъинь ба та цзяожаола* (БЦз, 318) 'Неожиданно раздавшийся голос Цзюэ Хуя привел его в смятение' (букв. 'Неожиданно голосом Цзюэ Хуя его привело в смятение').

Тип Б

Модель: П (субъект) — Дтр (объект) — С
Конструкция: И (субъект) — *ба* И (объект) — Г
Пример: *хужань цзюэ хуй ды шэнъинь ба та цзяожаола* 'Неожиданно раздавшийся голос Цзюэ Хуя привел его в смятение'.

---

[3] В моделях и конструкциях употребляются следующие условные сокращения: Г — глагол; И — имя; П — подлежащее; С — сказуемое; Д — дополнение; Дтр — дополнение транзитивное.

Интранзитивные предложения

Тип А

Модель: Д (субъект) — С

Конструкция: *ба* И (субъект) — Г

Пример: *ба та де бинла* 'Его отец заболел' (букв. 'Его отца заболело').

Тип Б

Модель: П (субъект) — С

Конструкция: И (субъект) — Г

Пример: *та де бинла* 'Его отец заболел'.

Сопоставление предложений типа А и Б в составе каждой из приведенных пар показывает, что эти предложения не различаются по числу валентных позиций (или, иначе, по числу реализованных в предложении ядерных валентностей глагола-сказуемого), по числу конститутивных членов и их лексической реализации, а также по порядку размещения слов в соответствующих предложениях.

Сопоставление предложений типа А и Б в составе каждой пары на уровне конструкций (классы слов) показывает, что различие состоит в наличии/отсутствии предлога (*бэй* или *ба*) перед именем со значением субъекта действия. Функциональное различие, обусловленное различием конструктивным, проявляется в синтаксически зависимом характере субъекта в предложениях типа А в отличие от предложений типа Б, где субъект — синтаксически независимый член, т. е. подлежащее. Таким образом, различию на уровне конструкций соответствует различие на уровне моделей предложения: предложения типа А являются бесподлежащными, т. е. синтаксически односоставными, тогда как предложения типа Б относятся к числу синтаксически двусоставных предложений.

Смысловое различие предложений типа А и Б обусловлено различным значением, которое имеет в них член предложения, обозначающий субъект действия: в одном случае (тип Б) субъект имеет значение носителя признака, выраженного глаголом-сказуемым, а в другом (тип А) он утрачивает значение носителя глагольного признака, приобретая вместо него значение орудности (транзитивные безличные предложения) или значение объекта воздействия (интранзитивные безличные предложения).

Сопоставление односоставных (тип А) и двусоставных (тип Б) предложений показывает также, что синтаксическая односоставность первых создается за счет изменения синтаксическими средствами — предлогами *ба* и *бэй* — синтаксической (и смысловой) функции субъекта. Этому соответствует и определенный тип синтаксического и смыслового соотноше-

ния предложений типа А и Б: субъекту-подлежащему предложений типа Б соответствует субъект-дополнение в предложениях типа А, благодаря чему предложения типа А и воспринимаются как предложения безличного типа (ср. с этой точки зрения *ехо шаохуйла таолинь* 'Степной пожар уничтожил персиковую рощу' и *бэй ехо шаохуйла таолинь* 'Степным пожаром уничтожило рощу').

Таким образом, значение безличности в китайском предложении не связано с морфологической категорией лица: китайский глагол, как известно, категории лица не имеет; отсутствуют в нем и глаголы с нулевой валентностью, соответствующие русским безличным глаголам типа «светает». Значение безличности в китайском предложении создается чисто синтаксическим путем и реализуется в определенных моделях глагольных предложений, где благодаря определенным специфическим особенностям формально-смысловой структуры член предложения со значением носителя глагольного признака отсутствует, и при этом нет возможности его ввести дополнительно (так как соответствующие валентные позиции уже замещены).

4. В качестве показателей синтаксической зависимости субъекта-дополнения в безличных предложениях используются предлоги *бэй* и *ба*. Употребление того или иного предлога отражает определенное структурно-смысловое различие соответствующих предложений и базируется на функциональном и смысловом различии предлогов *бэй* и *ба*.

4.1. Предлог *бэй* (так же, как синтаксически эквивалентные ему *цзяо, жан, гэй, ю*) является элементом пассивной конструкции, т. е. служит средством образования пассивных предложений.

В составе личных транзитивных пассивных предложений *бэй* вводит дополнение со значением субъекта действия, в то время как слово, реализующее объектную валентность глагола-сказуемого, ставится в синтаксически независимую позицию — перед глаголом-сказуемым — и становится подлежащим: ср. с этой точки зрения: *та ю жаолуаньла воды аньцзин* 'Она вновь нарушила мой покой' и *воды аньцзин ю бэй та жаолуаньла* (БС, 60) 'Мой покой вновь был нарушен ею'.

В безличных транзитивных предложениях *бэй* также вводит дополнение со значением субъекта действия, т. е. выполняет ту же функцию, что и в составе транзитивных пассивных предложений; однако в отличие от последних объект в них остается в синтаксически зависимой позиции (либо сохраняя постпозицию по отношению к глаголу-сказуемому, либо включая в свой состав предлог *ба*), т. е. выступает по-прежнему в функции синтаксически зависимого члена предложения — дополнения (транзитивного); ср.: *таолинь*

бэй ехо шаохуйла 'Персиковая роща была уничтожена пожаром' и *бэй ехо шаохуйла таолинь* (ЛЛ, 225) 'Пожаром уничтожило персиковую рощу'.

По своей смысловой структуре безличные предложения с предлогом *бэй* соответствуют конструкциям безличного пассива (типа русского «Градом побило рожь»).

Значение пассива в транзитивных предложениях создается постановкой перед субъектом действия предлога *бэй;* поэтому безличные преложения с предлогом *бэй* всегда относятся к разновидности безличного пассива. Поскольку в структуре безличного предложения предлог *бэй* встречается только в том случае, когда оно является транзитивным [4], значение безличного пассива характеризует безличные транзитивные предложения, в отличие от интранзитивных.

4.2. Предлог *ба* является элементом синтаксической конструкции воздействия, указывая на предмет как на объект воздействия. Однако, как уже отмечалось, *ба* употребляется не только с объектом, но и с субъектом действия (этим предлог *ба* отличается от предлога *бэй,* который при всех обстоятельствах сочетается только с субъектом).

Основная масса случаев использования конструкции воздействия приходится, как известно, на предложения, в которых вводимое предлогом *ба* дополнение реализует объектную валентность глагола, или, пользуясь традиционной терминологией, на употребление *ба* при объекте переходного глагола; отсюда и традиционная интерпретация предлога *ба* как показателя прямого дополнения и, одновременно, как показателя переходного характера глагола. Однако в таком случае трудно понять (и объяснить) употребление *ба* при субъекте.

Агенсивное употребление *ба* имеет место только в структуре предложений безличного типа. В соответствии со своей обычной синтаксической функцией предлог *ба* и здесь указывает на предмет как на объект воздействия; однако, поскольку вводимое предлогом *ба* дополнение не имеет значения объекта действия, выражаемое конструкцией с *ба* значение воздействия не связано с действием глагола [5]. Вместе с тем предлог *ба* при агенсивном дополнении воздействия указывает на наличие какого-то постороннего (т. е. не связанного с

---

[4] В личных предложениях предлог *бэй* встречается и тогда, когда они интранзитивны; в этом случае субъект действия отсутствует, а *бэй* примыкает непосредственно к глаголу, например: *тады минюнь бянь бэй цзюэдинла* (БЦз, 26) 'Его судьба была решена'; *цзай нань чжань и цы цзю бэй чжасыла цзи бай гэ лао байсин* (СТ, 205) 'На Южной станции за один налет погибло несколько сот мирных жителей'.

[5] Проф. Ван Ляо-и указывает, что обычно конструкция с предлогом *ба* вообще не употребляется, если «действие, выраженное глаголом-сказуемым, не может изменить состояние предмета, обозначенного дополнением» [12, 121].

действием глагола-сказуемого), или ситуативного (в отличие от глагольно-объектного), воздействия на предмет.

Характер этого воздействия на агенсивное дополнение с предлогом *ба* может быть неясным для самого говорящего. В подтексте предложения *цзэммо ба тэу паола* 'Как случилось, что шпион сбежал?', букв. 'Как [это] шпиона убежало?' выражается мысль о том, что были какие-то обстоятельства, которые помогли шпиону скрыться, и вопрос *цзэммо* 'как (каким образом)' как раз и относится к этим неясным для говорящего обстоятельствам.

4.3. Истолкование характера воздействия на предмет при агенсивном *ба* как ситуативного (а не процессного) не вызывает особых разногласий. Проф. Ван Ляо-и пишет: «В некоторых случаях конструкция воздействия вовсе не обозначает настоящего воздействия на дополнение, и лишь показывает, что какое-либо событие возникло под влиянием другого события. Обычно при этом речь идет о каком-либо неприятном или непроизвольном действии» [12, 126]. Проф. Ван Хуань отмечает, что рассматриваемая разновидность предложений с *ба* употребляется в тех случаях, когда надо показать, что состояние предмета (или происходящие с ним изменения) является результатом влияния какого-либо события [см. 12, 23]. Аналогичного истолкования природы воздействия на предмет (в случаях агенсивного *ба)* как результата влияния тех или иных внешних обстоятельств, причин, т. е. по сути дела как ситуативного (связанного с влиянием ситуации) воздействия, придерживается и Е. И. Шутова [см. 8, 31].

Возможность употребления конструкции с *ба* при субъекте свидетельствует, что использование этой конструкции фактически не имеет ограничения со стороны значения дополнения (оно может быть не только объектным, но и субъектным). Поскольку значение воздействия на предмет в одних случаях реализуется как воздействие со стороны процесса, обозначенного глаголом-сказуемым (дополнение воздействия реализует объектную валентность глагола), а в других — как влияние на предмет тех или иных событий (дополнение воздействия реализует субъектную валентность глагола-сказуемого), то или иное — объектное или субъектное — значение дополнения воздействия составляет его вариантное значение. Инвариантным значением конструкции с предлогом *ба* является общее для всех случаев значение воздействия на предмет.

Субъектное и объектное значения дополнения с *ба* реализуются в строго определенных типах синтаксических построений: объектное — в структуре транзитивных, а субъектное — в структуре интранзитивных предложений.

5. Ставя своей целью глобальную интерпретацию фактов объектного и субъектного употребления *ба,* А. Фрей приходит

к выводу о наличии в китайском языке эргативной конструкции и квалифицирует его как язык смешанной структуры, в котором сосуществуют эргативные и неэргативные конструкции [см. 10, № 32, 83].

Как отмечает А. Фрей, для эргативной структуры предложения характерна оппозиция не между классом субъекта и классом объекта, как это имеет место в языках индо-европейского типа, а между классом, включающим в себя объект транзитивных глаголов и субъект интранзитивных глаголов («inertial class»), с одной стороны, и классом, включающим в себя субъект транзитивных глаголов («energetic class»),— с другой; в силу этого глагол в данной конструкции в действительности не является ни транзитивным или интранзитивным, ни пассивным или активным [см. 10, № 31, 46].

Этот же принцип лежит, как отмечает А. Фрей, и в основе функционального использования предлогов *ба* и *бэй* (и их синтаксических эквивалентов): первый *(ба)* сочетается с объектом транзитивного глагола и субъектом интранзитивного, это так называемый «inertial preposition», тогда как второй *(бэй)* имеет дело с субъектом транзитивного глагола и представляет собой, по терминологии А. Фрея, «energetic preposition».

Результатом разработанной А. Фреем концепции эргатива применительно к китайскому языку явилось не только определенное объяснение фактов, касающихся субъектного и объектного употребления предлога *ба,* но и соответствующая классификация простых глагольных предложений, среди которых А. Фрей выделяет предложения чистого эргатива, смешанного эргатива и неэргативные предложения. К чистому эргативу относятся бесподлежащные предложения, включающие в себя эргативное обстоятельственное определение (т. е. конструкции с предлогами *ба, жан, цзяо, гэй);* к смешанному эргативу относятся предложения, которые включают в себя и эргативное обстоятельственное определение, и подлежащее; к неэргативным — все предложения, не включающие в себя эргативного обстоятельственного определения [см. 10, № 32, 103—109].

С точки зрения предлагаемых А. Фреем критериев, такая классификация формально вполне правомерна, а само выделение предложений так называемого чистого эргатива как особого структурно-грамматического типа представляется бесспорным. Однако интерпретация системы китайских глагольных предложений как состоящей из трех типов предложения — чистого эргатива, смешанного эргатива и неэргативных — не кажется плодотворной, поскольку в целом наиболее существенные признаки и свойства основных типов глагольных предложений не коррелируют с классификацией подобного типа.

К числу признаков, существенных для структуры глагольного предложения, относим свойства предложения, которые коррелируют с числом валентных позиций (т. е. с числом реализованных в предложении, а не потенциально возможных при данном глаголе ядерных валентностей), и прежде всего синтаксическую распределенность/нераспределенность значений субъекта и объекта действия, которая проявляется в возможности/невозможности выразить значения субъекта и объекта действия в структуре одного и того же члена предложения — подлежащего (в активных предложениях). Обусловленные этим различия в формально-смысловой структуре подлежащего в транзитивных и интранзитивных предложениях, в свою очередь, определяют различные нормы употребления пассивной конструкции [см. 7]. Смысловая структура дополнения с *ба* также оказывается различной в зависимости от типа предложения (значение объекта действия в транзитивных предложениях и субъекта — в интранзитивных).

Теория эргатива не позволяет объяснить этих важнейших особенностей структуры предложения и прежде всего совпадения существенных структурно-смысловых признаков у предложений так называемого смешанного эргатива и неэргативных предложений, с одной стороны, и различий — по тем же признакам — между предложениями, относящимися к одному и тому же типу неэргативных предложений,— с другой. Основой для теории китайского эргатива послужили крайне редкие случаи особого, субъектного употребления предлога *ба*, а также довольно редкие случаи одновременного употребления предлогов *ба* и *бэй*, или так называемый чистый эргатив. Последующая классификация глагольных предложений как предложений смешанного эргатива и неэргативных исходит из чисто формального признака — наличия/отсутствия в составе предложения элементов, рассматриваемых в качестве компонентов эргативного построения (т. е. конструкций с предлогами *ба, жан, цзяо, гэй*).

Однако объясняя закономерности употребления предлогов *ба* и *бэй* при субъекте и объекте действия в структуре эргативного обстоятельственного определения и используя наличие/отсутствие эргативного обстоятельственного определения для системной классификации глагольных предложений китайского языка, эргативная концепция не объясняет закономерностей строя предложения в целом — структуры предикативной синтагмы и механизма выражения тех же значений субъекта и объекта действия в структуре подлежащего.

Существенно и то, что с точки зрения смысловой структуры эргативу соответствуют лишь чрезвычайно редко встречающиеся предложения чистого эргатива.

Что касается предложений так называемого смешанного эргатива, то они по своей смысловой (и грамматической)

структуре не отличаются от неэргативных предложений: как те, так и другие значений, свойственных эргативу, не выражают (подлежащее в них выступает в синтаксически независимой форме, как это имеет место в языках номинативного строя, тогда как специфическая смысловая структура эргатива обусловлена тем, что подлежащее ставится в особом активном падеже либо в одном из косвенных).

Нельзя не отметить и того весьма показательного факта, что предложения, причисляемые А. Фреем к числу смешанного эргатива, представляют собой область строго закономерного употребления пассивной конструкции, что свидетельствует о противопоставленности класса субъекта классу объекта действия, а это, как отмечает и А. Фрей, характеризует языки номинативного строя (в отличие от языков эргативного строя с их противопоставлением «energetic class» — «inertial class»).

6. Не принимая концепции А. Фрея о китайском языке как языка смешанного, эргативного и неэргативного, строя, нельзя не отметить ту значимость, которую имеют для китайского синтаксиса некоторые факторы, являющиеся релевантными для языков эргативного строя.

Наиболее показательной в этом плане является, с нашей точки зрения, та роль, которую играет наличие/отсутствие транзитивного дополнения[6] в организации двух основных структурно-грамматических типов глагольных предложений — транзитивных и интранзитивных.

На особую роль прямого дополнения как одного из критериев при разграничении номинативного и эргативного строя предложения указывает И. И. Мещанинов, отмечая, что наличие или отсутствие прямого дополнения может никак не отражаться на грамматическом оформлении других членов, как это имеет место при номинативном строе, где переходные и непереходные предложения строятся на одной системе, но может также влиять на построение предложения в целом [см. 4, 20 и сн. 28]. В эргативных языках действие, «направляемое на объект и не направляемое на него, образует две различные системы построения предложения» [4, 28].

Кроме того, в связи с характерной для эргатива оппозицией между классом, включающим субъект транзитивного глагола, с одной стороны, и классом, включающим субъект интранзитивного глагола и объект транзитивного глагола,—

---

[6] Транзитивным дополнением называем синтаксически зависимый член, реализующий ядерную (субъектную или объектную) валентность глагола в транзитивной структуре, т. е. в структуре, где одновременно наличествуют два члена, реализующие обе валентности — субъектную и объектную (подробнее об этом речь идет в нашей статье [7]). Китайское транзитивное дополнение — своеобразный аналог прямого дополнения.

с другой («energetic class» и «inertial class», по Фрею), глубокий смысл приобретает факт аналогичного распределения значений подлежащего в двух основных типах активных китайских глагольных предложений (транзитивных и интранзитивных) в зависимости от наличия/отсутствия транзитивного дополнения.

Однако в структуре китайского предложения эта оппозиция действует не на уровне классов (точнее, подклассов) слов — транзитивных и интранзитивных глаголов, а на уровне членов предложения — глагольного сказуемого и членов, реализующих его ядерные валентности: подлежащее имеет значение субъекта при транзитивном сказуемом (т. е. в структуре транзитивного предложения) и значение субъекта или объекта действия при интранзитивном сказуемом (т. е. в структуре интранзитивного предложения).

Наряду с факторами, указывающими на наличие определенной аналогии в построении китайского предложения и предложения в языках эргативной системы, существуют и другие, прямо им противоположные. К их числу прежде всего можно отнести характерную для номинативного строя единую синтаксическую характеристику подлежащего (позиция перед сказуемым при отсутствии служебных слов) как в транзитивном, так и интранзитивном предложении и сохранение в обоих случаях синтаксической независимости [7].

Существенно в этом плане и то, что в так называемом чистом эргативе, послужившем исходным пунктом в развиваемой А. Фреем концепции китайского эргатива, утрата подлежащим синтаксической зависимости (как следствие появления предлога *бэй* или *ба*) происходит вне связи с наличием/отсутствием прямого дополнения, тогда как в языках эргативного строя та или иная грамматическая форма подлежащего зависит от наличия или отсутствия объекта.

Сказанное выше некоторым образом вводит читателя в круг вопросов, встающих в связи с проблемой эргативности в китайском языке. Поскольку настоящая статья не ставит своей целью типологическую характеристику китайского языка в связи с проблемами эргативности — номинативности, автор посчитал возможным ограничиться этими замечаниями.

7. Если сам факт наличия особой структурной разновидности бесподлежащных предложений с предлогами *бэй* и *ба* считается бесспорным, то вопрос о критериях, характеризующих эти предложения, о специфике их смысловой и формальной структуры [см., например, 13, 23], а также о том,

[7] Ср. у И. И. Мещанинова: «Единая падежная форма подлежащего сохраняется в номинативном строе предложения... В эргативной синтаксической системе подлежащее в переходных и непереходных предложениях может ставиться в разных падежах» [4, 22].

составляют ли они одну или несколько разновидностей, фактически остается открытым. В связи с этим одной из целей настоящей статьи является описание методики формального выделения и классификации предложений безличного типа. Она базируется на той сумме критериев, которая была использована ранее при интерпретации системы китайского глагольного предложения в целом [см. 7].

К безличным, как известно, относят предложения со сказуемым, в форме которого не выражено значение лица, и при этом нет указания на него в данном контексте [см. 2, 125]. Такое определение безличности не позволяет распространить его на языки с изоляцией китайского типа. Однако возражения, касающиеся как правомерности термина, так и интерпретации самого явления в связи с характером грамматического строя китайского языка и морфологической структуры китайского слова, фактически основаны на смешении понятий «безличные глаголы» и «безличные предложения». Возражая против такого смешения явлений морфологического и синтаксического плана, Е. М. Галкина-Федорук указывает на факты безличного употребления многих личных глаголов [см. 2, 125—126] и отмечает, что безличность предложений гораздо шире безличности глагола [см. 2, 123].

С нашей точки зрения, наиболее общим и важным структурным признаком безличных предложений является то, что любая модель безличного предложения не включает в свой состав — и не допускает введения в нее — члена предложения со значением носителя глагольного признака. В языках, где глагол обладает категорией лица, это имеет своим результатом то, что сказуемое выражается ненастоящей формой 3-го лица (единственного числа), не соотносительной с формами 1-го и 2-го лица, либо ненастоящей формой среднего рода (единственного числа) [см. 1, 64; 2, 123 и сл.].

В китайском языке отсутствие члена предложения со значением носителя глагольного признака и невозможность ввести его в структуру предложения обусловливается тем, что валентные позиции, в которых можно было бы ожидать его появления (т. е. позиции, занимаемые членами, реализующими ядерные валентности глагола), уже замещены.

В зависимости от наличия/отсутствия в предложении пассивной конструкции безличные[8] предложения формально и по смыслу подразделяем на два вида: безличные и безлично-пассивные.

К безлично-пассивным относим предложения, где субъект вводится с помощью служебного элемента пассивной конструкции — предлога *бэй* (или его синтаксических эквивален-

[8] См. в связи с этим замечание А. Фрея о безличном характере глагола в этих предложениях [см. 10, № 32, 109].

тов), а объект сохраняет синтаксически зависимую позицию; безлично-пассивные предложения всегда транзитивны (содержат и субъект и объект глагольного действия).

Безличные предложения, не содержащие пассивной конструкции, всегда интранзитивны (содержат только один член, реализующий ядерную валентность глагола,— субъект действия с предлогом *ба*).

Безличные предложения являются односоставными не только с точки зрения структурно-синтаксического, но и актуально-смыслового членения: все предложение соответствует предикату сообщения, членение на два состава — тему и предикат — отсутствует. Таким образом, и в этом смысле безличные предложения определенным образом коррелируют с двусоставными личными предложениями, которые являются двучленными также и в актуально-смысловом плане (ср., например: *бэй гэмин саочула гулао ды чжиду* 'Революцией смело старый порядок' и *гэмин саочула гулао ды чжиду* 'Революция смела старый порядок').

Безличные предложения и коррелирующие с ними двусоставные предложения связаны отношением трансформации; выбор той или иной структуры определенным образом связан и с актуально-смысловым членением предложения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БС — «Ба Цзинь сюаньвэнь цзи», Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
БЦз — Ба Цзинь, Цзя, Бэйцзин, 1955.
ВБ — Ван Хуань, *Ба* цзы цзюй хэ *бэй* цзы цзюй, Синь чжишэ чубаньшэ, Шанхай, 1954.
ЕШ — «Е Шэн-тао вэньцзи», ди и цзюань, Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1958.
ЖВ — «Жэньминь вэньсюэ» (журнал).
ЛЛ — Ли Цзинь-си, Лю Ши-жу, Чжунго юйфа цзяоцай, Бэйцзин, 1954—1955.
ЛЛо — Лао Шэ, Лото сянцзы, Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
ЛФ — Лу Фэй, Цзедун ихоу, Цзоцзя чубаньшэ, Бэйцзин, 1957.
ЛШ — Люй Шу-сян, Ханьюй юйфа луньвэньцзи, Кэсюэ чубаньшэ чубань, Бэйцзин, 1955.
СТ — Се Тин-юй, Уе цзы дэн, Бэйцзин, 1958.
ТХ — Тянь Хань, Цзюйцзо сюань, Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
Фр 1 — H. Frei, The Ergative Construction in Chinese: Theory of Pekinese *Pa*^{3},— «Гэнго кэнкю», 1956, № 31.
Фр 2 — H. Frei, The Ergative Construction in Chinese: Theory of Pekinese *Pa*^{3},— «Гэнго кэнкю», 1957, № 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
2. Галкина-Федорук Е. М., Безличные предложения в современном русском языке, М., 1958.

3. Драгунов А. А., Исследования по грамматике современного китайского языка, М.— Л., 1952.
4. Мещанинов И. И., Эргативная конструкция в языках различных типов, Л., 1967.
5. Ранинская Н. Г., Инверсия прямого дополнения со служебным словом *ба* в современном китайском языке, канд. дисс., М., 1953.
6. Солнцева Н. В., Страдательный залог в китайском языке, М., 1962.
7. Тяпкина Н. И., О принципах анализа и классификации простого предложения (в настоящем сборнике).
8. Шутова Е. И., Способы выражения объектных отношений (конструкция с предлогом *ба*),— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
9. Яхонтов С. Е., Категория глагола в китайском языке, Л., 1957.
10. Frei H., The Ergative Construction in Chinese: Theory of Pekinese *Pa*^{3},— «Гэнго кэнкю», 1956, № 31; 1957, № 32.
11. Ван Ли, Ханьюй бэйдунши ды фачжань,— «Юйяньсюэ луньцзи», Синь чжиши чубаньшэ, 1957.
12. Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, пер. с кит., М., 1954.
13. Ван Хуань, Ба цзы цзюй хэ бэй цзы цзюй, Синь чжиши чубаньшэ, Шанхай, 1954.
14. Люй Шу-сян, Ба цзы юнфа ды яньцзю (1948), — «Ханьюй юйфа луньвэньцзи», Кэсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
15. Люй Шу-сян, Цун чжуюй биньюй ды фэньбе тань гоюй цзюйцзы ды фэньси (1946), — «Ханьюй юйфа луньвэньцзи», 1955.

Н. В. ОМЕЛЬЯНОВИЧ

О БЕСПОДЛЕЖАЩНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционная лингвистика часто пользуется терминами «односоставное предложение» и «двусоставное предложение», обычно не определяя понятия «состав предложения». Но из самого описания односоставных и двусоставных предложений можно заключить, что под составом понимается как группа подлежащего (т. е. подлежащее со своими определениями), так и группа сказуемого (т. е. сказуемое со всеми его дополнениями и определениями). Односоставным считается предложение, которое состоит либо из группы подлежащего, либо из группы сказуемого, а двусоставным — предложение, которое состоит из обеих указанных групп.

Однако неясным остается вопрос о том, как интерпретировать наличие (или отсутствие) одного из составов. Так, в неполных предложениях один состав может быть опущен, суппрессирован, а в некоторых случаях пропуск состава может стать нормой: иногда такую суппрессию называют привычным эллипсисом. Так как предложение с каким-либо суппрессированным членом отличается от аналогичного предложения без суппрессии не в качественном, а лишь в количественном отношении, следует ли считать, что привычный эллипсис одного из составов приводит к односоставности? Привычный эллипсис, по нашему мнению, есть лишь механическое устранение одного из составов, как если бы первая (или последняя) часть написанного предложения была залита чернилами. Неправомерно считать, что суппрессия одного из составов приводит к односоставности. Чтобы подтвердить это положение, остановимся на анализе бесподлежащных предложений в бирманском языке.

Поскольку предложение как единица языка обладает как формально-грамматическими признаками, так и обобщенным значением (которое в отличие от конкретного содержания отдельных предложений одинаково для целого ряда структурно однотипных предложений), то и описывать его можно двояко: начиная либо с формально-грамматических признаков, либо со значения, потому что, как писал О. Есперсен, «в грамматике можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части... мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение или функцию; во второй — наоборот...» [1, 39]. В данной статье мы как раз и отталкиваемся от формы, т. е. рассматриваем структуру бес-

подлежащных предложений, с тем чтобы определить их обобщенное значение.

Бесподлежащными в данной работе будут называться все те предложения, в которых нет материально выраженного подлежащего. В бирманском языке такие предложения — довольно распространенное явление [см. 3, 168—174].

Так, например, и в публицистике, и в художественной литературе процент бесподлежащных предложений очень высок. В статье «Архитектурный комплекс на территории Рангунского университета» [7, 11—12] из 34 предложений (придаточные предложения не учитывались) 18 не имеют материально выраженного подлежащего. Из первых ста повествовательных предложений в рассказе Кхин Нин Ю «Наша родня» 30 не имеют подлежащего [см. 8].

Все бирманские предложения по формально-грамматическим признакам распадаются на глагольные (предложения, в которых имеется глагол в функции сказуемого) и безглагольные (в которых таковое отсутствует). Первые в свою очередь могут быть подлежащными (предложения, в которых имеется подлежащее) и бесподлежащными. Подлежащные предложения в зависимости от подкласса глагола, выступающего в функции сказуемого, подразделяются на процессные, описательные, характеризующие предложения и предложения наличия [см. 4, 142—150].

В настоящей статье мы попытаемся наметить классификацию бесподлежащных предложений, а также показать, как эта классификация соотносится с упомянутой классификацией подлежащных предложений, поскольку и те и другие имеют в своем составе глагол, выступающий в функции сказуемого.

Все бесподлежащные предложения можно разделить на две неравноценные в количественном отношении (первая группа больше) группы: мнимо-односоставные бесподлежащные предложения, или предложения с суппрессированным подлежащим, и подлинно-односоставные бесподлежащные предложения. В предложениях первой группы подлежащее, не выраженное словесно, существует в сознании говорящего, и может быть восстановлено, так что признак, выраженный глаголом-сказуемым, имеет своего конкретного носителя. В предложениях второй группы подлежащего нет и оно не может быть восстановлено.

Предложения с суппрессированным подлежащим

Предложения с суппрессированным подлежащим по значению ничем не отличаются от соответствующих им подлежащных предложений. Поскольку сказуемым в них может быть глагол любого подкласса, то среди предложений с суп-

прессированным подлежащим можно различать аналоги всех типов подлежащных предложений, т. е. в бирманском языке есть процессные, описательные и характеризующие предложения с суппрессированным подлежащим, а также такие же предложения наличия. Правда, чаще всего подлежащее суппрессируется в описательных и характеризующих предложениях. В процессных предложениях это наблюдается также довольно часто, а в предложениях наличия, наоборот, очень редко. Приведем примеры:

(1) *аккун*^{2} *каӯ*^{4}*кхан*^{2}*-чхин*^{3}*-дуин*^{2} *пхьин*^{3}*-и*^{1} (ТМ, 107) 'Налоги взимать [прежний староста У Бо Схаун] ленился', букв. 'В собирании налогов был ленив' (подлежащее суппрессировано в описательном предложении);

(2) *тин*^{1}*тин*^{1}*тэ*^{2}*тэ*^{2} *не*^{2}*тхайн*^{2}*-найн*^{2}*-ту*^{2}*-та*^{1}*-йау*^{4} *пхи*^{4}*-ле*^{2}*-ди*^{2} (ТМ, 5) '[Маун Лу Эй] был одним из тех, кто мог жить в достатке' (подлежащее суппрессировано в характеризующем предложении);

(3) *ньа*^{1}*-не*^{2}*-га*^{1} *ту*^{2}*чжи*^{3} *пьо*^{3}*-тха*^{3}*-до*^{3} *сака*^{3}*-мьа*^{3}*-го*^{2} *туе*^{3}*-ми*^{1}*-и*^{1} (ТМ, 41) 'Ночью [Маун Лу Эй] вдруг вспомнил о словах старосты' (подлежащее суппрессировано в процесном предложении);

(4) *ту*^{2}*-и*^{1} *аккан*^{3}*-тхэ*^{3}*-дуин*^{2} *ши*^{1}*-и*^{1} (ТМ, 78) ['Чиновник из района] находился в своем кабинете' (подлежащее суппрессировано в предложении наличия).

Преимущественная суппрессия подлежащего в описательных и характеризующих предложениях объясняется тем, что суппрессии может подвергаться лишь отправная точка коммуникации, «данное», а в первых двух структурных типах предложения это «данное» совпадает, как правило, с подлежащим предложения. В процессном предложении «данное» может совпадать, но может и не совпадать с подлежащим, в то время как подлежащее предложений наличия, как правило, составляет часть «нового». Действительно, эти предложения и строятся ради сообщения о наличии чего-то или кого-то в том или ином, как правило, уже известном читателю месте.

Предложения с суппрессированным подлежащим употребляются в том контексте (или ситуации), который дает возможность легко установить, какое слово (или словосочетание) незримо выполняет в нем функцию подлежащего, т. е. кому (или чему) приписывается признак, выраженный глаголом-сказуемым.

При переводе бирманских предложений с суппрессированным подлежащим на русский язык это подлежащее, как правило, приходится восстанавливать, так как в русском предложении оно должно быть словесно выражено хотя бы личным местоимением, даже тогда, когда сама форма глагола-сказуемого русского предложения указывает на деяте-

ля, ибо «в системе современного (русского.— *прим. Н. О.*) языка формы настоящего (а также будущего.— *прим. Н. О.*) времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более „нормальными", нейтральными, чем соответствующие простые формы глагола без местоимений» [6, 396]. Примеры:

(5) *ман²да²ле³-пьэ⁴ йа²зауин²-го²-му²ка³ мьэ⁴уа²-тхин²-тхин² мьин²-гэ¹-йа¹-ту² пхи⁴-ле²-ди²* (ЗДТ, 26) 'Процесс разрушения Мандалая [он] (Ко До Хмайн.— *прим. Н. О.*) мог видеть собственными глазами'. Это бирманское предложение по структуре является характеризующим, т. е. таким, где сказуемым служит глагол *пхи⁴* 'быть, являться'. Подлежащее в предложении суппрессировано, а характеризующим членом предложения служит субстантивированное суффиксом действующего лица *ту²* объектно-глагольное словосочетание: *ман²да²ле³-пьэ⁴ йа²зауин²-го²-му²ка³ мьэ⁴уа²-тхин²-тхин² мьин²* букв. 'Мандалая разрушенного историю собственными глазами видеть'. Таким образом, буквально данное бирманское предложение можно перевести так: 'Историю же разрушенного Мандалая собственными глазами видевший [человек] был'. В русском переводе подлежащее, выраженное местоимением «он», опустить невозможно, хотя из контекста ясно, о ком идет речь;

(6) *амэйн¹ пе³-до³ ту²-хнай⁴-ка³ луэ²ку²-и¹* (ТМ, 62) 'Для приказывающего [это слово] легкое';

(7) *лай⁴на²-йа¹-до³ ту²-пхо¹-ка³ ми²-хмьа¹ кхэ⁴-не²-йа¹-ба²-да²-ни³?* (ТМ, 62) 'Какое же [оно] трудное для исполнителя!'

В предложениях 6 и 7 речь идет о слове «немедленно». Оба предложения описательные, и подлежащее в них суппрессировано. В русском переводе подлежащее приходится выражать словесно.

(8) *йе²-атуэ⁴-ка³ е³ра²уади² мьи⁴-чжи³-го²-пин² ахми²-пьу¹-и¹* (ТМ, 34) 'В отношении же питьевой воды (монахи) полагаются как раз на великую Иравади';

(9) *йа¹кху¹ акха²-дуин²-ка³ па⁴-пьо³-хнин¹ луэ³ чжо³-хнин¹ куэ³-йуэ¹ хмаун²-тхэ³-дуин²-та² сан²-йа¹-ша²-ле²-би²* (МТ, 231) 'Теперь же [арфа], разлученная со стихами и лишенная струн, обречена лишь валяться в темноте'.

Предложения 8 и 9 по структуре процессные с суппрессированным подлежащим, которое, однако, восстанавливается в переводе.

(10) *алун² нгэ²-ба²-де³-ди². джапан² та¹-кхи⁴-лоун³ джоун²-пьо²-хма²-пин² ши¹-ба²-и¹* (УХ, 187) '[Я] был еще очень мал. Все время японской оккупации [я] находился в Джонпьё. В данном отрывке первое предложения с суппрессированным подлежащим описательное, а второе — предложение наличия.

Односоставные бесподлежащные предложения

В односоставных бесподлежащных предложениях подлежащее не может быть восстановлено либо потому, что само отсутствие подлежащего имеет значение, либо потому, что в этом не ощущается необходимости, так как предложение как в структурном, так и в смысловом отношении обладает той же полнотой, что и двусоставные предложения. Таким образом, среди односоставных бесподлежащных предложений в бирманском языке можно выделить две подгруппы: 1) предложения со значимым отсутствием подлежащего и 2) структурно односоставные бесподлежащные предложения.

Предложения со значимым отсутствием подлежащего. В некоторой части бирманских бесподлежащных предложений подлежащее не выражается материально, словесно, не по причине его известности читателю, как в случае суппрессии подлежащего, а, наоборот, потому, что «неизвестен конкретный носитель признака или производитель действия, знание которого часто и не важно для говорящего, так как главное внимание направлено на действие или явление, о котором говорят, а не на деятеля» [6, 399].

Значение таких бесподлежащных предложений характеризуется неопределенностью лица, которому приписывается признак, обозначаемый сказуемым. Последнее в указанных предложениях всегда выражается глаголом действия, поэтому эти предложения по структуре могут быть аналогами только процессных подлежащных предложений, так как содержание характеризующих и описательных предложений, а также предложений наличия исключает какую-либо неопределенность подлежащего.

Среди глаголов действия в роли сказуемого бесподлежащных предложений с неопределенным деятелем чаще всего выступают глаголы речи («говорить», «считать», «полагать», «называть» и т. п.). Например:

(11) *ка*^{1}*йа*^{3} *мин*^{2}*нэ*^{2}*-го*^{2} *мьян*^{2}*ма*^{2}*-найн*^{2}*нган*^{2} *лоу*^{4}*ла*^{4}*-йе*^{3} *ма*^{1}*-йа*^{1}*-кхин*^{2}*-га*^{1} *карин*^{2}*-ни*^{2} *нэ*^{2}*-ху*^{1} *кхо*^{2}*дуин*^{2}*-гэ*^{1}*-ди*^{2} (БЭ 1, 7) '[Автономное] государство Кая до завоевания Бирмой независимости называли государством красных каренов'.

Если сказуемое выражено глаголом, обозначающим какое-либо конкретное физическое действие, то в его состав обычно входит вспомогательный глагол со значением сохраняющегося результата *тха*^{3}. Например:

(12) *гаун*^{3}*-го*^{2} *пьаун*^{2}*-аун*^{2} *йей*^{4}*-тха*^{3}*-ле*^{2}*-ди*^{2} (ТМ, 15) '[Его] голова была выбрита до блеска'.

Обращает на себя внимание тот факт, что вспомогательный глагол *тха*^{3} может входить в состав сказуемого подлежащных предложений с пассивным значением [см. 5], т. е. предложений, в которых подлежащее обозначает объект,

который в бесподлежащных предложениях с неопределенным деятелем выражается именем с показателем дополнения со значением прямого объекта. Такое формальное сходство сказуемых бесподлежащных активных предложений с неопределенным деятелем и подлежащных пассивных предложений, которое наблюдается в бирманском языке, не вызывает удивления, так как функция в речи тех и других предложений также часто совпадает, поскольку, как известно, двучленные пассивные конструкции, как и бесподлежащные предложения с неопределенным деятелем, употребляются тогда, когда производитель действия либо неизвестен, либо не упоминается по другим причинам.

Легко заметить, что бирманский язык в этом случае обычно прибегает не к пассивным, а к бесподлежащным предложениям с неопределенным деятелем. В качестве примера приведем предложения, начинающие один из рассказов Тейпан Маунг Уа:

(13) *Тайан²йо³ акха² би¹ла⁴ шуе²мьо¹-то²-чжи³-хнай⁴ мьян²ма² пьи² мьэ⁴-хна²-соун²-ньи² ази³ауе³-чжи³-го² чжин³па¹-ле²-ди². дайн³пьи² гаун³схаун² ху²-йуэ¹ акхо²ккан²-чжа¹-до³ ту²-до¹-го¹ пхэй⁴-и¹* (ТМ, 68) 'Однажды в столице Англии было созвано совещание представителей Бирмы. Были приглашены те, кого называют руководителями страны'.

Здесь оба бирманских предложения не имеют подлежащего, так как автор не хотел или не мог назвать конкретного производителя перечисленных действий.

Данный отрывок, состоящий из двух бирманских бесподлежащных предложений, свидетельствует о том, что сказуемое таких предложений может совпадать по форме со сказуемым подлежащных предложений, имеющих не только пассивное, но и активное значение. Другими словами, ряд глаголов и без вспомогательного глагола *тха³* может выполнять функцию сказуемого бесподлежащных предложений. К таким глаголам, например, относятся: *чжин³па¹* 'устраивать', *пхэй⁴* 'приглашать', *йуе³кау⁴* 'выбирать' и т. п.

Предложения со сказуемым, выраженным глаголом *муе³* 'родить, родиться', как правило, также строятся как бесподлежащные предложения с неопределенным деятелем:

(14) *чжун²до²-го² джоун²пьо²-дуин² муе³-ба²-ди²* (УХ, 187) 'Я родился в Джонпьё' (букв. 'Меня в Джонпьё родили').

Можно отметить, что предложения с аналогичным сказуемым и в других языках строятся хотя и с подлежащим, но без указания на производителя действия, поскольку в данном случае знание его не важно ни для говорящего, ни для слушающего. Например: англ. *I was born in Moscow*; франц. *Je suis née au Moscou*; русск. *Я родился в Москве.*

В бирманском языке неопределенность деятеля редко выражается лексически, т. е. специальными словами, само зна-

чение которых характеризуется неопределенностью, как например сочетанием числительного «один» со счетными словами:

(15) *акхан*^{3} *падин*^{3}*мьа*^{3}*-хма*^{2} *ми*^{3}*йаун*^{2}*-мьа*^{3}*-ди*^{2} *чхан*^{2}*тхэ*^{3} *ии*^{1} *та*^{1} *йэ*^{4}*пин*^{2}*-мьа*^{3}*-по*^{2}*-дуин*^{2} *лин*^{3}*-не*^{2}*-йуэ*^{1} *та*^{1}*-йау*^{4} *акхан*^{3}*-хма*^{1} *та*^{1}*-йау*^{4} *ма*^{1}*-эй*^{4}*-де*^{3}*-чжаун*^{3}*-го*^{2} *ти*^{1}*-найн*^{2}*-ди*^{2} (КН, 280) 'Свет из окон освещал растущие в саду манговые деревья, и из этого можно было заключить, что в одной из комнат кто-то еще не спал'.

Кроме неопределенности носителя признака отсутствие подлежащего может означать его универсальность, т. е. предложение не имеет подлежащего потому, что назвать действующее лицо не представляется возможным, так как действие, о котором идет речь, «может быть отнесено ко всем людям вообще либо является при определенных условиях типичным, повторяющимся» [6, 400].

Обычно в бесподлежащных предложениях с обобщенным или универсальным деятелем [1] сказуемым выступает какой-либо глагол чувствования, чаще всего *мьин*^{2} 'видеть', *чжа*^{3} 'слышать', в сочетании с модальными глаголами *найн*^{2} 'мочь' и *йа*^{1} 'быть вынужденным'. Примеры:

(16) *ту*^{2}*-и*^{1} *лэ*^{4}*-тхэ*^{3}*-дуин*^{2} *ма*^{1}*-чжа*^{2}*-ми*^{2}*-га*^{1} *йау*^{4}*-ла*^{2}*-до*^{3} *ин*^{2}*-галэй*^{4} *са*^{2}*оу*^{4}*-та*^{1}*-оу*^{4}*-го*^{2} *мьин*^{2}*-йа*^{1}*-и*^{1} (ТМ, 123) 'В руках у него можно было видеть какую-нибудь недавно привезенную английскую книжку';

(17) *та*^{1}*-йоун*^{3}*-лоун*^{3}*-дуин*^{2} *ми*^{2}*-ди*^{1} *атан*^{2}*-го*^{2}*-хмьа*^{1} *ма*^{1}*-чжа*^{3}*-йа*^{1}*-чхэ*^{2} (ТМ, 15) 'Во всем помещении суда не слышно было ни единого звука';

(18) *ту*^{2}*-го*^{2} *мьин*^{2}*-йа*^{1}*-хльин*^{2} *лу*^{2}*-чжи*^{3} *лу*^{2}*-каун*^{3}*-та*^{1}*-йау*^{4} *ху*^{2}*-йуэ*^{1}*-пин*^{2} *тхин*^{2}*-йа*^{1}*-ба*^{2}*-лэйн*^{1}*-ми*^{2} (УХ, 172) 'При взгляде на него можно подумать, что [он], как говорится, хороший, порядочный человек'.

Кроме того, бесподлежащные предложения с обобщенным деятелем в бирманском языке встречаются и среди пословиц:

(19) *мье*^{2}*чжи*^{3} *лэ*^{4} *кха*^{4} *сха*^{4}*сха*^{4} *ма*^{1}*-луэ*^{3} (ЗД, 106) букв. 'Если ударишь по земле рукой, то нисколько не промахнешься' (т. е. «попасть пальцем в небо»).

Структурно односоставные бесподлежащные предложения в бирманском языке можно подразделить на два подвида.

1. Предложения первого подвида выражают душевное и физическое состояние человека. В этом случае они непременно содержат дополнение со значением локализации процесса (в пространстве) и сказуемое. При этом в предложениях, выражающих физическое состояние, это дополне-

[1] О предложениях с обобщенным значением впервые упоминается в очерке «Бирманский язык» [см. 2, 91].

ние передается существительным *йин*^{2} 'грудь', обычно с определением притяжательности, которое обозначает лицо, испытывающее данное ощущение, а в предложениях, выражающих душевное состояние человека, дополнение со значением локализации выражается существительным *сэй*^{4} 'дух, душа, разум', тоже имеющим определение притяжательности. Примеры:

(20) *хмуе*^{3} *йин*^{2}*-тхэ*^{3}*-хма*^{2}*-му*^{2} *та*^{1}*-дэй*^{4}*дэй*^{4} *кхоун*^{2}*-ка*^{2}*бьаун*^{3}*-схан*^{2}*-туа*^{3}*-то*^{1}*-ди*^{2} (КН, 209) 'В груди же Хмуэй [что-то] застучало и оборвалось' (букв. 'В груди Хмуэй, со стуком прыгая, перевернулось');

(21) *а*^{1} *ту*^{2} *йин*^{2}*-тхэ*^{3}*-дуин*^{2}*-то*^{1} *ха*^{2}*ганэ*^{1} *пхи*^{4}*-туа*^{3}*-пьан*^{2}*-ди*^{2} (КН, 306) букв. 'В груди А Ту снова внезапно стало пусто';

(22) *ко*^{2} *ко*^{2} *найн*^{1} *сэй*^{4}*-тхэ*^{3}*-хма*^{2}*-ли*^{3} *ато*^{2}*-пин*^{2} *шоу*^{4}*-пуе*^{2}*-ла*^{2}*-ди*^{2} (КН, 163) букв. 'В уме Ко Ко Найна тоже [всё] довольно перепуталось';

(23) *та*^{1}*-йа*^{1} *ко*^{3} *та*^{1}*-йа*^{1} *та*^{1}*-зэ*^{2} *тама*^{3}*до*^{1}*-и*^{1} *сэй*^{4}*-тхэ*^{3}*-дуин*^{2} *тхэй*^{4}*-йуэ*^{1} *туа*^{3}*-чжа*^{1}*-и*^{1} (ТМ, 18) 'Душами 109—110 ремесленников овладел страх' (букв. 'В душе 109—110 ремесленников стало страшно').

Если в примерах 20 и 21 притяжательные определения к дополнению локализации маркированы лишь соположением имени собственного и существительного *йин*^{2} 'грудь', то в примере 22 такое определение маркировано изменением тона у имени собственного, а в примере 23 — синтаксическим показателем притяжательности *и*^{1}.

Сказуемое таких предложений обычно выражается глаголом, обозначающим состояние или чувство, а также глаголом *пхи*^{4} 'быть, являться', поясняемым каким-либо обстоятельством, как в примере 21. Следует отметить, что в состав сказуемого входит обычно вспомогательный глагол *ла*^{2} или *туа*^{3} 'становиться' (см. примеры 20, 21, 22 и 23).

Поскольку в рассматриваемых предложениях обычно содержится выраженное в притяжательном определении указание на лицо, испытывающее то или иное чувство или находящееся в том или ином состоянии, эти предложения легко (за исключением тех, где сказуемое выражено глаголом *пхи*^{4}) трансформируются [2] в обычные двусоставные предложения. Трансформация заключается в том, что определение притяжательности превращается в подлежащее путем замены синтаксического показателя притяжательности, если он имеется, на синтаксический показатель подлежащего. О том, что язык располагает в данном случае по крайней мере

[2] Грамматическая правильность трансформов, описываемых здесь, подтверждена информантами, носителями языка — студентами Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Уинг Минг Маунг, Кхинг Маунг Джи, Уинг Джо и др.), которым автор выражает свою благодарность.

двумя способами для выражения одного и того же содержания, свидетельствует наличие в нем двусоставных предложений, несущих ту же информацию, что и описываемые здесь односоставные предложения. Например:

(23) *хмуе*^{3}*-ди*^{2} *йин*^{2}*-тхэ*^{3}*-хма*^{2} *по*^{2}*-йуэ*^{1} *по*^{2}*-йуэ*^{1} *на*^{2}*чжи*^{3}*-ла*^{2}*-и*^{1} (КН, 270) 'Грудь у Хмуэй стала болеть все больше и больше' (букв. 'Хмуэй в груди все больше и больше стало болеть'). Здесь *хмуе*^{3}*-ди*^{2} 'Хмуэй' является подлежащим предложения, которое маркировано синтаксическим показателем *ди*^{2} а в односоставном предложении это собственное имя было бы определением к существительному *йин*^{2} 'грудь'.

При трансформации односоставных предложений, содержанием которых служит описание душевного состояния человека, иногда оказывается избыточным дополнение со значением локализации, особенно если сказуемое выражено глаголом чувства, например:

(24) *хмуе*^{3} *сэй*^{4}*-тхэ*^{3}*-хма*^{2} *ко*^{2} *ко*^{2} *найн*^{2}*-го*^{2} *хна*^{1}*мьо*^{3}*-ло*^{1}*-ба*^{1} (КН, 180) 'Хмуэй в душе жалеет Ко Ко Найна' (букв. 'В душе Хмуэй Ко Ко Найна было жалко').

Трансформация этого односоставного предложения дает следующее двусоставное предложение: *хмуе*^{3}*-ди*^{2} *ко*^{2} *ко*^{2} *найн*^{2}*-го*^{2} *хна*^{1}*мьо*^{3}*-ло*^{1}*-ба*^{2} 'Хмуэй жалеет Ко Ко Найна'. Таким образом, дополнение локализации *сэй*^{4}*-тхэ*^{3}*-хма*^{2} 'в душе' может быть опущено.

2. Предложения второго подвида сообщают о наступлении какого-либо времени, периода, и строятся по схеме: Дн — С, где Дн — дополнение со значением направленности действия (к предмету), а С — сказуемое, выраженное глаголом *йау*^{4} 'приходить, прибывать'. Примеры:

(25) *нья*^{1} *ачхэйн*^{2}*-до*^{1} *йау*^{4}*-ле*^{2}*-би*^{2} (МТ, 269) 'Настала ночь' (букв. 'Ночь время-к пришло'). Здесь дополнение направленности выражено существительным *ачхэйн*^{2} 'время', определяемым другим существительным *нья*^{1} 'ночь' и маркированным синтаксическим показателем *до*^{1};

(26) *до*^{1}*-пхин*^{1} *са*^{2}*-пьан*^{2}*-чхэйн*^{2}*-до*^{1} *йау*^{4}*-ла*^{2}*-ле*^{2}*-и*^{1} (МТ, 268) 'Итак, настало время возвращаться на занятия' (букв. 'Итак, на занятия возвращаться время-к пришло'). В данном предложении дополнение направленности выражено эквивалентом существительного, оканчивающимся на полуслужебную единицу *чхэйн*^{2}.

То, что дополнение направленности в этих предложениях может быть выражено не только существительным «время» и другими существительными, близкими ему по смыслу, но и субстантивированными отрезками речевой цепи, оканчивающимися на полуслужебные единицы со значением времени, несколько расширяет возможности употребления таких предложений при описании конкретных ситуаций.

Односоставные предложения этого подвида также легко

трансформируются в двусоставные предложения, о чем свидетельствует наличие корреспондирующих двусоставных предложений у одних и тех же авторов и даже в одном и том же тексте. Например:

(27) *са*^{2}*-ан*^{2}*-чхэйн*^{2} *йау*^{4}*-пьан*^{2}*-ле*^{2}*-би*^{2} (МТ, 265) 'Снова настало время зубрить уроки' (букв. 'Уроков зубрежка время снова пришло'). В данном двусоставном предложении эквивалент существительного, оканчивающийся на *чхэйн*^{2}, является немаркированным подлежащим предложения. Таким образом, для трансформации односоставного предложения в двусоставное достаточно опустить синтаксический показатель дополнения направленности. В трансформе подлежащее может быть и не маркировано, так как оно оказывается в позиции непосредственно перед сказуемым.

Следует обратить внимание на то, что предложения, содержанием которых служит описание атмосферно-метеорологических явлений, в бирманском языке обычно являются двусоставными. В русском языке в безличных предложениях типа *Вечереет, Светает, Дождит* деятель и действие не расчленены; в английском и французском языках в подобных сообщениях деятель и действие расчленены лишь формально (*It rains, Il pluit*), а в бирманском языке они оказываются четко расчлененными (деятель и действие выражены лексически полноценными словами). Подлежащим в большинстве подобных предложений выступает существительное *мо*^{3} 'небо'. Например: *мо*^{3} *чхо*^{4}*-ди*^{2} 'Вечереет' букв. 'Небо закрывается'; *мо*^{3} *схин*^{2}*-ди*^{2} 'Хмурится' (перед дождем) букв. 'Небо приготавливается'; *мо*^{3} *лин*^{3}*-ди*^{2} 'Светает' букв. 'Небо светлеет'.

Однако в предложениях с таким содержанием подлежащее может быть и суппрессировано. Например:

(28) *хмаун*^{2}*-не*^{2}*-би*^{2} (ТМ, 28) 'Темнеет';

(29) *алун*^{2} *пу*^{2}*-би*^{3}*нау*^{4} *йоу*^{4}*тайэ*^{4} *э*^{3}*-йуэ*^{1} *туа*^{3}*-и*^{1} (ТМ, 24) 'После сильной жары внезапно похолодало' (букв. 'После того как было очень жарко, внезапно стало холодно').

Оба предложения по структуре относятся к предложениям с суппрессированным подлежащим. В примере 28 этим подлежащим является слово *мо*^{3} 'небо', а в примере 29 — *не*^{2} 'солнце'.

* * *

Рассмотрение бесподлежащных предложений в бирманском языке позволяет сделать следующие выводы:

1) бесподлежащность имеет разное происхождение;

2) большинство бесподлежащных предложений — это предложения с суппрессированным подлежащим, и именно поэтому бесподлежащных предложений в бирманском языке намного больше, чем в русском языке;

3) в некоторой части бирманских бесподлежащных предложений отсутствие подлежащего значимо, т. е. оно говорит о неопределенности, неизвестности либо об универсальности деятеля;

4) в бирманском языке есть небольшая группа односоставных предложений, где выражение деятеля избыточно как в структурном, так и в смысловом отношениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЭ1 — «Мьанма свэсоунчжан» («Бирманская энциклопедия»), т. 1, Рангун, [б. г.].
ЗД — «Кхийсан сапэ» («Современная литература»), Рангун, 1961 (рассказы Зо Джи).
ЗДТ — Зо Джи, Такин кодохмайн тика (О такине Ко До Хмайне), Рангун, [б. г.].
КН — Кхин Нин Ю, Хмуэй, Рангун, [б. г.] (роман).
МТ — «Кхийсан сапэ» («Современная литература»), Рангун, 1961 (рассказы Мин Ту Уна).
ТМ — Тэйлан Маун У а, Уатху схаунбамья (Очерки и рассказы), Рангун, [б. г.].
УХ — У Хла, Хлаунчхайндуинхма хнгэнгэмья (Птички в клетке), Рангун, [б. г.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есперсен О., Философия грамматики, М., 1958.
2. Маун Маун Ньун, Орлова И. И., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М., Бирманский язык, М., 1963.
3. Омельянович Н. В., Суппрессия и экспрессия в бирманском языке, — «Краткие сообщения Института народов Азии», М., 1964, № 8.
4. Омельянович Н. В., Структура простого глагольного предложения в бирманском языке, канд. дисс., М., 1964.
5. Омельянович Н. В., Предложения с пассивным значением в бирманском языке, — сб. «Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии», М., 1970.
6. «Современный русский язык», ч. II, М., 1964.
7. «Йангоун текадо», 1959—1960 гг. (ежегодный журнал Рангунского университета).
8. Кхин Нин Ю, Чжамадо амьё (Наша родня), — «Шумава», 1958, № 5.

Н. Ф. АЛИЕВА

К ВОПРОСУ О ЧЛЕНЕНИИ ИНДОНЕЗИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Впервые в общем плане вопрос о характере членения индонезийского предложения поставлен в работе индонезийского филолога проф. Сламетмульяны «Законы индонезийского языка» [5, 30—46], где говорится о том, что индонезийское предложение распадается на части, называемые термином «gatra» («член»), которые могут изменять свою позицию в предложении. Вместе с тем слова, из которых состоит gatra, внутри данной gatra не могут изменять своей позиции без изменения смысла.

Приведенное положение представляется одним из основополагающих при изучении индонезийского синтаксиса, однако этим, разумеется, не исчерпывается вся проблема членения предложения.

Один из вопросов, которые возникают в связи с приведенной выше точкой зрения Сламетмульяны, может быть сформулирован следующим образом: на какие части членится конкретное предложение индонезийского языка, если принимать во внимание не только смысловые и синтаксические связи, но и интонационное членение, и факторы эмоциональной и модальной нагрузки отдельных частей предложения?

Необходимость такого подхода к членению индонезийского предложения диктуется тем, что в индонезийском языке грамматические значения, синтаксические связи, эмоциональная и модальная нагрузка часто передаются аналитически, с помощью лексических средств. Удельный вес таких вспомогательных элементов лексики по отношению к общему количеству слов, составляющих индонезийское предложение, довольно значителен.

Очевидно, на поставленный вопрос мы не сможем ответить, если будем разлагать предложения индонезийского текста либо только на номинативные единицы (знаменательные слова и неделимые словосочетания) [1], либо только на

[1] В индонезийском языке следует различать два основных типа словосочетаний — делимые и неделимые. И те и другие являются свободными синтаксическими сочетаниями, однако вторые в отличие от первых характеризуются особо тесной связью между компонентами; последние не могут меняться местами и отрываться друг от друга при включении неделимого словосочетания в состав других синтаксических образований. Характеризуя два типа индонезийских словосочетаний, автор ранее пользовался терминами «словосочетание» — для делимого словосочетания и «синтагма» — для неделимого [см. 4, 31—35]. Представляется, однако, целесо-

делимые словосочетания, либо только на синтаксические группы, представляющие собой, в нашем понимании, распространеннное или нераспространеннное словосочетание вместе с вводящим служебным словом (если оно имеется).

Анализ предложения по членам предложения, а также по непосредственно составляющим тем более не приблизит нас к искомому решению.

На определенном этапе исследования индонезийского синтаксиса представляется целесообразным ввести понятие особой синтаксической единицы — назовем ее сегментом предложения.

Сегмент предложения — это часть, выделяющаяся при сегментации предложения — первичном разбиении конкретного предложения на отрезки, с учетом:

а) различия между свободным и фиксированным порядком слов (о чем фактически и идет речь в упоминавшейся выше работе Р. Сламетмульяны [см. 5]);

б) грамматических связей между частями;

в) смысловых взаимоотношений между частями;

г) интонационного строения предложения;

д) модальных и эмоциональных оттенков, связанных с каждой из частей предложения.

В состав сегмента предложения входят: знаменательная часть (обязательная) и пограничные элементы (которые могут отсутствовать). Знаменательной частью сегмента предложения является либо номинативная единица (в индонезийском языке это знаменательное слово или неделимое словосочетание), либо малораспространенная синтаксическая группа (представляющая собой неделимое словосочетание, в которое введен один или два примыкающих члена).

Пограничные элементы — это различные элементы лексики, которые маркируют левую и правую границы сегмента предложения и одновременно могут нести смысловую, грамматическую, модальную, эмфатическую (либо одну из них) нагрузку. В качестве пограничных элементов выступают частицы, предлоги, союзы, различные вспомогательные слова (видо-временные и модальные показатели, показатели степеней сравнения и степеней качества), а также некоторые знаменательные слова.

Существуют предложения, состоящие из сегментов, лишенных пограничных элементов. Каждый такой сегмент равен одному знаменательному слову или одному неделимому словосочетанию (вместо которого также может быть подставлено одно знаменательное слово). Единственным языко-

---

образным не усложнять синтаксического описания и не прибегать к термину «синтагма», который используется лишь при описании ритмико-интонационного членения предложения.

вым средством, превращающим некоторую последовательность номинативных единиц в цельное предложение, иногда оказывается интонация. Указанными чертами обладает, например, следующее предложение:

Dibalik bukit ini (1) *kudapati* (2) *kemah mereka* (3) (NA, 26) 'Позади этого холма (1) я нашел (2) их лагерь (3)'.

Поскольку, как упоминалось, сегменты предложения могут менять позицию в предложении, то, переставляя их, можно получить следующие варианты: 3-2-1, либо 2-3-1, либо 1-3-2. Сегменты в составе этого предложения представляют собой неделимые словосочетания, каждое из которых может быть сведено к одному слову: 1 — *disitu* 'там', 2— *terdapat, terletak* 'находится, расположен', 3 — *kemah* 'лагерь'.

Однако предложениями подобного строя далеко не исчерпывается и не может исчерпываться все синтаксическое многообразие индонезийского языка. Чаще мы встречаем предложения, в которых номинативные единицы выступают не в «обнаженном», а в «одетом» виде: они снабжаются различными служебными, полуслужебными и вспомогательными словами, которые выражают либо уточняют смысловые и синтаксические связи, подчеркивают нужным образом ту или иную часть предложения, обогащают предложение различными модальными, эмоциональными, стилистическими оттенками [2].

При построении предложения происходит преобразование разрозненных номинативных единиц языка в сегменты предложения — «живые» его части, обладающие интонацией и разнообразными, нужными именно в данном высказывании оттенками и связями. Этот процесс преобразования «мертвых» элементов — слов и сочетаний слов — в части «живого», выразительного предложения и составляет, очевидно, одну из тайн настоящего владения языком. Для каждого языка в зависимости от его общей системы указанный процесс специфичен, хотя есть в нем и моменты, общие для всех языков.

Из всего круга проблем, связанных с сегментацией индонезийского предложения в указанном выше понимании, в данной статье мы останавливаемся на вопросах:

1) о соотношении членения на сегменты с ритмико-интонационным членением предложения;

2) о роли вспомогательных лексических средств — пограничных элементов — в маркировании границ сегментов предложения;

3) о роли вспомогательных лексических средств — пограничных элементов — в маркировании подлежащего и сказуемого.

---

[2] Отсутствие такой «одежды» в приведенном предложении также определенным образом характеризует его.

I

Имея в своей основе номинативную единицу, сегмент предложения является единым в смысловом и грамматическом отношении. Вместе с тем, будучи частью конкретного предложения, сегмент предложения непременно обладает интонацией, характеризующей его именно как часть предложения, в отличие и от изолированной номинативной единицы, и от цельного законченного предложения.

Интонация является тем языковым средством, которое всегда и непременно маркирует сегмент предложения. Ритмико-интонационное членение индонезийского предложения пока не описано в достаточной степени, тем более на основе экспериментальных исследований, но это отнюдь не освобождает исследователя синтаксического строя от необходимости учета такого членения. Помещаемые в данном сборнике заметки А. П. Павленко о ритмико-интонационном членении индонезийского (и сунданского) предложения [см. 1] оказались поэтому полезными для нашей работы.

Как показывает А. П. Павленко, переломы интонации и паузы делят предложение на части — синтагмы. Однако не следует проводить знака равенства между сегментом предложения в нашем понимании и синтагмой. Границы синтагмы не обязательно совпадают с границами сегмента — они могут быть шире, охватывая два или даже три сегмента. Так, в рассматривавшемся выше примере могут быть три синтагмы — по числу сегментов,— но могут быть и две, причем вторая синтагма объединит в себе сегменты 2 и 3 (сходные примеры см. в статье А. П. Павленко [1, 230—231]). Ритмико-интонационное членение следует использовать как признак деления на сегменты, но, по-видимому, речь должна идти при этом о в о з м о ж н о с т и сделать паузу: пауза возможна на границе между сегментами и невозможна внутри сегмента. Отсюда соотношение между сегментом и синтагмой представляется следующим образом:

а) синтагма может быть равна одному сегменту;

б) синтагма может представлять собой отрезок, больший, чем сегмент, однако граница синтагмы не должна проходить посредине сегмента; следовательно, синтагма должна включать целое число сегментов;

в) синтагма не может быть меньше одного сегмента.

II

Пограничные элементы, позволяющие устанавливать сегментацию предложения, не являются столь универсальным средством, как интонация. Как было показано выше, возможны предложения, в которых границы сегментов не маркиро-

ваны какими-либо вспомогательными лексическими средствами. Однако во многих случаях, причем эти случаи частично могут быть обобщены и перечислены в виде синтаксических моделей [3], введение определенных лексических единиц в состав сегментов предложения помогает отметить границы сегментов, которые благодаря этому приобретают структурную законченность.

В следующих примерах сегментация предложений легко устанавливается по наличию определенных лексических элементов в конце или начале сегментов предложения:

Bahasa Melaju//jang mendjadi dasar bahasa persatuan ini//telah berhasil mempersatukan//segala sukubangsa//jang lebih//dari duaratus//djumlahnja (BS, 5) 'Малайский язык, явившийся основой «языка единства», смог объединить все народности, которых насчитывается более двухсот';

Tetapi achirnja//didapat djuga//persetudjuan (NA, 68) 'Но в конце концов соглашение было все же достигнуто';

Sekalian orang//jang lalu lintas//sama meniarap ketanah //guna memberi hormat//kepada pasukan//jang lalu itu (MS, 172) 'Все прохожие (букв. люди, которые шли вдоль и поперек) распластались на земле, чтобы воздать почести проходившим войскам';

Dan itupun//akan diperolehnja//asal ia suka (MS, 121) 'И это будет получено им, если только он захочет'.

Выпишем из этих примеров сегменты предложений и отдельно те лексические элементы, которые помогают их разграничению.

Сегменты предложения	Левая граница	Правая граница
(1) *Bahasa Melaju* язык малайский	начало предложения	—
(2) *jang mendjadi dasar* который стать основа *bahasa persatuan ini* язык единство этот	*jang*	*ini*
(3) *telah berhasil mempersatukan* уже смочь объединить	*telah*	—
(4) *segala sukubangsa* все народность	—	—
(5) *jang lebih* который больше	*jang*	—
(6) *dari duaratus* от двести	*dari*	—

[3] О моделях речь может идти тогда, когда употребление лексических средств не является факультативным, т. е. когда оно используется для выражения необходимых синтаксических связей либо элементов смысла. Такие модели являются, по существу, моделями делимых и неделимых словосочетаний (их подробное перечисление не входит в задачу данной статьи).

Сегменты предложения	Левая граница	Правая граница
(7) *djumlahnja* количество-его	—	*-nja*
(8) *tetapi achirnja* но конец-его	*tetapi*	*-nja*
(9) *didapat djuga* получено тоже	—	*djuga*
(10) *persetudjuan* соглашение	—	конец предложения
(11) *sekalian orang* все человек	начало предложения	—
(12) *jang lalu lintas* которые проходить пересекать	*jang*	—
(13) *sama mentarap* вместе распластаться	*sama*	—
(14) *ketanah* к-земле	*ke*	—
(15) *guna memberi hormat* для дать почет	*guna*	—
(16) *kepada pasukan* к отряд	*kepada*	—
(17) *jang lalu itu* который проходить этот	*jang*	*itu*
(18) *Dan itupun* и это-же	*dan*	*-pun*
(19) *akan diperolehnja* будет получено-им	*akan*	*-nja*
(20) *asal ia suka* если только он любит	*asal*	конец предложения

Из приведенного материала видно, и это надо сразу же подчеркнуть, что в индонезийском языке, по-видимому, нет слов, в том числе частиц, единственным назначением которых было бы формирование сегментов (другими словами — маркирование границ сегментов предложения). Обычно эту функцию выполняют служебные и вспомогательные слова, одновременно выражающие синтаксические связи, модальные значения, значения ограничения, противопоставления, выделения, определенности и т. п. Лексическое значение этих слов иногда отходит на второй план, однако, если даже оно не вполне реализуется или почти не ощущается, именно оно определяет, в каком предложении данное слово может быть употреблено для целей сегментации, а в каком — не может.

Нельзя упускать из виду также следующее. Хотя в данной работе проблема сегментации предложения рассматривается с точки зрения грамматики, однако она одновременно является проблемой, соприкасающейся со сферой стилистики. Нет сомнения в том, что стиль речевого произведения, с одной стороны, и индивидуальный стиль говорящего или пишущего — с другой, оказывает существенное влияние и на то, в какой степени используются пограничные элементы сегментов предложения, и на то, какие именно средства выбираются в

каждом конкретном случае. Так, в значительной степени пограничные элементы употребляются в художественных произведениях, очень мало — в современных публицистических и деловых текстах.

После этих общих замечаний перейдем к описанию пограничных элементов.

Все они по признаку позиции могут быть подразделены на две группы: одни всегда стоят в начале сегмента предложения, отмечая его левую границу, другие всегда стоят в конце сегмента предложения, отмечая его правую границу.

Для маркирования правой границы сегментов предложения употребляются следующие слова:

-pun, -lah — частицы с выделительным, подчеркивающим, а также противопоставительным значением;

-kah — вопросительная частица;

-tah — эмфатическая вопросительная частица;

itu 'тот', *ini* 'этот' — указательные местоимения;

tadi 'прежний' — употребляется в некоторых стилях в фукции указательного местоимения;

tersebut 'названный, упомянутый';

любое личное местоимение в функции притяжательного определения, стоящее на конце атрибутивной цепочки;

-ku, -mu, -nja — краткие энклитические местоимения, соответствующие личным местоимениям 1-го, 2-го и 3-го лица в функции притяжательного определения или дополнения;

sendiri 'сам', *diri* 'себя' — возвратные местоимения;

lagi 'еще', *djuga, djua, pula* 'тоже, также', *sadja* 'только' — частицы;

sekali 'очень' — показатель степени качества.

Начало, левая граница сегмента, узнается по наличию следующих слов:

jang — относительное служебное слово с атрибутивным или просубстантивным значением;

предлоги;

союзы; кроме сочинительных союзов *dan* 'и', *atau* 'или', которые не всегда маркируют границу сегмента предложения, а стоят внутри него, например: Daging dan susu *tidak dibelinja* '*Мяса и молока* она не купила'. Впрочем, части сегмента, соединенные союзами *dan* или *atau*, легко превращаются в самостоятельные сегменты предложения, причем союз оказывается на левой границе сегмента: *Daging//jang terlalu mahal itu//dan susu buat anak-anak//tidak dibelinja* 'Мяса, которое было слишком дорогим, и молока для ребят она не купила';

отрицания *tidak, bukan, djangan, belum;*

модальные, видо-временные показатели и показатели аспекта перед глаголами;

показатели степеней качества и степеней сравнения перед прилагательными;

частицы *hanja* 'только'; *baru* 'только, только что', *tjuma* 'только, просто'.

В одном сегменте предложения могут оказаться рядом несколько слов из числа перечисленных выше. Их расположение регулируется правилами построения словосочетаний и синтаксических групп [4]; исследование этих правил не входит в задачу данной статьи.

Попутно можно отметить, однако, что никакой пограничный элемент не может стоять левее *jang* в начале сегмента и правее частицы *-pun* или *-lah* в конце сегмента.

Отдельные конечные и начальные пограничные элементы проявляют тяготение друг к другу и часто употребляются в одном сегменте, в результате чего образуются относительно устойчивые рамочные модели. Примерами их могут служить следующие: *hanja ... sadja, tjuma ... sadja, tidak ...lagi, djangan ... lagi, belum ... lagi, lebih ... lagi.* Примеры:

Segala pertanjaannja tjuma disahutnja dengan 'hhh-hhh sadja (PATB, 114) 'На все его вопросы ответом было лишь одно «хрр-хрр»';

Bentjinja kepada gadis jang malang itu tak dapat disembunji-sembunjikannja lagi (ISP, 168) 'Она уже больше не могла скрывать своей ненависти к несчастной девушке';

Aku djangan kauhiraukan lagi, Dar (DMP, 34) 'На меня больше не обращай внимания, Дар';

Dan lebih gemas lagi ia memandang Si Badju Biru (SA, 23) 'И еще более гневно она поглядела на Человека в синей рубашке'.

III

Прежде чем перейти к описанию вспомогательных лексических элементов как средства маркирования подлежащего и сказуемого, необходимо сделать некоторые общие замечания относительно характера главных членов предложения в индонезийском языке.

Под главными членами предложения здесь понимаются, в соответствии с традицией, подлежащее и сказуемое. Представляется, что большинство моделей индонезийского предложения могут быть описаны с применением этих понятий главных членов [5].

[4] Описание индонезийского синтаксиса с точки зрения структуры распространенных и усложненных синтаксических групп, по существу, только начинается. Такая попытка предпринята, в частности, в публикуемой в настоящем сборнике статье Ю. Х. Сирка [3].

[5] Хотя встречаются в индонезийском языке предложения, в структуре которых, как справедливо отмечает Ю. Х. Сирк, эти главные члены не могут быть выделены [см. 2, 126—134].

При практическом пользовании индонезийским языком навык выделения остова предложения, т. е. его главных членов, приобретается сравнительно быстро и без особых затруднений, что свидетельствует о наличии достаточного числа признаков, которые обычно — за исключением нескольких спорных случаев — позволяют этот остов обнаружить. В то же время в существующей литературе по индонезийскому языку, хотя все авторы пользуются понятиями подлежащего и сказуемого, мы не находим сколько-нибудь ясного и полного описания этих признаков.

Вопрос о формальных признаках главных членов предложения в индонезийском языке требует особой разработки, принципиально отличающейся от принятой для европейских языков. Это необходимо прежде всего потому, что в индонезийском языке в отличие от европейских нет и не может быть такой общей схемы предложения, как «именительный падеж имени+личная форма глагола». Существительное, прилагательное, наречие, предложно-именное сочетание могут быть сказуемым предложения, не требуя какой-либо глагольной связки. Но и предложения с глагольным сказуемым не моделируются по формуле «именительный падеж имени+личная форма глагола», ибо индонезийские имена вообще не изменяются по падежам, а в системе глагола отсутствует различение личных и неличных форм. Иными словами, по собственной форме (в узком смысле, без учета служебных слов и других внешних средств) существительного невозможно определить, является ли оно в предложении подлежащим, дополнением или определением, а по собственной форме глагола нельзя определить, является ли он сказуемым, определением (приименным или приглагольным) или подлежащим и т. д. Дело осложняется тем, что во всех частях речи имеются значительные группы слов корневой структуры, т. е. слова, вообще не поддающиеся классификации на основе их словесной формы.

В то же время в индонезийском языке на уровне предложения (который, по нашему мнению, должен отличаться в описании от уровня неделимого словосочетания) отсутствует фиксированный порядок слов: хотя порядок П — С (П — подлежащее, С — сказуемое) статистически преобладает, однако порядок С — П является вполне нормативным, а в определенных условиях — даже более обычным, чем первый.

Следовательно, при поиске критериев главных членов предложения в индонезийском языке не могут служить опорой два таких важных критерия, как форма слов и порядок слов, в использовании которых для определения подлежащего и сказуемого лингвистика накопила опыт, исследуя языки различной типологии: и морфологически развитые, и бедные по морфологии.

Представляется, что на данном этапе изучения индонезийского языка было бы неправильным ставить задачу дать однозначное формальное определение для понятий подлежащего и сказуемого. Это должно явиться результатом обобщения данных, полученных в результате всестороннего исследования индонезийского синтаксиса, а такое исследование пока еще находится на начальном этапе. В данной работе мы исходим из некоторых априорных представлений, частично интуитивных, частично эмпирических. Эти представления основываются на учете тех языковых средств, которыми характеризуется единство предикативной пары в различных индонезийских предложениях. Об этих средствах речь пойдет ниже.

Подлежащее и сказуемое в индонезийском языке в равной степени самостоятельны по форме, т. е. формальное подчинение одного из них другому (аналогичное согласованию сказуемого с подлежащим по лицу, числу, роду, как например в русском языке) отсутствует. Между подлежащим и сказуемым несомненно существует структурная и смысловая зависимость, однако эта зависимость обоюдна, так что не представляется возможным определить один из этих членов как зависящий от другого. Существование такой структурно-смысловой зависимости создает особое единство, лежащее в основе двусоставного предложения — предикативную пару, в которой объединяются подлежащее и сказуемое, точнее — группа подлежащего и группа сказуемого. При тех особенностях индонезийского синтаксиса, о которых шла речь выше, выделение предикативной пары является первым и непременным этапом на пути выделения подлежащего и сказуемого и определения каждого из них.

Следующие языковые признаки, которые тесно связаны между собой и дополняют друг друга, составляют систему средств, реализующих единство предикативной пары в различных синтаксических моделях:

1) смысловая соотнесенность главных членов;

2) способы выражения главных членов;

3) порядок слов (поскольку имеются условия, определяющие его);

4) интонация, т. е. так называемая предикативная пауза и интонационный перелом [см. 1, 234];

5) вспомогательные лексические средства.

Анализ предложения по членам предложения нетождествен изучению сегментации предложения. Член предложения и сегмент предложения не одно и то же. Член предложения может быть равен одному сегменту, но, будучи выражен распространенной синтаксической группой, он может включать несколько сегментов. Это, естественно, не может служить препятствием для того, чтобы пограничные элементы сегмен-

тов рассматривались как средства, маркирующие границы синтаксических групп, функционирующих в предложении как группа подлежащего и группа сказуемого.

Выше было отмечено, что первым этапом в выделении подлежащего и сказуемого является выделение их в паре друг с другом. Различение того, какая из синтаксических групп является группой подлежащего, а какая — группой сказуемого, представляет собой второй этап. Именно на втором этапе и выявляется роль вспомогательных лексических средств — пограничных элементов.

Важнейшее их назначение состоит, по-видимому, в отграничении группы сказуемого от группы подлежащего.

Употребление пограничных элементов внутри предикативного сочетания тесно связано с необходимостью специального интонационного разграничения — предикативного перелома интонации,— сопровождаемого (не всегда) предикативной паузой. Такой предикативный перелом интонации является основным в интонационной модели предложения, отличающим его от любой другой последовательности слов.

Кроме того, важная роль пограничных элементов состоит в том, что, употребляясь в группе сказуемого, они позволяют выделить ее, привлечь к ней внимание как к части предложения, несущей основную информацию. При наличии пограничных элементов в ее составе группа сказуемого приобретает большую структурную и ритмико-интонационную спаянность и одновременно удлиняется. И то и другое делает ее более весомой, подчеркнутой в предложении.

Интересно отметить также, что пограничные элементы чаще встречаются в составе группы сказуемого тогда, когда ядром группы является предикатив корневой структуры, не маркированный аффиксами (простой глагол или прилагательное). По-видимому, употребление лексических элементов, маркирующих обычно группу сказуемого, позволяет в таких случаях как-то компенсировать отсутствие эксплицитного словесного оформления у предикатива.

Какие же из названных ранее пограничных элементов сегментов предложения употребляются для маркирования группы подлежащего и группы сказуемого?

Представляется, что такая синтаксическая функция свойственна лишь следующим группам пограничных элементов:

а) частицы *-pun, -lah;*

б) местоимения *ini,* 'этот', *itu* 'тот';

в) частицы *djuga, pula* 'также, тоже', *hanja, sadja, tjuma, baru* 'только'.

Частицы *-pun* и *-lah* являются постпозитивными; обычно их называют усилительными или выделительными, так как слово, после которого они стоят, интонационно выделяется.

Обе частицы могут быть употреблены в одном предложе-

нии: *-pun* всегда стоит в конце группы подлежащего, а *-lah* — в конце группы сказуемого, следующего за подлежащим. Эти частицы употребляются одновременно обычно тогда, когда и подлежащее и сказуемое выражено одним словом без определений, особенно часто в том случае, если подлежащее выражено местоимением. Примеры:

Dan akupun berkurunglah dirumah (NPB, 113) 'И я сидел взаперти дома';

Achirnja iapun terbangunlah (NA, 29) 'В конце концов он все же проснулся';

Lebih kurang 2 djam semendjak Maruku mengindjakkan kakinja diatas bumi Kai, merekapun bertolaklah dengan perahu besar (ST, 227) 'Примерно через два часа после того момента, когда Маруку ступил на землю острова Кай, они отчалили на большой прау'[6].

Отдельно от *-lah* частица *-pun* употребляется в основном так же, как и вместе с *-lah*: при нераспространенном подлежащем, при подлежащем, выраженном местоимением, но только тогда, когда подлежащее стоит перед сказуемым:

Batu dapurpun telah runtuh tak ditempatnja lagi (PATB, 110) 'Камни очага обвалились и лежали где попало'; *Dan itupun akan diperolehnja asal ia suka* (MS, 121) 'И это он получит, если только захочет'.

Отдельно от *-pun* частица *-lah* употребляется в основном так же, как и при одновременном употреблении обеих частиц,— *-lah* присоединяется к нераспространенному сказуемому. Такое сказуемое может стоять и после подлежащего, но особенно часто перед ним:

Kita lima orang berangkatlah kekuburan (HAD, 67) 'Мы впятером отправились на кладбище'.

Указательные местоимения *ini* 'этот' и *itu* 'тот', а также близкие им по функции и значению (но не по стилю) слова *tadi* 'прежний' и *tersebut* 'названный, вышеупомянутый' особенно часто стоят на правой границе группы подлежащего, что можно рассматривать как признак, отличающий подлежащее от сказуемого внутри предикативной пары. В пользу этого говорит также и то, что эти слова, широко употребляясь в именных синтаксических группах, выполняющих функции разных членов предложения, не встречаются в именных группах в функции именного сказуемого. Имея в виду детерминирующее значение указательных местоимений, такое их употребление вполне согласуется с тем, что подлежащее преимущественно обозначает данное, исходный момент, а сказуемое обозначает новое. Примеры:

[6] Одновременное употребление *-pun* и *-lah* часто встречается в старом малайском языке; в настоящее время оно составляет особенность стиля отдельных писателей; в научном и публицистическом стиле полностью отсутствует.

Fikiran djelek ini masih suka djuga datang-datang (HAD, 17) 'Эта противная мысль все еще часто приходит в голову';
Kata-kata ini sering membuat aku djadi heran (RT, 88) 'Эти слова часто приводили меня в удивление';
Menjerah itu berarti kembali mendjadi budak! (MS, 132) 'Сдаться — это значит снова стать рабом!'.

Частицы *djuga, pula* 'тоже, также', *hanja, sadja, tjuma* 'только' играют важную роль, отделяя группу подлежащего от группы сказуемого. Входя в одну ритмико-интонационную единицу предложения вместе с тем словом, к которому относятся, они тем самым удлиняют эту единицу и делают ее более весомой в предложении. В связи с этим свойством они особенно тяготеют к сказуемому, на которое обычно падает сильное фразовое ударение. В ряде случаев лексическое значение у этих слов перестает ощущаться, и их роль в предложении сводится к тому, чтобы выделить, подчеркнуть сказуемое. Примеры:

Dan apakah si Ham djuga sudah mengetahui bahwa engkau sudah bertunangan sekarang? (RT, 117)) 'А Хам (тоже) знает, что ты уже помолвлена?';
Ada djuga sebagian tjahajanja jang djatuh dirumput-rumput segar pendek (RT, 106) 'И часть его света падала на короткую свежую травку';
Itu dibantah pula oleh petani jang mengusulkan tadi (NA, 53) 'И против этого возразил крестьянин, выдвигавший свое предложение'.

* * *

Любое явление языка может рассматриваться с разных сторон, в связи с различными подсистемами и уровнями языка.

Данный выше анализ показывает, что определенные слова индонезийского языка используются при построении предложений не только в прямом соответствии с их словесными свойствами — лексическими и грамматическими значениями — для передачи в речи именно этих значений, но и для других целей — для маркирования границ предложения, что обеспечивает четкое членение предложения.

Членение предложения также может быть различным. Это зависит от избираемого критерия и единиц, на которые предложение разлагается. Вспомогательные лексические средства, маркирующие границы частей предложения, могут рассматриваться и при изучении сегментации предложения — как пограничные элементы сегментов, и при анализе предложения по членам предложения — как элементы, маркирующие подлежащее и сказуемое.

Лексические элементы, выступающие как пограничные

элементы сегментов предложения, многочисленны и разнообразны, но только часть из них способна маркировать члены предложения.

Можно сделать вывод, что способность маркировать члены предложения у рассматриваемых элементов лексики вытекает из их способности маркировать границы сегментов предложения. При скудости формальных средств, различающих члены предложения в индонезийском языке, указанные вспомогательные лексические средства также должны учитываться.

Употребление вспомогательных лексических средств для разграничения частей предложения связано также со стилистической окраской текста.

Обычно употребление тех или иных лексических единиц связано с различением стилей речи непосредственно, однако оказывается, что возможно и иное соотношение: рассмотренная часть лексики индонезийского языка ведет исследователя к стилистике через свое синтаксическое функционирование. Естественно, что стилистическое исследование выходит за рамки данной статьи, посвященной вопросам синтаксиса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BS — Bakri Siregar, Sedjarah sastera Indonesia modern, dj. I, Djakarta, 1964.
DMP — Muhammad Dimyati, Manusia dan peristiwa, Djakarta, 1951.
HAD — Hadi dan A. M. Adinda, Dipersimpangan djalan, Surabaja (1954).
ISP — Nur Sutan Iskandar, Salah pilih, Djakarta, 1953.
MS — Abdoel Moeis, Surapati, Djakarta, 1952.
NA — A. H. Nasution, Anak-anak Bintang Pari, Djakarta, 1951.
NPB — Nasjah, Tjerita Si Pai Bengal dan tjerita-tjerita lain, Djakarta, 1953.
PATB — Pramoedya Ananta Toer, Ditepi kali Bekasi, Djakarta, 1951.
RT — Rukiah S., Tandus, Djakarta, 1952.
SA — Utuy Tatang Sontani, Awal dan Mira, Djakarta, 1952.
ST — Utuy Tatang Sontani, Tambera, Djakarta, 1952.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павленко А. П., Некоторые наблюдения над интонационным членением предложения в индонезийском и сунданском языках (в настоящем сборнике).
2. Сирк Ю. Х., О выражении субъектно-объектных отношений в индонезийских языках,— сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.
3. Сирк Ю. Х., Структура группы существительного в индонезийском языке (в настоящем сборнике).
4. Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., Индонезийский язык, М., 1960.
5. Slametmuljana, Kaidah bahasa Indonesia, dj. I, Djakarta, 1956.

А. П. ПАВЛЕНКО

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИНТОНАЦИОННЫМ ЧЛЕНЕНИЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ И СУНДАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Наши наблюдения над синтагматическим и интонационным членением предложения в индонезийском и сунданском языках получены при записи на интонограф типа ЛЭФИПР простых и некоторых видов сложных предложений [1].

В настоящей статье рассматриваются: а) членение предложений на синтагмы (ритмические группы), под которыми мы понимаем здесь сегменты предложения, отграниченные паузами; б) интонационная оформленность синтагм [2].

В нашем экспериментальном материале наиболее полно были представлены предложения, построенные по схеме А+ГП+ГС или ГП+ГС+А, где А — факультативные второстепенные члены предложения, ГП — группа подлежащего и ГС — группа сказуемого [3].

Предложение, как известно, членится на синтагмы в зависимости от ситуации сообщения. Анализ интонограмм предложений основного строя показывает, что при произнесении их диктором с ровной интонацией повествовательного сообщения синтагматическое членение этих предложений совпадает с формально-грамматическим. При этом во всех случаях между подлежащим (или ГП) и сказуемым (или ГС) отмечена пауза, которую условно можно назвать предикативной паузой (ПП). Длительность паузы зависит от целого ряда факторов, в том числе экстралингвистических, например темпа речи.

В нашем материале длительность ПП колебалась от 200 до 800 *м/сек* у дикторов-индонезийцев и от 420 до 1180 *м/сек* у дикторов-сунданцев. Примеры [в круглых скобках дается условное обозначение языка, из которого взят пример: И — индонезийский, С — сунданский. В индонезийских и сунданских примерах двумя наклонными черточками (//) отмечает-

---

[1] На интонограф было записано двадцать индонезийских и двадцать пять сунданских предложений (с целью изучения акустических характеристик словесного ударения в обоих языках). Запись проводилась в ЛЭФ ИВЯ при МГУ с помощью четырех дикторов: двух, читавших по-индонезийски, и двух, читавших по-сундански.

[2] Формальное членение сунданского предложения подробно рассматривается в статье Р. Х. Робинса [см. 3].

[3] Такие предложения применительно к индонезийскому языку Ю. Х. Сирк называет «предложениями основного строя» [см. 2].

ся основная, более длительная пауза, а одной (/) — второстепенная, менее длительная, пауза]:

Bapak anak itu//ada buku banjak (И) 'У отца этого ребенка много книг' (длительность ПП — 800 *м/сек);*

Dulurna//angger bae digawe dikantor (С) 'Его друг по-прежнему работает в конторе' (длительность ПП — 520 *м/сек);*

Eta suluh//balatak diburuan (С) 'Эти дрова сложены во дворе' (длительность ПП — 1000 *м/сек).*

Внутри ГП и ГС в предложениях основного строя, прочитанных с ровной интонацией повествовательного сообщения, паузы не отмечаются, и на интонограмме эти группы реализуются как один непрерывный сегмент [4].

Однако в предложениях этого же строя, но с иным типом интонации — будь то в зависимости от актуального членения или же от логического выделения того или иного члена предложения (в ряде случаев с определенной модально-стилистической окраской) — пауза отмечается и внутри ГП и ГС, которые, таким образом, подразделяются на более мелкие сегменты.

Такая реализация повествовательных предложений, при которой логически выделяются те или иные сегменты внутри ГП или ГС, по-видимому, характерна для индонезийской и сунданской речи, в особенности разговорной. Длительность пауз внутри ГП или ГС в нашем материале, как правило, меньше длительности ПП. Ср.:

Desa itu//sedikit/orangnja (И) 'В этой деревне мало жителей' (длительность ПП — 540 *м/сек,* пауза внутри ГС — 120 *м/сек);*

Sapatu//didjieun/tina kulit (С) 'Туфли сделаны из кожи' (длительность ПП — 940 *м/сек,* пауза внутри ГС — 680 *м/сек);*

Kuring//teu beuki/ngadenge musik (С) 'Я не очень люблю слушать музыку' (длительность ПП — 880 *м/сек,* пауза внутри ГС — 120 *м/сек).*

В сунданских предложениях основного строя, прочитанных диктором в более быстром темпе речи, а также, видимо, при ином типе сообщения (предикации) в ряде случаев ПП отсутствует. Примеры:

Bapana gering pajah 'Его отец тяжело болен';

Suluh balatak diburuan 'Дрова сложены во дворе'.

В индонезийских предложениях, записанных нами, граница между ГП и ГС чаще всего маркируется указательными местоимениями *ini* и *itu.* Следует отметить, что в тех предложениях, где второстепенные члены предшествуют подлежа-

[4] Ср. замечание В. Артемова: «Путем конкретизации характера предицирования и членения фразы на синтагмы интонация стягивает члены и части предложения в единое синтаксическое целое» [1, 11].

щему и указательное местоимение маркирует границу не между ГП и ГС, а между А и ГП, на стыке между А и ГП отмечается значительная пауза, в то время как ПП может не быть вовсе, например: *Tentang negara itu//dia membatja dimadjalah* 'Об этой стране он читал в журнале' (длительность паузы — 660 *м/сек).*

Влияет ли на паузацию предложения принадлежность подлежащего к тому или иному классу слов и, если влияет, то как — на этот вопрос, основываясь на нашем экспериментальном материале, ответить невозможно. Здесь необходима постановка специальных экспериментов.

Вообще же и в индонезийском и в сунданском материале второстепенные члены предложения (чаще всего ими оказывались обстоятельства места или времени) отделяются от ГП значительной паузой. Примеры:

Hari ini//dia pulang (И) 'Сегодня он возвращается' (длительность паузы — 560 *м/сек);*

Kamari//kuring ka Bandung/meuli buku (С) 'Вчера я ездил в Бандунг, [чтобы] купить книги' (длительность паузы — 800 *м/сек).*

В обоих языках в сложных предложениях значительная пауза отмечается на стыке главного и придаточного предложений, причем такая пауза по своей длительности может превышать ПП. В некоторых случаях ПП в составе главного предложения вообще отсутствует. Примеры:

Sudah saja tahu//bahwa dia takkan tiba (И) 'Я уже знаю, что он не придет' (длительность паузы — 860 *м/сек);*

Tangtu hidep moal njangka//jen nu lolong/bisa diadjar tjara nu beunta (С) 'Ты, разумеется, и не подозревал, что диких зверей можно приручить таким способом' (длительность паузы на стыке главного и придаточного предложений — 1040 *м/сек,* между ГП и ГС — 860 *м/сек).*

В так называемых тематических предложениях, встречающихся и в индонезийском и в сунданском языках, слово-тема, или исходный пункт высказывания, отделяется от остальных членов предложения значительной паузой. В нашем материале эта пауза превышает ПП. Примеры:

Guru itu//banjak muridnja (И) 'У этого учителя много учеников' букв. 'Учитель этот много учеников-его' (длительность пауз соответственно 560 и 120 *м/сек);*

Eta medja//sukuna/opat (С) 'У этого стола четыре ножки' букв. 'Этот стол ноги-его четыре' (длительность пауз соответственно 1040 и 300 *м/сек);*

Barudak//gawena/hareureuj bae (С) 'Дети только и делают, что отдыхают' букв. 'Дети работа их отдыхать только' (длительность пауз соответственно 1000 и 200 *м/сек).*

В сунданском языке весьма распространены суппрессированные предложения, в которых чаще всего суппрессируется

подлежащее (последнее, впрочем, в большинстве случаев легко восстанавливается по смыслу). В нашем экспериментальном материале такие предложения довольно четко подразделялись на две или, реже, на три ритмические группы. Наибольшая пауза отмечена после сегментов, предшествовавших ГС. Примеры:

Katjida keselna//ngadagoan maneh teh 'Очень надоело ждать тебя' (длительность паузы — 360 *м/сек*):

Dina hidji mangsa//arulin ka lembur nu djauh 'Однажды отправились играть в дальнюю деревню' (длительность паузы — 160 *м/сек*).

Рассмотрим теперь, как интонационно оформляются сегменты, отграниченные паузами,— синтагмы.

Наши экспериментальные фразы, как уже говорилось выше, наиболее часто состояли из двух синтагм. Это главным образом простые повествовательные предложения.

В таких предложениях (как подтверждает материал обоих языков) в ГП, как правило, отмечалось общее повышение тона, в ГС — общее понижение. Однако в тех случаях, когда ГП логическими паузами подразделяется на более мелкие сегменты, возможно понижение тона к концу каждого сегмента перед паузой и его значительное повышение к концу ГП. В тех случаях, когда на меньшие сегменты логически подразделяется ГС, возможно повышение тона к концу каждого сегмента и его общее понижение к концу ГС.

Когда какой-либо сегмент предшествует ГП, в нем отмечается общее повышение тона. Возьмем для примера одну индонезийскую и одну сунданскую фразу.

Dekat sungai itu//ada danau (И) 'Возле этой реки есть озеро'. Предложение состоит из двух ритмических групп.

Общее движение тона в предложении графически представлено на рис. 1.

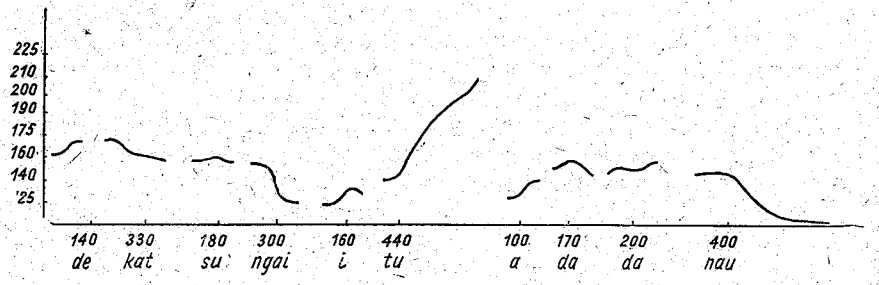

рис 1.

В первом слове предложения *(dekat)* отмечается некоторое повышение тона (со 150 до 160 *гц*), затем следует пони-

жение, захватывающее всю первую синтагму вплоть до ее последнего слога *tu*. В слоге *tu* фиксируется резкое повышение тона (со 150 до 210 *гц*). Вторая синтагма (исключая последний слог) реализуется примерно в той же полосе частот, что и первая (140—160 *гц*). Во второй синтагме от ее первого слога *a* до предпоследнего слога *da* включительно наблюдается умеренное восхождение тона, которое заканчивается весьма заметным падением на последнем слоге *nau*.

В первой синтагме значительное понижение тона в слоге *i* с последующим резким повышением в слоге *tu* (частотный интервал — квинта), как показывает весь наш экспериментальный материал, вызывается особенностями реализации такой интонационной дифференциации, как незавершенность высказывания, когда падение частот как бы подчеркивает начало их резкого нарастания и служит его фоном.

Некоторое повышение частоты колебаний основного тона на слоге *da* в слове *danau* с резким понижением частот на слоге *nau* в конце второй синтагмы вызывается, очевидно, реализацией другой интонационной дифференциации, а именно — завершенности высказывания.

Sapatu//didjieun/tina kulit (С) 'Туфли сделаны из кожи'. Предложение состоит из трех ритмических групп. Общее движение тона графически представлено на рис. 2.

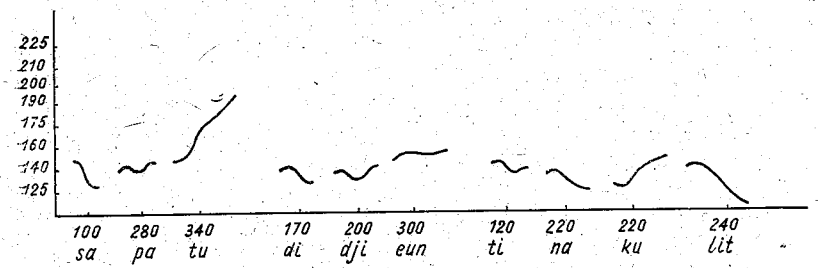

рис. 2

В первом слове предложения (*sapatu*), образующем синтагму, общее значительное повышение тона на последнем слоге *tu* (со 150 до 200 *гц*) контрастирует с понижением на первом слоге *sa* (частотный интервал — квинта) и отражает, по-видимому, особенность реализации незавершенности высказывания.

Во втором слове *didjieun*, образующем вторую синтагму, отмечается некоторое падение частот на первом слоге *di* и части второго слога *dji* с последующим плавным повышением частоты колебаний основного тона к последнему слогу *eun* (со 125 до 150 *гц*). Все слово в целом реализуется в более

низкой полосе частот, чем первое (соответственно 150—125—200 *гц* и 140—125—150 *гц*). Понижение частоты колебаний основного тона, отмечаемое на первом слоге *di* и части второго слога *dji*, и в этом случае, на наш взгляд, контрастирует с последующим повышением, реализуя опять же незавершенность высказывания. Реализация же всего слова в более низкой полосе частот может быть связана с реализацией ГС в целом, для которой характерно общее понижение тона.

Третья синтагма в целом реализуется примерно в той же полосе частот, что и вторая (150—125 *кц*), за исключением части слога *ku* в слове *kulit*, в которой отмечается некоторое повышение частоты колебаний основного тона (со 140 до 175 *гц*), и части слога *lit*, в которой фиксируется резкое падение частот (со 150 до 110 *гц*). Такая реализация последнего слога синтагмы, видимо, связана с реализацией завершенности высказывания.

Таким образом, анализ интонограмм позволяет сделать следующие предварительные выводы относительно синтагматического членения предложения в индонезийском и сунданском языках:

1. Синтагматическое членение в повествовательных предложениях, произносимых с ровной интонацией сообщения, в большинстве случаев соответствует формально-грамматическому (паузами отделяются: ГП от ГС, второстепенные члены предложения от главных, придаточные предложения от главных и т. д.). Однако, поскольку синтагматическое членение связано с логическим, в тех же предложениях, реализованных с какой-либо модально-стилистической окраской, синтагматическое членение может не совпадать с формально-грамматическим. И для индонезийской, и для сунданской речи характерно логическое или модально-экспрессивное выделение тех или иных участков предложения.

2. Синтагмы, образуемые ГП, а также второстепенными членами предложения, предшествующими ГП, характеризуются общим повышением частоты колебаний основного тона в последнем слоге синтагмы, входящем в фонологическую зону незавершенности высказывания. При этом предпоследний слог синтагмы реализуется обычно с некоторым понижением частоты колебаний основного тона. Подобная контрастная реализация двух последних слогов синтагмы служит для выделения незавершенности высказывания.

3. Синтагмы, образуемые ГС, а также второстепенными членами предложения, следующими за ГС, характеризуются падением частоты колебаний основного тона в последнем слоге синтагмы и, как правило, некоторым повышением частот в предпоследнем слоге. Это, видимо, является особенностью реализации завершенности высказывания.

4. В тех случаях, когда паузы возникают в пределах ГП

или ГС, движение основного тона в синтагмах, отграничиваемых ими, как правило, аналогично движению основного тона при незавершенности высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемов В. А., Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функции речевой интонации,— сб. «Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи», МГУ, 1966.
2. Сирк Ю. Х., Об актуальном членении и формально-грамматической структуре предложений в индонезийском языке,— «Краткие сообщения Института народов Азии», М., 1964, № 68.
3. Robins R. H., Formal Divisions in Sundanese,— «Transactions of the Philological Society», 1953.

И. В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Тагальский язык относится к языкам с развитой морфологией. Однако разнообразные морфологические средства (аффиксация, редупликация, перенос ударения) служат в основном для словообразования, а не для выражения связи слов в предложении. В тагальском языке отношения подлежащего и сказуемого не имеют отчетливого морфологического выражения в отличие, например, от русского языка, где в глагольных предложениях предикативная связь обычно выражена сочетанием существительного (или его заместителя) в именительном падеже с личной формой глагола. Но поскольку, как утверждает Е. Курилович, «предложением в грамматическом смысле термина является двучленный комплекс, сущность которого состоит в противопоставлении сказуемого подлежащему» [4, 48], то для выражения этого противопоставления должны использоваться иные средства. В тагальском языке предикативные отношения (как, впрочем, и все другие отношения) выражаются особыми служебными словами и в значительно меньшей степени морфологическими средствами.

Подлежащее в тагальском языке всегда, за исключением строго ограниченных случаев, имеет показатель подлежащего (в дальнейшем ПП) *ang*[1]. В тагальской грамматической традиции *ang* чаще всего определяется как артикль [см., например, 13, 16; 18, 15; 11, 8; 12, 20; 2, 82], а показатель притяжательных отношений *ng* и показатель пространственных, временных и других отношений *sa* рассматриваются как его падежные формы. Однако такая трактовка *ang* не единственная. Л. Блумфильд определяет *ang* как атоническую частицу, стоящую перед «словом или фразой, означающими элемент опыта, рассматриваемый как объект» [14, 146] (здесь имеется в виду не грамматический объект, а объект реального мира.— *И. П.)*. В последних работах все чаще встречается термин «показатель подлежащего» [см., например, 17, 4]. Даже

[1] ПП не ставится: перед личными местоимениями; перед личными именами, которые снабжены личными артиклями; перед указательными местоимениями (хотя во множественном числе показатель может появляться: *Ang mga ito ay akin* 'Эти — мои'). ПП не ставится также в оборотах типа *ni isa sa kanila* 'ни один из них' и в обращении.

те авторы, которые интерпретируют *ang* как артикль (например, Ф. Блэйк, М. Крус и Л. Шкарбан), почти всегда указывают, что *ang* ставится перед подлежащим [2].

Действительно, в предложении *ang* всегда стоит перед подлежащим, какой бы частью речи оно ни было выражено. Сказуемое, в свою очередь, оформляется показателем сказуемого (в дальнейшем ПС) *ay:*

Ang ama niya ay tumitira sa nayon 'Его отец живет в деревне' (букв. 'ПП отец его ПС живет в деревне'.) В данном предложении *ang* стоит перед подлежащим, выраженным существительным. Любое знаменательное слово в этом предложении может стать подлежащим и быть оформленным ПП, например:

Ang tumitira sa nayon ay ama niya 'Тот, кто живет в деревне,— его отец' (букв. 'ПП живет в деревне ПС отец его') — здесь сочетание «глагол+существительное» стало подлежащим и потому оформляется ПП;

Ang nayon ay tinitirhan ng ama niya 'Деревня [есть то место, где] живет его отец' (букв. 'ПП деревня ПС обитаемое отцом его') — здесь подлежащее выражено существительным, обозначающим место совершения действия; глагол в таком случае стоит в форме так называемого локального пассива.

Ang может стоять перед именами собственными, но не именами лиц, если они выступают в роли подлежащего:

Ang Maynila ay pinakamalaking lunsod ng Pilipinas 'Манила — самый большой город Филиппин' (букв. 'ПП Манила ПС самый большой город Филиппин'). Но:

Ang pinakamalaking lunsod ng Pilipinas ay Maynila 'Самый большой город Филиппин — Манила' (букв. 'ПП самый большой город Филиппин ПС Манила').

Из приведенных выше примеров видно, что служебная морфема *ang* не связана со следующим за ним словом как с частью речи. Следовательно, *ang* не является артиклем, который традиционно определяется как грамматический сопроводитель слова. Конструкция «*ang*+следующее за ним слово» является синтаксической конструкцией; *ang* обслуживает не слова, а отношения между словами и принадлежит к синтаксическому уровню языка.

Едва ли правомерно говорить о способности *ang* субстантивировать следующее за ним слово. Субстантивация связана с изменением значения и грамматической природы слова и относится к сфере словообразования. Между тем *ang* в тагальском языке не лишает следующее за ним слово ни одно-

---

[2] «Определенный артикль в номинативе, т. е. *ang*, регулярно ставится перед подлежащим» [13, 206]; «Подлежащее, как правило, оформляется артиклем *ang*...» [2, 87].

го из его признаков как части речи и безразлично к категориальной отнесенности слова [3].

Что касается ПС, то почти все авторы признают служебную морфему показателем сказуемого, которая употребляется только тогда, когда сказуемое не стоит в начале предложения. Если же сказуемое начинает предложение, то ПС не ставится. Таким образом, ПС в отличие от ПП связан с порядком слов:

Ang ama niya ay tumitira sa nayon 'Его отец живет в деревне', но: *Tumitira sa nayon ang ama niya* 'Живет в деревне его отец'.

Отсутствие ПС во втором предложении является значимым: оно свидетельствует о том, что сказуемое стоит на первом месте. В связи с этим *ay* иногда называют показателем словопорядка [см. 15, 79]. Как и подлежащее, сказуемое может быть выражено любой частью речи, оно обозначается либо посредством ПС, либо местом в предложении.

ПП и ПС в тагальском языке образуют синтаксический каркас двусоставного предложения, то, что В. Скаличка называл «клише-предложениями» [10, 127]. Оба эти показателя не модифицируют категориального значения следующего за ними слова. Отсюда следует, что в тагальском языке нет прямого и непосредственного соответствия частей речи и членов предложения. Это не исключает, разумеется, преимущественного употребления той или иной части речи в той или иной функции. Но принципиального запрета на употребление в любой другой функции нет. В русском предложении *Ребенок плачет* никакое изменение порядка слов, никакое интонационное выделение не могут изменить предикативных связей этих слов, если не изменить сами слова, тогда как в тагальском языке возможны *Ang bata ay lumuluha* 'Ребенок плачет' и *Ang lumuluha ay bata* 'Тот, кто плачет,—ребенок'.

Подлежащее и сказуемое в тагальском языке всегда формально обозначены особыми служебными морфемами и могут занимать различные позиции в предложении.

Из двух лексических единиц: 1) субстантивированного прилагательного *matanda* 'старый, старик' и 2) глагола в форме действительного залога мгновенного вида *nagtawa* 'рассмеялся' можно получить предложение:

(Iа) *Ang matanda ay nagtawa* 'Старик рассмеялся' (букв. 'ПП старик ПС рассмеялся').

[3] См. статью Ю. Х. Сирка [9, 146—162], посвященную рассмотрению индонезийского слова *jang*, которое генетически, видимо, связано с тагальским *ang*. Слово *jang* в просубстантивном употреблении обладает определенным сходством с тагальским *ang*: оно также относится к структуре предложения; группа слов, вводимая *jang*, является одним членом предложения (в отличие от тагальского языка не обязательно подлежащим); *jang* не является артиклем и рассматривается как относительное служебное слово.

Изменение порядка слов дает следующее предложение: (Iб) *Nagtawa ang matanda* 'Рассмеялся старик' (букв. 'ø старик ПП рассмеялся').

Предложения Iа и Iб имеют одинаковый лексический состав, синтаксическое членение (оппозиция «подлежащее—сказуемое») в них тоже одинаковое. Изменение порядка слов имеет экспрессивное значение, дается эмоциональная оценка того или иного члена оппозиции. Для тагальского языка типична постановка сказуемого на первое место [4].

Как уже говорилось выше, показатели могут стоять перед любой частью речи. Предложения Iа и Iб соответственно могут быть перестроены следующим образом:

(IIа) *Ang nagtawa ay matanda* '(Тот, кто) рассмеялся,— старик' (букв. 'ПП рассмеялся ПС старик'):

(IIб) *Matanda ang nagtawa* 'Старик (тот, кто) рассмеялся' (букв. 'ø старик ПП рассмеялся').

Предложения I и II имеют одинаковый лексический состав, одинакова и их семантика: один и тот же деятель совершает одно и то же действие. Однако синтаксическая организация этих предложений различна, различны и сообщения, передаваемые ими.

Если вслед за А. Хэтчер [см. 16, 239] допустить, что любое повествовательное предложение можно рассматривать как ответ на какой-то вопрос, то различия между предложениями I и II легко объясняются: они суть ответы на разные вопросы. Предложения I отвечают на вопрос: «Что сделал старик?», а предложения II отвечают на вопрос: «Кто рассмеялся?».

Актуальное членение предложений I и II различно. В предложениях I имеется в виду, что исходным пунктом высказывания, уже известным говорящему и слушателю («основой» — по Матезиусу, «темой» — по Боосту), является реальный деятель, тогда как действие, ему приписываемое, есть то новое (ядро, рема), что сообщается об этом известном. В предложениях II, напротив, исходный пункт высказывания (основа, тема) есть признак, процесс; имеется в виду, что он известен говорящему и слушателю, тогда как деятель, совершающий действие, есть то новое (ядро, рема), что сообщается об этом признаке, процессе [5].

---

[4] Можно отметить изоморфизм в структуре слова: для тагальского языка характерна префиксация.

[5] Здесь имеется в виду «известный» только в оппозиции «данное — новое», что не означает «известный», «определенный» в том смысле, в каком предмет определен артиклем. Основа (тема), конечно, всегда более определенна, чем ядро, но ее формальное обозначение не дает оснований трактовать *ang* как артикль, который индивидуализирует предмет. Однако артикли, в тех языках, где они имеются, также участвуют в актуальном членении [см. 6, 22; 3, 66].

Если в русском языке актуальное членение может не совпадать с формально-грамматическим (т. е. с членением на подлежащее и сказуемое; только интонация показывает, каково актуальное членение в каждом данном случае, так как она зависит от актуального членения), то в тагальском языке для различения данного (основы, темы) и нового (ядра, ремы) недостаточно интонационнного выделения, хотя и оно имеет место. Необходимо произвести синтаксическую перестройку предложения, оперируя синтаксическими показателями, выразить данное подлежащим, а новое сказуемым. Таким образом, актуальное членение в тагальском языке определяет не только интонационное членение, но и синтаксическое, подчиняя его себе [6].

Положение В. Матезиуса о том, что «актуальное членение предложения следует противопоставить формальному» [5, 239], в большинстве случаев неприменимо к тагальскому языку, где грамматический субъект совпадает с основой высказывания, а грамматический предикат совпадает с ядром. Обозначение актуального членения особыми служебными словами присуще не только тагальскому языку [см. 6, 19].

В связи с этим едва ли есть основания для выделения в тагальском языке двух уровней: синтаксического и логико-грамматического или: потенциально-синтаксического уровня (оперирующего такими понятиями, как «подлежащее» и «сказуемое») и актуально-синтаксического (оперирующего понятиями «новое» и «данное») [см., например, 6, 74—76; 1, 197].

В тагальском языке актуальное членение практически совпадает с синтаксическим членением. Новое в тагальском предложении есть сказуемое, оформленное ПС или местом в предложении; данное выражается подлежащим, оформленным ПП (о случаях двойного употребления ПП в двусоставном предложении см. ниже). Поэтому к тагальскому языку применимо положение К. Г. Крушельницкой о том, что смысловое членение «и по своей сущности, и по языковому выражению органически входит в синтаксис языка» [3, 58], что, впрочем, едва ли верно для всех языков.

Если двусоставное предложение построено из имени и глагола, как в наших примерах, то предмет (выраженный именем) и его признак (выраженный глаголом) могут или совпадать соответственно с подлежащим (основой, темой) и сказуемым (ядром, ремой), или не совпадать с ними. Этим и объясняются различия между предложениями I и II.

---

[6] Несколько иных взглядов на актуальное членение в тагальском языке придерживается Г. Е. Рачков [см. 8, 89—94]. Он справедливо связывает употребление служебного слова *ay* (у нас показатель сказуемого) с актуальным членением, но в отличие от нас считает, что формально актуальное членение выражается только посредством *ay* [см. 8, 93].

Совпадение актуального членения предложения с формально-грамматическим хорошо иллюстрируется предложениями с прямой речью. В этих предложениях сегмент, заключенный в кавычки (прямая речь), является новым, а в качестве данного выступает часть предложения, находящаяся за кавычками (авторская речь). В тагальском языке актуальное членение требует соответствующего синтаксического оформления: «*Oo*», *ang sabi niya* '«Да», — сказал он' (букв. 'ø «Да» ПП сказанное им'), что при переводе в косвенную речь дает: *Ang sabi niya ay oo* (букв. 'ПП сказанное им ПС да').

Выше предложение было определено как грамматический комплекс, сущность которого состоит в противопоставлении сказуемого подлежащему, что для тагальского языка означает также противопоставление нового данному. Степень противопоставленности может быть различной: в каждом языке имеются предложения, где противопоставленность сглаживается. В русском языке она смягчается, если морфологические различия между подлежащим и сказуемым не обозначены резко, например, если главные члены предложения выражены существительным и инфинитивом. В предложениях типа *Знать три языка — ненужная роскошь* (А. П. Чехов) подлежащее и сказуемое не различаются так резко, как в предложении *Старик рассмеялся*. Это, в частности, проявляется в том, что при изменении порядка слов подлежащее превращается в сказуемое, а сказуемое — в подлежащее: *Ненужная роскошь — знать три языка*. Имеет место обратимость членов предложения, которая говорит об их известном равновесии. Она (обратимость) отсутствует в том случае, если сказуемое выражено глаголом в личной форме. Предложения такого типа нередко встречаются в разговорной речи и, как отмечал Г. Пауль, в поговорках [см. 7, 147].

В тагальском языке подобное уменьшение противопоставленности сказуемого подлежащему (и соответственно нового данному) достигается двойным употреблением показателя *ang*, который в таком случае ставится перед обоими главными членами (в рассматриваемом нами случае — *matanda* и *nagtawa*). Таким образом, мы получаем предложения:

IIIа) *Ang matanda ay ang nagtawa* 'Старик рассмеялся';

(IIIб) *Ang nagtawa ang matanda* 'Рассмеялся старик'.

В предложениях III, как и в предложениях I и II, сказуемое обозначено либо посредством ПС, либо порядком слов. Подлежащее в предложениях типа III определяется негативно: это тот член предложения, который не является сказуемым.

Далее, в предложениях III подлежащее и сказуемое выражены соответственно именем и глаголом. Однако, как и в предложениях II, допустима иная синтаксическая организа-

ция: подлежащее может быть выражено глаголом, а сказуемое именем:

(IVа) *Ang nagtawa ay ang matanda* '(Тот, кто) рассмеялся — старик';

(IVб) *Ang matanda ang nagtawa* 'Старик (тот, кто) рассмеялся'.

В предложениях III и IV не исчезает, но значительно ослабевает противопоставленность сказуемого подлежащему (и соответственно — нового данному). В очерке М. Круса и Л. И. Шкарбан предложения типа III и IV удачно названы уравнительными [см. 2, 89].

Таким образом, из двух слов можно построить восемь предложений, если учитывать такой фактор, как изменение порядка слов. Но поскольку словопорядок связан прежде всего с эмфатическим выделением членов предложения, он относится скорее к сфере стилистического синтаксиса. Если предложения с разным словопорядком рассматривать как стилистические варианты, то количество предложений сокращается до четырех. В наших примерах предложения строились из прилагательного и глагола, но на их место можно поставить и другие знаменательные части речи. Различные виды двусоставных предложений получаются в результате постановки показателей — ПП и ПС — перед разными частями предложения, а также употреблений двух ПП в одном предложении, которое при этом становится уравнительным. По наличию или отсутствию этих признаков все четыре типа предложений характеризуются следующим образом:

	I	II	III	IV
Подлежащее выражено именем, сказуемое—глаголом	+	—	+	—
Наличие уравнительности	—	—	+	+

Одна и та же информация об одном и том же отрезке действительности в тагальском языке может быть передана четырьмя предложениями. Для говорящего на тагальском языке существенными оказываются следующие моменты:

1. Актуальное членение предложения, которое требует соответствующей синтаксической организации. Подлежащее может быть выражено именем, сказуемое — глаголом, как в предложениях I и II, или наоборот: подлежащее выражено глаголом, сказуемое — именем, как в предложениях II и IV.

2. Противопоставленность сказуемого подлежащему и соответственно — нового данному. Она может быть выражена отчетливо, как в предложениях I и II, или сглаживаться, как в предложениях III и IV.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардуль И. Ф., К обоснованию актуального синтаксиса,— сб. «Язык и мышление», М., 1967.
2. Крус М., Шкарбан Л. И., Тагальский язык, М., 1966.
3. Крушельницкая К. Г., К вопросу о смысловом членении предложения,— «Вопросы языкознания», 1956, № 5.
4. Курилович Е., Очерки по лингвистике, М., 1962.
5. Матезиус В., О так называемом актуальном членении предложения,— сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967.
6. Панфилов В. З., Грамматика и логика, М.— Л., 1963.
7. Пауль Г., Принципы истории языка, М., 1960.
8. Рачков Г. Е., Служебное слово *ay* в тагальском языке,— сб. «Исследования по филологии стран Азии и Африки», изд-во ЛГУ, 1966.
9. Сирк Ю. Х., Грамматическая природа слова *jang* в индонезийском языке,— сб. «Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии», М., 1964.
10. Скаличка В., Асимметричный дуализм языковых единиц,— сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967.
11. Alejandro R., A Handbook of Tagalog Grammar, Manila, 1954.
12. «Beginning Tagalog», Los Angeles, 1965.
13. Blake F., A Grammar of the Tagalog Language, New Haven (Connecticut), 1925.
14. Bloomfield L., Tagalog Texts with Grammatical Analysis, University of Illinois, 1917.
15. Constatino E., The Sentence Pattern of 26 Philippine Languages,— «Indo-Pacific Linguistic Studies», pt II, Amsterdam, 1965.
16. Hatcher A. G., Syntax and Sentence,— «Word», 1956, vol. 12, № 2.
17. Lopez C., Contribution to a Philippine Syntax,— «Indo-Pacific Linguistic Studies», pt II, Amsterdam, 1965.
18. Paralуman A., Basic Tagalog, Manila, 1959.

С. Е. ЯХОНТОВ

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В области изучения членов предложения в китайском языке существует ряд спорных вопросов. Решению некоторых из них может помочь предварительное рассмотрение общих принципов выделения членов предложения.

Условимся считать, что теория членов предложения должна удовлетворять следующим требованиям.

Во-первых, по возможности каждое знаменательное слово в предложении должно быть определено как тот или иной член предложения. Желательно как можно реже вводить в описание неразложимые сочетания и особые (не объясняемые по общим правилам) конструкции.

Это не значит, что неразложимых сочетаний в китайском языке вообще не существует. Примером действительно неделимого (в синтаксическом плане) словосочетания может послужить счетный комплекс, т. е. сочетание числительного и счетного слова, например, *san*^{1} *jin*^{1} 'три фунта'. В составе предложения числительное и счетное слово почти никогда не употребляются одно без другого и занимают в структуре целого одно общее место, поэтому составляют один член предложения. Однако там, где такой взаимной обусловленности двух элементов языка не наблюдается, нет оснований считать, что они составляют неразложимое сочетание.

Во-вторых, каждый член предложения должен быть выделен с помощью некоторой формальной процедуры; об этом будет подробнее сказано ниже.

В-третьих, желательно, чтобы категории, выделяемые с помощью этой процедуры, были осмысленными, значащими.

Так как не существует сколько-нибудь общепризнанного способа различения или разграничения грамматических значений, ограничимся минимальным требованием: не следует относить к одному структурному типу конструкции, которые, будучи лексически представлены словами одних и тех же частей речи, в то же время не имеют ничего общего между собой по смыслу.

2. Все формальные процедуры, которыми мы будем пользоваться, можно свести к трем: 1) опущение какого-то элемента предложения (редукция) или добавление в него како-

го-то нового элемента; 2) замена одного элемента другим (субституция); 3) трансформация (ср. 1, 150 и сл.).

При редукции учитываются только знаменательные слова; служебные слова обычно опускаются автоматически вместе с соответствующими знаменательными. Например, если в предложении *Wo*^{3} *na*^{2} *yao*^{4}*shi*^{0} *kai*^{1} *suo*^{3} 'Я открываю замок ключом' опустить слово *yao*^{4}*shi*^{0} 'ключ', то должен быть одновременно опущен и предлог *na*^{2}.

При редукции и при субституции не требуется, чтобы значение предложения в целом осталось неизменным; опускаемые слова вовсе не являются лишними по смыслу, заменяемые — не являются синонимами. Необходимо лишь, чтобы в результате получилось правильное предложение китайского языка. Предполагается, что опущение слова не меняет грамматических отношений между оставшимися словами (без этого условия трудно было бы разбирать неполные предложения). При субституции грамматические свойства целого должны сохраняться без изменений — законченное предложение не должно превратиться в незаконченное. Например, замену глагола *you*^{3} 'иметь' частицей *de*^{0} (*Wo*^{3} *you*^{3} *shu*^{1} 'у меня есть книга' — *wo*^{3} *de*^{0} *shu*^{1} 'моя книга') нельзя считать субституцией, так как в результате этой замены от предложения образуется словосочетание.

Трансформацией считается всякое преобразование одной конструкции в другую, совершаемое по определенному общему правилу, при условии, что смысловые отношения между знаменательными словами, участвующими в этом преобразовании, в основном сохраняются. Например, замена *you*^{3} 'иметь' на *de*^{0}, о которой говорилось выше, считается трансформацией. С другой стороны, если предложение *Wo*^{3} *da*^{3} *ta*^{0} 'Я бью его' изменить в *Ta*^{1} *da*^{3} *wo*^{0} 'Он бьет меня', это не будет трансформацией, так как слово, обозначавшее в первом предложении субъект действия, во втором обозначает объект, и наоборот. Преобразование *Ta*^{1} *shi*^{4} *wo*^{3} *fu*^{4}*qin*^{0} 'Он мой отец' в *Wo*^{3} *shi*^{4} *ta*^{1} *er*^{2}*z*^{0}. 'Я его сын' тоже не является трансформацией, потому что его нельзя описать с помощью какого-нибудь общего правила.

Трансформация часто сопровождается одновременным опущением или добавлением элементов, особенно служебных: *Ta*^{1} *guan*^{1} *men*^{2} 'Он закрывает дверь' — *Ta*^{1} *ba*^{3} *men*^{2} *guan*^{1}*le*^{0} 'Он (эту) дверь закрыл'.

3. Место слова в предложении само по себе не является (или не обязательно является) признаком члена предложения.

Во-первых, один и тот же член предложения может занимать разные позиции. Ср.:

Ta^1 *mei*^{2} *shuo*^{1} *shen*^{2}*me*^{0} 'Он ничего не сказал';

Ta^1 *shen*^{2}*me*^{0} *ye*^{3} *mei*^{2} *shuo*^{1} 'Он ничего не сказал'.

Дополнение *shen²me⁰* 'что' стоит в одном случае после глагола, в другом — перед ним.

Во-вторых, слова одного и того же класса, занимающие одно и то же место, могут находиться в неодинаковых отношениях с соседними словами. Ср.:

mai³le⁰ yi⁴ ben³ shu¹ 'купил одну книгу';

kan⁴le⁰ yi² ye⁴ shu¹ 'читал (книгу) всю ночь'.

Счетный комплекс, стоящий между глаголом и существительным, в одном случае подчинен существительному, в другом — глаголу.

В-третьих, одно и то же слово, занимая одно и то же место в предложении, может находиться в настолько различных отношениях к соседним словам, что, рассматривая его в этой позиции всегда как один и тот же член предложения, мы нарушаем «принцип осмысленности».

Так, предложение *Ji¹ bu⁴ chi¹ le⁰* в зависимости от контекста может значить либо 'Куры больше не хотят есть', либо 'Курицы [я] больше не хочу' (пример Чжао Юань-жэня [11, 35]); слово *ji¹* 'курица' обозначает в одном случае субъект, в другом — объект действия *chi¹* 'есть'.

4. Все члены предложения китайского языка можно разделить на три группы.

Прежде всего, есть слова, которые относятся к предложению в целом и не связаны грамматически ни с одним из его членов отдельно. Примером такого слова может послужить *yuan²lai²* 'оказывается'. Оно может занимать в предложении только две позиции, ср.: *Yuan²lai² ni³ zai⁴ zhe⁴li⁰* 'Оказывается, ты здесь'; *Ni³ yuan²lai² zai⁴ zhe⁴li⁰.* 'Ты, оказывается, здесь'. Тем же свойством обладают наречия времени и другие слова и словосочетания с временным значением, модальные слова, а также слова и словосочетания со значением цели, причины и некоторые другие. Мы будем называть их «определениями к предложению». Помимо их к предложению в целом относится также слово-тема.

Другие слова либо подчинены одному определенному слову, либо вообще ничему не подчинены и лишь имеют при себе зависимые слова.

Значительно реже встречаются слова, грамматически связанные одновременно с двумя тоже уже связанными между собой членами предложения — например, одновременно с подлежащим и сказуемым. Что это значит, удобнее сначала объяснить на материале русского языка.

Русское деепричастие, несомненно, подчинено сказуемому, но в то же время оно связано и с подлежащим: деепричастие, так же как и само глагольное сказуемое, обозначает действие лица, обозначенного подлежащим. Например: *Идя по лесу, охотник встретил волка;* слова *идя* и *встретил* обозначают действия одного и того же лица. Связь деепричастия

с подлежащим — грамматическая (синтаксическая), а не только смысловая, поскольку мы узнаем о ней не из контекста или лексических значений слов, а из формальной структуры предложения.

В китайском языке аналогичными свойствами обладает второстепенное сказуемое. Примером его могут послужить первые два глагола в предложении: *Ta*^{1} *fang*^{4}*xia*^{0} *shu*^{1} *xiao*^{4}-*zhe*^{0} *zhan*^{4}*qi*^{0}*lai*^{0}*ie*^{0} 'Он положил книгу и, улыбаясь, встал'. Оба эти глагола, с одной стороны, связаны со сказуемым, обозначая действие, непосредственно предшествующее или одновременное главному; с другой стороны, они связаны и с подлежащим *ta*^{1} 'он', причем связь эта в каком-то смысле та же самая, что и связь подлежащего с настоящим сказуемым предложения — подлежащее обозначает лицо, совершающее все три действия.

Заметим сразу же, что в китайских грамматиках китайского языка сочетание второстепенного сказуемого и собственно сказуемого рассматривается как неразложимая «конструкция сопряженных действий» (*ляньдуншн*). В соответствии с общими принципами, изложенными в начале статьи, от этой трактовки следует отказаться.

Кроме второстепенного сказуемого двойными синтаксическими связями обладают еще два члена предложения — дополнительный член и уточнение; они будут рассмотрены ниже.

5. В китайском предложении можно легко обнаружить две главные границы.

Первая граница создается возможностью сделать паузу и вставить модальную частицу:

Deng me^{0}, *wo*^{3} *ti*^{4}*ni*^{0} *chui*^{1} (Лу, 274) 'Светильник я за тебя погашу'.

Эта граница обычно (при нормальной интонации и при отсутствии специальных выделительных конструкций) выражает актуальное членение предложения, отделяя состав «данного» от состава «нового». Но такая же граница проходит и после определения к предложению и даже после союза, если они стоят в самом начале предложения. Собственно, в этом случае паузу можно сделать в двух местах:

Ke^{3}*shi*^{0}, *yao*^{2}*yan*^{0}, *ta*^{1} *bu*^{2} *xin*^{4} (Л, 11) 'Однако слухам он не верил'.

Пауза возможна иногда и в других местах предложения, но в таком случае она никогда не сопровождается модальной частицей (и почти никогда не отмечается на письме запятой).

Вторую границу указывают некоторые слова, всегда занимающие в предложении одно и то же место; таковы, например, отрицания или слово *jiu*^{4} 'тогда'. Часть предложения после этой границы можно назвать группой сказуемого.

В большинстве случаев обе границы совпадают и «данным» служит подлежащее (или группа подлежащего) [1]. Однако подлежащее может оказаться и между двумя границами (ср. предыдущий пример, где подлежащее *ta*[1] 'он' стоит между паузой и отрицанием); оно может быть даже включено внутрь группы сказуемого, занимая место, обычно свойственное дополнению. Определения к предложению тоже могут стоять и непосредственно перед группой сказуемого, после «данного» или после подлежащего.

Итак, мы можем обнаружить в китайском предложении две основные группировки слов (не считая определения к предложению), которые мы будем называть группой «данного» и группой «нового», хотя в действительности они соответствуют «данному» и «новому» только при отсутствии каких-либо специальных выделительных средств. Группа сказуемого или совпадает с группой «нового», или по крайней мере входит в ее состав. Некоторые слова (наречия времени и т. п.), находясь в начале предложения, не входят ни в одну из основных групп.

«Данное» и «новое», хотя и являются понятиями грамматическими, не представляют собой членов предложения. В частности, в позиции «данного» в разных примерах оказываются разные члены предложения.

6. Вслед за Н. И. Тяпкиной мы будем различать слова, входящие в основную структуру предложения, и слова, в нее не входящие [см. 7, 306]. Основным признаком этих последних является то, что их всегда можно опустить без того, чтобы это повлияло на законченность предложения, т. е. без того, чтобы предложение превратилось в неполное (в крайнем случае иногда приходится компенсировать опущенное слово каким-нибудь служебным элементом — например, глагольным аффиксом). Незаконченным (неполным) мы условимся считать предложение, которое: а) может быть правильно понято только в конкретном контексте; б) может быть путем добавления одного или нескольких слов превращено в предложение, не зависящее от контекста. Все остальные предложения будем считать законченным. Так, русский пример *Тогда он поехал туда* окажется законченным предложением, потому что, хотя понять его можно только в контексте, его едва ли удастся чем-нибудь дополнить так, чтобы сделать более ясным.

Существуют три причины, по которым слово оказывается обязательным и не может быть опущено без нарушения законченности предложения.

[1] В китайских грамматиках китайского языка подлежащее (*чжуюй*) часто определяют как «объект сообщения» [см., например, 12, 18]. При таком определении подлежащее будет соответствовать тому, что в настоящей статье названо «данным», а не тому, что здесь считается подлежащим.

Во-первых, в законченном предложении обычно должно быть минимум по одному слову в группе «данного» и в группе «нового». Правда, бывают и односоставные предложения, состоящие только из группы «нового», а, с другой стороны, некоторые глаголы не могут употребляться как «новое» сами по себе, без каких-нибудь других слов (не обязательно дополнений).

Во-вторых, если обязательным элементом предложения оказывается глагол, не могут быть выброшены и слова, входящие в его оптимальное окружение (о понятии оптимального окружения см. статью А. А. Холодовича [8, 37]).

В-третьих, в ряде случаев оказываются обязательными элементы, которые можно было бы назвать актуализаторами [ср. 2, 87 и сл.]. К их числу относятся, в частности, указательные местоимения (обычно в сочетании со счетным словом) при существительном, модальные глаголы при глаголе, наречия степени при прилагательном, а возможно также и отрицания, слово *dou*^{1} 'все' и некоторые другие наречия. Действительно, предложение вроде *He*^{2} *shen*^{1} 'Река глубока' едва ли можно считать законченным, в то время как законченность предложения *Zhe*^{4} *tiao*^{2} *he*^{2} *hen*^{3} *shen*^{1} 'Эта река (очень) глубокая' не вызывает сомнений.

Вопрос об актуализаторах мы здесь рассматривать не будем. Достаточно сказать, что их можно либо считать определениями, либо приравнять к служебным словам, которые вообще не составляют отдельных членов предложения.

В некоторых случаях из предложения можно более или менее свободно удалить слово, традиционно считающееся сказуемым (иногда его необходимо при этом заменить служебным элементом). Приведем два таких примера (представляющих соответственно 3-й и 4-й типы предложений, рассматриваемых на стр. 251);

Kou^{3}*dai*^{0} *li*^{0} *zhuang*^{1}*zhe*^{0} *mi*^{3} 'В мешке хранится рис' — *Kou*^{3}*dai*^{0} *li*^{0} *shi*^{4} *mi*^{3} 'В мешке — рис';

Dao^{1}*z*^{0} *mo*^{2}*de*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож наточен (очень) остро' — *Dao*^{1}*z*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож (очень) острый'.

В первом примере опущенный глагол заменен связкой *shi*^{4} (впрочем, в предложениях этого типа *shi*^{4} едва ли можно считать связкой), но при некоторых дополнительных условиях последняя тоже может быть опущена. Во втором примере глагол не должен быть ничем заменен.

Для того чтобы сказуемое не оказалось выведенным за пределы основной структуры предложения, прибегнем к дополнительному критерию.

Из двух слов, подчиненных одно другому, зависимое слово всегда легче заменить словом-заместителем (например, личным местоимением или вопросительным словом). Если мы заменяем словом-заместителем главное слово, мы долж-

ны опустить и все зависящие от него слова. Например, в предложении *Ta*^{1} *mai*^{3} *shu*^{1} 'Он покупает книги' пропуск последнего слова сделает предложение неполным, но это слово легко можно заменить местоимением: *Ta*^{1} *mai*^{3} *shen*^{2}-*me*^{0}? 'Что он покупает?' Заменить же таким образом глагол не удается, но можно сказать: *Ta*^{1} *zen*^{3}*me*^{0}*yang*^{4}? 'Что он делает?', 'Что с ним происходит?', т. е., заменив глагол, одновременно опустить существительное.

7. Итак, удалим из предложения все слова, которые можно опустить без нарушения законченности предложения и в то же время — если эти слова представляют собой существительные, глаголы или прилагательные — можно заменить словами-заместителями.

В полученных в результате редукции более коротких предложениях группа «данного», как правило, будет состоять только из одного слова, но группа «нового» по-прежнему часто будет содержать несколько слов. Определим среди этих слов главное.

Главным словом не будет считаться то, которое может быть заменено вопросительным словом. Ср.:

Kou^{3}*dai*^{0} *li*^{0} *zhuang*^{1}*zhe*^{0} *mi*^{3} 'В мешке хранится рис';

Kou^{3}*dai*^{0} *li*^{0} *zhung*^{1}*zhe*^{0} *shen*^{2}*me*^{0}? 'Что хранится в мешке?'

Далее, слово не будет считаться главным в группе «нового», если можно в результате трансформации перенести его в группу «данного». Например, в предложении *Ta*^{1} *luo*^{4} *tou*^{2}*fa*^{0} 'У него выпадают волосы' слово *tou*^{2}*fa*^{0}, кажется, нельзя заменить местоимением, но можно сказать: *Ta*^{1} *de*^{0} *tou*^{2}*fa*^{0} *dou*^{1} *luo*^{4}*le*^{0} 'Его волосы все выпали', перенеся слово *tou*^{2}*fa*^{0} 'волосы' в группу «данного».

Наконец, можно условиться не считать главным слово, позицию которого может занимать (не обязательно в рассматриваемом предложении) служебный элемент, не выражающий синтаксических отношений. Например, в предложении *Xin*^{4} *xie*^{3} *hao*^{3}*le*^{0} 'Письмо написано' сочетание *xie*^{3} *hao*^{3} 'написать' (букв. 'написать хорошо') построено так же, как сочетание *xie*^{3}*shang*^{0} 'написать', где *-shang*^{0} есть несамостоятельный служебный элемент. Следовательно, слово *hao*^{3} 'хороший' не является главным.

Этими способами все же нельзя выделить главное и зависимое слово в двух конструкциях: в словосочетании с приложением и в составе «конструкции сопряженных действий», состоящей из сказуемого и второстепенного сказуемого. В том и в другом случае любой из составных элементов конструкции может быть легко опущен. Например, предложение *Nü*^{3}*har*^{2} *xiao*^{4}*zhe*^{0} *pao*^{3}*le*^{0} 'Девочка, смеясь, убежала' может быть сокращено двояким образом: *Nü*^{3}*har*^{2} *xiao*^{4}*zhe*^{0} 'Девочка смеется' и *Nü*^{3}*har*^{2} *pao*^{3}*le*^{0} 'Девочка убежала'. В то же

время, кажется, ни один из этих элементов не может быть заменен словом-заместителем.

В этих двух конструкциях будем произвольно опускать один из элементов. На дальнейшее это никак не повлияет.

8. В большинстве предложений главным словом в группе «нового» окажется предикатив (глагол или прилагательное), входящий в состав группы сказуемого. Естественно, он и будет сказуемым предложения.

Примеры, в которых главное слово в составе «нового» не является предикативом, помимо предложений, аналогичных уже упоминавшемуся выше предложению *Kou*^{3}*dai*^{0} *li*^{0} *shi*^{4} *mi*^{3} 'В мешке — рис', представлены еще тремя типами; их можно проиллюстрировать предложениями: *Zhang*^{1} *tong*^{2}*zhi*^{4} *shi*^{4} *xue*^{2}*sheng*^{0} 'Товарищ Чжан — студент'; *San*^{1}*lun*^{2}*che*^{1} *cai*^{2} *wu*^{3} *liang*^{3} 'Велорикш (было) только пять'; *Dui*^{4}*zhang*^{3} *shi*^{4} *gao*^{1} *ge*^{4}*z*^{0} 'Командир (был) высокого роста'. Рассматривать их здесь мы не будем [подробнее о них см. 4, § 3—4, 41, 174; 10, 167—168].

9. Среди предложений с глагольным сказуемым, сокращенных с помощью редукции, можно выделить четыре основных типа:

(1) *Ke*^{4}*ren*^{0} *lai*^{2}*le*^{0} 'Гости пришли'; *Men*^{2} *kai*^{1}*le*^{0} 'Дверь открылась'; *Dao*^{1}*z*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож (очень) острый';

(2) *Wo*^{3} *he*^{1} *cha*^{2} 'Я пью чай'; *Wo*^{3} *zou*^{3} *lu*^{4} 'Я иду (по дороге'); *Ta*^{1} *xia*^{1}*ie*^{0} *yan*^{3}*jing*^{0} 'Он ослеп' (букв. 'У него ослепли глаза');

(3) *Zhuo*^{1}*z*^{0} *shang*^{0} *fang*^{4}*zhe*^{0} *shu*^{1} 'На столе лежат книги'; *Shu*^{4} *shang*^{0} *luo*^{4}*xia*^{0} *yi*^{0} *zhi*^{1} *li*^{2} *lai*^{0} 'С дерева упала груша'; *Zhe*^{4}*li*^{0} *bu*^{2} *mai*^{4} *piao*^{4} 'Здесь не продают билеты'; *Wu*^{1}*z*^{0} *li*^{0} *chui*^{1}*le*^{0} *deng*^{1} 'В комнате задули лампу';

(4) *Xin*^{4} *xie*^{3} *hao*^{3}*le*^{0} 'Письмо написано'; *Dao*^{1}*z*^{0} *mo*^{2}*de*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож наточен (очень) остро'.

Это отнюдь не исчерпывающий список (сюда не вошли, например, конструкции с предлогом *ba*^{3}, с побудительными глаголами, со словом *teng*^{2} 'больно' и ряд других).

Нетрудно заметить, что 1-й и 4-й типы тесно связаны между собой; предложения 1-го типа можно легко превратить в предложения 4-го типа (*Ke*^{4}*ren*^{0} *lai*^{2}*de*^{0} *tai*^{4} *zao*^{3} *le*^{0} 'Гости пришли слишком рано'), однако только в «настоящем» 4-м типе наличие послеглагольного элемента не просто возможно, но и обязательно.

Посмотрим теперь, какие трансформации допускают предложения каждого типа.

В предложениях 3-го типа «данным» является слово категории места (*чусоцы*), например существительное с послелогом. В некоторых из них на место «данного» можно подставить личное местоимение (структура предложения при этом изменится) или по крайней мере вставить личное ме-

стоимение после «данного»: *Ta*^{1} *mai*^{4} *piao*^{1} 'Он продает билеты'; *Ta*^{1} *chui*^{1}*le*^{0} *deng*^{1} 'Он задул лампу'. В результате замены получаются предложения 2-го типа. В других случаях такая замена невозможна; это так называемые предложения наличия (*цуньцзайцзюй*), т. е. предложения, в которых сообщается о наличии предмета в таком-то месте. В предложениях наличия сказуемым могут быть только непереходные глаголы и некоторые (не все) переходные глаголы с суффиксом *-zhe*^{0}.

В предложениях 2-го типа имя, стоящее после сказуемого, может быть (обычно при условии добавления актуализаторов к имени или к глаголу) перенесено в начало предложения и превращено в «данное»: *Cha*^{2} *wo*^{3} *bu*^{4} *he*^{1} 'Чай я пить не буду'; *Zhe*^{4} *tiao*^{2} *lu*^{4} *wo*^{3} *bu*^{4} *neng*^{2} *zou*^{3} 'По этой дороге я не могу идти'.

Трансформация не всегда возможна, если после глагола стоит не существительное, а местоимение. Кроме того, в некоторых предложениях второе имя не может быть ни поставлено в начало, ни заменено местоимением (*Ta*^{1} *xia*^{1}*le*^{0} *yan*^{3}*jing*^{0} 'Он ослеп'; такие примеры должны рассматриваться совершенно особо, ср. ниже, раздел об уточнении).

В некоторых предложениях 1-го типа и в тех предложениях 4-го типа, в которых обязательно наличие послеглагольного элемента, после «данного» можно добавить местоимение: *Men*^{2}, *shei*^{2} *kai*^{1}*le*^{0}? 'Кто открыл дверь?'; *Xin*^{4}, *wo*^{3} *xie*^{3} *hao*^{3}*le*^{0} 'Письмо я написал'. В других — вставка местоимения невозможна. Причины этого те же, что и для предложений 3-го типа: местоимение не может быть вставлено перед непереходным глаголом.

Нетрудно заметить, что предложения, получающиеся здесь в результате вставки местоимения, сходны по структуре с теми, которые получены выше, в результате трансформации предложений 2-го типа.

Предложения, допускающие вставку местоимения после «данного», в основном соответствуют «предложениям состояния» Н. В. Солнцевой [см. 6, 45—46]. Формальные признаки этой категории не были точно установлены. В. И. Горелов указывает, что для предложений этого типа обязательным является наличие частицы *le*^{0} [см. 3, 172]. Если так, то далеко не все примеры 1-го и 4-го типов, допускающие вставку местоимения (в том числе и не все примеры, приводимые Н. В. Солнцевой), могут считаться предложениями состояния. Ср.:

Dao^{1}*z*^{0} *mo*^{2}*d*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож наточен (очень) остро';

Xie^{2}*z*^{0} *ye*^{3} *dei*^{3} *bu*^{3} (Г, 58) 'Туфли тоже надо починить';

He^{2} *zen*^{3}*m*^{0} *guo*^{4}? (Линь, 4) 'Как переправиться через реку?' (букв. 'Реку как перейти?').

В этих предложениях, как и в предложениях состояния,

сказуемым является переходный глагол, и после «данного» может быть добавлено местоимение.

Итак, все рассмотренные выше предложения можно теперь распределить по-новому. Во-первых, в ряде предложений возможно только одно имя, т. е. существительное или местоимение, где бы оно ни стояло — после сказуемого или перед ним; очевидно, его следует считать подлежащим. Далее, есть предложения, в которых имеются два слова категории имени, или второе имя может быть добавлено; видимо, одно из них есть подлежащее, другое — дополнение.

В каждом таком предложении путем дальнейших трансформаций, которые я не буду здесь описывать, одно из имен может быть помещено в положение после глагола или же поставлено перед глаголом с предлогом *ba*^{3}: *Ta*^{1} *ba*^{3} *xin*^{4} *xïe*^{3} *hao*^{3}-*le*^{0} 'Он (это) письмо написал'. Перед другим именем может быть поставлено служебное слово *jiao*^{4}, иногда *bei*^{4} (первое выражает каузативные или пассивные, второе — только пассивные отношения): *Wo*^{3} *mei*^{2} *jiao*^{4} *ta*^{0} *ba*^{3} *xin*^{4} *xie*^{3} *hao*^{3} 'Я не дал ему написать письмо'. Слово *jiao*^{4} может быть поставлено и перед подлежащим непереходных глаголов; поэтому то имя, которое допускает трансформацию с *jiao*^{4} и *bei*^{4}, будем считать подлежащим. Другое имя будем считать дополнением независимо от того, стоит ли оно перед глаголом или после него и имеется ли в предложении подлежащее.

Описанные признаки подлежащего и дополнения пригодны для анализа и тех глагольных предложений, которые мы не рассматривали.

Заметим, что нельзя считать признаком подлежащего позицию слова (без предлога и послелога) непосредственно перед сказуемым [см. 6, 31]. В этой позиции может находиться и дополнение, даже если одновременно в предложении присутствует подлежащее:

Wo^3 *ma*^{2} *dou*^{1} *kuai*^{4} *ge*^{i} *le*^{0} (Ч, т. I, 41) 'Мне коноплю уже скоро убирать';

Ni^3 *miao*^{4} *men*^{2} *yao*^{4} *guan*^{1}*de*^{0} *jin*^{3} (Лу, 276) 'Ты двери храма должен покрепче запереть!'

Остается еще сравнительно небольшое число примеров 2-го типа, в которых слово, стоящее после сказуемого, не может быть ни заменено местоимением, ни вынесено в начало предложения: *Ta*^{1} *xia*^{1}*le*^{0} *yan*^{3}*jing*^{0} 'Он ослеп'; *Ta*^{1}*men*^{0} *lai*^{2}-*le*^{0} *ke*^{4}*ren*^{0} 'К ним пришли гости'. Примеры эти неоднородны; за недостатком места мы их здесь рассматривать не будем [2].

Главное слово группы «данного», если оно не может быть определено как подлежащее или дополнение, считается

[2] Ср. [9, 35—36]. Член предложения, который в этой книге обозначен термином «обстоятельство отношения», в настоящей статье называется «уточнением».

особым членом предложения — словом-темой. Этим членом предложения являются, в частности, слова категории места, употребленные как «данное».

10. Кроме уже разобранных выше членов предложения в составе группы сказуемого могут иметься дополнительный член и уточнение.

Дополнительный член выделяется благодаря тому, что он может быть в соединении с дополнением (иногда — с подлежащим) преобразован в самостоятельное законченное предложение: *Dao*^{1}*z*^{0} *mo*^{2}*de*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож наточен (очень) остро' — *Dao*^{1}*z*^{0} *hen*^{3} *kuai*^{4} 'Нож (очень) острый'; *Ta*^{1} *zou*^{3} *lei*^{4}*le*^{0} 'Он устал идти' — *Ta*^{1} *lei*^{4} *le*^{0} 'Он устал'; *Ta*^{1} *qing*^{3} *wo*^{0} *he*^{1} *cha*^{2} 'Он пригласил меня выпить чаю' — *Wo*^{3} *he*^{1} *cha*^{2} 'Я пью чай'. Отношения между словами, участвующими в преобразовании, остаются одинаковыми в том смысле, что в основном и в производном предложении качество или действие приписывается одному и тому же лицу или предмету. Слово, которое в производном предложении становится сказуемым (в наших примерах *kuai*^{4} 'острый', *lei*^{4} 'усталый', *he*^{1} 'пить'), в исходном предложении является дополнительным членом. В отличие от второстепенного сказуемого дополнительный член всегда ставится после глагола, которому он подчинен (хотя не обязательно примыкает к нему непосредственно).

Специфика последнего из приведенных примеров состоит в том, что второй глагол (*he*^{1} 'пить') входит в оптимальное окружение первого (*qing*^{3} 'пригласить', букв. 'просить'). Иногда оба глагола в таких примерах рассматривают в качестве неразложимой «конструкции с совмещенным членом» или двух частей одного сложного сказуемого. В соответствии с общими принципами от этой точки зрения лучше отказаться. Во всяком случае оба глагола не могут быть двумя частями одного и того же члена предложения: каждый из них имеет собственные синтаксические связи с другими словами.

Другой член предложения — уточнение — можно проиллюстрировать следующим наиболее обычным примером: *Ta*^{1} *tou*^{2} *teng*^{2} 'У него болит голова'. Уточнением здесь является слово *tou*^{2} 'голова'.

В подобных примерах первое имя характеризуется не непосредственно, а через какую-то свою часть или сторону; второе имя обозначает эту часть или сторону предмета, обозначенного первым именем [см., например, 6, 36]. Таким образом, второе имя — уточнение — связано, с одной стороны, с подлежащим, обозначая часть или сторону соответствующего предмета, с другой стороны — с названием приписываемого ему качества или состояния, т. е. со сказуемым.

В. И. Горелов рассматривает сочетания, аналогичные *tou*^{2} *teng*^{2} 'голова болит', как неделимые в синтаксическом

плане [см. 3, 173—175]. В соответствии с общими принципами выделения членов предложения от этой трактовки следует отказаться.

Чаще *tou*^{2} *teng*^{2} 'голова болит' считают предложением, употребленным в функции сказуемого к подлежащему *ta*^{1} 'он'. Однако сочетание *tou*^{2} *teng*^{2} не может быть употреблено в качестве самостоятельного законченного предложения; оно может быть предложением только в том случае, если подлежащее при нем (например, *ta*^{1} 'он') восстанавливается из контекста, иначе содержащееся в нем сообщение непонятно.

Кроме того, сочетание *tou*^{2} *teng*^{2} 'голова болит' резко отличается от любого зависимого предложения тем, что на состав его наложены определенные ограничения. В таких конструкциях, как *yao*^{4}*shi*^{0} *A jiu B* 'если А, то В' или *wo*^{3} *zhi*^{1}*dao*^{0} *A* 'я знаю, что А', на место А могут быть подставлены теоретически любые предложения китайского языка — во всяком случае предложения любого типа (включая такие, как *He*^{2} *shen*^{1} 'Река глубока'; *Ta*^{1} *shi*^{4} *xue*^{2}*sheng*^{0} 'Он студент'; *Xia*^{4} *yu*^{3} *le*^{0} 'Пошел дождь'). Ясно, что в интересующей нас конструкции ничего похожего не наблюдается.

Уточнение может стоять и после сказуемого, например:

Ta^1 *luo*^{4} *tou*^{2}*fa*^{0} 'У него выпадают волосы';

Ta^1 *bei*^{4} *kan*^{3}*le*^{0} *tou*^{2} 'Ему отрубили голову'.

Слова *tou*^{2}*fa*^{0} 'волосы', *tou*^{2} 'голова' здесь являются уточнением.

В этой конструкции (так же как и при положении уточнения перед сказуемым) уточнение отличается от дополнения тем, что не может быть поставлено в позицию «данного» перед подлежащим; от определения к глаголу — возможностью такой трансформации предложения, при которой подлежащему (иногда дополнению) и уточнению исходного предложения будет соответствовать сочетание определения и определяемого: ...*kan*^{3}*le*^{0} *ta*^{1} *de*^{0} *tou*^{2} '...отрубили ему голову (букв. его голову)'.

Уточнением может быть не только существительное, но и счетный комплекс, но этот случай мы рассматривать не будем.

11. Существительное в любой синтаксической функции может иметь приложение.

Сочетание, в котором одно слово является приложением к другому, можно трансформировать в связочное предложение или в предложение с глаголами *xing*^{4} 'иметь фамилию', *jiao*^{4} 'зваться', часто — и в то и в другое. Ср.:

ta^1 *de*^{0} *er*^{2}*z*^{0} *Run*^{4}*tu*^{3} 'Его сын Жунь-ту' — *Run*^{4}*tu*^{3} *shi*^{4} *ta*^{1} *de*^{0} *er*^{2}*z*^{0} 'Жунь-ту — его сын' — *Ta*^{1} *de*^{0} *er*^{2}*z*^{0} *jiao*^{4} *Run*^{4}*tu*^{3} 'Его сына зовут Жунь-ту';

Zhang^1 *mu*^{4}*jiang*^{0} 'плотник Чжан' — *Zhe*^{4} *ge*^{3} *mu*^{4}*jiang*^{0} *xing*^{4} *Zhang*^{1} 'Этот плотник носит фамилию Чжан';

gu^{1}*niang*^{0} *dai*^{4}*fu*^{0} 'девушка-врач' — *Zhe*^{4} *ge*^{0} *gu*^{1}*niang*^{0} *dang*^{1}*le*^{0} *dai*^{4}*fu*^{0} 'Эта девушка стала врачом'.

В последнем примере взята глагольная связка (*dang*^{1}*le*^{0} 'стала') вместо обычной связки *shi*^{4}, так как при этой последней был бы возможен двоякий порядок слов.

Из первого примера видно, что порядок слов в связочном предложении противоположен порядку слов в предложении с глаголом *jiao*^{4} 'зваться', образованном от того же сочетания.

Между связочным предложением и приложением существуют такие же отношения, как между глагольным предложением и определением предикативного типа (*Niao*^{3} *fei*^{1} 'Птицы летают' — *fei*^{1} *de*^{0} *niao*^{3} 'летящая птица'). Поэтому приложением является то из двух слов словосочетания, которое соотносится со сказуемым связочного предложения (и следовательно, с подлежащим предложения с глаголом *jiao*^{4} 'зваться' или *xing*^{4} 'иметь фамилию'); в наших примерах это *er*^{2}*z*^{0} 'сын', *mu*^{4}*jiang*^{0} 'плотник', *dai*^{4}*fu*^{0} 'врач'.

Как и в других случаях, порядок слов не дает нам прямых указаний на члены предложения. Сочетание с приложением может быть оформлено трояким образом: а) приложение на втором месте, без определения, пауза между словами невозможна; б) приложение стоит на первом месте и обычно имеет определение, пауза факультативна (чаще отсутствует); в) приложение с определением на втором месте, пауза между словами (на письме — запятая) обязательна. Например: *Lao*^{3}*ding*^{4} *shu*^{1} 'дядя Лао-дин'; *wo*^{3} *shu*^{1}*shu*^{0} *Lao*^{3}*ding*^{4} 'мой дядя Лао-дин'; *Lao*^{3}*ding*^{4}, *wo*^{3} *de*^{0} *shu*^{1}*shu*^{0} 'Лао-дин, мой дядя'. Последняя из трех конструкций встречается сравнительно редко.

12. Все остальные зависимые слова, не являющиеся одним из уже описанных членов предложения, представляют собой определения.

То, что здесь названо «определениями», обычно делят между двумя членами предложения — определением и обстоятельством. В действительности существуют не две, а три разновидности определений — определения к имени, определения к предикативу и уже упоминавшиеся определения к предложению.

Определения к имени и предикативу тесно связаны со словом, которому они подчинены; они могут быть отделены от него только другими подчиненными ему же словами — другими определениями, а определение к предикативу — иногда также и дополнением. Определение и определяемое не могут находиться по разные стороны границы, разделяющей «данное» и «новое».

Определение к предложению ставится либо в начале предложения, либо перед группой сказуемого. В последнем

случае оно как будто бы занимает ту же позицию, что и определение к предикативу. На самом деле это не так; определение к предложению предшествует группе сказуемого, а определение к предикативу входит в ее состав, например:

Wo^{3} *jin*^{1}*tian*^{0} *bu*^{2} *zai*^{4} *jia*^{1} *chi*^{1} *fan*^{4} 'Я сегодня не обедаю дома'.

Так как отрицание *bu*^{4} показывает границу группы сказуемого, мы считаем, что слово *jin*^{1}*tian*^{0} 'сегодня' есть определение к предложению, а сочетание *zai*^{4} *jia*^{1} 'дома' — определение к предикативу.

Определение к предикативу возможно, естественно, только перед сказуемым глагольного типа, определение к предложению — перед любым сказуемым. Определение к предложению всегда может быть перенесено из одной свойственной ему позиции в другую, т. е. если оно стоит перед сказуемым, его можно вынести в начало предложения.

Три разновидности определения можно было бы, если это необходимо, обозначить тремя разными терминами. Так, А. А. Пашковский различает в японском языке обстоятельства, определения и уточнения [см. 5, 35—37][3]; китайскому определению к предикативу у него соответствует уточнение (а частично также дополнение — косвенные дополнения традиционной грамматики).

Определения, как уже сказано, не входят в основную структуру предложения. Многие китайские языковеды склонны считать, что определение не присоединяется к подлежащему, дополнению и т. п., а входит в его состав: например, в предложении *Ta*^{1} *mai*^{3} *jiu*^{4} *shu*^{1} 'Он покупает старые книги' дополнением будет считаться не *shu*^{1} 'книги', а *jiu*^{4} *shu*^{1} 'старые книги', и лишь внутри этого последнего сочетания (а не в общей схеме предложения) различаются определение *jiu*^{4} 'старые' и определяемое *shu*^{1} 'книги'.

13. Из сказанного выше видно, что выделение второстепенного сказуемого, дополнительного члена, уточнения производится на несколько иных основаниях, чем, например, разграничение дополнения и определения: в первом случае принимаются во внимание двойные синтаксические связи слова, во втором прежде всего учитывается, входит ли слово в оптимальное окружение своего «хозяина» или нет, является ли слово обязательным составным элементом предложения или может быть опущено.

Теоретически можно построить систему членов предложения, где двойные связи не учитывались бы; тогда все слова, подчиненные глаголу, распределились бы между дополнением (обязательные) и определением (необязательные).

---

[3] В настоящей статье термин «уточнение» употребляется в ином значении, чем у А. А. Пашковского.

Практически, однако, обычно делается иначе — сочетания, содержащие «нетрадиционные» члены предложения, рассматривают как синтаксически неразложимые или как особые, не поддающиеся обычному разбору конструкции, а это не может считаться действительным решением вопроса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Г — Гао Юй-бао, Гао Юй-бао, Чжунго циннянь чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
Л — Лао Шэ, Лото Сян-цзы, Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1955.
Линь — Линь Цзинь-лань, Шаньлихун, Бэйцзин чубаньшэ, Бэйцзин, 1963.
Лу — «Лу Сюнь сяошо цзи», Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, Бэйцзин, 1952.
Ч — Чжоу Ли-бо, Бао фэн цзоу юй, Синьхуа шудянь, 1949.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д., Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966.
2. Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер. с франц., М., 1955.
3. Горелов В. И., О второстепенных членах предложения в современном китайском языке,— сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка», М., 1963.
4. Драгунов А. А., Исследования по грамматике современного китайского языка, М.— Л., 1952.
5. Пашковский А. А., Членение японского предложения,— сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
6. Солнцева Н. В., О критериях определения подлежащего глагольного предложения в китайском языке,— сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики», М., 1957.
7. Тяпкина Н. И., О глагольных предложениях в изолирующих языках (на материале китайского, вьетнамского и тайского языков), — сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967.
8. Холодович А. А., Опыт теории подклассов слов,— «Вопросы языкознания», 1960, № 1.
9. Яхонтов С. Е., Категория глагола в китайском языке, изд-во ЛГУ, 1957.
10. Яхонтов С. Е., Члены предложения в китайском языке,— «Ученые записки ЛГУ», № 236. Серия востоковедческих наук, вып. 6. «Вопросы корейского и китайского языкознания», Л., 1958.
11. Yuen Ren Chao, Mandarin Primer, Cambridge, 1948.
12. Дин Шэн-шу дэн, Сяньдай Ханьюй юйфа цзянхуа, Бэйцзин, 1963.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Л. Н. МОРЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАЙСКОМ И ЛАОССКОМ ЯЗЫКАХ[1]

Тайский и лаосский языки, как известно, принадлежат к числу близкородственных. Они обнаруживают большое сходство на различных уровнях, а в некоторых случаях — тождество. Что касается СП, то они в обоих языках почти идентичны, за исключением того, что в тайском система сложных синтаксических построений более разветвлена и отработана, чем в лаосском[2]. Поэтому классификация СП может быть дана для обоих языков одновременно без сколько-нибудь серьезного ущерба для описания одного из них.

До настоящего времени СП в тайском и лаосском языках не было предметом специального исследования. Имеются лишь краткие стереотипные описания тайского СП в школьных нормативных грамматиках [см. 2; 3]. Они основываются на данных о СП, изложенных в стабильном учебнике Упакит Синлапасана «Основы тайского языка», написанном в 20-х годах [4]. В этих работах СП в общем рассматриваются следующим образом.

Сложные синтаксические единства подразделяются прежде всего на сложные предложения (анеккатат прайок), включающие предложения (сангкора прайок) и смешанные предложения (прайок ракон).

Сложное предложение рассматривается как «два или больше простых предложения, расположенных рядом и свя-

[1] В статье применяются следующие сокращения: Л — пример из лаосского языка; П — подлежащее; ПС — подлежащее-сказуемое; С — сказуемое; СВПП — сложное взаимоподчиненное предложение; СП — сложное предложение; СПП — сложноподчиненное предложение; ССП — сложносочиненное предложение; Т — пример из тайского языка.

[2] Это объясняется тем, что тайский язык на протяжении многих веков был государственным языком и, таким образом, развивался непрерывно, хотя и преимущественно в области письменно-деловой речи, в то время как лаосский язык в результате почти двухсотлетней колонизации страны, сначала таиландцами, а затем французами, был лишен возможности свободно развиваться и оказался низведенным до положения народноразговорной речи.

занных между собой посредством союзов» [4, ч. 3, 66]. По своему содержанию СП делятся на четыре группы.

1. Предложения последовательности, которые включают четыре разновидности:

а) предложения временной последовательности: *кау кин кау лэу кау тьынг пай ронгриан* 'Он поел [и] потом он пошел в школу' [3];

б) предложения совместности: *йа лэ та там на* 'Бабка и дед обрабатывают землю';

в) предложения чередования: *кау нанг банг нон банг* 'Он то сидит, то лежит';

г) условные предложения: *та чан сабай чан ко тьа пай* 'Если я буду здоров, я пойду'; *мэва фон ток ванни чан ко тьа май па тан пай* 'Даже если сегодня и будет дождь, я [все равно] не пойду с вами'.

2. Противительно-уступительные предложения: *нам кын тэ лом лонг* 'Вода поднялась, но ветер утих'; *куа фон тьа ток кла ко тайфой* 'Пока выпадет дождь, вся рассада погибнет'; *тынг чан тьа сиару чан ко дамронг куамсат вай* 'Хотя я и попал впросак, [но] я сдержу слово'.

3. Альтернативные предложения: *кау тьа пен най тамруат ры найпэт?* 'Он станет полицейским или врачом?'; *тан тьа тонг чуэй туа енг мичанан тевада тьа май чуэй тан* 'Следует заботиться самому о себе, в противном случае [и] бог тебе не поможет'.

4. Причинно-следственные предложения: *нам нау чанан йунг тьынг чум* 'Вода зацвела, [поэтому] появилось много комаров'; *кау киаткран тьынг соплай ток* 'Он ленив, [поэтому] провалился на экзаменах'.

Под включающим предложением (сангкора прайок) подразумевается «простое предложение, которое включает в свой состав вместо какой-либо своей части другое меньшее предложение» [4, ч. 3, 101]. Включающее предложение состоит из главного предложения (мукайя прайок) и второстепенного предложения (ану прайок), которое выполняет ту же синтаксическую функцию, что и отдельное слово. По функции второстепенные предложения делятся на: именные, т. е. предложения, функционально тождественные имени; адъективные предложения, т. е. предложения, аналогичные прилагательному в определительной функции; адвербиальные предложения, т. е. предложения, совпадающие с прилагательным в обстоятельственной функции. Далее включающие предложения делятся на несколько видов в зависимости от содержания, которое может быть в них вложено:

а) образа действия: *кау там дай там кру сон* 'Он может делать так, как учит учитель';

[3] Здесь и ниже все примеры взяты из тайских грамматик [2; 3; 4].

б) временны́е: *кау ма мыа фон ток* 'Он пришел во время дождя' (букв. 'Он пришел, когда дождь падал';

в) места: *крабыанг ток тронг ти чан нон* 'Черепица упала прямо [туда], где я лежал';

г) причины: *йунг чум про нам нау* 'Комаров много, так как вода зацвела';

д) результата: *дек хиу ном тьон ронгхай* 'Ребенок так голоден, что заливается плачем';

е) сравнения: *рыа лэн мыан лом пат* 'Судно мчится как ветер' (букв. 'Судно мчится подобно [тому], как дует ветер').

Наконец, последний тип — это смешанное предложение (прайок ракон), под которым подразумевается сложное предложение, включающее в свой состав другое сложное или включающее предложение [см. 4, ч. 3, 118].

Как явствует из сказанного, таиландская традиционная классификация весьма специфична. В ней, в частности, нет деления СП на союзные и бессоюзные, сочинительные и подчинительные и т. д. В целом эту классификацию можно характеризовать как логико-грамматическую. Это проявляется в первую очередь при разбиении так называемых сложных и включающих предложений на виды. Так, два аналогичных по структуре предложения *чан май чоп хай кау тай* 'Мне не хочется, чтобы он умирал' и *кау пут хай рау сиа* 'Он говорит во вред нам' (букв. 'Он говорит, чтобы мы потерпели урон') относятся автором «Основ тайского языка» [4] к двум разным видам: первое — к числу именных включающих предложений, а второе — к числу адвербиальных включающих предложений [см. 4, ч. 3, 113]. Это объясняется тем, что в первом предложении включенная часть якобы эквивалентна именному дополнению (ср. *чан май чоп рыанг ни* 'Ему не нравится эта история'), а во втором включенная часть якобы уже соответствует обстоятельству образа действия, выраженному прилагательным или наречием (ср. *кау пут клонг* 'Он говорит гладко').

Однако соотнесение включенной части в одном случае с дополнением, в другом — с обстоятельством (в обоих предложениях формально допустимо и то и другое) остается необъясненным. Таким образом, вышеприведенная классификация, даже если она адекватна другой классификационной системе по конечным результатам, остается интуитивно-эмпирической без формального обоснования.

Логико-смысловой подход проявляется также при отнесении к СП так называемых слитных предложений, или предложений с однородными членами, в том числе с однородными подлежащими (см., например: *йа лэ та там на* 'Бабка и дед обрабатывают землю').

Вопрос о принадлежности предложений со слитными членами к сложным или простым относится к числу дискуссион-

ных в общем языкознании. Тем не менее часть таких предложений, видимо, немалая, несомненно принадлежит к числу простых с однородными членами, если рассматривать эти предложения в их данном состоянии независимо от происхождения. Основанием для этого служит то обстоятельство, что однородные члены, находящиеся в сочинительных отношениях, определяют только линейную длину синтаксического построения, но не его глубину, они не изменяют его грамматической структуры. Хотя длина высказывания косвенно и может влиять на структуру, строение предложения, тем не менее сама по себе она грамматически несущественна. Она не определяет типа синтаксического построения вообще и СП в частности.

Вместе с тем в целях строгости описания необходимо оговорить, что́ имеется в виду под понятием однородных членов. Применительно к тайскому и лаосскому языкам однородными членами можно считать цельно и тождественно оформленные члены предложения. Однородность подлежащих в этих языках часто подтверждается присутствием перед сказуемым собирательного, обобщающего местоимения *танг* 'все' и наличием в составе сказуемого собирательных слов типа *пакан* 'сообща' (этимол. 'вести друг друга'), *промкан* 'вместе' (этимол. 'собираться вместе') и др. Однородность сказуемых проявляется через наличие в его составе общих, коллективных модально-временны́х или видовых показателей.

В настоящей статье СП рассматриваются только с точки зрения их грамматической структуры, соотношения частей в них, а не как целостная коммуникативная единица. Поэтому на каждом этапе анализа сопоставляются только две связанные между собой конструкции в форме предложения, хотя все синтаксическое образование в целом может состоять из большего числа таких конструкций. Описание СП здесь строится на предположении об изоморфизме различных ярусов синтаксиса. Для такого описания устанавливается основное синтаксическое образование — синтагма, понимаемая здесь как бинарная единица, компоненты которой находятся между собой в тех или иных отношениях благодаря определенным средствам связи — в лаосском и тайском это словопорядок и связующие служебные слова, причем компонентами синтагм могут быть различные единицы от слова до предложения, или конструкции в форме предложения.

В соответствии с отношениями между компонентами синтагмы делятся на три основных вида: социативные, детерминативные и взаимоподчиненные (предикативные синтагмы представляют собой особый вид и здесь не рассматриваются). Вслед за Л. Ельмслевым социативными называются такие синтагмы, в которых ни один из компонентов не определяет существование другого, детерминативными — такие

синтагмы, в которых один член предполагает наличие другого, и наконец, взаимоподчиненными — такие синтагмы, в которых оба члена предполагают наличие друг друга [см. 1, 284]. Это означает, что в составе более крупных синтаксических образований социативная синтагма может быть представлена любым из ее компонентов, детерминативная синтагма в отличие от социативной может быть замещена только одним, главным, компонентом, а взаимоподчиненная синтагма не может быть заменена ни одним из ее составляющих без нарушения грамматической структуры этого образования.

Несмотря на сходство, между словосочетанием и СП все же существуют различия. Они заключаются, во-первых, в качестве компонентов: в словосочетании составляющими являются слова и словоформы, а в СП — конструкции в форме предложения. Во-вторых, в некоторых случаях они различаются по степени свободы порядка слов (см. ниже). В-третьих, они имеют неодинаковый набор связующих слов, служащих для объединения компонентов в единое целое: некоторые из них употребляются только в словосочетании, другие — только в СП. Кроме того, в тайском и лаосском социативные и детерминативные синтагмы регулярно встречаются как в сфере словосочетания, так и в сфере СП, а взаимоподчиненные синтагмы — только в сфере СП. Эти различия обусловливают выделение в синтаксисе по меньшей мере яруса словосочетания и яруса сложного предложения.

Соответственно делению синтагм на три вида служебные слова, используемые в этих синтагмах для связи компонентов, также подразделяются на три основных вида: сочинительные союзы, т. е. синсемантические слова, употребляющиеся в социативных синтагмах, подчинительные союзы или предлоги, т. е. служебные слова, встречающиеся в детерминативных синтагмах, и наконец, взаимоподчинительные союзы, или связующие слова, употребляющиеся во взаимоподчиненных синтагмах. В некоторых случаях определенные реляционные слова могут выполнять две функции — показателя и подчинения и взаимоподчинения.

Следующим этапом дифференциации синтагм — социативных, детерминативных, взаимозависимых — будет деление по признаку союзие/бессоюзие, т. е. наличие или отсутствие между их компонентами союза, а также по признаку обратимость/необратимость, т. е. возможность или невозможность взаимной перестановки компонентов.

При дальнейшем анализе обнаруживаются и другие различия, но для предварительной классификации можно ограничиться указанными признаками.

Таким образом, теоретически возможны двенадцать разновидностей СП, однако практически в указанных языках реализуются только девять, так как социативные и детерми-

нативные синтагмы бывают только необратимыми, а взаимоподчиненные синтагмы без союзов невозможны [4].

В данной статье рассматриваются главным образом союзные СП. Это объясняется тем, что интонациональные факторы и их роль в маркировании границ СП в тайском и лаосском языках остаются совершенно неисследованными, а пунктуация в текстах на этих языках обычно отсутствует (она имеется только в лаосских учебниках для школ и основана на интуиции). Вместе с тем в статье частично описываются и формально бессоюзные СП, но лишь в тех случаях, когда в предложении имеются другие материально выраженные элементы, служащие средством объединения компонентов СП в единое целое. К таким средствам прежде всего относятся слова *ко* и *тьынг*.

Последние образуют в тайском и лаосском специфическую группу слов — приглагольные союзные наречия. Они всегда занимают позицию перед глаголом (по-видимому, только предикативным). Лексическое значение этих слов неочевидно; оно едва проступает на фоне контекстуального значения. В общем первое из них *(ко)* обозначает временну́ю зависимость или противопоставление, а второе *(тьынг)* всегда указывает на следствие. Иначе говоря, они всегда отмечают связь данного предложения с предыдущим предложением или контекстом вообще. Однако это еще не означает, что предложение с одним из указанных союзных наречий является частью СП. Например, в отрывке *лыду баймайпонг дай пан пай. Буа лэ тьокхэм ко лем понг кын там са там нонг* (Л) [5] 'Весна прошла. В водоемах начали распускаться лотосы и лилии' предложения, видимо, связаны только по смыслу, а не грамматически, что подтверждается отсутствием союза и наличием между ними точки. Напротив, в отрывке *пым пыан лай нонг тьинг тьик ок* (Л) 'Книга была очень грязной, [поэтому] он взял и разорвал [ее]' предложения связаны грамматическими отношениями.

Сказанное подтверждает, что целесообразно различать контекстуальную и грамматическую связь между предложениями. Оба вида связи не обусловливают друг друга, но и не исключают. Предложения, связанные по смыслу, могут быть не связаны грамматически. А предложения, связанные грамматически, в принципе также не обязательно должны быть связаны по смыслу, хотя практически в естественных языках так не бывает.

Указанные союзные наречия используются в СП как па-

---

[4] Это справедливо по меньшей мере для монологической письменной речи.

[5] Здесь и далее все тайские примеры взяты из художественной литературы, а лаосские — из школьных хрестоматий.

раллельно с союзами, так и без союзов, самостоятельно (примеры см. ниже). В первом случае они только усиливают, подчеркивают уже выраженную связь. Во втором — они выполняют связующую функцию, но лишь опосредованно, через свое значение. Эти слова нельзя отнести к чисто связующим так же, как например нельзя отнести к их числу так называемые бытийные глаголы в роли связок. Своим значением они отмечают наличие связи между языковыми единицами, в том числе между предложениями. Однако в одних случаях — при наличии союзов — эта связь существенна в содержательном плане, но грамматически она избыточна. В других — при отсутствии союзов — она может быть или содержательно-грамматической или ситуативно-контекстуальной. Вопрос о том, когда отмечаемая этими словами связь является одновременно и содержательной и грамматической или хотя бы сопутствует грамматически значимой, но эксплицитно не выраженной связи и когда она является контекстуальной, не относящейся к СП, пока остается неясным и требует специального изучения.

При наличии грамматической, а не только контекстуальной связи между двумя предложениями, в последнем из которых имеется союзное наречие, видимо, можно говорить о нулевом союзе. Введение такого понятия представляется целесообразным по меньшей мере для удобства описания.

После этих предварительных замечаний ниже дается конкретное описание постулированных выше трех типов СП.

Сложносочиненные предложения (ССП). Компоненты ССП синтаксически независимы, но лишь в том смысле, что при обычных условиях они могут функционировать в качестве самостоятельных предложений без сколько-нибудь существенных модификаций. Однако синтаксическая независимость не равнозначна полной свободе, иначе компоненты этих синтаксических образований были бы асинтагматическими единицами и не представляли бы собой составляющих бинарной синтагмы. Компоненты ССП, несмотря на синтаксическую независимость, скоординированы друг с другом. Их взаимосвязь проявляется в таких фактах, как параллелизм структуры, обычно неизменный порядок слов, лексическая неполнота одной из частей, соотносительность лексических компонентов, интонация.

К ССП в тайском и лаосском относятся предложения с такими союзами, как *лэ* 'и', *тэ* 'но', *ры* 'или' (Т), *лы* 'или' (Л) и их эквивалентами, а также с названными выше служебными наречиями — *ко* и *тьинг* — во второй части. Перечисленные союзы вместе с нулем и указанными союзными наречиями практически дают семь вариантов ССП и выражают четыре вида синтаксических отношений: соединительные, следственные, противительные и разделительные (см.

таблицу). Благодаря указанным союзным наречиям, а также в результате содержательного взаимодействия частей СП на эти значения накладываются дополнительные значения. Их исчерпывающее описание едва ли возможно и не входит в задачу описания структуры предложения.

Виды сложносочиненного предложения

№ п/п	Формула* ССП	Синтаксическое отношение	Сопутствующее значение
1	ПС, *лэ* ПС	соединительное	временно́е: одновременность, последовательность
2	ПС, *лэ* П *ко* С	соединительное	временно́е: последовательность, присоединительность
3	ПС, П *ко* С	соединительное	последовательность, противопоставление, следствие
4	ПС, *лэ* П *тьинг* С	следственное	последовательность
5	ПС, П *тьинг* С	следственное	последовательность
6	ПС, *тэ* П (*ко*) С	противительное	противопоставление
7	ПС, *ры* ПС	разделительное	чередование; взаимоисключение; смена событий

* В формулах части сложного предложения отделяются друг от друга запятой.

Ниже приводятся иллюстративные примеры к таблице из тайского и лаосского языков (номер примера соответствует номеру в таблице):

(1) *кау кын рот лэ пит прату дангпанг лэ рот клыан ок пай* (Т) 'Она села в машину, хлопнула дверью, и машина тронулась'; *ай йа хынгса нонг лэ нонг йа биатбиан ай* (Л) 'Старший брат не должен завидовать младшему, и младший брат не должен приставать к старшему';

(2) *кон най рыа чи мы танг бан те лэ рыа лам нан ко хан хуа мунг ма су танам* (Т) 'Люди, сидевшие в лодке, стали показывать руками в сторону ее дома, и лодка, развернувшись, направилась к берегу'; *нак тьинг умау булитьан моп вай най суам конг нанг лэ танг соне кон ко дай пен пуа миа кан най кын нан* (Л) 'Наг принес Булитьан в ее палаты, и в тот же день они стали мужем и женой';

(3) *нок сан хай тьиа хай хет ханг йу тьиа ко бо хет там камсан* (Л) 'Птица велела летучей мыши сделать себе гнез-

до, [но] летучая мышь не послушалась ее'; *накун йанг на сит тэ ко лей пайак на йим* (Т) 'Накун по-прежнему была бледной, [тогда] она приветливо улыбнулась [Накун]';

(4) *йа конг ратчани каткан... лэ дуэй хет ни пи конг ратчани тынг тьоп тэ пианг чан маттайом тон тон* (Т) 'Бабка Ратчани возражала... и поэтому сестра Ратчани закончила только неполную среднюю школу';

(5) *пым пыан лай нонг тынг тыык ок* (Л) 'Книга была очень грязной, [поэтому] он взял и разорвал ее'; *кау кей клэнг ау капи хай ман по тьынг плой ман кау па* (Т) 'Он как-то подсунул ей кокосового молока, [поэтому] отец выпустил ее в лес';

(6) *бан сай тонг май ат хай куамсук кэ те тэ ко хай те рутьак кам ва чивит мак кын* (Т) 'Этот дом не принес ей счастья, но [зато он] дал ей возможность узнать жизнь'; *мэ конг нонг айу пын хако сисип пи тонан тэва пом пын нгок нанг ньан* (Л) 'Его матери только что исполнилось сорок, но она уже вся седая, морщинистая';

(7) *момпа раккрай ок нген хай рыва лук пай йипйым кон ын кау* (Т) 'Эти деньги дала любящая [тебя] тетка или ты взял их у кого-то'; *кау тьа туанг нген ры кау тьа ау суан* (Л) 'Он или потребует деньги или заберет плантацию' (букв. 'Он потребует деньги или он заберет плантацию').

К числу ССП, по-видимому, также относятся предложения с парными (повторяющимися) союзами, как например: *банг понг ко нунг пасалонг май банг понг ко нунг сыа док син ми* (Л) 'Одни были в шелковых саронгах, другие — в расшитых узорами юбках' — здесь связь частей осуществляется посредством повторения союзного слова *ко,* кроме того, она подкрепляется лексическим параллелизмом частей *(банг ... банг* 'одни ... одни'); *йинг дек кон нан пут нгай кен пай пом йинг май ми окат тьа тэтонг ман лей* (Т) 'Чем больше вздору он нес, тем меньше я мог трогать его' — здесь объединение частей происходит благодаря повторению союзного слова *йинг.*

Сложные взаимоподчиненные предложения (СВПП). Обе части такого предложения одинаково зависимы и не могут существовать друг без друга. Взаимозависимость частей в сложном предложении выражается союзами, а также наличием соотносительных слов и интонацией. Деление на главное и придаточное в этом типе предложений с грамматической точки зрения едва ли оправдано, во всяком случае оно грамматически иррелевантно. Обе части сложного предложения дополняют друг друга и находятся в комплементарном отношении. Однако, исходя из концептуальных представлений и удобства описания, одну из них — с союзом — можно считать придаточным предложением, а другую — соотносительную с ней — главным предложением. Порядок располо-

жения компонентов в СВПП относительно свободный. Если нет контекстных ограничений, то возможны оба порядка: придаточное — главное и главное — придаточное.

При первом порядке (придаточное — главное) союз придаточного часто дополняется союзными наречиями *ко* или *тьинг* в главном. Благодаря этому оба компонента оказываются тесно взаимосвязанными. При втором порядке (главное — придаточное) отношения между частями более свободны, а связь между ними в известной степени носит характер одностороннего подчинения. СВПП такой конфигурации по своему значению приближается к СПП с односторонней зависимостью. Так, в предложении *ньон дайхап куамтактьан тьак найку лэ мупьан, вансай дай пианпэнг кобокпонг тон* (Л) 'Так как [он] получил замечания от учителя и товарищей, Вансай исправил свои недостатки' выражаются причинно-следственные отношения. При обратном порядке компонентов (*вансай дай пианпэнг кобокпонг конг тон ньон дайхап куамтактьан тьак найку лэ мупьан* 'Вансай исправил свои недостатки, так как получил замечания от учителя и товарищей') в предложении выражаются уже не столько причинно-следственные отношения, сколько дается обоснование, мотивировка действия в первом предложении. Но тем не менее такие предложения все же остаются СВПП, поскольку они обратимы, или допускают перестановку компонентов, если это не противоречит контексту и логическому развертыванию мысли.

В структурном отношении обе части СВПП имеют форму простого предложения. В тех случаях, когда действие в обеих частях СП приписывается одному и тому же субъекту, обозначение его в одной части может отсутствовать, как в приведенном выше примере.

СВПП выражают различные виды отношений в соответствии со значением союзов. Наиболее часто встречаются СВПП, выражающие временные, причинно-следственные, уступительные и некоторые другие отношения. Эти предложения строятся по одинаковой формуле и различаются главным образом союзами. В зависимости от порядка частей существуют две формулы построения СВПП: 1) союз П С, П (*ко, тьинг*) С; 2) П С, союз П С.

Как явствует из схем, в случае препозиции придаточного в главном предложении перед сказуемым возможны союзные наречия *ко* или *тьинг*. При постпозиции придаточного союзные наречия обычно отсутствуют, так как они всегда указывают на связь с предыдущим контекстом. В СВПП с придаточным уступительным или заместительным перед сказуемым всегда находится служебное слово *тьа* (или его варианты), поскольку действие в таких предложениях всегда выступает нереализованным, гипотетическим (примеры см. ниже).

Ниже приводятся примеры СВПП с разного рода отношениями между частями.

Предложения, выражающие временные отношения: *по тавен кын сэнгдэт он дай сонг пай туа тук тинкан* (Л) 'Когда взошло солнце, его теплые лучи осветили всю округу'; *кун мэ май чай хай пай поп рыанг ко йу бан топай тьон куа бан суан тьа сом лэу* (Т) 'Мать не будет говорить о дальнейшем использовании дома, до тех пор пока он не будет отремонтирован'.

Предложения, выражающие причинно-следственные отношения: *ныангтьак тьэу май йу тьэм тьинг лонг пай кеп то аханкам тэн* (Т) 'Из-за того что Тьэу не было дома, Тьэм сам пошел готовить стол к ужину'; *мы ни нанг буакам тын тэ дык куа тук мы по нанг тьа пай талат нам мэ* (Л) 'В тот день Буакам встала раньше обычного, так как она собиралась пойти с матерью на базар'.

Предложения, выражающие уступительные отношения: *мэва ман тьа пен конг пот пот ко май тонгкан* (Т) 'Хотя он (дом) и принадлежит Пот, [но] она [в нем] не нуждается'; *тынг мэн ва ситонг пен кон ти лым бункун лэу ко там, тэ ситат ко ньинг напты каммансанйа* (Л) 'Хотя Ситон и оказался неблагодарным, однако Ситат по-прежнему был готов сдержать слово'.

Предложения, выражающие условные отношения: *та мэ ма тэ сай пын мак ми конгтон нонг саме, хак нонг тьепкаумаухуа пын ко хусык кангвон фауфанг пинпуа* (Л) 'Если матери приходилось бывать где-нибудь, она всегда приносила гостинцы своим братьям и сестрам; если они заболевали, она спешила оказать им помощь'; *поттьаман йанг тьа ронгхай ик нан тахак кунйинг май плат ок пай ханг* (Т) 'Поттьаман еще долго бы плакал, если бы госпожа не отошла прочь'.

Предложения, выражающие заместительные отношения: *тэн ти поттьаман тьа па пыанчай конг те ден кау пай най хонграпкэк поттьаман клап ден нам накун пай йанг мук ланг* (Т) 'Вместо того чтобы проводить своего друга в гостиную, Поттьаман провела его на балкон'.

Сложноподчиненные предложения с односторонней зависимостью (СПП). Строго говоря, лишь ССП и СВПП образуют отдельный ярус синтаксиса, поскольку только они имеют свое специфическое значение, вытекающее из взаимодействия компонентов. СПП лишены такого свойства. В СП такого рода одно предложение является главным, другое, включающее союз или аналогичное по функции слово,— придаточным. В составе СПП придаточное по своей синтаксической функции аналогично второстепенному члену простого предложения, оно лишь распространяет тот или иной член главного, расширяет его содержание. Придаточное в СПП отличается от зависимого члена простого предложения

главным образом своим составом. (Зависимая часть считается придаточным предложением в том случае, если она имеет форму предложения, т. е. включает эксплицитно или имплицитно подлежащее и сказуемое; если же зависимая часть не обладает признаками предложения хотя бы имплицитно, то она считается синтаксическим распространительным оборотом в составе простого предложения.)

Сходство придаточного предложения с второстепенным членом подтверждается также тем, что оба они присоединяются к главному слову обычно одними и теми же союзами. Кроме того, при анализе по непосредственно составляющим придаточное предложение в конечном счете сводится к второстепенному зависимому члену. В соответствии с правилом тайского и лаосского языков о постпозиции зависимого слова относительно управляющего в составе СПП придаточное всегда находится после или внутри главного, точнее говоря, после того члена, к которому оно присоединяется [6]. Придаточные предложения включаются в состав главного посредством связующих слов — подчинительных союзов или относительных слов. Придаточные предложения такого рода принято также называть присловными или причленными.

Ниже перечисляются основные виды придаточных предложений и приводятся примеры.

1. СПП с придаточным определительным. Последние относятся к любому именному члену и определяют его в том или ином отношении. Придаточное определительное вводится в состав синтаксического целого с помощью относительных слов *сынг, ти* и редко *ан*. Например: *ман рон мыан йу на тау оп ти фай камланг ку чон* (Т) 'Было так жарко, словно находишься у печки, в которой бушует огонь'; *мы ни лук ми кып ку нынг сынг ньип дуэй мы конг лук енг, лук ко ньанг ау лектапу ти лук ау пай нам кау нан кын ма* (Л) 'Теперь у него были башмаки, сшитые собственными руками, кроме того, у него остался гвоздь, который он тогда взял с собой'.

2. СПП с придаточным изъяснительным. В предложениях этого вида придаточное содержит в себе предмет высказывания, восприятия, проявления и т. п. Оно занимает место после сказуемого главного предложения, которое выражено глаголом речи, чувствования, мышления и т. п., и присоединяется к главному с помощью союзного слова *ва* (этимол. 'говорить'). В отличие от других союзов или союзных слов, носящих проклитический характер, это слово имеет свойства энклитики и акцентуационно примыкает к главному предложению. Примером таких придаточных предложений могут

[6] Исключение составляет придаточное дополнительное, которое, подобно инверсированному дополнению, может занимать позицию в начале предложения и играть роль темы.

быть: *ратчани хентьай пыан конг лон мак ва тонг тосу йанг нак пыа ти тьа лауриан хай дай* (Т) 'Ратчани сочувствовала своей подруге [потому], что той приходилось прилагать очень большие усилия, чтобы получить образование'; *суанлай каткане ва каммакан конг тьа хай кунг лэ па кэнгкан кан сонг то сонг* (Л) 'Большинство предполагало, что судьи дадут возможность креветке и рыбе померяться силами наедине'.

3. СПП с придаточным цели. Последние присоединяются с помощью союзов *пыа* 'чтобы', *самлап* 'для того чтобы', *ти тьа хай* 'для того чтобы' и т. д. Например: *ситонг йан лай тьинг луанг ситат кау пай там куамсаат пат куат най хо нан пыа хай кау тай танг тон* (Л) 'Ситонгу было очень страшно, и он уговорил Ситата убрать эти чертоги, с тем чтобы тот пошел на смерть вместо него'; *чан тьа торалек хай те ма рап ти сатани* (Т) 'Я пришлю телеграмму, чтобы ты встретила [меня] на станции'.

4. СПП с придаточным образа действия. Характеризуется наличием союзов *йанг, там* и др. Например: *те май там там ти по тонгкан ти праттана* (Т) 'Ты не делаешь так, как желает отец';

5. СПП с придаточными сравнения и уподобления, вводимыми союзами *мыан* 'подобно', *кы* 'подобно', *раукап* 'будто', *пранынг* 'словно'. Например: *кунмэ чай вити тын лыакен раукап те пен дек ом мы* (Т) 'Мать так печется о тебе, словно ты младенец'; *салика тентай сонг сианг тьиктьок тьотьэ мыан ва тон пен тьаукóнг суан макмай ан куангкуанг ньай* (Л) 'Заливаясь звонкой песней, птичка прыгала с ветки на ветку, словно была хозяйкой этого огромного сада'.

6. СПП с придаточными меры и степени, вводимыми союзами *тьон* 'так что', *таути* 'настолько насколько' и т. д. Например: *лау хусык йен тьой тьон мы данг* (Л) 'Ему было так холодно, что руки окоченели'; *танг пут танг витьан тынг поттьаман таути куамрусык ныккит тьа па пай* 'Каждый говорил о Поттьаман так, как им заблагорассудится'.

Этот перечень можно продолжить еще несколькими видами или разновидностями, но с точки зрения общей классификации они ничего нового не внесут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ельмслев Л., Пролегомены к теории языка,— сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960.
2. «Лак паса тай чан триам удомсыкса» («Основы тайского языка для полной средней школы»), Бангкок, 1954.
3. Сунтонпасит, Вайякон тай (Грамматика тайского языка), Бангкок, 1951.
4. Упакит Синлапасан, Лак паса тай (Основы тайского языка), пак (ч.) 1—4, Бангкок, [б. г.].

В. И. ГОРЕЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ГИПОТАКСИСА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПРИЧИННОЙ ЗАВИСИМОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В сложноподчиненных предложениях, выражающих причинные отношения, в наиболее типических случаях придаточное предложение указывает причину, а главное содержит следствие. Таким образом, содержание подчиняющей части причинно детерминировано содержанием подчиненной части. В основе этих синтаксических единиц лежат причинно-следственные отношения, отражающие причинную зависимость между явлениями. Каузальная зависимость как раз и есть то обобщенное грамматическое значение, которое присуще сложноподчиненным предложениям данного структурно-семантического типа.

Между причинно-следственными отношениями и отношениями временной последовательности существует определенная связь [см. работу Люй Шу-сяна: 6, 79; 6а, 92]. В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», в том месте, где рассматриваются причинные конструкции с препозитивным придаточным причины, указывается, что «соотношение „причина — следствие“ развилось в них на основе исконного для них временного соотношения „предшествование — последование“» [2, 118]. С этим положением, видимо, нужно согласиться также и применительно к материалу китайского языка. Вместе с тем нельзя не заметить, что причинно-следственные отношения иногда имеют место безотносительно к определенному времени [ср. статью Т. П. Плещенко: 3, 196], а с другой стороны, одно явление может следовать за другим во времени, не будучи причинно детерминировано последним. Таким образом, прямолинейное отождествление временной последовательности явлений с каузальной связью, существующей между явлениями, может привести в отдельных случаях к ошибке, носящей в логике название «post hoc ergo propter hoc» («после этого — значит по причине этого»).

Определенная связь существует также между целевыми отношениями и отношениями причинной зависимости. И хотя в китайском языке еще не закончился полностью процесс размежевания средств выражения целевых и причинных значений, тем не менее сложноподчиненные предложения, выражающие целевые отношения, и сложноподчиненные предложе-

ния, выражающие причинные отношения, уже образуют в современном языке два самостоятельных структурно-семантических типа [подробнее см. нашу статью: 1].

* * *

Внутренняя дифференциация сложноподчиненных предложений, выражающих причинные отношения, может быть осуществлена сравнительно легко. Основная масса предложений данного структурно-семантического типа распадается на две группы, соответственно образующие две разновидности: сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения, и сложные предложения, выражающие присоединительно-причинные отношения. Приведем два примера:

иньвэй юйшуй тяохэ, чжуанцзя чжан дэ хао (ЛХ, 74) 'Так как осадки выпадают равномерно, хлеба растут хорошо';

цзиньтянь яо сюньле дао лин и-гэ мучан цюй, иньвэй чжэли ицзин мэйю ланхуань (ЧС, 163) 'Сегодня нужно пойти охранять другое пастбище, так как здесь уже нет волков'.

Данное дихотомическое деление основано на семантических различиях, существующих между двумя названными разновидностями. В сложноподчиненных предложениях первой разновидности придаточное предложение содержит причину, которая приводит к следствию, заключенному в главном предложении. В этих синтаксических построениях получают, таким образом, свое выражение причинно-следственные отношения. Что касается сложноподчиненных предложений второй разновидности, то в них причинно-следственные отношения не находят своего варажения. В этих предложениях причина указана в качестве дополнительного замечания.

Семантические различия между сложноподчиненными предложениями названных разновидностей опираются на различия формально-грамматического характера. Как видно из предыдущего изложения, эти разновидности отличаются друг от друга порядком следования частей сложного целого. Вместе с тем им присуща разная степень спаянности составляющих частей. В предложениях, выражающих присоединительно-причинные отношения, связь между главным и придаточным предложениями менее тесная, нежели в предложениях, выражающих причинно-следственные отношения. Проявлением этого служат различия, существующие между двумя разновидностями в сфере употребления специальных аналитических средств синтаксической связи. В предложениях с препозицией подчиненной части используются парные союзы и частицы союзного типа, тогда как в предложениях с постпозицией подчиненной части эти средства не находят применения.

Кроме указанных разновидностей сложноподчиненных предложений, в китайском языке в сфере выражения причинных отношений встречается также следующее синтаксическое построение:

та пинжы сои хэнь шао шэн бин, шы иньвэй шэньти хэнь хао (ЛП, 22) 'Он обычно потому редко болеет, что у него хорошее здоровье'.

В таких предложениях выражены: значение причины — в подчиняющей части и изъяснительное значение — в подчиненной части. Синтаксические структуры этой разновидности обладают, таким образом, собственными смысловыми особенностями. Внешне эти особенности находят свое отражение в своеобразии синтаксической организации [препозиция главного предложения, парные союзы с обратным порядком компонентов, усилительная частица в подчиненной части и, наконец, возможность использования частицы *чжы (ды)* в подчиняющей части]. Все это позволяет с достаточным основанием вычленить рассмотренные предложения в самостоятельную структурно-семантическую разновидность, назвав последнюю сложноподчиненными предложениями, выражающими изъяснительно-причинные отношения.

С точки зрения экспрессивных возможностей, предложения, выражающие причинно-следственные отношения, и предложения, выражающие изъяснительно-причинные отношения, целесообразно рассматривать как обычный и эмфатический варианты сложноподчиненных предложений, выражающих причинные отношения.

Сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения

В сложноподчиненных предложениях данной группы подчиненная часть содержит причину, а подчиняющая указывает на следствие. Таким образом, причинно-следственные отношения находят в сложных синтаксических единицах анализируемого типа свое наиболее полное обозначение и выражение.

Для синтаксической структуры предложений, выражающих причинно-следственные отношения, характерно препозитивное расположение подчиненной части по отношению к подчиняющей. Использование парных союзов и частиц союзного типа, свидетельствующее о сравнительно высокой степени сцепления образующих частей, также относится к числу синтаксических характеристик, присущих предложениям данной разновидности.

В исследуемых предложениях употребляются одиночные союзы *инь, иньвэй, ююй*, соответствующие русским союзам

причины: «так как», «ввиду того что», «благодаря тому что» и др. Примеры:

чжэн иньвэй та дао сяо чы, ли лао-шы цай яньула дао цзяоюйтин цюй ды шыцзянь (ДС, 104) 'Именно из-за того что она опоздала в школу, учитель Ли не мог вовремя поехать в департамент народного просвещения';

ююй цивэнь тай ди, иньцин бу жунъи фа хо (СХБ, 225) 'Так как температура воздуха очень низкая, машину нелегко завести'.

Иногда причинные отношения находят свое выражение посредством союза *вэй* и его дериватов: *вэйлэ, вэйды, вэйшы, вэйдышы*, выражающих в современном языке главным образом целевые отношения [1]. Например:

цзю вэйды фашэнла сяньшу чжона нунсе вэйюань ды шы, ба на хуар гэ цилайла (МШ, 200) 'Именно из-за того что произошли события, связанные с задержанием уездной управой членов бюро крестьянского союза, это дело пришлось отложить'.

В предложениях данной разновидности находят широкое применение также и парные союзы. Это объясняется тем, что выражаемые ими смысловые отношения носят билатеральный характер. Укажем несколько парных союзных сочетаний, выражающих причинно-следственные отношения: *иньвэй ... сои, иньвэй ... гуцы, ююй ... сои, ююй ... иньэр, вэйдышы ... сои* и др. 'так как ... то' [2]. Примеры:

иньвэй ван цзяоюань цзоула, сои юйвэнькэ гай вэй хуан цзяоюань даньжэнь (ЛЛ, 110) 'Так как преподаватель Ван ушел, то занятия по языку проводил преподаватель Хуан';

вэйдышы бе цзя бао шан ю чжэмэ сюйдо синьвэнь, сои цзыцзи е будэбу ю (МШ, 259) 'Так как в других газетах содержалась обширная информация, то им тоже приходилось давать ее'.

Частной особенностью функционирования сложноподчиненных предложений, выражающих причинно-следственные отношения, является интерпозиция подчиненной части. Однако нужно заметить, что подобная синтаксическая структура встречается сравнительно редко. Например:

чжэ шыхоу лао тайе иньвэй цзюэ-цюнь цзай танъу ли шола

---

[1] Указанные слова в значении союзов цели используются со специальными лексическими элементами, в то время как в значении союзов причины они не употребляются с ними. Данная синтаксическая особенность позволяет разграничить две функции, присущие союзам данной группы. Тем не менее некоторые китайские ученые полагают, что эти союзы следует специализировать только на выражении целевых отношений, отказавшись от их использования в составе предложений, выражающих причинные отношения [см. 5, 109].

[2] Парный союз *иньвэй ... иньцы* некоторые лингвисты считают тавтологическим по своему звуковому составу и в силу этого малоупотребительным [см., например, статью Цюнь Ли — 7, 18].

бу цзили ды хуа, бянь села «тун янь бу цзи да цзи да ли» ды хун чжытяо, на чулай те цзай мыньчжу шан (БЦз, 125) 'В это время старый господин Гао, ввиду того что Цзюэцюнь произнес в зале не предвещающие счастья слова, написал на полоске красной бумаги: «Слова ребенка не помешают большому счастью, большой удаче», и приклеил ее к дверному косяку».

Сложные предложения, выражающие присоединительно-причинные отношения

В сложных синтаксических единицах этой группы подчиненная часть, указывая причину, служит дополнительным пояснением, добавочным замечанием к тому, о чем сообщается в подчиненной части. В сложных предложениях данной разновидности причинно-следственные отношения не находят, следовательно, своего семантико-логического выражения.

Анализируемые синтаксические единицы характеризуются постпозицией придаточного предложения по отношению к главному. Им присуща низкая степень спаянности составляющих частей, проявлением чего является, в частности, невозможность использования в составе предложений данной группы парных союзов и частиц союзного типа.

В предложениях этой разновидности находят применение указанные в предыдущем разделе одиночные союзы (кроме союза *ююй*). Примеры:

бу, во цзун дэй хуэйцюй, иньвэй воды фуцинь хэ цицзы доу цзай набянь дэнчжэ во ни (ССБ, 26) 'Нет, я непременно должен вернуться, так как мои отец и жена ждут меня там';

линь сяоцзе сяо бу ли коу, вэйды пуцзы ли шэнъи хао (МД, 111) 'У барышни Линь улыбка не сходила с лица, так как торговля в лавке шла успешно'.

Сложные предложения, выражающие изъяснительно-причинные отношения

В синтаксических построениях данной группы главное предложение содержит общее указание на причину; конкретное же содержание последней раскрывается в придаточном предложении. Эти предложения используются в тех случаях, когда необходимо особо выделить и вместе с тем разъяснить причину [см. работы Ли Цзинь-си и Чжань Чжи-гуна: 4, 290; 8, 85]. Эмфаза причины придает исследуемым предложениям высокую степень экспрессивности.

Характерной особенности синтаксической структуры сложных предложений этой разновидности является употребление

в их составе парных союзных сочетаний с обратным порядком следования компонентов, таких, как *сои ... иньвэй, сои ... юю́й, сои ... вэйды* и др. 'потому ... что', 'оттого ... что'[3]. Союз *сои* помещается между подлежащим и сказуемым главного предложения. В препозиции по отношению к нему допускается использование служебного слова *чжы (ды)*. В придаточном предложении, перед второй частью парного союза, обычно употребляется усилительная частица *цзю (шы, цзюшы)* 'и', 'именно', 'и именно'.

Симультанное употребление союзов, усилительных частиц, а также частицы *чжы (ды)* приводит к образованию синтаксических построений сложной структуры, отличающихся высокой степенью спаянности составляющих частей. Примеры:

вомэнь сои яо сян сулянь сюэси, иньвэй сулянь ю цзяньшэ шэхуэйчжуи гоцзя ды цзинъянь (МХ, 119) 'Мы потому и должны учиться у Советского Союза, что Советский Союз имеет опыт строительства социалистического государства';

сюй лао сои дуй фаньдун шыли чжэян тунхэнь, чжэншы иньвэй та дуй жэньминь ю шэньхоуды ганьцин (СХЧ, 36) 'Старик Сюй именно потому и ненавидел так сильно реакционеров, что питал к простым людям глубокие чувства';

тамэнь сои сяньжу чжэян яньчжунды цоу, щы юю́й тамэнь и цзычань цзецзи гэжэньчжуи ды личан шан лай гуаньча шыцзе (ЖЖ) 'Они потому и впадают в столь серьезную ошибку, что смотрят на окружающий мир с позиций буржуазного индивидуализма'.

В предложениях, выражающих изъяснительно-причинные отношения, кроме союзов используются также союзные фразеологические единства. Укажем некоторые из них: *иньвэй ... юаньгу, юю́й ... юаньгу, иньлэ ... юаньгу*. Союзные единства в сочетании с одиночными союзами соответствуют в русском языке словосочетаниям «по той причине, что», «в силу того, что». Примеры:

тун синь чжи сои кэгуй, цзюшы иньлэ ю чжэ цзи чжун синчжи цуньцзай ды юаньгу (БУ, 8) 'Сердца детей прекрасны именно по той причине, что им свойственны эти качества';

дяньюань фэнчао чжи сои бу нэн цзаоцзао цзецзюэ, ду

---

[3] Морфологическая характеристика сочетаний типа *сои... иньвэй* представляет большую трудность. Это объясняется тем, что лексико-грамматическая природа слова *сои* в таких предложениях двойственна и противоречива. С одной стороны, это слово в силу занимаемой позиции и смысловой соотнесенности с подчиненной частью сближается с категорией коррелятивных слов как лексико-грамматическим средством объединения частей сложного целого. Однако, с другой стороны, полностью утратив знаменательное лексическое значение, слово *сои* уже превратилось в служебную часть речи, неспособно функционировать в роли члена предложения и, следовательно, по основному синтаксическому признаку не может быть отнесено к коррелятам как к словам знаменательным.

вэйды ло-лань сюн фаньдуй дяньюань ды яоцю чжучжан сюгай ды юаньгу (МШ, 124) 'Волнения среди служащих торговых предприятий не удалось своевременно ликвидировать всецело по той причине, что почтенный брат Ло-лань выступил против требований служащих и настаивал на их изменении'.

Обычно, как это видно из рассмотренных предложений, союзные фразеологические единства помещаются в подчиненной части. Вместе с тем иногда можно наблюдать их использование в подчиняющей части предложения. Например:

мэнгу миньцзу чжи сои нэнгоу наян цяншэн ды юаньинь, шы ююй тамэнь жэньминь ды шэнхо шы юму (СС, 7) 'Монголы смогли стать столь могущественными именно по той причине, что они вели кочевой образ жизни'.

* * *

Таким образом, каузальная зависимость как одна из форм связи и взаимообусловленности явлений, имея широкий смысловой объем, представлена в китайском языке несколькими структурами, обладающими собственными семантическими и формально-грамматическими чертами и особенностями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БУ — Ба Цзинь, У юй дянь, Шанхай, 1956.
БЦз — Ба Цзинь, Цзя, Бэйцзин, 1954.
ДС — «Дуаньпянь сяошо сюань», Бэйцзин, 1958.
ЖЖ — «Жэньминь жибао», 1.I.1960.
ЛЛ — Ли Цзинь-си и Лю Шы-жу, Ханьюй юйфа цзяоцай, т. III, Бэйцзин, 1962.
ЛП — Линь Юй-вэнь, Пяньчжэн фуцзюй, Шанхай, 1962.
ЛХ — Лан Цзюнь-чжан, Ханьюй юйфа, Шэньян, 1957.
МД — Мао Дунь, Дуаньпянь сяошо сюаньцзи, Бэйцзин, 1957.
МХ — Мяо И-чжы, Ханьюй юйфа цзичу чжышы, Ухань, 1957.
МШ — Мао Дунь, Шы, Бэйцзин, 1955.
СС — Сунь Ят-сен, Сань минь чжуи, Шанхай, 1931.
ССБ — Сюй Ди-шань, Сюаньцзи, т. I, Бэйцзин, 1959.
СХБ — «Сяньдай ханьюй», т. I, Бэйцзин, 1958.
СХЧ — «Сяньдай ханьюй», т. IV, Чунцин, 1958.
ЧС — Чжан Гун, Сяньдай ханьюй сюцысюэ, Тяньцзинь, 1963.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов В. И., Структурно-семантические особенности сложноподчиненных предложений, выражающих целевые отношения,— сб. «Проблемы филологии», М., 1967.
2. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения», М., 1964.

3. Плещенко Т. П., Формы и значения присоединительной связи с союзом «и» в современном русском литературном языке,— «Труды по языкознанию Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина», 1958, № 45, вып. 1.
4. Ли Цзинь-си, Синьчжу гоюй вэньфа, Шанхай, 1933.
5. Ли Цзинь-си и Лю Шы-жу, Ханьюй юйфа цзяоцай, т. III, Бэйцзин, 1962.
6. Люй Шу-сян, Чжунго вэньфа яолюэ, т. III, Шанхай, 1954.
6а. Люй Шу-сян, Очерк грамматики китайского языка, т. II, ч. 2, М., 1965 (русский перевод работы 6).
7. Цюнь Ли, Жухэ чжанво хэ юньюн сюйцы,— «Чжунго юйвэнь», 1961, № 2.
8. Чжан Чжы-гун, Юйфа сюэси цзянхуа, Шанхай, 1962.

В. И. ГОРЕЛОВ

К ВОПРОСУ О ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном китайском литературном языке вопросительно-относительные слова (*шуй* 'кто', *шэммэ* 'что', 'какой' и др.) играют определенную роль в формировании сложноподчиненных предложений. Изучение лексических значений и синтаксических функций этих слов представляет известный интерес для построения теории сложного предложения.

Вопросительно-относительные слова находят сравнительно широкое применение в некоторых разновидностях сложноподчиненных предложений, выражающих уступительные и условные отношения. Проиллюстрируем на фактическом языковом материале случаи наиболее типичного употребления этих слов:

1) *улунь цихоу цзэммэ бяньхуа, та цзун аньши цзай цаочан дуаньлянь* (ЛЛ, 144) 'Как бы погода не менялась, он всегда в одно и то же время тренируется на спортплощадке';

(2) *шуй хуэй чан чжэгэ гэ, шуй цзю цзюй шоу* (ХЧ, 180) 'Кто умеет петь эту песню, тот пусть и поднимет руку'.

Автор статьи «Употребление вопросительных местоимений в произвольно-указательном значении», Юй Си-лян, называя первый из двух указанных случаев употребления вопросительно-относительных слов «произвольным указанием, носящим всеобщий характер», отмечает возможность использования этих слов с союзами типа *улунь* и частицами *ду, е*. Именуя второй случай употребления анализируемых слов «произвольным указанием, имеющим соотносительный характер», он указывает на допустимость постановки частицы союзного типа *цзю* во второй части предложения [см. 10, 30—36].

Люй Шу-сян, анализируя сложные предложения, в составе которых имеет место соотносительное употребление двух вопросительно-относительных слов (см. пример 2), между прочим замечает, что первое слово имеет произвольно-указательный характер, тогда как второе зависит от первого и, следовательно, является не абсолютно неопределенным, а относительно определенным [см. 9, т. III, 75; см. также 7, 75].

В первом предложении вопросительно-относительное слово *цзэммэ* 'как' выполняет функцию обстоятельства. Вместе с тем в сочетании с союзом *улунь* оно обозначает и выражает обобщенно-уступительные отношения. Во втором предло-

жении вопросительно-относительное слово *шуй* 'кто', идентично использованное в обеих частях сложного предложения, выполняет функцию подлежащего и одновременно служит средством обозначения и выражения одной из разновидностей условных отношений (условие, осложненное обобщенно-уступительным значением) [подробнее см. нашу статью: 1, 268—270].

В первом предложении мы наблюдаем семантико-функциональное сочетание вопросительно-относительного слова с подчинительным союзом, между тем как во втором предложении имеет место симультанное употребление двух идентичных вопросительно-относительных слов. Одновременное использование вопросительно-относительных слов в обеих частях предложения позволяет тесно объединить последние в сложное целое и является показателем высокой степени спаянности компонентов сложноподчиненных предложений данной разновидности.

В рассматриваемых предложениях вопросительно-относительные слова выступают в роли связующих элементов, функционируют как средство синтаксической связи [1]. Вопросительно-относительные слова представляют собой одну из конструктивных форм названных разновидностей сложноподчиненных предложений, служат формальным средством сцепления частей сложных синтаксических единиц.

К вопросительно-относительным словам современного китайского языка нужно отнести следующие лексемы: *шуй* 'кто', 'кто-либо', 'кто-нибудь', *шэммэ* 'что', 'что-либо', 'что-нибудь', 'какой', 'какой-либо', 'какой-нибудь', *нагэ* 'какой', 'какой-либо', 'какой-нибудь', *доцзань, дохур* 'когда', 'когда-либо', 'когда-нибудь', *нали, нар* 'где', 'где-либо', 'где-нибудь', *цзэммэ, цзэммэчжэ, цзэммэян, цзэньян, цзэньды, жухэ* 'как', 'как-либо', 'как-нибудь', *дошао, дор* 'сколько', 'сколько-нибудь', *дома, хэдэн* 'насколько', 'как', 'как-либо'.

Приведем еще несколько примеров использования вопросительно-относительных слов в составе сложноподчиненных предложений:

бугуань бежэнь шо шэммэ, та бу бяньцзе е бу шэн ци (ДСФ, 226) 'Что бы другие люди ни говорили, он не возражает и не сердится';

улунь во цзай нали, во цзунгшы хуайнянь бэйцзин (СХЧ, 35) 'Где бы я ни был, я всегда вспоминаю Пекин';

шуй гэцзы гао, шуй пай дии (ЛП, 8) 'Кто высокого роста, тот пусть и становится первым';

[1] В русском языке вопросительные (относительные) местоименные существительные, прилагательные и наречия («кто», «что», «какой», «где», «когда», «сколько») в сочетании с частицей «ни» также издавна привлекаются к выполнению союзной функции в конструкциях обобщительно-уступительного типа (см. 2, 111).

та цзоу дао нали, та бисюй суй дао нали (СХБ, 448) 'Куда он пойдет, туда и она должна следовать'.

В работах по грамматике китайского языка содержатся некоторые сведения, касающиеся грамматических значений и морфологической характеристики анализируемых слов. Так, Люй Шу-сян относит эти лексемы к категории неопределенных указательно-назывных слов («удин чжычэнцы») [см. 9, т. II, 85]. Ван Ляо-и, именуя эти слова вопросительными словами-заместителями («ивэнь дайцы»), замечает, что в невопросительных предложениях они выражают особые значения, в частности могут обозначать любой предмет или явление [см. 6, 71—72]. Ли Цзинь-си и Лю Шы-жу упоминают эти слова в связи с идентичным использованием их в обеих частях сложноподчиненного предложения. Они считают, что в этом случае вопросительные местоимения употребляются в неопределенно-номинативном значении. В последующем изложении они называют анализируемые лексемы вопросительными словами, которые используются в неопределенно-обобщающем значении [см. 8, 140—141].

Авторы указанных работ, таким образом, пользуясь разными терминами и прибегая к разным формулировкам, в конечном счете все же относят эти лексемы к местоименно-указательной категории слов, приписывая им неопределенно-обобщающее значение.

Нам представляется, что анализируемые слова по своей лексико-грамматической природе суть слова местоименно-наречной категории. Семантико-грамматическая сущность этих слов заключается в том, что по значению они являются неопределенными, а по функции относительными [2]. Это, собственно говоря, неопределенно-относительные слова [3]. Тем не менее вряд ли нужно вводить в научный обиход данный неологизм взамен традиционного термина «вопросительно-относительные слова».

Вопросительно-относительные слова, подобно другим классам слов местоименной категории, обладают высокой степенью отвлеченности, предельно обобщенным значением, широким семантическим диапазоном. Они обозначают широкий, практически ничем не ограниченный круг понятий, и в силу этой особенности позволяют выразить смысловые отношения в форме всеобъемлющего обобщения. Семантическая близость рассмотренных выше разновидностей сложноподчиненных предложений именно и объясняется тем, что в их составе употребляются вопросительно-относительные слова.

[2] Мюлли рассматривает интересующие нас слова в разделе своей работы, посвященном относительным местоимениям [см. 5, 508—525].

[3] В литературе о русском языке существует мнение, согласно которому «относительные местоимения и наречия произошли из вопросительных через стадию неопределенных» [3, 123].

М. Ф. Федорова считает, что в русском языке «становление самостоятельного разряда относительных местоимений связано с рядом лексико-семантических и грамматических процессов, приведших к выработке типичных средств относительного подчинения типа слова „который" для придаточных определительных» [4, 93]. В последующем изложении материалов своего исследования она утверждает, что «для современного состояния русского языка следует говорить не об одном разряде вопросительно-относительных местоимений, а о двух особых: разряде вопросительных и разряде относительных» [4, 96]. Нам представляется, что в китайском языке нет относительного подчинения как самостоятельной и широко распространенной формы гипотаксиса. Вместе с тем в китайском языке нет и специализированных средств относительного подчинения, подобно русскому союзному слову «который». Поэтому вряд ли можно говорить о существовании в китайском языке самостоятельного разряда относительных местоимений.

Вопросительно-относительные слова, отличаясь высокой степенью абстрагированности лексического значения, тем не менее несут на себе функцию члена предложения. Именно поэтому их не следует считать словами служебными. Вместе с тем, поскольку эти лексемы участвуют в конструировании некоторых разновидностей сложноподчиненных предложений, их целесообразно квалифицировать как лексико-синтаксическое средство объединения частей сложного целого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДСФ — «Дуаньпянь сяошо ды фэн шоу», Бэйцзин, 1959.
ЛЛ — Ли Цзинь-си и Лю Шы-жу, Ханьюй юйфа цзяоцай, т. III, Бэйцзин, 1962.
ЛП — Линь Юй-вэнь, Пяньчжэн фуцзюй, Шанхай, 1962.
СХБ — «Сяньдай ханьюй», т. II, Бэйцзин, 1958.
СХЧ — «Сяньдай ханьюй», т. IV, Чунцин, 1958.
ХЧ — «Ханьюй чжышы», Бэйцзин, 1962.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов В. И., Внутреннее членение сложноподчиненных предложений, выражающих условные отношения,— сб. «Иностранные языки», М., 1966, № 2.
2. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения», М., 1964.
3. Санников В. З., О функции порядка размещения частей сложноподчиненного предложения в древнерусском языке,— «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1961, № 2.
4. Федорова М. Ф., Русские вопросительно-относительные местоимения,— «Филологические науки», 1965, № 1.
5. Mullie J., The Structural Principles of the Chinese Language, Peiping, 1937, vol. II.

6. Ван Ляо-и, Чжунго юйфа ганъяо, Бэйцзин, 1951.
7. Лан Цзюнь-чжан, Ханьюй юйфа, Шэньян, 1957.
8. Ли Цзинь-си и Лю Шы-жу, Ханьюй юйфа цзяоцай, т. III, Бэйцзин, 1962.
9. Люй Шу-сян, Чжунго вэньфа яолюэ, т. II, III, Шанхай, 1954.
10. Юй Си-лян, Ивэнь дайцы ды жэньчжы юнфа,— «Чжунго юйвэнь», 1965, № 1.

И. Е. АЛЕШИНА

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ВКЛЮЧЕННОЙ ЧАСТЬЮ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Во вьетнамском языке, как и в ряде других изолирующих языков, например в китайском, тайском, кхмерском, существуют особые модели предложений, где один из членов предложения «распространен до целого предложения» [2, 123] [1].

В данной статье модели предложений с включенной частью рассматриваются с точки зрения самостоятельности (способности к самостоятельному функционированию) составляющих компонентов, описываются структурные и функциональные особенности включенной части, возможности ее введения с помощью служебных элементов и др.

Модели объединяются в одну группу по функциональному и структурному сходству включенной части [2].

Включенная часть выступает в функции одного из членов предложения и может быть заменена соответствующим простым членом предложения. Это сближает модели предложений с включенной частью с моделью простого предложения.

В то же время по своей структуре включенная часть тождественна предложению (без учета интонации), т. е. имеет самостоятельный узел предикации. В этом отличие исследуемых моделей от модели простого предложения.

Во вьетнамском языке представляется возможным выделить четыре основные модели с включенной частью:

(1) модель с предложением-подлежащим ($М_{пп}$);
(2) модель с предложением-сказуемым [3] ($М_{пс}$);
(3) модель с предложением-дополнением ($М_{пд}$);
(4) модель с предложением-определением ($М_{по}$) [4].

[1] Вопрос о предложениях с включенной частью освещается в ряде работ по китайскому и кхмерскому языкам [см. 2, 123; 3, 124—126; 6, 185—186; 7; 8, 161; 7, 222; 1, 285—286].

[2] Для данной модели в исследованиях по китайскому языку существует несколько названий: «объемлющее предложение», «включающее предложение», «предложение с включенной частью»; для включенной части используются также термины «членное предложение», «включенное предложение».

[3] Предложение-сказуемое является присвязочной частью сказуемого.

[4] В китайском языке разные исследователи выделяют различное число моделей с включенной частью. Так, В. И. Горелов выделяет три типа: предложение с включенным подлежащим, предложение с включенным дополнением и предложение с включенной именной частью составного сказуемого [см. 2, 123—124]. В. М. Солнцев выделяет четыре типа: с включенным предложением-подлежащим; с включенным предложением-сказуемым; с включенным предложением-определением и с включенным пред-

Предложения, построенные по первой и второй модели, встречаются во вьетнамском языке значительно реже, чем построенные по третьей и четвертой. Из 500 извлеченных из текстов примеров предложений с включенной частью лишь менее 20 имеют включенное предложение-подлежащее (ПП [5]) или предложение-сказуемое (ПС).

В процессе исследования в каждой модели выделяются два компонента: компонент Б (включенная часть) и компонент А — главная часть, т. е. то, что остается за вычетом компонента Б.

Для компонента Б характерны следующие структурные признаки:

1) наличие самостоятельного предикативного узла;
2) включенность компонента Б в состав главной части;
3) строго фиксированная позиция.

Модели предложений с включенной частью, объединенные перечисленными выше общими для всех четырех моделей признаками компонента Б, в зависимости от того, в функции какого из членов предложения выступает включенная часть, обладают рядом специфических черт и четко делятся на две подгруппы.

К первой подгруппе относятся предложения, построенные по моделям с включенным ПП или ПС; ко второй — предложения с включенным ПД или ПО.

В первой подгруппе главная часть (компонент А) не имеет самостоятельного предикативного узла, так как включенная часть сама по себе уже выступает в функции одного из ядерных членов предложения (подлежащего или сказуемого).

Во второй подгруппе главная часть имеет свой предикативный узел, так как включенное предложение выступает либо в функции дополнения в составе группы сказуемого, либо в функции определения в группе сказуемого или в группе подлежащего.

Первая и вторая подгруппы различаются также:

1) отнесенностью включенной части: ПП и ПС соотносятся со всей оставшейся частью в целом, в то время как ПД и ПО относятся лишь к одному из элементов в группе подлежащего или в группе сказуемого;

ложением-дополнением [см. 6, 185], а авторы очерка «Китайский язык» — три типа, исключая модель с включенным предложением-определением [см. 3, 125].

В кхмерском языке Ю. А. Горгониев выделяет все четыре типа, отмечая, что предложение-дополнение и предложение-определение встречаются в языке редко [см. 1, 285].

[5] В статье используются следующие условные сокращения: Д — дополнение, О — определение, П — подлежащее, С — сказуемое, ДП — дифференциальные признаки, ПД — предложение-дополнение, ПО — предложение-определение, ПП — предложение-подлежащее, ПС — предложение-сказуемое.

2) возможностью/невозможностью употребления формальных показателей: ПП не может вводиться формальными показателями; ПС, являясь присвязочной частью сказуемого, употребляется соответственно со связкой (là). Однако связку нельзя рассматривать как формальный показатель, объединяющий компоненты модели, она является неотъемлемой частью сказуемого, входит в его состав.

Во второй подгруппе возможно употребление формальных показателей, вводящих включенную часть. ПД может вводиться с помощью là, rằng, ПО — с помощью mà.

Формальные показатели в моделях предложений с включенной частью существенно отличаются от формальных показателей в моделях сложных предложений. Если, например, в предложении с временны́м или целевым типом связи между компонентами опустить соответственно формальные показатели khi 'когда' или để 'чтобы', то в этом предложении, взятом изолированно от контекста, информация о типе связи теряется и в него в большинстве случаев можно ввести формальные показатели других типов связи.

Таким образом, формальные показатели в сложных предложениях несут новую информацию о типе отношения между компонентами. С потерей формального показателя предложение теряет эту часть информации.

Предложение с включенным ПД или ПО без формальных показателей продолжает функционировать со своим первоначальным значением и типом отношения между компонентами.

Исследованный материал дает возможность сделать вывод, что в предложениях с включенной частью формальные показатели не несут новой информации о типе связи между компонентами, что тип отношения определяется структурой предложения, строго фиксированной позицией включенной части в соответствии с ее функцией (дополнения или определения). Позиция ПП и ПС также строго определена. Формальные же показатели, вводящие ПД и ПО, лишь уточняют тип связи между компонентами. Видимо, именно поэтому в научных текстах они употребляется значительно чаще, чем в разговорной речи и художественной литературе. Например, из 100 предложений с ПД, взятых из научно-публицистических текстов, 65 вводятся формальными показателями (т. е. 65%), в то время как на 100 примеров из художественной литературы приходится лишь менее 20, где ПД вводится формальными показателями (т. е. менее 20%).

Именно этим модели предложений с включенной частью отличаются от моделей сложных предложений с временны́м, причинно-следственным, условным и другими типами отношений между компонентами.

Первая подгруппа

Предложение-подлежащее (ПП)

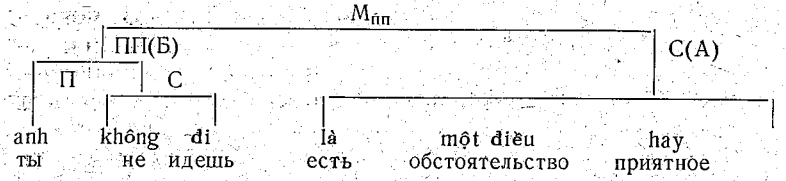
(1) Anh không đi||là một điều hay (II, 187) '[То, что] ты не идешь, очень приятно';

(2) Chúng ta can thiệp vào việc ấy||là đúng (I, 50) '[То, что] мы вмешались в это дело, правильно';

(3) Chúng tôi mít-tinh hàng vạn người...||là thường 'Мы собирались на тысячные митинги... [что] было обычным [делом]'.

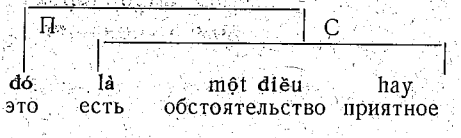
Компонент Б выступает в данной модели в функции подлежащего, что наглядно прослеживается на следующей схеме (см. схему 1):

Схема 1

Компонент Б может быть заменен простым подлежащим (см. схему 2):

Схема 2

Взятый изолированно, компонент Б может функционировать как самостоятельная единица коммуникации. Происходят лишь определенные изменения в интонационном рисунке предложения (появляется завершающая к концу интонация):

Anh không đi 'Ты не идешь';

Chúng ta can thiệp vào việc ấy 'Мы вмешались в это дело';

Chúng tôi mít-tinh hàng vạn người 'Мы собирались на тысячные митинги'.

Компонент Б выступает в функции подлежащего и занимает соответственно 1-ю позицию в предложении:

$$\frac{\text{1-я позиция}}{\text{ПП}} \quad \frac{\text{2-я позиция}}{\text{[П+С]}} + \text{С}$$

ПП не может вводиться связующими служебными элементами.

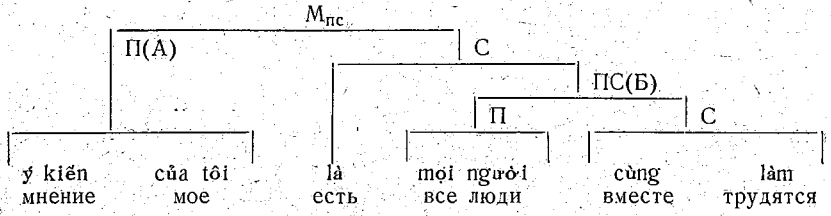
(4) Ý kiến của tôi||là mọi người cùng làm (II, 187) 'Мое мнение — все люди [должны] сообща трудиться';

(5) Hợp tác||là mọi người chung sức lại mà làm (II, 187) 'Кооперироваться [это значит]: все, объединив свои усилия, трудятся';

(6) Vấn đề đề ra ở đây||là (trong quan hệ tốt đẹp hiện nay), chúng ta làm thế nào để có những kết quả tích cực hơn... 'Поставленный здесь вопрос [заключается в том], что (при создавшихся сейчас благоприятных условиях) мы должны сделать для достижения более действенных результатов...'

В данной модели сказуемое состоит из связки là и присвязочной части, выраженной предложением (компонент Б), см. схему 3.

Схема 3

В изолированном виде компонент Б может выступать как самостоятельная единица коммуникации:

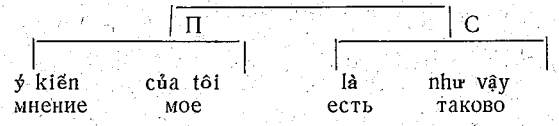
Mọi người cùng làm 'Все люди сообща трудятся';

Mọi người chung sức lại mà làm 'Все, объединив свои усилия, трудятся';

Chúng ta làm thế nào để có những kết quả tích cực hơn 'Что мы должны сделать для достижения более действенных результатов?'

Связка là является элементом сказуемого. При замене ПС на простую присвязочную часть là продолжает функционировать в качестве связки (см. схему 4).

Схема 4

Наряду со связкой là в некоторых случаях в Mпс возможно употребление в качестве связующего элемента có nghĩa là 'значит':

Hợp tác có nghĩa là mọi người chung sức lại mà làm 'Кооперироваться **это значит**: все, объединив свои усилия, трудятся'.

Связка là может располагаться дистантно по отношению к присвязочной части (см. пример 6, между связкой и присвязочной частью — группа обстоятельства).

ПС выступает в функции присвязочной части сказуемого, поэтому оно занимает соответственно позицию после связки:

1-я позиция	2-я позиция
П	+ С / là [П+С]

К одной из разновидностей модели с ПС можно отнести предложения типа:

(7) Cán bộ phải chân đi, mắt thấy, tai nghe, miệng nói, tay làm, óc nghĩ (II, 192) 'Кадровый работник должен много ходить, все видеть и слышать, разъяснять, трудиться, думать' (букв. 'Кадровый работник должен — ноги идти, глаза видеть, уши слышать, рот говорить, руки работать, голова думать').

По своей структуре предложения данного типа совпадают с $М_{пс}$. Компонент Б также имеет предикативный узел. Но в качестве элемента сказуемого выступает не связка là, а глагол phải 'долженствовать':

$$П + \frac{С}{\text{phải } [П+С]}$$

Функция компонента Б в предложениях этого типа также совпадает с его функцией в $М_{пс}$ и стоит он в той же позиции.

И в том и в другом случае между П и С компонента Б возможно введение других элементов:

Mọi người cùng làm 'Все люди *сообща* трудятся';

Mọi người chung sức lại mà làm 'Все люди, *объединив свои усилия*, трудятся';

Chân phải đi 'Ноги должны идти';

Mắt phải thấy 'Глаза должны видеть';

Tai phải nghe 'Уши должны слышать' и др.

В примерах с phải возможность введения других элементов ограниченна: кроме phải возможно еще введение отрицания không 'не':

Chân không đi 'Ноги не идут';

Mắt không thấy 'Глаза не видят' и др.

В примере 7 phải вынесено вперед и формирует общее значение.

Вторая подгруппа

Предложение-дополнение (ПД)

Thày giáo sợ||họ đùa nhau... (V, 10) 'Учитель боялся, [что] они будут шалить...';

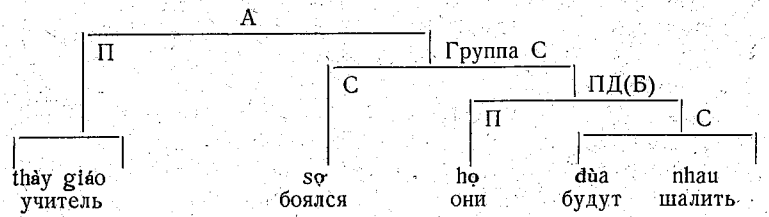
(9) Hội cảm thấy||mình đang đỏ mặt xấu hổ (VI, 12) 'Хой почувствовал, [что] он краснеет от стыда';

(10) Tôi đang lo||nước còn lên to nữa (VI, 15) 'Меня беспокоит, [что] вода поднимется еще выше'.

Компонент Б весь целиком относится к глаголу-сказуемому компонента А (sợ, cảm thấy, lo); каждый из элементов компонента Б, взятый в отдельности, вступает с глаголом-сказуемым в другие отношения: sợ họ 'бояться их'; sợ đùa nhau 'бояться шалить'.

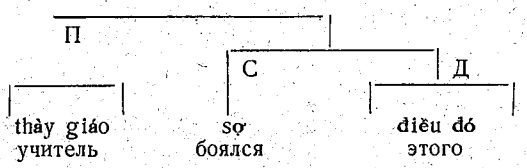
Компонент Б, выступая в функции дополнения к глаголу-сказуемому, стоит в характерной для вьетнамского языка постпозиции к дополняемому и входит в состав группы сказуемого компонента А (см. схему 5).

Схема 5

Компонент Б может быть заменен простым дополнением (см. схему 6).

Схема 6

Компонент Б имеет предикативный узел и способен в изолированном виде к самостоятельному функционированию:

Họ đùa nhau 'Они шалят';

Mình đang đỏ mặt xấu hổ 'Он краснеет от стыда';

Nước còn lên to nữa 'Вода поднимется еще выше'.

Компонент А также имеет самостоятельный узел предикации (в отличие от $М_{пп}$ и $М_{пс}$). Взятый изолированно, компонент А может иметь в одних случаях более, в других менее завершенный вид, что зависит от характера глаголов,

выступающих в функции сказуемого (главным образом это глаголы чувства и речи, редко встречающиеся без дополнения). Так, Thày giáo sợ 'Учитель испугался' представляется законченным предложением, в то время как Hội cảm thấy 'Хой почувствовал' требует дополнения, не может употребляться самостоятельно.

Формальные показатели. ПД может вводиться формальными показателями là, rằng, là rằng (редко).

Употребление формальных показателей в целом ряде случаев факультативно. Однако исследованный материал наталкивает на мысль, что употребление того или иного формального показателя, а также введение ПД без показателя в большой степени зависит от каждого конкретного глагола, выступающего в функции сказуемого и принимающего ПД.

Было проведено следующее исследование. Из сплошной расписки отрезков текста литературных произведений и научно-публицистических статей было извлечено более 300 предложений с ПД, где в качестве глагола-сказуемого главной части выступает более 80 различных глаголов.

Оказалось, что в зависимости от способа введения ПД глаголы-сказуемые могут быть разделены на семь групп.

Первая группа — самая многочисленная (129 примеров из 300). Возможны все три способа введения ПД: с là, с rằng и без показателя.

Вторая группа — ПД вводится и тем и другим формальным показателем, но не может вводиться без него.

Третья группа — ПД вводится только одним из формальных показателей (rằng) или без показателя.

Четвертая и пятая группы самые немногочисленные (девять и три примера). В первой из них ПД вводится или с помощью là, или без показателя. В другой — только с помощью là.

Шестая группа — ПД вводится только с помощью rằng.

Седьмая группа — ПД вводится только без формальных показателей.

На современном синхронном срезе языка трудно установить причины преимущественного употребления того и иного формального показателя для введения ПД. Видимо, тот или иной способ введения ПД возник в процессе исторического развития языка и связан с целым рядом различных проблем — грамматических, лексикологичееких, стилистических и др.

В большинстве случаев лексическое значение глагола-сказуемого не определяет способа введения ПД, так как почти во всех группах встречаются глаголы речи, чувства, умственной деятельности и др.

Однако в некоторых случаях прослеживается связь между лексическим значением глагола-сказуемого и способом

введения ПД. Например, ПД к глаголам речи вводится преимущественно с помощью rằng. Это можно объяснить глагольным происхождением rằng, который в прошлом тоже относился к глаголам речи и имел значение 'говорить'.

Довольно четко прослеживается подобная связь в седьмой группе, где сосредоточены глаголы, передающие понятия, относящиеся к сфере зрения, слуха. ПД к ним может вводиться только без показателя. К этой группе относится и глагол thấy 'видеть, зрить'. Но когда этот глагол употребляется в значении 'видеть, убедиться', уже не связанном непосредственно со зрением, то ПД к нему может вводиться и формальным показателем rằng. Примеры:

(11) Anh thấy một đám phụ nữ đang ngồi dưới bóng cây... (XII, 33) 'Он **увидел,** [что] под тенью дерева сидела группа женщин...';

(12) Quan Nhật rất lấy làm phiền lòng thấy rằng||làng Xuân đình không tuân lệnh trồng đay (V, 27) 'Японский мандарин с неудовольствием *убеждается, что* деревня Суан Динь не выполняет приказа о выращивании джута'.

В современном вьетнамском языке в тех случаях, когда ПД может вводиться и là и rằng, последние образуют парадигму взаимозаменяемых элементов:

(13) Họ biết rằng (или là)||bác Lê không trở về nữa... (VII, 29) 'Они знали, **что** Ле уже не вернется больше...'

Различие в функционировании là и rằng в предложении заключается в том, что отделяющая ПД от остальной части предложения пауза приходится перед là, но после rằng, который и в современном языке больше тяготеет к глаголу-сказуемому, нежели к вводимому ПД (подобное явление прослеживается и в тайском языке).

И là и rằng вводят только предложение-дополнение[6] и не могут вводить простого дополнения. При замене ПД на простое дополнение их употребление становится невозможным [нельзя сказать thầy giáo sợ là (или rằng) điều đó; họ biết là (или rằng) điều đó].

Что касается частотности употребления là и rằng, то rằng используется для введения ПД значительно чаще, чем là, о чем убедительно свидетельствует исследованный материал.

Таким образом, модель с предложением-дополнением ($М_{пд}$) может быть записана в трех вариантах.

1) ПД вводится без формальных показателей:

$$П + С + \frac{ПД}{[П + С]}$$

[6] В. С. Панфилов также относит rằng и là к служебным словам, вводящим предложение [см. 4, 144 и 169—171].

2) ПД вводится с помощью rằng:

$$П + С + rằng \frac{ПД}{[П + С]}$$

3) ПД вводится формальным показателем là;

$$П + С + là \frac{ПД}{[П + С]}.$$

ПД, как и простое дополнение, может находиться по отношению к дополняемому глаголу в непосредственной постпозиции, когда ПД стоит сразу после дополняемого (см. примеры 8, 9, 10), и в дистантной, когда ПД отделено от дополняемого другим словом:

(14) Mà biết đâu||nó lấy chồng có được đủ ăn không (V, 17) 'Как знать, будет ли она, выйдя замуж, жить обеспеченно' (biết đâu букв. 'знать откуда');

(15) Mẹ Núp nói với tôi||anh đi Đê-pô mà (IX, 10) 'Мать Нупа сказала мне, [что] он пошел в Де-По' (nói với tôi 'сказала мне').

Предложение-определение (ПО)

(16) Người||tôi gặp hôm qua||là một nhà văn (X, 353) 'Человек, [которого] я встретил вчера, писатель';

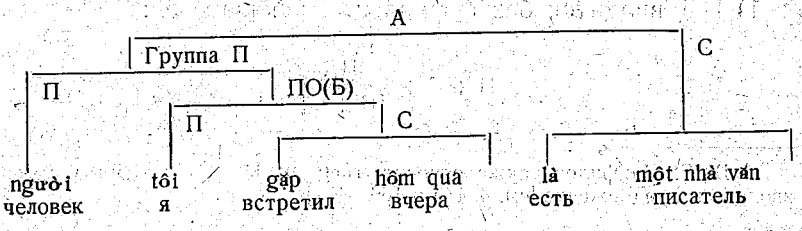
(17) Quyển sách||anh muốn mua||giá hai đồng 'Книга, [которую] вы хотите купить, стоит два донга';

(18) Y nhớ đến một câu||Liên nói với y, qua một nụ cười chua chát và buồn (XI, 144) 'Он вспомнил фразу, [которую] Лиен сказала ему, улыбаясь горько и грустно'.

Компонент Б в данной модели определяет один из элементов компонента А — имя, выступающее либо в функции подлежащего (см. примеры 16, 17), либо в функции дополнения (см. пример 18), в зависимости от чего компонент Б может входить либо в группу подлежащего, либо в группу сказуемого компонента А.

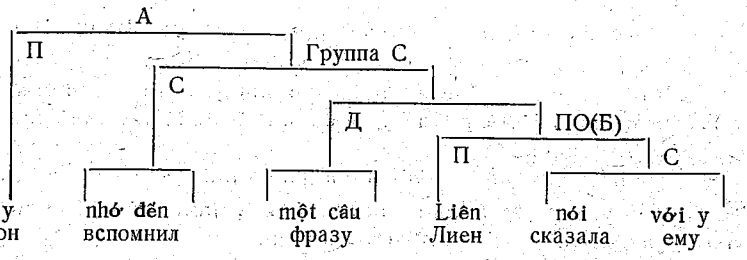
Компонент В входит в состав группы подлежащего компонента А (см. схему 7).

Схема 7

Компонент Б входит в состав группы сказуемого компонента А (см. схему 8).

Схема 8

И в том и в другом случае компонент Б, выступающий в функции определения, может быть заменен простым определением (см. схемы 9 и 10).

Схема 9

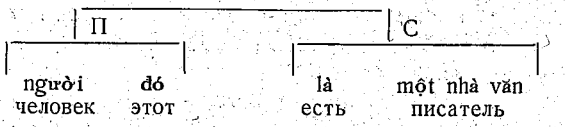
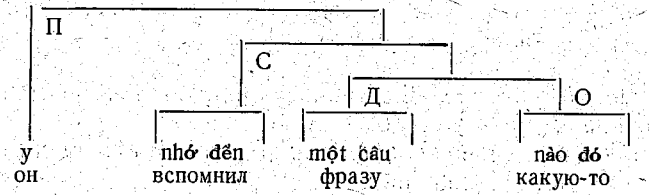

Схема 10

Структура $М_{по}$, в зависимости от того, какой из именных элементов компонента А определяется, может быть записана в двух вариантах:

$$(1) \qquad П + \frac{ПО}{[П + С]} + С$$

$$(2) \quad П + С + Д + \frac{ПО}{[П + С]}$$

ПО всегда стоит в постпозиции к определяемому им элементу, в отличие от простого определения, которое во вьетнамском языке может встречаться и в препозиции к определяемому (например, в заимствованиях из китайского).

Эта постпозиция может быть непосредственной (сразу после определяемого элемента — см. примеры 16, 17, 18) и дистантной (после другого, более простого определения к данному элементу):

(19) Những tiếng ấy ở miệng người con gái không biết chữ‖ mà An vẫn coi thường ấy‖ ...làm An rất ngơ (III, 168) 'От этих слов из уст неграмотной девушки (букв. девушки **неграмотной**), к которой Ан относился с некоторым пренебрежением, он опешил';

(20) ...một chị gánh gánh khoai‖mà anh vừa vượt qua‖hò lên... (XII, 20) '...Девушка, **несшая в корзинах бататы,** которую он только что обогнал, запела...'

Компонент Б может вводиться служебным словом mà. Во вьетнамском языке служебное слово mà (как и là) выступает в различных служебных функциях (см., например, работу В. С. Панфилова [4, 40—41]). В данном случае речь идет лишь об одной из них, о способности mà вводить ПО. Употребление mà в данной функции в подавляющем большинстве случаев факультативно, что было проверено на примерах из литературных текстов (110 карточек) и путем опроса информантов.

Употребление mà бывает обязательным в том случае, когда компонент Б отделен от определяемого им элемента другими определениями, простыми и развернутыми, которые, следуя порядку расположения определений (более простое располагается перед более сложным), стоят впереди ПО, как наиболее развернутой формы определения (см. примеры 19, 20).

Возможны четыре позиционных варианта компонента Б по отношению к определяемому им элементу:

1) в непосредственной немаркированной постпозиции (т. е. без служебного слова mà);

2) в непосредственной маркированной постпозиции;

3) в дистантной немаркированной постпозиции (встречается рёдко, лишь в тех случаях, когда компонент Б отделен от определяемого им элемента только одним простым определением типа đó 'этот', gì 'такой', đẹp 'красивый' и др.);

4) в дистантной маркированной постпозиции.

Исследование текстов и опрос информантов показали, что mà вводит только ПО[7]. Mà не может вводить другие определения, даже развернутые и имеющие в своем составе предикатив:

(21) Quần chúng mong muốn những tác phẩm‖có nội dung

[7] В. С. Панфилов также относит mà в этой функции к служебным словам, вводящим только предложение [см. 4, 144 и 171—173]. Это положение высказывается априорно.

chân thật và phong phú (XIII, 9) 'Народные массы жаждут произведений, [которые] были бы правдивы и богаты по содержанию';

(22) Chúng mày không tuân lệnh||cấm trồng lúa (V, 31) 'Вы не исполнили приказ, запрещающий сажать рис'.

Употребление служебного слова mà в данной модели (Мпо) имеет черты сходства с употреблением là, rằng в модели с предложением-дополнением (Мпд). Mà в данной функции вводит только ПО и не вводит других определений, подобно là, rằng, которые вводят только предложение-дополнение и не вводят других дополнений.

Компонент А в модели с предложением-определением (Мпо) имеет самостоятельный предикативный узел. Однако в изолированном виде его смысловая завершенность может быть либо большей, либо меньшей. Это объясняется, очевидно, особенностями определяемого имени. Когда определяемое выражено полнозначным именем, то и в изолированном виде компонент А представляет собой вполне законченное предложение; Y nhớ đến một câu 'Он вспомнил фразу'.

Когда же определяемое выражено, например, полузнаменательным именем типа việc 'дело', điều, điểm 'вещь, обстоятельство, пункт' и др., то о завершенности уже говорить нельзя:

(23) Đây là điểm (cần phải hết sức chú ý...) (XIV, 27) 'Это — обстоятельство (на которое нужно обратить особое внимание...)';

(24) Đó là những điều (người ta không thể nói toác ra...) (XI, 94) 'Это были вещи (о которых обычно трудно говорить...)'.

В заключение приведем сводную таблицу всех моделей предложений с включенной частью и их дифференциальные признаки.

Сводная таблица

ДП / Тип модели	Предикативный узел в компоненте А	Предикативный узел в компоненте Б	Отнесенность компонента Б к одному из элементов компонента А		Вводимость компонента Б формальными показателями		Возможность замены компонента Б на простой член предложения
			к имени	к глаголу	rằng, là	mà	
$М_{пп}$	—	+	—	—	—	—	+
$М_{пс}$	—	+	—	—	—	—	+
$М_{пд}$	+	+	—	+	±	—	+
$М_{по}$	+	+	+	—	—	±	+

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I — Нгуен Ким Тхан, Основные вопросы категории глагола во вьетнамском языке (машинопись).
II — Nguyễn Kim Thản, Nghiên cứu về ngữ pháp tiếng Việt, tập II, Hà-nội, 1964.
III — Tô Hoài, Mười năm, Hà-nội, 1958.
IV — «Nghiên cứu lịch sử», 1963, No. 52.
V — Nguyễn Công Hoan, Tranh tối tranh sáng, [Hà-nội], 1956.
VI — Nguyễn đình Thi, Võ bờ, quyển I, Hà-nội, 1962.
VII — Thạch Lam, Truyện ngắn, Hà-nội, 1957.
VIII — «Nghiên cứu văn học», 1962, No. 10.
IX — Nguyễn Ngọc, Đất nước đứng lên, Hà-nội, 1955.
X — «Giáo trình về Việt ngữ», tập I, Hà-nội, 1962.
XI — Nam Cao, Sống mòn, Hà-nội, 1956.
XII — Bùi Hiền, Ánh mắt, Hà-nội, 1961.
XIII — «Nghiên cứu văn học», 1963, No. 1.
XIV — Bùi Công Trừng, Miền Bắc Việt nam trên con đường tiến lên chủ nghĩa xã hội, Hà-nội, 1960.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горгониев Ю. А., Грамматика кхмерского языка, М., 1966.
2. Горелов В. И., Практическая грамматика китайского языка, М., 1957.
3. Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Солнцев В. М., Китайский язык, М., 1961.
4. Панфилов В. С., Синтаксические служебные слова во вьетнамском языке, канд. дисс., Л., 1967.
5. Румянцев М. К., Предложение-подлежащее в современном китайском языке, М., 1957.
6. Солнцев В. М., Очерки по современному китайскому языку, М., 1957.
7. Тяпкина Н. И., О некоторых функциях служебных наречий,— сб. «Китайский язык. Вопросы синтаксиса», М., 1963.
8. Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Ю. А. Горгониев. Структура глагольной цепочки в кхмерском языке
Ю. Х. Сирк. Структура группы существительного в индонезийском языке . . . 13
В. Д. Мазо. Группы существительного с многочленным ядром в бирманском языке . . . 30
И. М. Тагунова. Глаголы качества в функции определения к имени в бирманском языке . . . 37
С. В. Кологривова. О некоторых семантико-синтаксических группах глаголов в индонезийском языке . . . 51
И. С. Быстров. Опыт применения трансформационного критерия для выделения и классификации служебных слов во вьетнамском языке . . . 68
С. Б. Янкивер. Вопросы грамматической омонимии и полисемии в современном китайском литературном языке (на материале *ды*) 82
Н. В. Омельянович. О двойной дистрибуции (приглагольной и приименной) некоторых служебных единиц в бирманском языке 95
Ю. Л. Благонравова. О предсубстантивной позиции классификаторов в современном тайском (сиамском) языке . . . 104
В. Х. Васильева. О факультативном употреблении предлогов в современном тайском языке (на материале глагольно-именных словосочетаний) . . . 119
Л. Н. Демидюк. Удвоение на синтаксическом уровне в индонезийском языке . . . 130
Ю. Я. Плам. Относительно особой синтаксической функции «опосредования» (на материале лаосского языка) . . . 141

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЕГО ТИПЫ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Н. В. Солнцева. Строй глагольного предложения в китайском языке 149
Н. И. Тяпкина. О принципах анализа и классификации простых предложений в китайском языке . . . 168
Н. И. Тяпкина. Предложения безличного типа в современном китайском языке . . . 188
Н. В. Омельянович. О бесподлежащных предложениях в бирманском языке . . . 204
Н. Ф. Алиева. К вопросу о членении индонезийского предложения 215
А. П. Павленко. Некоторые наблюдения над интонационным членением предложения в индонезийском и сунданском языках . 229
И. В. Подберезский. Двусоставное предложение в современном тагальском языке . . . 236
С. Е. Яхонтов. Принципы выделения членов предложения в китайском языке . . . 244

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Л. Н. Морев. Предварительная классификация сложных предложений в тайском и лаосском языках . . . 259
В. И. Горелов. Особенности гипотаксиса при выражении причинной зависимости в китайском языке . . . 272
В. И. Горелов. К вопросу о вопросительно-относительных словах в китайском языке . . . 280
И. Е. Алешина. Основные модели предложений с включенной частью во вьетнамском языке . . . 285

ЯЗЫКИ КИТАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Проблемы синтаксиса

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор *Л. С. Гингольд*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *В. В. Воловик* и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 14/I 1971 г.
Подписано к печати 4/VI 1971 г.
А-05895. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 1
Печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 19,27
Тираж 1700 экз. Изд. № 2577
Зак. № 55. Цена 1 р. 32 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

8